

ВСЕ ДНИ, ВСЕ НОЧИ

**ВСЕ ДНИ,
ВСЕ НОЧИ**

Современная
шведская
пьеса

**ВСЕ ДНИ,
ВСЕ НОЧИ**

ВСЕ ДНИ, ВСЕ НОЧИ

Современная
шведская
пьеса

Москва
«Новое литературное обозрение»
1997

Отв. редактор
А. Афиногенова

ВСЕ ДНИ, ВСЕ НОЧИ: Современная шведская пьеса.
Послесловие Л. Клеберга. – М.: Новое литературное обозрение,
1997. – 347 с.

ISSN 0869-6365
ISBN 5-86793-015-7

Фактически неизвестная русскому читателю современная шведская пьеса, продолжающая традиции А. Стриндберга, представлена в книге именами наиболее известных драматургов – П. У. Энквиста, Л. Нурена, А. Плейель, М. Гарпе, С. Ларссона, Б. Смедс. Семейные драмы, любовь и ненависть, экзистенциальные проблемы выражены в этих произведениях с психологической глубиной и шокирующей обнаженностью.

ISSN 0869-6365
ISBN 5-86793-015-7

© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение». 1997 г.
© Ларс Клеберг. Послесловие. 1997 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пер Улов Энквист НОЧЬ ТРИБАД (Драма из 1889 года) Перевод А. Афиногеновой.....	7
Ларс Нурен ОСЕНЬ И ЗИМА Перевод Ю. Яхниной.....	63
Маргарета Гарпе ВСЕ ДНИ, ВСЕ НОЧИ Перевод А. Афиногеновой.....	165
Агнета Плейель ЛЕТНИМИ ВЕЧЕРАМИ Перевод И. Зориной.....	231
Барбру Смедс ЛЮБОВНОЕ ДЕЙСТВО Перевод А. Афиногеновой.....	280
Стиг Ларссон «И. О.» Перевод Е. Глухарева.....	300
<i>Ларс Клеберг. Драматургия шведской семьи.....</i>	348

Пер Улов Энквист

НОЧЬ ТРИБАД

ДРАМА ИЗ 1889 ГОДА

Пьеса в двух действиях

Per Olov Enquist
TRIBADERNAS NATT

© Перевод со шведского А. Афиногеновой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВИГГО ШИВЕ.

МАРИ КАРОЛИН ДАВИД.

СИРИ ФОН ЭССЕН-СТРИНДБЕРГ.

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В то время как гаснет свет, начинает звучать музыка — торжественная, но без излишней помпезности музыка конца 19-го столетия. Звуки музыки заполняют зал, но занавес пока не поднимается.

На занавесе, как на экране, возникают проекции, картины. Сначала — только лица. Мужские лица. Мужчины XIX века. У них мужественный вид. Однако они поразительно похожи на нас с вами, современные, энергичные. Мужчины с квадратными челюстями. Мужчины со взглядами, устремленными в будущее. Мужчины в мундирах. Потом изображения становятся поживее. Теперь мужчины демонстрируются в своем обрамлении. В седле. В экспедиции. Подобравшись, позволяют увековечить себя для потомков. Убивают. Изобретают автомобили и сами сидят за рулем. Смеются, словно услышав что-то веселое. Бражничают. Совокупаются.

Изображение мужчины становится все более детальным и научным. Стопа с указанием размеров. Рука. Мускул в разрезе, с обнаженными нервными волокнами. Торс: вид спереди, вид сбоку. Детальное изображение лежащего пениса (крупным планом, удивительно напоминающее чертеж корабля), тоже с указанием размеров и пропорций. Работающий станок. Лопата. Паровая машина. Локомотив. Внезапно появляются животные: львы, бегущие собаки, слоны. Мускулистые аборигены. Схватка. Дикарь. Копье. И опять лица.

Лица. Лица мужчин XIX века. И наконец остается одно-единственное лицо. Это — Август Стриндберг. Он похож на девушку. На лице у него написан страх.

Музыка наливается мощью, заполняет все помещение. И в тот момент, когда занавес ползет вверх, начинает медленно, очень медленно стихать. Очень медленно – свет.

Сцена, постепенно, словно бы нехотя выступающая из мрака, захламлена, кажется загроможденной. Справа – поставленные друг на друга ящики с пивом. Хотя вполне очевидно, что это вовсе не пивной склад, а скорее театр. Сцена заставлена кулисами. Похоже, что последний раз здесь, в копенгагенском Дагмартеатре, шел какой-то приключенческий спектакль с примесью экзотики. На двух картонных кулисах небрежно намалеваны прыгающие львы с разинутой пастью. Слон. Шесть кое-как наляпанных фигур – аборигены, очевидно, каннибалы с какого-то южного острова, мчатся вперед, потрясая копьями. К стене прислонена лестница. Валяются сорванные театральные афиши. Две пальмы в одной кадке. Разрозненные предметы обстановки богатого буржуазного дома: письменный стол красного дерева, два стула, конторка, фотографии членов королевской семьи. Громадная кровать, накрытая похотливо вспухившимся красным одеялом. На кровати стоят, непонятно почему, ночной горшок, два таза и кувшин для воды.

Довольно высокая, чуть костлявая женщина со светлыми, собранными на затылке в пучок волосами, энергично и бессистемно наводит порядок. Пытается отодвинуть в сторону тяжеленную двуспальную кровать, но та не поддается. Тогда она снимает с нее горшок и тазы и делает еще одну попытку. Тщетно.

С и р и (интеллигентным голосом выпускает длинный залп ругательств на языке, напоминающем финский, напрягается изо всех сил, пытаясь сдвинуть кровать, после чего, признав свое поражение, выпрямляется, взгляд устремлен на кровать). Алла минна воссиха рата... сатанс руппидо аллат миннэ... терве сакуссат... умекассат... (стоит неподвижно, тяжело дыша) перкеле усти накасат...

С т р и н д б е р г (входит, чуть ли не крадучись, в залоснившемся,

- обтрепанном костюме, со все возрастающим восхищением при-
слушивается к ее тираде).* Ругань! Ни малейших сомнений!
Вульгарная финская ругань!
- С и р и** (*вздрагивает, смущенно, но с раздражением*). Блефуешь,
Август! Можно подумать, ты знаешь финский.
- С т р и н д б е р г** (*устремив на нее критический взгляд, вежливо
описывает вокруг нее круг*). Финские ругательства! Новоис-
печенная директриса театра Стриндберга в Копенгагене...
очаровательная женщина... выносит горшки и скверносло-
вит по-фински... ну-ну. Ну-ну. Когда началась репетиция?
- С и р и** (*оправившись*). Значит, малыш Август собственной персо-
ной. Прелестно. Собственной персоной явился в Дагмар-
театр... да еще... соизволил со мной заговорить. Смотрю и
просто ушам не верю!
- С т р и н д б е р г**. Слушаю.
- С и р и**. Ты о чем?
- С т р и н д б е р г**. Слушаю! Слушаю! Слушаю! «Смотрю и ушам
не верю...» Слушаю! Слушаю – ушам! Смотрю – глазам!
По-прежнему не следишь за своей речью. Непростительно
для женщины, которая собирается делать карьеру! И само-
стоятельно зарабатывать себе на жизнь.
- С и р и** (*очень вежливо*). Полчаса назад.
- С т р и н д б е р г**. Полчаса назад?
- С и р и**. Неужто я ослышалась... погоди-ка (*старательно припомин-
ая*)... разве ты только что не спросил, когда началась репе-
тиция? Ну конечно же, спросил. Отвечаю: сегодня репети-
ция должна начаться полчаса назад.
- С т р и н д б е р г** (*немного сбит с толку*). Так. Вот как? (*Придя в
себя*.) Что-то я не вижу, чтобы здесь репетировали... здесь
же никого нет?
- С и р и** (*дружелюбно*). Совершенно верно! А ты сообразительный!
- С т р и н д б е р г**. Да? Ну и?..
- С и р и**. Перенесли на час. Поскольку ты в своей записочке сооб-
щил, что желаешь присутствовать на вечерней репетиции.
Вот мы и изменили время! Идя навстречу пожеланиям,
так сказать!
- С т р и н д б е р г** (*подозрительно уставившись на грудку ящиков с
пивом*). И ты все это в себя влила?

С и р и. Не исключено!

С т р и н д б е р г. А какого черта они здесь стоят? А? Десять ящиков, не меньше... и при твоей страсти к пиву... Очень странно!

С и р и. Потому что, друг мой, пивной завод использует этот театр – когда в нем нет спектаклей – под склад! А спектакли здесь – Бог свидетель – идут не слишком часто! Но скоро их уберут, ибо теперь тут будет Стриндберг.

С т р и н д б е р г. *(не находя себе места, с беспокойством)*. Да, да, да. Когда они придут?

С и р и. Понятия не имею! Ну да пиво здесь в любом случае не задержится!

С т р и н д б е р г. Я имею в виду актеров. Репетиция же, черт побери, сегодня все-таки состоится?

С и р и. С минуты на минуту.

С т р и н д б е р г. *(с внезапным страхом, обеспокоенно)*. Послушай, Сири. Мне надо – пока никого нет – кое-что тебе сказать. Понимаешь... наши личные отношения... семейные проблемы... не будем выносить сор из избы. *(Дрогнувшим голосом.)* Я всегда придерживался такого принципа.

С и р и. Да ну! Это что-то новенькое.

С т р и н д б е р г. Новенькое?

С и р и. Мне-то всегда казалось, что ты именно так и зарабатывал себе на кусок хлеба – под маской пристойности выгребал откуда только можно наше семейное дерьмо и варганил из него книги...

С т р и н д б е р г. *(орет)*. Так ведь это же искусство! Литература!

С и р и. Ах, искусство... ну, тогда извини...

С т р и н д б е р г. Понимаешь... опять эта история с Хансеном. Ну, помнишь, тот чертов босяк, который собирался прикончить меня за то, что я заявил на него в полицию. Говорят, он опять жаждет моей крови. Намерен вновь возбудить дело... насчет Марты. Да ты знаешь. Каково? Никак не угомонится. Это... это... отвратительно.

С и р и. Безусловно.

С т р и н д б е р г. Мне надо с тобой поговорить, пока...

С и р и. Я просто счастлива.

С т р и н д б е р г. Счастлива?!

С и р и (*с невыразимой благожелательностью*). Да, да – мы ведем бракоразводный процесс. Но я просто счастлива, что ты тем не менее пожелал поговорить со мной, с таким-то ничтожеством. На прошлой неделе мы случайно столкнулись в ресторане гостиницы... ты обедал, если не ошибаюсь... с каким-то бледнолицым воздыхателем...

С т р и н д б е р г. С моим датским переводчиком!!!

С и р и. Он так смотрел тебе в рот... я даже испугалась, что ты подавишься. Ладно, как бы то ни было, я по оплошности оказалась в зале. И поздоровалась с Великим! Не спрося на то позволения! Но Великий ответить не соблаговолил, куда там. Ты воззрился на меня, словно перед тобой была дохлая крыса. Или сраные кальсоны.

С т р и н д б е р г (*печально*). Опять сквернословить.

С и р и. Я почувствовала себя как сакутумуссет сатанс коистернуссет валмит маркуссат. Вот и поломай теперь голову – с твоими-то ограниченными способностями к языкам.

С т р и н д б е р г (*подозрительно*). Это! Это не финский! Выгучить финский – для этого вы чересчур благородны! Как можно – барышни-дворянки и финский язык! Блефуешь!

С и р и. В таком случае – как сраные кальсоны!

С т р и н д б е р г (*очень веско, заложив руки за спину, описывает вокруг нее круги, взгляд устремлен в потолок*). Говорят, я тебя отверг. Говорят, я сделал выводы из твоих многочисленных промахов и оплошностей. Я считаю: правильно говорят. Случившееся – необходимость. Истина конкретна. Я – выражаясь конкретно – тебя отверг. Ты – бывшая жена. Наша связь может носить свободный характер (*с нарастающим достоинством и убежденностью*)... пожалуйста, будь моей любовницей. И тем не менее ты – отверженная. Я не намерен появляться с тобой в обществе. У нас с тобой деловые отношения. Театр. Дети. И все.

С и р и (*с веселым изумлением*). Господи Иисусе, прямо-таки юбилейная речь...

С т р и н д б е р г. Поскольку ты директриса... **назначенная мной лично!**.. только что созданного театра Стриндберга в Копенгагене... я требую... что вполне гуманно и отнюдь не чрезмерно... соблюдать сроки. Приступить к репетициям и

- довести их до конца. Аккуратно вести счета. Свободная женщина, собирающаяся самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, не имеет права бить баклуши!
- С и р и. Что до истории с Мартой, можешь больше не трястись.
- С т р и н д б е р г (*нервозно*). Что? Что тебе известно? Что происходит?
- С и р и. Но вообще-то – чего ты, собственно говоря, ожидал? Сперва доблестно трахаешь служанку, едва-едва достигшую половой зрелости. Прелестно. Потом начинаешь нервничать из-за ее... чернявого старшего брата. Обвиняешь его – на **крайне** зыбких основаниях – в краже. Является полиция и сажает его в кутузку. Стриндберг ликует, у него камень с души свалился. Обвинение оказывается несостоятельным. Проведя неделю на хлебе и воде, братец выходит на свободу... естественно, разъяренный... облыжным обвинением...
- С т р и н д б е р г (*очень четко*). Закон был полностью... на моей стороне! Девчонка не малолетка! Достигла половой зрелости! И пошла на это добровольно! А братец ее, между прочим, цыган!
- С и р и. Прекрасно. Великолепно. Как бы то ни было, выйдя из тюрьмы, он рвет и мечет. И мечтает тебя укукошить. И в один прекрасный вечер, хорошенько заложив за воротник и вооружившись молотком, с воплями пытается вломиться к нам прямо через стену. После чего ты геройски испаряешься как дым, предоставив мне разбираться с пьяным цыганом и его опозоренной сестрой и расхлебывать заваренную тобой кашу, дабы избежать судебного процесса. И кутузки.
- С т р и н д б е р г (*тихо*). Ты же знаешь, у меня клаустрофобия. Я не могу даже... подумать о тюрьме. Как представляю себе... камеру... так каждый раз немножко **умираю**. (*Орет.*) К тому же ты, засранка чертова, прекрасно понимала, что попади я за решетку – и машина, снабжающая тебя деньгами, остановится!
- С и р и. Мне плевать на эту твою историю со служанкой. Не моя печаль. Я не ревнива. Кстати, я говорила с фоггом. Неоднократно. Дело закрыто раз и навсегда.

Стриндберг. Ты уверена?

Сирри. Абсолютно, малыш Август.

Стриндберг (*садится, пустой взгляд устремлен в пространство*). Да. Да, да. Ты такая ужасно... невозможно... сильная. Да. Сильная. (*Пауза*) Спасибо большое. Правда... ты все уладила... с потрясающей... силой. Да. Как же все это гадко. Невыносимо гадко. Мне было ужасно страшно. Ужасно!

Сирри. Почему же в таком случае ты вот об этом не написал? Вместо того чтобы смешивать с грязью цыган в дрянной и лживой «Чандале»?

Стриндберг (*взрывается*). Потому! Да напиши я правду о том, что испугался! Перепугался до смерти! И сбежал! И что мне вовсе не хотелось спать с этой чертовой шлюхой! Все бы сочли, что я вел себя как баба! (*Очень спокойно и деловито*.) А не как мужчина.

Сирри. Вот как! Ну-ну.

Стриндберг (*тихо*). Кроме того, изучая свойства женской психики, я заинтересовался психологией преступников. Видишь ли... у женщин ведь тоже преступная натура... это ведь все взаимосвязано. Подлежит изучению.

Сирри (*смотрит на него долгим взглядом*). Кстати, гангстер появится с минуты на минуту.

Стриндберг (*в ужасе*). Кто? Гангстер? Он придет сюда? Этот...

Сирри (*ангельским голосом*). Да нет... я имела в виду лишь свою партнершу... одну из тех преступных натур, о которых ты говорил... я подумала...

Стриндберг (*натянута*). Прескверная шутка.

Вигго Шиве (*восхитительный выход — сбрасывает с себя плащ, с раскрытыми объятиями делает элегантный шаг в сторону Сири, обольстительно при этом улыбаясь*). Очаровательная госпожа директриса Эссен-Стриндберг! Как всегда первая! Хрупкий цветок в пышном театральном саду! Сири! (*Раскинув руки, идет к Сири, но ее предупреждающий взгляд заставляет его остановиться на полпути*.) А? (*Видит Стриндберга, нерешительно меняет курс в его сторону, руки по-прежнему раскинуты, с дурацким видом замирает на месте, беспорядочно крутя кистями*.)

Стриндберг (*ледяным голосом*). Кто это, черт возьми?

С и р и. Н-да, следует, наверное, вас представить... это, стало быть, Август Стриндберг... а это...

Ш и в е (*с бурной радостью, делает храбрую попытку как можно импозантнее начать все сначала*). Господин Стриндберг! Не верю своим глазам! Неужели это сам господин Стриндберг! Да! Конечно, это вы! Вы! Ошибки быть не может! Да! Нижайше прошу позволения представиться — в эту минуту, когда я имею честь впервые, лично (*все более торжественно, с оттенком высокопарности*) познакомиться с одним из величайших писателей современности — тем, чьи страстные, правдивые, пронизательные и дерзновенные слова точно прожгли насквозь нашу кожу... если мне будет дозволено так выразиться. Я давно издали восхищаюсь вами, обожаю вас; посему сейчас, когда Дагмартеатр в Копенгагене удостоился чести принимать у себя такого гостя, этот исторический...

Стриндберг (*натянуто, но польщенно*). Да что уж там. Спасибо, спасибо.

Ш и в е (*полностью захвачен своей цветистой речью*). Если бы я мог дать вам хоть слабое представление о нашей преданности! Если бы я мог отдать вам свое сердце! Если бы я мог найти для вас слова, которые выразили бы... если бы я мог дать вам...

Стриндберг. Наличные.

Ш и в е. Простите?

Стриндберг. Наличные. Хотите что-нибудь дать, давайте наличные.

Ш и в е. Да?

Стриндберг. Я на мели. Поэтому давайте наличные. Мелкие суммы тоже сгодятся.

С и р и (*поспешно*). А это, значит, актер-премьер Вигго Шиве, он кстати, репетировал роль Жана во «Фрёкен Жюли»... и будет помогать в постановке этого спектакля...

Ш и в е. Вигго Шиве! Один из ваших самых горячих поклонников!

Стриндберг. Вот как! Вот как! (*Недовольно.*) Я слышал о вас.

Ш и в е (*безгранично польщен*). Вы слышали обо мне? Это правда? Вы, господин Стриндберг?! Мне следовало бы... да! Да. Я

- знаю, что меня все больше считают одним из лучших актеров Дании (*задумывается*)... возможно, лучшим... но чтобы вы, господин Стриндберг...
- Стриндберг (*холодно*). О вас говорят. О вас и Сири.
- Шиве (*немного неуверенно*). Говорят...
- Стриндберг. Как вам должно быть известно, мы с Сири ведем бракоразводный процесс. И поэтому вы вообразили, будто имеете право безнаказанно ее лапать! Черта лысого! Держите руки подальше! Здесь вам театр, а не бордель. А уяснив себе этот факт, захлопните пасть и больше ее не открывайте!
- Шиве (*возмущенно*). Господин Стриндберг! (*Голосом, идущим откуда-то из живота.*) Фру Эссен-Стриндберг для меня человек, к которому я питаю самое что ни на есть глубокое, глубочайшее уважение и почтение...
- Стриндберг (*орет*). Вот и прекрасно! И продолжайте в том же духе!
- Шиве (*в страхе, мгновенно переходя на льстивый тон*). ... И разумеется, всегда буду питать...
- Стриндберг. Что же касается «Фрёкен Жюли»... я уже перестал чему-либо удивляться.
- Шиве. Да?
- Стриндберг. Тому, что пьесе не дали ходу.
- Шиве (*мечтательно*). Во время репетиций я страстно полюбил роль Жана. Я нашел в ней глубину, нацеленность, которая...
- Стриндберг. Эта баба – прокурор Верховного суда Мейер – посчитал ее, видите ли, непристойной и подверг цензуре. Стало быгть – дальше ходу нет. Можно было бы кое-что вымарать. И попытаться спасти. Получилась бы, конечно, дрянь, а не пьеса, ну да хрен с ней, ради денег почему бы и не сыграть. Но мы не успеем. Значит, будем ставить что-нибудь другое. «Сильнейшую». «Парию».
- Шиве. Делать вымарки в подобном произведении значило бы покуситься... это было бы преступлением...
- Стриндберг. Господин Шиве! Я – машина, добывающая средства к существованию! Я вынужден как машина выдавать тексты, дабы содержать паразитирующих на мне женщин и малолетних детей! Дамы жаждут крови и денег! Таким

- образом, молодой человек, ваши сентиментальные взгляды на мои произведения мне **не по карману!**
- Сири** (мягко). Но тем не менее эти произведения бессмертны!
- Стриндберг**. Да, бессмертны! Несмотря ни на что!
- Мари Давид** (она входит на сцену тихо, почти незаметно, останавливается, слушает. Ей лет 25, короткая стрижка, рыжие волосы, мягкое округлое лицо. Первым ее замечает Стриндберг. Он каменеет, словно пораженный молнией. Делает шаг в ее сторону, останавливается. Царит мертвая тишина. Шиве ничего не понимает, Сири испугана. Мари смотрит на Стриндберга совершенно спокойно, но видно, что она напряжена). Извините. Я опоздала.
- Стриндберг** (резко поворачивается, стремительно подходит к Сири). Что это значит?
- Сири**. Будто ты не знаешь.
- Стриндберг**. Чего не знаю?
- Сири**. В «Сильнейшей» есть роль без слов. Мари любезно согласилась ее сыграть.
- Стриндберг** (медленно, понизив голос, говорит Сири). Та-ак. Подружка объявилась снова.
- Сири**. Как видишь.
- Стриндберг** (задумчиво). Мерзкая датская трибабочка. Так-так. Все-таки надо было мне ее прикончить тогда в Гре, три года назад. Вышвырнуть оказалось мало.
- Сири** (тихо). Я теперь свободный человек. И тебе придется с этим смириться. Вот так-то.
- Стриндберг**. Это была твоя... инициатива?
- Сири**. Не твое дело.
- Стриндберг**. Неужели?
- Сири**. Не твое дело.
- Шиве**. Фрёкен Давид... несмотря на свой малый сценический опыт... показала многообразную, проникновенную и пленительную мимику, которая вселяет в меня уверенность, что...
- Стриндберг**. Вы знаете фрёкен Давид?
- Шиве**. Не столь близко, но такая очаровательная...
- Стриндберг**. Значит, вы ее не знаете. (Пауза.) А я знаю.
- Шиве**. Вы... встречались раньше?..

Стриндберг. К сожалению. Год назад прошел слух, будто пьянство свело ее в могилу. Слух, увы, ложный.

Шиве. Но разве...

Стриндберг (*взрывается, грозно уставясь на Шиве*). Я не выношу **всех**, лапающих мою жену! Понятно?!

Давид. Я здесь. Ничего не попишешь. Я не забыла того, что произошло, но мне плевать. Давайте займемся делом.

Стриндберг (*словно пробуждается ото сна, подходит к стулу, хватая его, с громким стуком опускает на пол и, в упор глядя на Мари, указывает дрожащим от бешенства пальцем на сиденье*). Здесь! Здесь! Вот здесь фрёкен Давид будет сидеть ближайшие часы! (*Продолжая указывать на стул, все больше распяляется*.) Захлопнув пасть! Мы начинаем репетировать... дабы довести до премьеры, которая наверняка кончится катастрофой... мою новую одноактную пьесу «Сильнейшая». Для дебилов или для неграмотных, если таковые среди нас имеются (*бросает долгий взгляд на Шиве*), хотел бы пояснить, что в этой **превосходной** (*грозно обводит всех взглядом, возражать никто не осмеливается*), **превосходной** пьесе есть две роли, и одна из них без слов, немая! Повторяю по буквам: Н – нимфетка, Е – ехидна, М – мужененавистница, А – алкоголичка, Я – язва. Немая. Следовательно, она будет сидеть здесь! И молчать!

Давид (*покорно качает головой и, улыбаясь, садится на стул*). Сири, дружок, и чего я только не сделаю ради тебя.

Стриндберг (*по-прежнему тыча пальцем, столь же страстно*). Будет сидеть здесь! И, призвав на помощь всю силу воли, держать рот закрытым – столько, сколько понадобится!

Давид (*с дружелюбным удивлением*). Что с вами сделали, господин Стриндберг? Когда я увидела вас в первый раз в Гре, вы были такой мягкий, такой приветливый. В сущности, вы один из самых мягких, чувствительных, уязвимых людей из всех, кого я знаю, вовсе не...

Стриндберг (*с наигранным спокойствием*). И это, это она бросает мне прямо в лицо, и подобное мне приходится выслушивать...

Давид. ...я имею в виду ранимых, а вовсе не...

- С т р и н д б е р г (*ледяным голосом*). Подайте горшок, господин Шиве, у дамочки начинается понос.
- Д а в и д. К чему все эти неслыханно... мужественные... вулканические извержения, словно бы вы должны делать вид... словно вы боитесь, что иначе вас не сочтут за мужчину...
- С и р и. Может, все же попытаться хотя бы не грубить Мари? Ты **невероятно** злопамятный человек. Я хочу сказать, ведь мы же все-таки почти целый год прожили в Гре бок о бок. Душа в душу.
- Ш и в е (*с выражением крайнего страдания на лице*). Я, пожалуй, удалось ненадолго...
- С т р и н д б е р г. Валяйте. Если для вас это мучительно, идите, ради Бога. Возвратитесь, когда не будет мучительно.
- Ш и в е. Разве что на одну минутку... (*Приподнявшись на носках, нерешительно раскачивается и остается на месте.*)
- С т р и н д б е р г. Хотя мало что не причиняет мучений. Вспоминать (*замолкает*)... тоже мучительно. А не вспоминать я не могу. Помню, как наша трибадочка уезжала. Мари Каролин Давид. Мари Каролин Давид. Сири – Королева Ночи. А она – Королева трибад. Вот уж никак не предполагал, что после той ночи трибад в Гре их дорожки снова скрестятся.
- Ш и в е. А что это за ночь... (*Смущенно замолкает.*)
- С т р и н д б е р г (*задумчиво смотрит на Мари*). Мари. Каролин. Давид.
- С и р и (*очень оживленно*). Ну все, пора! Начинаем! А то и так долго проканителелись, давайте же репетировать! Все эти годы я ждала минуты, когда снова вернусь на сцену, и теперь меня ничто не остановит! К делу! Перестанем дуться друг на друга, ты, Август, садись туда, смотри на девушек и не злись, а мы начинаем! И поглядим, много ли успеем!
- Ш и в е (*с облегчением*). Неужели фру Эссен-Стриндберг **действительно** столько лет не стояла на подмостках?! Какая жалость! Театральное искусство так много **потеряло**, когда вы добровольно покинули сцену...
- С т р и н д б е р г (*кисло*). Ладно уж. Театр, черт бы его подрал, выжил. Искусство тоже прекрасно себя чувствует. Но одно верно – она вышла замуж, чтобы с моей помощью сделать

карьеру. Я был влюблен и глуп, она мечтала о карьере. Просто и верно. Очаровательная женщина.

С и р и. Вот так, вот так пишется история. Господи, я сейчас лопну от злости. Не забудь добавить, малыш Август, что потом меня впрягли в домашнюю работу как ломовую лошадь на семь долгих лет. Ничего не скажешь, хорошая карьера, мой друг. Спасибо тебе огромное.

С т р и н д б е р г (с ликованием). Вот именно! **Она не состоялась!** Д а в и д. Все это вы повторяете друг другу уже семь лет, не меньше восьми раз в неделю. Нет ли у вас каких-нибудь новеньких... оригинальных... тем для ссор?

С и р и. Дай мне новую, оригинальную жизнь, и уж эту проблему мы решим.

Д а в и д. Но какой смысл повторять все...

С т р и н д б е р г (печально, указывая на Мари). Она постоянно забывается. Ведь она же должна молчать! Вот, посмотри, на первой странице. Так и написано. А у нее рот не закрывается, рано или поздно мое терпение кончится...

Ш и в е (с чувством). Но мимика... не забудем, что эту немую роль нужно играть с помощью мимики... выразительные складки лица могут выражать... трогательные, подвижные... и проникновенные чувства... руки тоже могут!.. двигаться проникновенно... расширенные глаза означают ужас...

С т р и н д б е р г (рассматривает его с выражением глубочайшего отвращения). Сири, моя любимая бывшая жена, ты очаровательная девушка, но всегда отличалась **невероятно** дурным вкусом при выборе любовников. Погляди только на эту... проникновенную жабу. Невероятно дурной вкус. Коммивояжеры, тупоумные лейтенанты с финских паромов, глупые третьеклассные актеришки и лесбиянки из Копенгагена. Ни одного, кого я мог бы **уважать**.

С и р и (зло). Позволю себе лишь заметить – между мной и господином Шиве ничего нет и не было.

С т р и н д б е р г (задумчиво). Иногда мне кажется... ты сознательно... старалась причинить мне боль... принизить меня... потому ни разу и не выбрала человека, достойного моего **уважения**. Ни разу.

С и р и. О Господи! Тебя послушать – прямо зверинец какой-то.

Ш и в е (наконец достаточно накрутив себя, взрывается). Я требую извинения! Это уж слишком! Я требую извинения и восстановления моей попранной чести! Господин Стриндберг назвал меня «жабой»!

С т р и н д б е р г (удивленно). Да нет, тут какая-то ошибка! Я же вроде сказал «проникновенная жаба»?

Ш и в е (растерявшись). Разве?

С т р и н д б е р г. Конечно, прекрасно помню. Спросите дам.

С и р и. Да, да, именно так и сказал.

С т р и н д б е р г. Вот видите!

Ш и в е. Вот как? Ага. (Напряженно думает.) Но... я все равно требую извинения!

С т р и н д б е р г. Ну разумеется. (Любезно, дружелюбно.) Прошу вас извинить меня, господин Шиве. Я сморозил глупость. (Дружески обняв его за плечи, медленно прогуливается по сцене.) Господин Шиве, вы мой друг. Нам надо держаться вместе. Многие наверняка не удержались бы от критики в ваш адрес... сказали бы, что вы глупы... или невероятно тупы... **невероятно!**.. но только не я, ни в коем случае. Я говорю: вы все-таки **мужчина!** У нас с вами общие интересы. В сущности, мы стоим по одну сторону баррикад. Мы должны объединиться в борьбе против женского пола.

Д а в и д. Вынуждена все же спросить, что у нас тут будет - борьба против женского пола или репетиция? Состоится сегодня репетиция или нет?

Ш и в е. Правда, мы должны...

С и р и. Ради Бога. Страница первая, с самого начала, садитесь и перестаньте вести себя как...

С т р и н д б е р г. ...как бабы...

С и р и. Страница первая, с самого начала.

С т р и н д б е р г. В этой только что написанной одноактной пьесе (все более энергично и возбужденно), премьера которой... первая в мире!.. наконец-то... состоится на этой сцене... с потрясающей силой описывается поединок между двумя особами женского пола. Обе любят одного и того же мужчину. И сражаются за него. И хотя он при сем не присутствует, тем не менее доминирует в происходящем. Как оно чаще всего и бывает. В конце концов одна из этих особ

выигрывает сражение и возвращается к мужу. Декорация незатейливая. Уголок кондитерской. Два железных столика, красный плюшевый диван и несколько стульев. Входит Сири... прошу прощения, я хотел сказать, входит фру Икс! Одета по-зимнему... шляпа, пальто, на руке висит изящная японская корзиночка. За одним из столиков сидит... Та, которую мы называем мамзель Игрек. На мой вкус (*весело петляет по сцене*) весьма **противная** дама, рыжая, дебелая, с крючковатым носом... (*Уступает предостерегающему взгляду Сири*). Ну ладно! Она читает дамский иллюстрированный журнал, на столике наполовину опорожненная бутылка пива! Как в капле воды – два ее любимых занятия. Ну просто в десятку. Особенно красноречива пивная бутылка... (*задумчиво*) непостижимо, сколько она потребляет пива... до двадцати бутылок в день... иногда и больше, если мне не изменяет память, а она мне не изменяет...

С и р и. Август...

С т р и н д б е р г (*радостно*). Да, да. Значит – фрёкен Давид молча пьет пиво и читает иллюстрированный журнал, а прочитав, откладывает в сторону и берет следующий! Иллюстрированный журнал!

Ш и в е (*слегка обиженный, что на него не обращают внимания*). Тут, пожалуй, к месту были бы кое-какие режиссерские указания... проникновенный... отмеченный напряженной внутренней концентрацией... безыскусный и приятный монолог... с теплотой, которая...

С т р и н д б е р г. Начинайте!

Ш и в е. Фрёкен Давид, пожалуй, пришлась бы к месту спокойная и проникновенная мимика в начальных...

С т р и н д б е р г. К черту треп! Начинайте! Начинайте!

С и р и (*берет разбег*). «Здравствуй, Амели, милочка! Сидишь одна, в сочельник, бедняжка, совсем по-холостяцки».

Давид поднимает глаза от журнала, кивает и снова углубляется в чтение.

С и р и. «Знаешь, мне просто больно на тебя смотреть – однаодинешенька, в кафе, в сочельник. Так же больно, как было однажды в Париже, в ресторане, где играли свадьбу, и не-

веста сидела и читала юмористический журнал, а жених в это время резался со свидетелями в бильярд. Уф, подумала я, если вот так все начинается, что же дальше-то будет и чем это кончится! В день свадьбы жених играет в бильярд! – А невеста читает юмористический журнал, – скажешь ты! Ну, это все-таки не одно и то же!»

Стриндберг (*кудахчет*). Вовсе не одно и то же, намного, черт меня задери, хуже. Тут входит официантка с чашкой шоколада для той дамы, которая не лакает пиво. Господин Шиве, как-никак игравший Жана во «Фрёкен Жюли» и, так сказать, владеющий лакейскими навыками, сегодня нам подыграет. Сделайте просто вид, что ставите чашку. (*Доброжелательно*). Напряженная концентрация, господин Шиве, и проникновенная мимика, трогательная и выразительная!

Шиве (*рассудительно*). Это можно понять как тонкий намек!

Стриндберг. Грубый! Грубый, господин Шиве! (*Весело бросается в атаку*). А фрёкен Давид я должен предупредить, исключительно по-дружески напомнить, что на премьере обслуживать вас будет отнюдь не мужчина. А хрупкая девица! И фрёкен Давид придется обуздать свои страсти! Не приставать к девушке! Не лапать ее! Не хватать за грудь! Без нежностей! Не кидать распутных взглядов! Это разрушит саму логику пьесы.

Давид (*тихо, стиснув зубы*). Все-таки ваша подлость, господин Стриндберг, тоже должна иметь свои пределы. Вы ведете себя подло и трусливо, низко. Я не намерена с этим мириться.

Стриндберг (*счастлива*). Вы оскорбились! Вы сейчас уйдете, кипя от гнева! И больше никогда не вернетесь!!! Верно?!

Сири (*с выражением полной безнадежности роняет тетрадку с ролью на пол*). Ну вот, все кончено. Ничего другого я и не ожидала. Вполне в его характере. И как раз сейчас, когда впервые за все эти годы у меня появилась возможность вернуться к своей профессии. А он все рушит. Спокойно и невозмутимо.

Стриндберг. Что-о??? Что-о? Что я такого сделал?

Давид. Разве для тебя это неожиданность, Сири?

С и р и. В общем, нет. Но все равно я каждый раз прихожу в уныние.

С т р и н д б е р г (*слегка обеспокоенный, виновато кружит вокруг Шиве*). С женщинами трудно работать. Они все время отвлекаются. Малейший пустяк принимают на свой счет. Не способны взглянуть на дело принципиально. Вы мужчина. Вы понимаете, что я хочу сказать. (*Орет.*) **Вы понимаете, что я хочу сказать!**

Ш и в е (*испуганно*). Д-д-да, понимаю... (*ищет спасительную соломинку.*) Пожалуй, здесь был бы к месту более проникновенный стиль игры... С более трогательной жестикуляцией...

С и р и. Мари. Прошу тебя, Мари.

С т р и н д б е р г. Страница 2, с середины. Официантка выходит и больше не появляется. Вивисекция продолжается, слово — фру Икс. Сири. Прошу.

С и р и. Я безумно хочу сыграть эту роль. Безумно хочу воспользоваться возможностью вернуться к своей профессии. Страшно хочется попытаться.

С т р и н д б е р г (*почти извиняющимся тоном*). Страница 2, с середины.

Давид молча подходит к стулу, долгим взглядом смотрит на Стриндберга, садится.

С т р и н д б е р г (*обращаясь к Шиве*). Видите? Абсолютно ненужная пауза. Слава Богу, хоть я сохранил спокойствие.

С и р и. «Знаешь, Амели! По-моему, тебе все-таки не стоило бросать своего жениха! Помнишь, я первая тебе тогда сказала: прости его! Помнишь? Теперь была бы замужем, имела бы свой дом. Вспомни прошлогоднее Рождество, которое ты провела за городом, у родителей жениха, — ты прямо светилась от счастья...»

Ш и в е. Здесь, пожалуй, фрёкен Давид подошло бы печальное выражение лица...

С т р и н д б е р г. А что, здесь так заведено — бери пива сколько влезет? И это не считается кражей? Вообще-то неплохо бы сейчас выпить по чашечке черного кофе. Настоящего, а не той бурды, какую эта чертова прислуга в Гре обычно... (*Отчески.*) И еще, господин Шиве, постарайтесь болтать по-

меньше глупостей. Печальное выражение лица? Почему вдруг? Абсурдно и нелепо. У Фрёкен... у Фрёкен Игрек когда-то был жених, это нам известно. Бедняга. Вот, должно быть, настрадался. Но потом, когда ему удалось вырваться из лисьего капкана, и он и Фрёкен обрели свободу. И она вообще не горюет. Она **счастлива!** Таковы уж ее наклонности!

Ш и в е (*совершенно сбит с толку*). Но согласно тексту пьесы она должна...

С и р и. Это уже ни в какие ворота не лезет.

С т р и н д б е р г. Для этой Фрёкен отсутствующий мужчина – а еще лучше мертвый – счастье. (*Заговорщицки, Шиве.*) Время от времени, когда на нее нападает тоска, она ходит на кладбище и, чтобы потешить душу, изучает надписи на надгробиях, имена усопших мужчин. Имена. Имена... поверженных врагов... Взгляните правде в глаза, господин Шиве. **Вот каков наш противник!**

Ш и в е. Но... пьеса... вас так трудно... (*обеспокоенно*) вы шутите, господин Стриндберг?

Д а в и д. Ну, так чем мы все-таки будем заниматься? Обсуждать подробности моей жизни? Или пьесу и ее героиню? Ведь она и я – во всяком случае, согласно **тексту**, – не один и тот же человек?

С т р и н д б е р г (*с надеждой в голосе*). Сейчас бы чашечку черного кофе. А что если... если бы господин Шиве... который однажды уже исполнял роль Жана... во «Фрёкен Жюли»... и ...

Ш и в е (*измученно и кисло*). ...владеет лакейскими навыками, знаю, знаю, хорошо, я постараюсь, Господи, уже час прошел, если так и дальше пойдет, нам придется сидеть здесь до утра.

С и р и. Пока у меня еще не окончательно сдали нервы, хочу выяснить один вопрос. Вот как я поняла пьесу. Встречаются две женщины, давно не видевшие друг друга. Обе влюблены в одного и того же человека. Между ними происходит стычка. Сильнейшая побеждает. И возвращается к своему мужу. Так?

С т р и н д б е р г. Совершенно верно! Центральная фигура – отсутствующий муж! Обе любят его и ведут за него борьбу! (*Беспечно.*) По-своему, по-бабски.

С и р и. Абсолютно правильно, дорогой. Именно так и стоит в тексте. Ну и давайте же, черт возьми, придерживаться этого текста, не впутывая сюда бывшего жениха Мари!

С т р и н д б е р г. А кто впутывает?

С и р и. Ты!!!

С т р и н д б е р г. Я???

Д а в и д. Странная пьеса. Читаешь, и все время кажется, будто она выдает себя за что-то другое. Рядится в чужие одежды. Самое важное вынесено за скобки. Когда вы написали ее?

С т р и н д б е р г. Вскоре после вашего... отъезда из Гре.

Д а в и д. Ах, тогда.

С т р и н д б е р г. Именно тогда.

Ш и в е (*занимается кофе, с любопытством*). Когда, вы сказали, она написана?

С т р и н д б е р г (*разглядывает его с задумчивым видом*). Господин Шиве. Шиве. У вас ведь и имя тоже должно быть?

Ш и в е. Вигго.

С т р и н д б е р г. Так. Вигго. (*Мрачно.*) Вигго Шиве. Не слишком благозвучно. (*Берет себя в руки.*) Но вы все же мужчина. С вами можно говорить. Преступники, обезьяны и женщины — существа инстинктивные. А с мужчиной можно разговаривать. Понимаете?

С и р и. Кивните в знак согласия, доставьте удовольствие малышу Стриндбергу. Мы не обидимся.

Шиве чувствует себя крайне скверно, пытается изобразить улыбку и, трясая головой, с тоской смотрит на дверь.

С т р и н д б е р г (*чрезвычайно деловым тоном*). Я написал пьесу после того, как вышвырнул фрёкен Давид и ее в равной степени склонную к лесбиянству подругу Софи из нашего добропорядочного дома в Гре. (*Внезапно с восторгом восклицает.*) **Приключения маленького Вигго в ночь перед Рождеством!!! Нашел!** (*Абсолютно спокойно.*) А затем написал пьесу. Все очень просто.

Ш и в е (*ничего не понимает*). Вышвырнули? За что?

С и р и (*полностью смирившись*). Ради Бога, не смущайся. Рассказывай. Каждый раз, когда я тебя слушаю, у меня дух захватывает. Горстка фактов и захватывающий дух обман.

Ш и в е. Но... вы, надеюсь, не подняли на нее руку... это было бы не совсем по-рыцарски, господин Стриндберг...

С т р и н д б е р г. Пожалуйста, постарайтесь понять *(все больше обращается к Шиве, с мольбой в голосе, крепко зажмурив глаза)*, господин Шиве, постарайтесь понять мое **положение** в те годы. Жить в полной изоляции, **за границей, словно в крошечной тьме...** в окружении этих... не женщин, нет, а **страшных**, хлопающих крыльями летучих мышей... *(умоляюще)* господин Шиве, ведь вы понимаете меня, когда я говорю, что мне **страшно...** вы сами разве не боитесь... *(орет)* боитесь, я знаю, **до чертиков** боитесь, вот и оставляете за собой повсюду навозные кучи просвещенных левацких комплиментов!.. *(тихо)* летучие мыши в крошечной тьме, вот именно. *(Деловым тоном, подтянувшись.)* Как бы то ни было. К нам в Гре приехали две подруги из Копенгагена. Мари и Софи Холтен. *(Презрительно.)* Малыш Оле, как ее потом прозвали! Оле! Этим чертовым мужененавистницам непременно надо навешивать на себя мужские ласкательные имена! Обе — трибады. Одна по литературной части. Другая чего-то малюет. И вот, господин Шиве. Тут все и произошло. **Они отняли у меня жену.**

Ш и в е. Господин Стриндберг!!!

С т р и н д б е р г. Я терплю их. *(Спокойно, с трудом.)* Я живу с ними под одной крышей. Я выдерживаю пространные любовные дифирамбы своей жены... прелестному телу... фрёкен Давид... ее груди. Нежности, ласки... я ничего не понимаю. Их не разлить водой, они целуются, беседуют... как будто меня нет... *(Чуть ли не с детской обидой.)* Мне не говорят, в чем я провинился... и в конце концов я прихожу к выводу, что не виноват ни в чем... просто я не существую! Дети тоже привязались к ней. Мари... Мари... только и разговоров про Мари. И потом, эта извращенная эротика... мне обязательно нужно с кем-нибудь поговорить об этом...

Д а в и д. Правильно. Надо поговорить. Я только сейчас начинаю понимать, насколько это необходимо...

Ш и в е. А в самом деле необходимо?

С т р и н д б е р г. Почему бы нет?

Д а в и д. Совершенно необходимо.

С и р и. Для понимания пьесы, которую мы ставим?

С т р и н д б е р г (*орет*). Хватит нести ахинею про понимание, пьеса про отсутствующего мужа, довольно болтать, заткнитесь, я схожу с ума, начинайте!

Д а в и д. Правильно. Утраченный центр.

С т р и н д б е р г. Наступает та самая ночь. Ситуация безумная, опасная. Мари вынуждена уехать... она впуталась... в историю с местной девчонкой, чем навлекла на себя гнев крестьян, она должна уехать. (*Почти с отчаянием.*) Я, вероятно, мог бы упрятать ее за решетку, подобные действия наказуемы! Но я позволил ей улизнуть. Ради жены и ради... И вот, на прощальном ужине...

Ш и в е (*недоверчиво*). Вы действительно устроили прощальный ужин? После всего?

С т р и н д б е р г. Разумеется, черт побери! Как же без прощального ужина! Мы же были добрыми друзьями! И той ночью... всю жизнь буду помнить... шел легкий, прозрачный, ласковый дождик, он перестал как раз на рассвете... (*Замолкает, колеблется.*) Нетрудно было заметить, что моя дорогая Сири... мне очень жаль, что приходится впутывать и тебя... Хотя ты это заслужила! Посему мне не стыдно!.. Что моя дорогая жена пылает пламенной любовью к очаровательной Мари Каролин Давид.

Ш и в е. Господин Стриндберг! Господин Стриндберг!

С т р и н д б е р г (*тихо, почти монотонно*). Дождь шел всю ночь, под конец я вышел на улицу, один, моросил дождь, а окно... напоминало картину. Я стоял и смотрел, долго стоял. А потом вернулся в дом. А там они, все трое. Вы бы только поглядели на предмет **пламенной** страсти моей супруги. О, до чего **отчетливо** я ее помню. Она так и стоит у меня перед **глазами**. Мари Каролин Давид, как же ясно я ее **вижу**. Рыжая, дебелая, с крючковатым носом, двойным подбородком и желтыми глазами, отекающее от пьянства лицо... она пила беспробудно... плоская грудь и кривые руки... более отталкивающее, жуткое существо трудно себе вообразить, последняя деревенщина и то бы сбежал от нее. Двойной подбородок... желтые глаза... опухшая от спиртного... кожа вокруг рта висит складками... желтые глаза... отекающее лицо...

Ш и в е (*недоверчиво*). Вы... действительно... имеете в виду... фрёкен Давид?

С т р и н д б е р г (*со все более монотонным отчаянием*). Сири пела романс... у нее довольно красивый и чистый голос... а закончив... заплакала. И села рядом с чудовищем, и тогда это датское чудовище встает, сжимает ее голову в своих руках и впивается открытым ртом в ее губы. Платонической эту любовь вряд ли назовешь, подумал я. (*Замолкает.*) А на улице уже почти рассвело.

Ш и в е. И что вы сделали, господин Стриндберг?

С т р и н д б е р г. Напоил эту тварь до положения риз.

Ш и в е. Вы имеете в виду... фру Стриндберг?

С т р и н д б е р г. У меня нет обыкновения обзывать свою жену тварью. За исключением тех случаев, разумеется, когда она того заслуживает. Естественно, я имел в виду фрёкен Давид.

Д а в и д. Спасибо.

С т р и н д б е р г (*разглядывает Мари, говорит чуть ли не с любовью*). Потом, я помню, мы вышли на улицу, потому что вам стало плохо. Это было у дороги. И я помню, вы упали на колени и, издавая какие-то idiotские икающие звуки, глядели на меня своими огромными, мерзкими глазами, привалившись... к столбу ворот, кажется? И уже совсем рассвело. Вас вырвало. (*Задумчиво.*) Никогда, никогда не приходилось мне сталкиваться с подобным чудовищем в человеческом облике.

Д а в и д (*встает, подходит к Стриндбергу, долго, в полном молчании, смотрит на него*). Так вот, значит, какими глазами вы все это увидели?

С т р и н д б е р г. Что упрочило мои взгляды на женскую эмансипацию.

Ш и в е (*никто не произносит ни слова, царит полная тишина, наконец он неуверенно спрашивает*). Это все правда?

С т р и н д б е р г. Спросите дам.

Ш и в е. Это все правда?

С и р и. Видите ли... существует два типа писателей. Одни лгут, собирая воедино крохотные фрагменты правды. Другие говорят правду с помощью нагромождения лжи.

С т р и н д б е р г. И к какому типу отношусь я?

С и р и. К худшему.

Ш и в е (*по-прежнему потрясенно*). А что делали вы, фру Стриндберг... какие чувства вы?..

С и р и. Я ничего не делала. Мне просто было очень грустно.

С т р и н д б е р г (*тихо, чуть ли не с раскаянием, обращается только к ней*). Сири, потеряв возлюбленную, страдала и сходила с ума. По большей части она бродила по лесу, пела и навещала любимые места своей подруги. Плакала и убивалась. Так ведь, Сири?

С и р и. Так ведь, так ведь, так... Четыре бесконечных года нас носило по европейской пустыне... мы переезжали с места на место, из пансионата в пансионат, и непрерывно ссорились... я жила с этим испуганным ребенком, притворявшимся великаном. И никакого применения, ни малейшего... тому, чем я могла бы стать. И вот я сижу и жду лучших времен. Жду-поджидаю. И старею. И тут появляется эта женщина из датского города Копенгагена на севере Европы. Свободная до кончиков ногтей. И говорит со мной так, словно я еще на что-то гожусь. Говорит, что еще не поздно! Господи, да как же мне было не полюбить ее?

Ш и в е. Да, да.

С и р и. Ничего не могу с собой поделатъ. Я страдала, когда он вышвырнул ее. Я любила ее.

Стриндберг молча смотрит на нее, он в замешательстве, собираетъ что-то сказать, но не решаетъ.

С и р и (*взрывается*). А он, одноглазый дьявол, видит в этом свободном человеке только спившуюся лесбиянку, и больше ничего! Можно подумать, что это так безумно важно!

С т р и н д б е р г (*ошарашенно*). Но не отметить-то этого все-таки было нельзя?

С и р и. Прекрасно! Давай, отмечай! Все отметил?!

Ш и в е. Я все же вкупе с господином Стриндбергом не могу не задаться вопросом... разве это... не важно?..

С и р и. Видишь ли, может, я увидела в Мари что-то другое, и это что-то было для меня намного **важнее**.

С т р и н д б е р г (*обращаясь к Шиве*). Открою вам одну тайну — эти три чертовы дамочки, с **одной стороны**, целый год,

каждый божий вечер, упрямо усаживались за преферанс, а с другой — так и не освоили правил игры. Теперь вы понимаете, что такое **страдание**?

Д а в и д. Вы однажды рассказывали о своем отце... о том, как мучительно ненавидели его «ледяную» натуру. И жаждали стать... **другим**. Вы изменили свою точку зрения? Что с вами произошло?

С и р и. Не спрашивай его. Это **безнадежно**, давным-давно. Если он не в **центре**, его охватывает панический страх, тут-то нарыв лопается, и он становится смертельно опасным, словно испуганная гремучая змея.

С т р и н д б е р г (*ошеломленно*). Что за бездарные, чудовищные попытки копаться в моей духовной жизни... которая никого из вас **не касается!** Моя духовная жизнь принадлежит **истории литературы**, и ты, Сири, не смей лезть в нее своими грязными лапами!

Д а в и д. Будет ли позволительно противной, рьжей, дебелой даме с двойным подбородком кое о чем вас спросить?

С т р и н д б е р г. Ну разумеется.

Д а в и д. Вы именно после той ночи решили написать пьесу... о встрече двух любящих женщин?

Стриндберг молчит.

Д а в и д. И это та самая... и есть?

Стриндберг кивает.

Д а в и д (*про себя*). Не много же я в ней поняла.

С и р и (*с преувеличенной кротостью*). А что если нам... осмелюсь ли я предложить... со всем смирением... посвятить несколько минут работе... репетиции... или?..

С т р и н д б е р г (*облегченно*). Правильно! Начинаем! Чертовски интересно! Давайте репетировать встречу трибад!

С и р и (*зло*). Представляю, что он себе навообразал.

С т р и н д б е р г. Работаем напряженно! Кончили трепаться! Сильные чувства, вживание в роль! Кроме того, не помешало бы еще по чашечке кофе! Господин Шиве, вы, игравший Жана во «Фрёкен Жюли» и владеющий... (*тактично смолкает под убийственным взглядом Шиве*) может быть...

Спасибо, господин Шиве! Спасибо! Правильно! Мужчинам кофе, дамам пиво! Начинаем!

Д а в и д (*тихо, не сводя с него глаз*). Господин Стриндберг. Я вспомнила.

С т р и н д б е р г. Да?

Д а в и д. Я вспомнила, **как было дело**. Почему я почувствовала к вам такую страшную симпатию. В тот раз. Теперь я помню.

С т р и н д б е р г (*не шевелясь, без выражения*). Да?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Музыка.

Проекция на занавес. Изображение человека с птичьей головой.

Сцена. Сначала темнота. Потом сцена медленно освещается. Сири сидит, углубившись в тетрадку с ролью. Мари открывает бутылку пива. Стриндберг стоит в метре-двух от Сири, смотрит на нее не отрываясь, раскачивается — с носков на пятки, кажется, будто он хочет что-то сказать, но колеблется.

Стриндберг. А дети здоровы?

Сири (не поднимая глаз). Да.

Стриндберг (медлит в нерешительности). Карин научилась пользоваться фотографическим аппаратом, который я ей послал?

Сири (отрывисто). Не знаю.

Стриндберг. А что, если бы... (осторожно) если бы они пожили летом две-три недели со мной, в шхерах...

Сири. Нет.

Стриндберг. ...ты бы освободилась...

Сири. Нет.

Давид садится, держа в руке только что открытую бутылку с пивом, меланхолично вздыхает, уставившись в пространство.

Стриндберг. Фрёкен Давид, позвольте предложить вам бутылочку пива?

Давид смотрит на него невозмутимо, без улыбки.

Стриндберг. На вкус весьма недурственно. Попробуйте хоть разок. Всего одну...

Д а в и д. С удовольствием. Можно одну, можно несколько. Видите ли, господин Стриндберг, я никогда – ни в Гре, ни потом – не делала тайны из своего алкоголизма. Я действительно алкоголичка. И не пытаюсь выкручиваться и скрывать этого.

С т р и н д б е р г (*в некотором замешательстве*). Ну! Ну раз так! Д а в и д. Именно так.

С т р и н д б е р г. Гм... тогда – ваше здоровье!

Д а в и д. Ваше здоровье.

С т р и н д б е р г (*ходит кругами, собирается с духом, накручивает себя*). Факты, неоспоримо... вопреки утверждениям, будто бы я лгу и преувеличиваю... доказывают мою правоту. Доказывают. Возьмем хотя бы вот беспробудное пьянство. Все присутствующие слышали признание, не так ли? И Шиве тоже? Вы ведь как-никак мужчина и, не в пример женщинам, не станете по привычке отрицать очевидное?

Д а в и д. Могу выдать письменное свидетельство, с тем чтобы писатель воспользовался им в своих произведениях. Полагаю, со временем я буду в них фигурировать...

С и р и. Да уж, не приведи Господи!!!

С т р и н д б е р г. Что такое???

С и р и. Только и остается сказать: не приведи Господи. Поэтому он и пишет сплошь и рядом о женщинах-вампирах. Кстати о вампирах: по-моему, это коллекция автопортретов. Дешевая, лукавая самокритика со стороны господина Стриндберга. Боже мой, он же настоящий людоед.

С т р и н д б е р г. Человековед! Большая разница, милочка!

С и р и (*делая изящные танцевальные па*). Прощу... перед вашими пораженными и восхищенными глазами... вебрь Сэримнир шведской литературы! Voila! Бесперывно съедаемый и пожираемый в десятке самых известных и признанных произведений мастера! Вечно живой! Вечно готовый быть съеденным вновь!

С т р и н д б е р г (*возмущенно*). И эту свинью я прославил на весь мир! А у нее даже недостает ума быть благодарной!

С и р и. Благодарной! За то, что меня выставляют на посмешище и публично секут! Пока я не падаю с обнаженным сердцем и лежу, истекая кровью! Благодарной!

Стриндберг (*наставительно*). Ну подумай. Вот ты, избитая, в крови, валяешься на полу. С обнаженным сердцем. Лежишь, истекая кровью. В таком случае ты должна сказать себе: «Hier liege Ich und mache Literaturgeschichte!»¹

Сир (*всерьез возмущена*). Ты пожирал людей. Используюешь их! Вы бы только видели его в ту ночь, когда бедняжка Виктория пыталась покончить с собой, а нас угораздило оказаться в той же гостинице. О Господи! Потом к нам ворвался присутствовавший при сем бедняга Лундегорд и рассказал, как было дело. Тоже осел порядочный, не умеют все-таки мужики держать язык за зубами. Боже милостивый, как же господин Стриндберг ему внимал! У-х-х-х-х-х-х! (*Описывает вокруг него круги, изображая голодного, алчно облизывающегося хищника, глаза широко раскрыты.*) У-х-х-х-х-х! Какая аппетитная история! Какое выражение лица у Мастера... безжалостный интерес людоеда... какие смачные подробности! Молодая девушка, пытавшаяся покончить с собой! Несчастливая любовь! Покинута! Ножи... кровь... чавк... чавк... может... может, материал для пьесы? Чавк! Благородная барышня... Иванова ночь... любовная история... брошена... чавк... чавк... чавк... бритва... а ледяные глаза бесстрастно, точно отмечают и регистрируют мельчайшие детали, и...

Давид. Но Сири... Зачем ты так говоришь... мы ведь обе прекрасно чувствуем невероятное сострадание, пронизывающее пьесу... при чем тут выражение лица...

Сир. Тебя не жрали столько раз, сколько меня! В этом вся разница!

Стриндберг (*в бешенстве, кипит*). И эту женщину, эту мародершу и предательницу я вынужден любить. Ужасно! Ужасно.

Давид (*ошеломленно*). Вы что, ее действительно любите?

Стриндберг. Разумеется, люблю, и, разумеется, буду продолжать любить... но не ей же это ставить в заслугу? Любовь... она просто возникает. Как рак. Или бубонная чума.

Давид. Та-ак...

¹ Здесь лежу я и делаю историю литературы – нем.

Стриндберг (с глубокой серьезностью). Возмутительнее всего, что меня угораздило влюбиться именно в нее, женщину, которая мне противна до глубины души.

Шиве. Которая вам противна до глубины души?..

Стриндберг. Ну разве не возмутительная несправедливость?!

Сирри (холодно). А ты все-таки вампир.

Стриндберг. Что ж, пожалуй, ты права. (Очень миролюбиво). Ты – сидящий у меня на шее паразит, ты сосеешь из меня кровь и деньги, гоняешь прислугу, бездельничаешь и мечтаешь о карьере, которая тебе не по плечу. А я – вампир, сосущий тебя. Нормальная семейная жизнь, разве нет?

Шиве (ошеломленный, себе под нос). Понять бы только... что, в сущности, такого примечательного в этих писателях.

Сирри (категорично). Ничего!!!

Стриндберг. Я знаю ответ. Мы записываем слова. В принципе, это невероятно примечательно.

Шиве. Правда?

Стриндберг. Я записываю чувства и страхи мужчины задолго до того, как они станут ясны ему самому. За год – за десять лет – за сто лет вперед! Вы же, увидев зафиксированные на бумаге слова и чувства, начинаете дрожать от страха и возмущаться. Но не женским террором против нас. Что было бы естественно. Вы возмущаетесь тем, кто записывает! Вот это, по-моему, и в самом деле примечательно!

Сирри. Ты слышишь, Мари? Малыш Август заметно воспрял духом со времени Гре. Какая жизненная сила!

Давид. Эту бы силу да направить исключительно на борьбу за освобождение женщин...

Стриндберг (в бешенстве, кричит). Подотрите свою пипочку, фрёкен Давид! Если она у вас есть!!! (Переводит дух). Ну да. Да, да. Извините. Я брякнул глупость. Глупость, сказал я! Я извинился! Вам что, надо в письменном виде??? (Совершенно спокойно, разочарованно.) Между прочим, дорогие друзья, вот живем мы себе в Гре – душа в душу, еле сводя концы с концами, но как живем? Каждый божий вечер, месяц за месяцем, меня заставляют играть в преферанс с двумя датскими лесбиянками и женой, лезущей из кожи вон, дабы стать такой же. И ни одна из них даже не удосу-

жилая выучить правила игры. Ночью вы нежитесь в постели и лижетесь. А днем надеетесь, что я, везущий на своем горбу трех светских девиц, буду бороться за освобождение женщин. Ответ: никогда!

Ш и в е (*жалобно*). А репетиция... репетиция... пьеса... как с ней будет?

Д а в и д. Сири, голубушка, принеси мне, пожалуйста, еще бутылку пива.

С т р и н д б е р г (*в бешенстве выхватывает тетрадку с текстом пьесы*). Страница 2, внизу, фрёкен Давид молча сидит на стуле, Сири поет дифирамбы семейному счастью, начинай.

С и р и. С какого места?

С т р и н д б е р г. «Нет ничего лучше домашнего очага!»

Д а в и д. Точь-в-точь как говаривал мой отец-сифилитик по средам и пятницам, когда выходил из спальни, изнасиловав мою мать.

С т р и н д б е р г (*молча смотрит на нее*). «Нет ничего лучше домашнего очага!»

С и р и. «Да, дорогая Амели, нет ничего лучше домашнего очага — после театра — и детей, ну да тебе этого не понять!»

С т р и н д б е р г. Черт знает что такое. (*Умоляюще.*) Сири, в твоём голосе должна звучать убежденность. Ты ведь обращаешься к эмансипированной обезьяне, которая только и знает, что шататься по разным местам да нести всякую ахинею о свободе. У тебя превосходство! Убежденность! Ты должна говорить убедительно! (*Возмущенно, Шиве.*) Знаете, истории не известен ни один приличный барышник женского пола — весьма знаменательно! В них нет **огня!!!**

С и р и. Хорошо, дорогой. (*Открывает корзинку и показывает рождественские подарки.*) Вот, погляди, что я купила своим поросяткам. (*Вынимает куклу.*) Видишь! Это Лисе! Смотри, как она вращает глазами и вертит головой! А! А это пробковый пистолет для Майи (*заряжает и стреляет в Игрек...*)».

Давид фыркает, развеселившись.

Ш и в е (*озабоченно*). Здесь, пожалуй, была бы к месту более пластичная и выразительная мимика, которая...

Стриндберг. Она должна казаться испуганной!!!

Давид делает несколько утрированный жест ужаса.

Стриндберг (*бессильно*). Господи, ничего себе спектакль у нас получится.

Сирри. «Испугалась? (*Вынимает домашние тапочки с расшитым верхом.*) А это моему старичку. С тюльпанами – сама вышивала; я-то, понятно, их не переносу, а ему подавай тюльпаны ко всему».

Давид отрывается от журнала, во взгляде ирония и любопытство.

Шиве (*с осторожным сомнением в голосе*). Это ведь и правда хорошая пьеса?

Стриндберг. Замечательная! (*Оскорбленно.*) Классикой станет, если только будет когда-нибудь поставлена. Но этот треп, эта бабская трескотня... так мы никогда с места не сдвинемся! Хоть бы кто-нибудь изредка держал рот на замке – все б легче было!

Сирри. Можно продолжать, маэстро?

Стриндберг. Да!

Шиве (*обеспокоенно*). Я, разумеется, не собираюсь выражать ни малейших сомнений в качестве пьесы, лишь...

Стриндберг. Ни слова больше! Скрепитесь!

Сирри. «(*Всовывает руки в тапочки.*) Гляди, какие у Боба миниатюрные ноги! А! И походка до чего элегантная, любодорого посмотреть! Ты-то ведь ни разу не видела его в тапочках!»

Давид громко смеется.

Сирри. «А когда он разозлится, то топает ногой вот так: уф! Чертовы девки, никак не научатся варить кофе! У-у! Ну вот, эти кретинки опять плохо обрезали фитиль у лампы! А тут еще с пола тянет, у него мерзнут ноги: ух, какая холодина, а эти идиотки не умеют даже печь как следует раскочегарить! (*Трет подошвой одного тапочка верх другого.*)»

Давид теперь смеется весело и искренне, слегка ослонившись от

лива. Шиве тоже веселится. Сири очень удачно пародирует Стриндберга: его маленькие жирные бедра, его семенящую походку, немного женственные движения. Обе женщины от души наслаждаются этими мимическими миниатюрами.

Стриндберг (*мрачнеет, все более оскорбленно*). Сыграно неверно! Все эти трогательные черточки своего мужа жена описывает с теплотой! Без малейшей насмешки! Ведь женщины ведут борьбу за любовь отсутствующего мужчины, он в центре происходящего! Больше теплоты!

Сири. Да, любимый. «Вот он приходит домой и начинает искать свои тапочки, которые Мари поставила под шифоньер... Нет, нехорошо так насмеяться над моим старичком. Он ведь у меня добрый и милый, мой мужичок-с-ноготок – тебе бы такого»... (*Внезапно Сири прыскает и начинает хихикать, Мари тоже с трудом удерживается от того, чтобы не расхохотаться.*) Извини, я начну сначала... «Он ведь у меня добрый, мой мужичок-с-ноготок...» (*Новый взрыв смеха, Сири исподтишка шевелит мизинцем, делая анатомические иллюстрации.*) Мой мужичок-с-ноготок... ой, извини... прости, пожалуйста...

Шиве (*смущен, но тоже забавляется, покраснев, он тем не менее с любопытством поглядывает попеременно то на женщин, то на Стриндберга*). ...уважаемые дамы... уважаемые дамы...

Сири. ...мужичок-с-ноготок, изящный червячок... (*весело напевает известную скабрзную песенку*) червячок так мал и робок, не желает встать, чертеноч... потому что слишком...

Давид (*пришла в себя, но все еще смеясь*). Ну Сири... хватит...

Шиве. Фру Стриндберг...

Стриндберг (*медленно, очень осторожно кладет тетрадь с текстом пьесы на пол и замирает, вперив взгляд в пустоту. Измученное, без всякого выражения лицо нервно подергивается. Женщины постепенно приходят в себя, воцаряется молчание, которое становится все более мучительным. Стриндберг стоит неподвижно. Шиве нервно раскачивается – с носка на пятку, с носка на пятку. Нервно поглядывает на Стриндберга, на женщин, на потолок. Наконец Стриндберг нарушает затянувшееся молчание*). Ты ведь столько раз обещала,

Сири. (*Совсем тихо, как будто про себя.*) Хотя я всегда знал, что на тебя нельзя положиться. Что ты воспользуешься любой возможностью. Ибо понимаешь, что делаешь мне больно. Наступал какой-то момент, на определенной стадии... и ты заводила свою песню. Иногда в лицо, иногда за спиной. Только потому, что знала... я не мог перебороть себя. Перестал спать. Невероятно. Да тебе и самой все прекрасно известно. Я приспособливался — как делают все любовники — к твоим вкусам. Изображал из себя пажа. Ребенка. Ну и все прочее. Был нежным, позволял тебе... А она у меня за спиной источала яд.

С и р и. Ну-ну, малыш Август. Не принимай так близко к сердцу. Надо же и тебе кое-что терпеть.

С т р и н д б е р г. Надо.

С и р и. Как и всем нам. С нас сдирают человечность и рвут в клочья чувство собственного достоинства. Со всех одинаково. Но у тебя, по крайней мере, всегда есть возможность сделать из этого литературу.

С т р и н д б е р г. Но не благодаря этому. А вопреки. **Вопреки.** (*Тихо, с нарастающим гневом.*) И на ночных попойках, среди друзей, стоило ей перевалить за свои пять пива. Тут-то и начиналось. Я ведь был глуп как пробка. Сдержан и тактичен в постели. Думал, ей это нравится, что она любит меня как ребенка. А она втайне меня презирала. Теперь, в последний год — любовь в сорок лет, — я стал циничным, грубым, развратным, и она полюбила меня как... мужчину. Как мужчину! (*С растущим отвращением.*) Я, значит, сделался настоящим мужчиной! Теперь она охотно снесет и побои, лишь бы получить желаемое. Хорошенький идеализм!

Ш и в е. Господин Стриндберг... брошенное вскользь замечание... по поводу размеров вашего... это ведь только шутка... не имеет никакого значения, господин Стриндберг...

С и р и. Скоро ты, пожалуй, начнешь рассказывать, как трахал эту семнадцатилетнюю Марту...

С т р и н д б е р г (*в бешенстве*). Ты что же, может, полагаешь, будто я по собственной воле залез на эту распроклятую шлюху?!

С и р и. ...а разве?.. Ну-ну...

Стриндберг. И все повторялось — повторялось снова и снова. Мелкие булавочные уколы. Моя обожаемая супруга улыбалась, шутила, пила — и тут начиналось. Ах, малышка Сири... ах ты, прелестная стервочка... свинья... с похотливыми, залитыми алкоголем глазами и пикантными шуточками... *(Орет.)* Как будто всегда болт виноват, коли гайка велика!!! А у всех слюнки текли!.. **Интересно!..** Вы помните, в Гре, фрёкен Давид! Не могли же вы забыть! *(Замолкает.)* На следующий день, раздраженный до самых гениталий, я отправился в Женеву, в бордель, прихватив с собой врача. Строго научно. Контроль! Испытание мужской силы — не первое, кстати, — которое я назвал бы «Похищением Прозерпины!» Представьте себе, господин Шиве, статую Бернини — свободная скульптурная группа без точки опоры! Сдал на анализ сперму — признана фертильной. Потом произвели обмер — в возбужденном состоянии. **16 на 4 сантиметра**, господин Шиве! 16 на 4! Научно проверено!

Шиве *(с туповатым видом)*. Шестнадцать на четыре.

Стриндберг *(торжествующе)*. Вот именно!

Шиве. Шестнадцать на четыре... четыре сантиметра — это в окружности?

Стриндберг *(взрывается)*. Осел! Длина 16, диаметр 4! Это диаметр!

Шиве. Ах, диаметр, ага... *(Похоже, напряженно размышляет.)* Сам я обычно поперек не меряю... но может, и стоит... пожалуй, вы правы...

Стриндберг *(заинтересованно и дружелюбно)*. Окружность определяется таким образом: берут диаметр, делят на 2 и получают радиус, а потом вычисляют по формуле 2 Пи Эр!

Шиве. Два фи... эр?

Стриндберг. 2, умноженное на Пи, умноженное на радиус. Пи равняется 3,14, это величина постоянная. Радиус в нашем случае составляет 2 сантиметра. Следовательно, окружность будет 2, умноженное на 3,14, умноженное на 2. Получаем 12,56 сантиметра. Большая разница!

Шиве. Конечно... конечно... огромная...

Стриндберг. 4 сантиметра в окружности — это же вот такой!.. Как карандаш!

Ш и в е. Конечно. Разумеется.

С т р и н д б е р г (*деловито*). У меня же окружность 12,56 сантиметра. Совершенно точно. Я уже раньше вычислял.

Ш и в е. Я вам полностью верю... полностью... (*Пытается запомнить.*) Два, умноженное на Пи, умноженное на радиус... два, умноженное на Пи, умноженное на радиус...

Д а в и д. Господи, и чем они занимаются...

С т р и н д б е р г. **Математикой!** (*Тихо.*) 16 на 4. Вот так на ложных предпосылках складывается общественное мнение. (*Молчит.*) А она все равно продолжала кидать камешки в мой огород. Свою же собственную неверность (*мрачно смотрит на нее*) — со всеми этими бесталанными театральными фанфаронами и пучеглазыми чухонцами — настоящее моральное преступление с возможными последствиями — внебрачными детьми, сифилисом, — естественно, оправдывала перед окружающими тем, что она называла... моей слабостью. (*Кружит по сцене, среди кулис, мечется, не находя себе места, со все более нарастающим сдержанным бешенством и подавленным отчаянием. На фоне кулис, размалеванных львами, мускулистыми дикарями и индейцами, он кажется совсем маленьким, по-детски хрупким.*) Это я-то **слабый!** Я, который исколесил всю Францию третьим классом, включая пешие переходы с тяжелой поклажей! За 21 день! Совершал восхождение на горные вершины, верхом, за сутки покрыл расстояние от Веве до Лозанны и обратно! (*Теперь уже не скрывая отчаяния, со слезами незаслуженной обиды на глазах.*) Этим летом, с риском для жизни, переплыл Фирвальдштетское озеро! Ледяная вода, смертельный страх! Прошел на веслах от Чуммендэ до Даларэ и обратно, один! И так далее и так далее! И я после этого слабый! Почему же я все это тогда проделал?

Д а в и д. Хороший вопрос.

Ш и в е. Успокойтесь, господин Стриндберг! Господин Стриндберг!

С т р и н д б е р г (*садится, зажав голову между руками, дрожа всем телом*). Я понимаю... это смешно. Я не имею права так **унижать** себя. Господин Шиве, почему я вынужден, почему они заставляют меня так **унижаться**... должна же существо-

Стриндберг (*сердито*). Может, это и вас касается! Может, вы тоже станете лишними! (*В волнении, все более путано.*) А новейшие требования... согласно последним исследованиям эти новые женские половые органы одним лишь мембрумом удовлетворить нельзя... новое, новое... новые правила... понимаете, господин Шиве, все шатается. (*Орет.*) Меня называют мстительным! Да, я не позволю бабам убивать меня! Око за око в целях самозащиты! (*Хитро.*) А месть указывает, да просто доказывает наличие вины! Вина есть месть, а месть — следствие! Ведь мстить невинному — бессмыслица! Следовательно, дамочки виноваты!

Давид (*забавляясь*). Господин Стриндберг, я не встречала ни одного человека с такой явно выраженной женской логикой, как у вас. Ни в жизни, ни в литературе.

Стриндберг (*сдержанно*). У женщин логика отсутствует вовсе.

Давид. Именно это я и имела в виду. Но у вас к тому же эта «женская логика» и проявляется весьма забавно. Само отсутствие логики у вас обретаёт... эстетическую ценность.

Стриндберг с недовольным, измученным видом устался на нее.

Давид (*дружелюбно, с любопытством*). В вас прячется маленькая изящная женщина, господин Стриндберг.

Шиве (*возмущенно*). «Маленькая изящная женщина»... так называть его... как вы можете бросать подобное в лицо господину Стриндбергу!

Давид. Нежная, загадочная, маленькая женщина с богатой интуицией, которую вы непрерывно преследуете и...

Шиве. Нет, я вынужден от имени господина Стриндберга заявить протест. Это просто свинство... маленькая изящная женщина... избавьте его от необходимости выслушивать подобные... это...

Стриндберг. Не я преследую. Вы.

Давид. Мы? Кто мы?

Стриндберг (*совсем тихо*). Вы никогда не позволяли мне быть самим собой. Поэтому я так отчаянно и ненавижу вас... Я хотел сказать: ненавижу их.

Давид. Поэтому...

Стриндберг. Именно поэтому.

Давид. Исходя из собственного опыта, я, пожалуй, понимаю, что вы... пытаетесь сказать.

Стриндберг. Вот как. *(Молча смотрит на нее)*. Да.

Давид встает, берет бутылку пива, открывает.

Стриндберг *(нейтрально)*. Четвертая.

Давид. Точно.

Стриндберг. Пьянство сведет вас в могилу.

Давид. Весьма вероятно.

Стриндберг. И все-таки вы живете жизнью свободного человека. Знаете... *(испуганно оглядывается, понижает голос)* если вы обещаете не распространять это дальше...

Давид. Обещаю. Говорите.

Стриндберг. Я питаю к вам своего рода симпатию. Уважение. Вы не только мелете языком. Вы что-то делаете со своей жизнью.

Давид. Большое спасибо.

Стриндберг *(заинтересованно и доверительно)*. Видите ли, у нас сейчас 1889 год. А эти чертовы эмансипэ десятилетие за десятилетием все талдычат и талдычат об освобождении женщин. Но ни черта не делают. Более половины населения земли составляют женщины. Но эти заячьи души до сих пор не освободились. В истории полным-полно примеров того, как угнетенные мужчины поднимались против угнетателей и в борьбе обретали свободу. Женщины же лишь чешут языками. Вот это-то и сводит меня с ума. Я с головой погружаюсь в работу и через полгода вынырываю, держа в руках две пьесы, роман и пятнадцать статей, а бабы по-прежнему чешут языками. В тех же салонах. Может, они прикончили хоть одного угнетателя? Перерезали кому-нибудь горло? Взорвали тюрьму? Организовали беспорядки? Может, стены обрызганы кровью? Ничего подобного! Павианихи продолжают точить ляды! В тот день, когда они **завоюют** себе свободу, я начну их уважать!

Давид. И встанете на их сторону?

Стриндберг *(изумлен до предела)*. Естественно, нет! Буду бороться с ними яростнее, чем когда-либо! Но с уважением!

- Д а в и д. Ох, уж это мне уважение... высокомерие самца...
- С т р и н д б е р г. Вы же боитесь свободы!
- Д а в и д. Да неужели?
- С т р и н д б е р г. А получив свободу, павианихи сопьются!
- Д а в и д. (*абсолютно бесстрастно*). Я вас разочарую. Ваш взгляд на женщин мне вовсе не кажется столь уж реакционным. Но вам так и не удалось... понять... выяснить... как, собственно, выглядит... тюрьма... или свобода...
- С т р и н д б е р г. Ну конечно, опять нитье... нитье... проклятая пассивная болтовня! Через сто лет весь мужской пол, не вынеся этого нитья, покончит с собой... и борьба полов прекратится...
- Д а в и д. Не слишком остроумно. (*Идет за новой бутылкой пива, открывает ее.*)
- С т р и н д б е р г. Пятая.
- Д а в и д. Точно.
- С т р и н д б е р г. Пьянство сведет вас в могилу.
- Д а в и д. Весьма вероятно.
- С т р и н д б е р г. Все-таки жалко.
- Д а в и д. Завтра вы будете думать по-другому.
- С т р и н д б е р г. А из-за чего вы, собственно говоря, начали пить?
- Д а в и д. Да уж не из-за этой треклятой свободы.
- С т р и н д б е р г. (*одобряюще*). Очевидно, заурядная слабость характера. Возможно, нечто врожденное. Дурная кровь, наверно. (*Смотрит на нее с любопытством.*) Говорят... я слышал, будто бы Георг Брандес... которого называют также великим Брандесом... ваш отец? Будто бы он в молодости бывал в вашем доме и вступил в связь с вашей матерью, несмотря на то что она была замужем... это правда?
- Д а в и д. Брандес, этот говенный радикал...
- С т р и н д б е р г. Вот как?! (*Слегка просяял.*) А у вас все же есть литературный вкус! Значит, откуда и слабость вашего характера!
- Д а в и д. Ах, господин Стриндберг. (*Задумчиво.*) Если бы вам довелось встретиться с моей матерью. Внебрачное дитя с Дюбегаде, 185, вознесенное до положения рабыни на плантациях копенгагенской аристократии. Ах, господин Стринд-

берг, если бы вы когда-нибудь захотели написать о дочерях служанки тоже. Но вы не хотите.

С т р и н д б е р г (*не слушает, ходит по сцене, заложив руки за спину*). Просто кровь стынет в жилах. Дочь Брандеса... чумная зараза в моем доме... я всегда подозревал, что этот Брандес... Он же где-то пишет о вашей матери... этой «угнетенной женщине», как она открыла ему глаза на «тюрьму», каковой является институт брака... верно ведь? Брандес, любимец женских лиг...

С и р и (*с кровати в глубине сцены*). Ты же льешь воду на его мельницу. Заговоры и женские лиги. Теперь держись.

С т р и н д б е р г. Гадючье отродье. Я так и знал.

Д а в и д (*уже несколько осоловело*). Ах, великий Брандес. Утонченно культурный господин. Высококультурный. (*С оттенком иронии.*) С правильными взглядами на все, да какой толк был от них моей матери. Конечно, он писал о ней, потому что никогда прежде не встречал такой женщины — она ни перед кем не склоняла головы. Так экзотично, потрясающе, дитя природы в неволе, птица... а? Птица в клетке... он растроган до глубины души... и в конце концов уговорил ее бежать, бросить свою дерьмовую жизнь. Со мной и моим братом, прямо как в книжке, великая литература. Хотя потом, когда капкан захлопнулся, начались мучения.

С т р и н д б е р г. Кража чужой жены. Сопровождается мучениями... или муками...

Д а в и д. Она, наверное, думала, что Брандес и есть **свобода**... что он и есть ее новая жизнь... что можно убежать. А Брандес ее, по сути, и не любил. Испытывал лишь пылкое **сострадание** к ней... такой прекрасной... такой угнетенной своим престарелым мужем-сифилитиком... какая трагедия... Какая великая **литература!** (*Задумчиво.*) Она и правда была красива. Самая красивая рабыня на всей плантации. (*С нарастающей силой.*) Но ведь она ничего не знала и не умела! Ничему не выучилась, просто служила украшением... и после побега эта самая свобода превратилась в муку. Книг она никаких не читала... спектаклей никаких не видела... поддерживать разговор не могла... из тюрьмы-то, как выяснилось, **убежать** нельзя. Тюрьма следует за тобой повсюду!

А господин Брандес был ведь таким утонченно культурным гуманистом, преисполнен таким состраданием... к **угнетенным**... но когда моя мать обрела свободу, свобода оказалась такой **мучительной**... для всех... Так что ничего не вышло.

Стриндберг. Она, надо полагать, спилась.

Давид (*задумчиво*). Иногда, вспоминая всех радикальных, утонченно культурных, свободных от предрассудков гуманистов, с которыми мне пришлось столкнуться в жизни, я испытываю удовольствие от разговора с дерьмом, подобным вам, господин Стриндберг!

Стриндберг. Так, стало быть, Брандес все-таки ваш отец! И стало быть, несчастному, старому... **обманутому женой!**.. законному супругу... пришлось взять на себя ваше содержание, пришлось стать посмешищем в сочинениях литератора, дать приют незаконным детям, кормить жену-паразитку...

Давид. Успокойтесь, господин Стриндберг. Брандес не был моим отцом. Единственно, в чем сомневалась моя мать в моем случае, — какое именно изнасилование, совершенное моим почтенным законным родителем-сифилитиком, — в среду или пятницу, привело к данному результату. Видите ли, у него были крайне устоявшиеся привычки!

Стриндберг. Крысы в яме.

Давид. Я-то помню ее в основном уже после того, как она... обрела свободу. Вообще, эта самая свобода превратилась у нее в какую-то абсолютно извращенную идею. Она вбила себе в голову — что за жуткая противоестественная мысль! — будто вовсе не является постоянно готовой к совокуплению павианихой с преступной психологией. Подобные ложные представления весьма быстро сводят женщин в могилу, господин Стриндберг!

Стриндберг. Ну и...

Давид. Ее подкосило, как она однажды призналась мне, что в этой свободе она вроде оказалась никому **не нужна**. Она была совершенно... свобода была совершенно...

Стриндберг (*тихо*). ...бесполезной. Я знаю.

Давид (*испытующе, слегка охмелев, смотрит на него*). Знаете? (*Пауза.*) Знаете, господин Стриндберг? И помните ту ночь,

в Гре, после нашего прощального ужина? (*Очень деловито.*) Как прекрасно вы ее описали. Какие невыразимо красивые слова. «Ласковый дождь». «Влажная ночь!» И вот это... «увидел, как это датское чудовище целует»... и еще в конце этот прелестный «серый рассвет». «Ночь трибад». Вот только интересно, вы хоть разочек представили себе, что должна была чувствовать я – человек, которого с соблюдением всех правил приличий выкинули вон, словно бесполезную крысу? «В то время, когда мы устроили прощальный ужин для наших друзей». До чего невероятно **культурно!**

Стриндберг. Не пейте больше. (*Измученно замолкает.*) Да. Я помню.

Давид. Вы сказали, что напоили рьжую до положения риз. Что ж, так оно, верно, и было. Ибо под утро вся эта невероятная **культурность** улетучилась и все стали жутко... жутко откровенными. Помню, мы стояли перед домом, у дороги. Я. Сири. И вы. Помните?!

Стриндберг. Да.

Давид. Еще бы вам не помнить.

Стриндберг, пока Мари говорит, движется, словно во сне, в льдисто-голубой холодной дымке. Вместе с Сири. Их движения замедленны, они кричат и разговаривают, беззвучно, белые лица, открытые рты, но слышен лишь голос Мари. Это недобрый, замедленный сон, но вот в речь Мари негромко, но настойчиво вплетается музыка. Стриндберг и Сири, окутанные голубоватым светом, танцуют свой медленный, неумолимый танец вокруг Мари, рассказывающей об одном раннем утре в Гре.

Давид. Мне было ужасно плохо. Одной рукой я оперлась о... кажется, о столб ворот, и меня вырвало. И все потекло на платье. Ох, до чего ж худо мне было. А Сири все бегала по дороге какими-то бессмысленными кругами, плакала и кричала. Бегала, плакала и кричала. А меня рвало, и все текло на платье. О, как это было ужасно. И мне предстояло уезжать. И Сири плакала. Ведь это все равно что разрубить сиамских близнецов топором мясника, вам такое в голову не приходило? Не приходило?

Стриндберг – голубоватое лицо, рот раскрыт, медленные, пронизанные страхом движения, он кружит вокруг нее, все время тыча в нее пальцем, Сири танцует по внешнему кругу.

Д а в и д. Вы стояли в метре-двух от меня, я была мертвецки пьяна, но видела ваше лицо и ваш шевелящийся рот. Беззвучно. По-моему, вы что-то орали, осыпали меня бранью. Я ничего не слышала, но, наверное, вы поливали меня последними словами. Мне было так невыносимо плохо. Неподалеку на нас тарачились какие-то ребятишки... деревенские, должно быть. Но я видела лишь ваше лицо. Пепельно-серое. И черной дырой шевелился рот, но я все равно не слышала ни звука. И вдруг, мгновенно... вдруг я почувствовала к вам страшную симпатию.

Стриндберг замирает, свет белеет, движение прекращается, рот закрывается, музыка скользит ввысь и смолкает, он открывает глаза и вперяется в пустоту.

Д а в и д. Мне показалось, я поняла вас, поняла до конца. Мы оба были никому не нужны. О, какая страшная минута. Словно это безумное, землисто-серое лицо с черной дырой вместо рта было мое собственное. И мое тоже.

С т р и н д б е р г (*они стоят почти вплотную, он поднимает руку, чуть ли не стеснительно, и касается ее щеки. Полная тишина*). Да. Да.

Д а в и д. В Гре, наверное, разыгрался страшный скандал.

Стриндберг молчит.

Ш и в е (*как-то неуверенно, хочет переломить настроение, собирается с духом, приближается едва слышными шагами*). Я со своей стороны смотрю на женщину как на цветок...

С т р и н д б е р г. Что?

Ш и в е. Разве не следует... стараться... воспринимать женскую сущность... в виде растения...

С т р и н д б е р г (*безжизненно*). О Господи, этот идиот все еще здесь...

Ш и в е. Мы же фотографа ожидаем. Он должен прийти сегодня вечером.

Стриндберг. Фотографа.

Шиве. Чтобы увековечить вас с труппой Дагмартеатра. Для потомков.

Стриндберг. Для потомков. Ах, для этих, да, да.

Шиве. Сходить... узнать... где он?

Стриндберг. Сходите.

Шиве. Господин Стриндберг? (*Почти застенчиво.*) Я сегодня понял, что, пожалуй... недостаточно силен. Для театра. Это как-то... очевидно. Недостаточно сильный. Пожалуй, стоит поменять... Подумываю о страховом деле, пожалуй. Но вы, вы... (*Замолкает, безжизненно смотрит на Стриндберга и говорит извиняющимся тоном.*) Простите. Простите. (*Уходит.*)

Сирри (*лежащая на кровати, встает, подходит*). Ничего у нас не получится. Полагаю, это конец моей театральной карьеры.

Стриндберг. Театр безутешен.

Сирри. Ничего не поделаешь, я все же питала определенные надежды. (*Смотрит вслед Шиве.*) Даже он, Бог знает, вернется ли.

Давид. Так что, значит, **конец**?

Стриндберг (*садится, измученно, но упрямо*). Нет, надо продолжать. Собраться с силами. Я в долгах, нам всем нужны деньги, а занять негде. Осталась единственная лазейка – этот вот экспериментальный театр. Ни один другой театр не желает меня ставить. Ни один издатель не берет моих книг, никому не интересны мои статьи, все говорят об мне гадости. Десять лет преследований, они загнали меня сюда, на дно. В эту проклятую крысиную нору, Дагмартеатр, с этой проклятой пьесой – это все, что у нас есть. Но мы еще кое на что годимся, следовательно, обязаны завершить репетиции «Сильнейшей». Все очень просто.

Сирри. Значит?

Стриндберг. Значит. Продолжаем.

Давид. Да.

Стриндберг (*с трудом*). Страница 5, сверху. «Странное у нас было знакомство».

Сирри. «Странное у нас было знакомство». (Пауза, смотрит на Мари.) Да уж, действительно.

Стриндберг (*дружески*). Продолжай.

Сире. «Странно у нас было знакомство – увидев тебя впервые, я испугалась, так испугалась, что не смела выпустить тебя из виду; что бы ни делала, всегда старалась держаться к тебе поближе – я не отваживалась быть твоим недругом, поэтому стала твоим другом». (*Ледяным тоном.*) Ложь от начала до конца. (*Продолжает как ни в чем не бывало.*) «Но когда ты приходила к нам, возникала некая дисгармония, поскольку я замечала, что мой муж тебя не переносит». Совершенно верно. Он понял, что свобода – штука заразная. «И я чувствовала себя не в своей тарелке, как бывает, когда платье плохо сидит, – и всячески пыталась заставить его быть с тобой поприветливее, но безуспешно – пока ты вдруг не объявила о своей помолвке! Тут-то и началась такая горячая дружба, что у меня сперва создалось впечатление, будто вы лишь теперь, после того как ты очутилась под надежным прикрытием, осмелились показать свои истинные чувства». Под надежным прикрытием в тюрьме, хочет он сказать. Должна признать – поистине гениально все перевернуто с ног на голову. Это что же, бедняжка Софи, значит, жених... и если бы они с Мари были вместе... ты бы не так сильно ревновал... но дело-то в том, мой милый, что ведь это **ты** ревновал к...

Стриндберг (*в страшном раздражении*). К черту комментарии! Что за неслыханная манера принимать прочитанное на свой счет... просто неслыханные самонадеянность и эгоцентризм... как будто и **сомнений быть не может**, что речь идет о тебе и твоих чертовых обезьянах... точно ты пуп земли... Хватит болтать, играй! Ты должна раз и навсегда научиться играть и держать рот на замке!

Сире. И пусть тогда из ушей лезет?

Стриндберг. Заткнись и играй!

Сире. Ну ладно, только вот пьеса прескверная, и к тому же сплошное вранье, я все отчетливее это вижу... теперь, когда мы сами... Успех в Копенгагене ей можно обеспечить лишь одним способом – сыграть ее на финском языке, объявив, что это что-нибудь из Ибсена!

Стриндберг (*в бешенстве, энергично тычет в нее пальцем*).

Тебя! Тебя! Тебя я больше ни словом не упомяну в своих книгах! В наказание!

С и р и. Ой, помогите! Умираю. Не ослышалась ли я?

Д а в и д. Но разве обязательно, играя эту пьесу, выяснять, что на самом деле правда, а что ложь, это же...

С т р и н д б е р г (*энергично тычет пальцем в текст пьесы*). Истинно каждое слово! Чистая документальная правда! И никаким враньем вам от нее не открутиться! Это документ! Разве в нашем браке не возникла дисгармония, точно как я здесь **документально зафиксировал**, не возникла, может, в нашем браке дисгармония, когда появилась эта корова???

С и р и. Милый малыш Август. Тебя всегда, во все времена, как и множество других мужчин, охватывал и охватывает совершенно нелепый страх при встрече со свободной женщиной. Часы у тебя в штанах заливаются тревожным звоном. Б-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з! Опасно! Б-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з! И ты до смерти пугаешься и кричишь, что она лесбиянка. Б-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з...

С т р и н д б е р г. Так! Может, она не лесбиянка? А?!

Д а в и д. Ну а если и так: so what?!!

С т р и н д б е р г (*веско, страстно*). Не свободной женщины я боюсь. Тебе прекрасно известно, что других я просто не **перевариваю**. Но эти свободные женщины обязаны **работать, любить** меня, а не говорить гадости и **издеваться над моим стручком!!!**

С и р и. Да, для тебя женщина определенно не цветок...

С т р и н д б е р г. Тогда уж цветок мака. Красивый снаружи, а внутри – опиум. Опиум! Раз попробуешь – и все, больше ты без него жить не в силах, превращаешься в раба. Опьяняет и поработает. (*В восхищении от придуманного им образа*.) Женщина – это цветок мака!

С и р и. О, сколько же в нем ненависти к женщинам... не понимаю...

С т р и н д б е р г. О, сколько же **дерьмовой чепухи** болтают о моей ненависти к женщинам. (*С большим пафосом и оттенком жалости к себе*.) Я ничего, абсолютно ничего не имею против женщин. (*Тычет обвиняюще пальцем*.) Вот ты, ты бы хотела, чтобы твоя дочь вышла замуж за женщину?!

¹ что из того – англ.

С и р и. Господи, вот облегчение было бы.

Д а в и д. Что же это за мир такой... что же это за... где люди, подобные вам, **вынуждены** кричать, доказывать, измерять длину и диаметр, бояться, считать нас наркотиком и...

С т р и н д б е р г (*не слушает, внезапно голос у него становится похожим на голос покинутого ребенка*). Сири, я знаю, ты исчезнешь, сегодня последняя ночь в нашей жизни. Я больше никогда не увижу детей, я знаю, ты будешь беспощадна, я больше не увижу ни Карин... ни Грету... ни Путте. Это так, Сири. И я знаю, что должен либо умереть, либо выжить. **А я могу жить, только имея рядом женщину.** Ужасно. Пойду к Эрваллю, в детскую клинику. Пусть найдет мне женщину, недавно родившую ребенка. Отец неизвестен, сгинул. Молодую женщину, не обязательно красивую. Женщину лет 25 – с бедрами и грудью. Я стану заботиться о ее ребенке, воспитывать его, буду трахать ее и делать новых детей. Дети мне необходимы, я не могу жить без детского крика.

С и р и. Вот его философия.

С т р и н д б е р г. Думаешь, я один такой?

С и р и. Нет, в этом-то все и дело. Угнетать новых рабынь. Нас, угнетенных женщин, вы...

С т р и н д б е р г. Нас, угнетенных! **Нас!** Кто же эти, черт подери, мы? Многие столетия шведская крестьянка занимается своим ремеслом, то есть крестьянским трудом, но помимо этого планирует семейный бюджет, ведет домашнее хозяйство, воспитывает детей, является высшим религиозным авторитетом в семье, вообще определяет практически все! А муж везет свой воз и подчиняется. Такова действительность для большинства женщин, фрёкен фон Эссен! И вот приезжает из Финляндии какая-то чертова аристократка, не ударившая в жизни палец о палец, и начинает болтать о **нас, угнетенных!** Ты не имеешь никакого **права!** Даже говорить от имени истинно угнетенных! Была бы здесь моя мать (*чуть ли не со слезами*) – эта прекрасная, **молчаливая**, терпеливая, замечательная, угнетенная тяжким трудом женщина – она бы **откусила тебе задницу!!!** Молча, без единого лишнего слова!

Д а в и д. Концы с концами не сходятся, господин Стриндберг. У вас **правда** женская логика.

С т р и н д б е р г (*орет*). Но моя интуиция намного превосходит вашу! Я чую правду за десятки километров! Носом чую! **Приношу в зубы!**

С и р и (*беспокойно ходит взад и вперед*). В отличие от вас... меня это вовсе не забавляет. Слышала неоднократно. Все эти принесенные в зубы истины. Эта благородно молчащая покойная мать. Эта тихая...

С т р и н д б е р г. Ты **не смеешь!** Не смеешь касаться ее! **Не смеешь касаться ее святой памяти!** Если ты хоть словом...

С и р и. Господи Иисусе. Ой. Нет, нет. Я думаю лишь об одном. Состоится ли 9 марта 1889 года мой второй дебют на сцене Дагмартеатра или нет?

Д а в и д. Сири права.

С т р и н д б е р г. Да, да. В кои-то веки. Уже поздно, мы устали, но это верно. Надо постараться закончить. Давайте сосредоточимся... возьмем самый трудный кусок. Может, странице 8? Страница 8. Длинный, исполненный ненависти монолог, когда она поняла, что подруга однажды пыталась увести у нее мужа.

С и р и. Да, слушаю... и ушам не верю. Теперь правильно?

С т р и н д б е р г (*не обращая внимания*). Таков текст! Текст надо уважать! В пьесе написано, что женщины ведут борьбу за одного и того же мужчину. Который отсутствует и тем не менее находится **в центре** происходящего. Обе любят отсутствующего и сражаются за него. Таков текст!

С и р и. Да, милый. Мы любим его. Страстно. Можно я время от времени буду целовать его портрет? Это было бы?..

С т р и н д б е р г. Страница 8, сверху. «Поэтому...».

С и р и. Итак, Мари. Итак, мы снова репетируем.

С т р и н д б е р г. «Поэтому!» Да начинай же, черт возьми!

С и р и (*Мари устало привалилась к гигантской спинке кровати, Сири осторожно пристраивается рядом. И начинает спокойно, чуть ли не смиренно, с интонацией, идущей абсолютно вразрез содержанию, читать: голос теплый, интимный, словно ласкающий*). «Поэтому я должна была вышивать тюльпаны, которые я ненавижу — ведь их любила ты, поэтому

(берет руку Мари в свою и начинает ласково поглаживать) поэтому лето мы должны были проводить на Мэларен — ты же не выносила моря; поэтому моего малыша называли Эскилем — ведь так звали твоего отца; поэтому мне приходилось носить твои любимые цвета, читать твоих любимых писателей, есть твои любимые блюда, пить твои любимые напитки — шоколад, например; поэтому — о Господи — до чего мерзко *(с большой теплотой и нежностью, чуть улыбаясь)* как подумаю, до того мерзко становится, до того мерзко...»

Стриндберг *(нерешительно-просительным тоном)*. Сири, ты же читаешь абсолютно неправильно, ты взяла неверный тон. Сири, монолог должен дышать ненавистью! Ненавистью! Ты должна играть с ненавистью!

Сири *(словно и не слышала)*. «Все, все переходило от тебя ко мне. Даже твои страсти. Твоя душа вгрызалась в мою, как червь в яблоко, пожирая кусок за куском, пока от нее не осталась пустая оболочка и горстка черной муки». *(Все больше изнемогая, ласкает Мари.)* «Я пыталась убежать от тебя, но не сумела; ты, словно змея, заморозила меня своими черными глазами — я расправляла крылья, но они лишь камнем тянули меня вниз; я барахталась в воде со связанными ногами, и чем энергичнее работала руками, тем глубже уходила под воду, погружалась все глубже, пока не достигла дна, где ты, точно гигантский краб, изготовилась схватить меня своими клешнями — так я теперь там и лежу. *(С невыразимым покоем и нежностью.)* Ох, как же я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу».

Стриндберг *(уронив пьесу на пол, тихо раскачивается посередине сцены, потом детским, тонким голосом произносит)*. Сири. Это не так надо играть... я же не то хотел... Сири...

Сири *(выпустила из рук тетрадку с ролью, и, судорожно, крепко обняв Мари, ласкает ее. Объятия становятся все более страстными. Внезапно Сири начинает плакать. Она рыдает все отчаяннее, безнадежнее. Прижимается головой к груди Мари, гладит ее, судорожно, но счастливо всхлипывая)*. О, Мари, Мари. Я была так одинока.

Давид *(с закрытыми глазами держит в объятиях Сири, словно*

Стриндберг. Я знал, что все кончено. И все-таки написал так, как бы мне хотелось, чтобы было на самом деле.

Давид. Как бы вам хотелось?

Стриндберг. Иногда надо писать так, как тебе хочется, чтобы было на самом деле. Почему знать. А вдруг поможет.

Давид внимательно смотрит на него, ничего не отвечая.

Стриндберг (*почти с детским изумлением*). Я чувствую себя совершенно пустым. Абсолютно невесомым. Словно бы от меня осталась тонкая скорлупка. Пустая.

Давид. Господин Стриндберг, то, что вы писали о браке, мне всегда представлялось очень правдивым. И вы сами казались мне самым правдивым человеком из всех, кого я знаю. А вы, оказывается, беспрестанно лгали... трудно поверить...

Стриндберг. Если бросить двух крыс в яму, фрёкен Давид, они начинают кричать. И превращаются в каннибалов. Так-то вот. Я кричу. Выгашите же меня из ямы, фрёкен Давид.

Давид. Да. Я понимаю.

Стриндберг. Нет, не понимаете. Ведь яму-то я тоже любил.

Давид не отвечает.

Стриндберг. У нас с Сири все было так, как, наверное, бывает у большинства. Мы считали, будто безраздельно владеем друг другом, и всю жизнь только и делали, что ставили друг другу палки в колеса. Обладая мы большей душевной щедростью, может, все бы сложилось по-иному.

Давид (*кивает, колеблется, осторожно говорит*). Вы, наверное, догадываетесь, что мы с Сири... собираемся жить вместе.

Стриндберг (*после долгого молчания*). Догадываюсь.

Давид. Можно мне сделать еще одно признание?

Стриндберг. Да?

Давид. Вы мне не совсем противны.

Стриндберг. Благодарю. (*Какое-то время молчит.*) Спасибо, вы мне тоже. (*Говорит совсем просто и очень приветливо.*) Я полагаю, вы догадываетесь, что в дальнейшем я буду вынужден бороться против вас.

Давид. Само собой.

Стриндберг (*столь же дружелюбно*). Что я, всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, буду обязан преследовать вас, как своего врага. Обязан... преследовать, клеветать, бороться. Понимаете, я вынужден.

Давид. Понимаю. И принимаю.

Стриндберг (*извиняющимся тоном*). Это неизбежно.

Давид. Я знаю. Таковы ведь условия нашей жизни.

Фотограф (*тихо, незаметно войдя в дверь, внезапно появляется на сцене с аппаратурой под мышкой – штатив, фотоаппарат, покрывало, ящик: осматривается, говорит без удивления*). Я туда пришел?

Сирри (*лежавшая, свернувшись калачиком, на кровати в глубине сцены, встает; сохраняя полное самообладание, поправляет волосы, разглаживает помявшееся платье, застегивает растегнувшуюся на груди пуговицу*). Туда. Можете приступать.

Стриндберг (*встает, подходит к рампе, говорит очень спокойно, обращаясь к публике*). После той ночной репетиции в копенгагенском Дагмартеатре в марте 1889 года все было кончено. Премьера «Сильнейшей» с Сири фон Эссен в главной роли, состоявшаяся 9 марта, с треском провалилась. Спектакль был сыгран всего один раз. Стриндберг вернулся в Швецию, развод стал свершившимся фактом. Сири фон Эссен съехала с Мари Давид, сначала они жили в Швеции, потом в Финляндии, где Мари – всего через несколько лет – умерла от туберкулеза. Но Стриндбергу все же довелось встретиться с Мари Каролин Давид еще раз. Произошло это случайно, в Леркила, 24 июня 1891 года. Однако они не успели обменяться ни единым словом, поскольку Стриндберг, в приступе дикого гнева, набросился на нее и столкнулся с лестницы, в результате чего она сильно ушиблась, но без серьезных последствий. Состоявшийся вскоре суд приговорил Стриндберга – за нанесение телесных повреждений – к штрафу в размере 135 крон. Это была их последняя встреча. Больше он ее не видел.

Фотограф. Я готов.

Сири подходит к Стриндбергу и берет его под руку. Он послушно, как дрессированная собачка, следует за ней, стараясь

попасть в ногу. Сири, взяв под руку Стриндберга, а под другую Мари, ведет их к нужному месту перед фотоаппаратом.

Ф о т о г р а ф. Господин должен встать посередине.

Они меняются местами. Теперь Стриндберг посередине. Слева от него Сири. Она нежно и преданно склонилась ему на плечо. По другую сторону – Мари. Она стоит, опустив голову, впол-оборота, словно бы глубоко задумавшись или же не желая иметь ничего общего с группой.

Стриндберг в центре, прямой и застывший. Взгляд устремлен прямо в объектив.

Ослепительная вспышка магния: льдисто-голубое облако заволакивает их лица смертельной бледностью. В то же мгновение сцена погружается в темноту, только что сделанный, увеличенный до огромных размеров снимок проецируется на задник, звучит громкая музыка.

Ларс Нурен
ОСЕНЬ И ЗИМА

Пьеса в двух действиях

Lars Norén
HÖST OCH VINTER

© Перевод со шведского Ю. Яхниной

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАРГАРЕТА.

ЭВА.

АННА.

ХЕНРИК.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

М а р г а р е т а. Неужели не вкусно?

Э в а. Еще, что ли, положить?..

А н н а. Да нет, просто мне эта, как ее, мазь в рот попала.

Э в а. Прямо не знаю.

М а р г а р е т а. А я столько усилий ради тебя приложила.

Х е н р и к. Может, ты не голодна?

А н н а. Человек обязан испытывать чувство голода.

Э в а. Effort¹.

А н н а. Самопожертвование.

Э в а. Усилие.

А н н а. Вот-вот, вкус и отдает усилием. Петер купил какое-то
снадобье, смазывать ногти Йону, он начал их грызть, я тоже
намазала для пробы, а оно попало в рот.

Э в а (*о салате*). Не знаю. Может быть.

Х е н р и к. Ты что, по-прежнему грызешь ногти?

М а р г а р е т а. Не она. Йон.

Э в а. Да, нелегко.

А н н а. Еще бы... На днях я попробовала салатную заправку, у
нее был такой чудной вкус, что я сказала Роберту, повару:
«Чего она у тебя такая едкая?» А потом поняла, что мне в
рот попала эта мазь. (*Наливает себе вина.*) А кто сказал, что
должно быть легко? Папа!

М а р г а р е т а (*дружельбно*). Тебе надо перестать грызть ногти.
Можно мне на них взглянуть?

А н н а (*Хенрику*). Еще вина?.. Нет, тебе нельзя.

М а р г а р е т а. Они становятся такими неопрятными.

Э в а. Разве нам не вдалбливали всю жизнь, что будет легко?

М а р г а р е т а. Это некрасивая дурная привычка.

Х е н р и к. А что, дурные привычки бывают красивыми?

¹ Усилие – франц.

Э в а. Но если я чего-то не могу, значит, не могу.
Х е н р и к (*прикрывает рукой стакан*). Нет, спасибо... Хватит.
М а р г а р е т а. Наверно, привычка грызть ногти – это что-то генетическое или наследственное. Хенрик тоже грызет их, когда размышляет... по вечерам.

А н н а. Мама?
Э в а. Это правда, папа?
М а р г а р е т а. Спасибо, дорогая. (*О вине.*) Пусть Хенрик выпьет и повеселеет. Хенрик... развеселись же хоть немного.

Х е н р и к. Я весел, Маргарета.
М а р г а р е т а. Ведь девочки сегодня с нами.
А н н а. Он встречается с девицей, которую все считают очень сексуальной. Все ее лапают, и персонал, и клиенты. А ему все до лампочки. Бедняга. По-моему, он педик.

Э в а (*Маргарете*). Ты поаккуратнее с платком, он от Гуччи.
А н н а. Она тоже официантка. Ей девятнадцать.
Э в а. Ты все время его выкручиваешь, будто это какая-то тряпка...
М а р г а р е т а. Что ты! Я с ним так бережна.
Э в а. ...из Нью-Йорка.

А н н а. Она его начинает крутить, когда я рот открываю. Ей не нравятся такие слова, как «педик», что бы она под этим ни понимала.

М а р г а р е т а. Он такой красивый, так приятно холодит... чудо. Мне все время хочется плотнее натянуть его, ощутить кожей... Он такой...

А н н а. И тогда она становится героиней мелодрамы.
М а р г а р е т а. Он так аппетитно, так прохладно шуршит...
Э в а. Папа?
Х е н р и к. Спасибо, довольно.
М а р г а р е т а. Выпей однажды стакан вина при всех.
Х е н р и к. Я вполне доволен... Вполне.
М а р г а р е т а. Да. В общем, все удалось... Правда, суп почему-то свернулся, но если не вглядываться, то и не заметишь.

Х е н р и к. Уж не потому ли мы сидим в темноте?
Э в а. Авокадо ты просто кладешь очищенным и даешь ему закипеть?

М а р г а р е т а. В том-то и дело, что кипеть он не должен.
Х е н р и к. Значит, это хрен...

М а р г а р е т а (*прислушивается*). Тише. Это они...

Х е н р и к. ...придает пикантность.

М а р г а р е т а. ...соседи напротив. А потом я разогрела паштет для Анны и сделала для нее особый соус.

А н н а. Незачем пересказывать подробности, мы все время здесь сидели.

М а р г а р е т а. Я ведь помню, она терпеть не может холодную пищу... Распустила немного масла и выжала лимон.

А н н а. Я обожаю холодную пищу, только не осенью! Не в октябре. Я обожаю холодную пищу! Но не в середине октября! В июле холодный паштет очень даже освежает.

М а р г а р е т а. У нас каждый звук слышен.

Х е н р и к. Это половица скрипнула.

М а р г а р е т а. Это твоя мать закашлялась. (*Показывает.*) Видишь, стекло запотело.

А н н а (*тоже показывает*). Это твоя мама.

Х е н р и к. Давным-давно.

А н н а. Удивительно ясный взгляд.

Х е н р и к. Хм.

М а р г а р е т а. Очень ясный. Таким он бывает, когда в голове муть. На днях она рассказывала мне, что по утрам ходит на аэробику.

Х е н р и к. Мама?

Э в а. А я ем что попало.

А н н а. Мертвые возвращаются... «Когда мы, мертвые, пробуждаемся».

М а р г а р е т а. Да нет, я о соседке. А дети остаются одни. (*Эве*). Вот именно.

Х е н р и к. Это очень вредно.

М а р г а р е т а. А ты ведь так прекрасно готовишь.

А н н а. Мне приходится следить, чтобы Йон хорошо питался.

Э в а. Я только успеваю перехватить холодный гамбургер.

А н н а. Он должен по вечерам получать полноценный ужин. Хотя он опять начал толстеть.

М а р г а р е т а (*Эве*). Но это безумие.

А н н а. У него тело дряблое — от отца.

Э в а. Расплата это, что ли? У меня нет времени жить нормальной жизнью.

А н н а. Тебе и платят соответственно.

Э в а. Я довольна, не жалею.

М а р г а р е т а. А я обычно ужинаю с Хенриком, когда он приходит с работы. Короткие минуты, когда можно расслабиться. И это так приятно.

Э в а. Вообще-то, по-моему, вино – гадость, но я стараюсь себя приучить.

Х е н р и к. Обычно я прихожу домой в полседьмого.

А н н а (Эве). У вас денег – не огребешь.

Э в а. Как сказать.

А н н а. У вас с Маттасом. Все, что можно купить, у вас есть.

Э в а. У нас хватает денег, чтобы хорошо себя чувствовать.

М а р г а р е т а. Как это ни глупо, но Хенрик всегда кричит, нет, сколько я знаю, голоса он никогда не повышает, но еще из прихожей несется: «Ау, это я... я дома». А кто еще это может быть, хотела бы я знать. Но я стараюсь к этому времени переделать все домашние дела и сама быть в форме, чтобы за ужином пропустить рюмочку хереса или виски.

Х е н р и к. Маргарета любит выпить рюмку хереса перед едой.

А н н а. Вилла в Стоксунде, которая стоит чертову прорву денег, «Альфа Ромео» и «БМВ».

Э в а. Ты забыла газонокосилку.

А н н а. Точно, мебель только от Буковского или из «Свенск Тен», персидские ковры, бидермейер, а одежды столько, что с души воротит.

М а р г а р е т а. А ведь как подумаешь, Хенрик, нам и вправду очень хорошо. Ты согласен? (Короткая пауза.) Безусловно. Вот я сама и ответила. По крайней мере, мне. Думаю, я стану настоящей отшельницей, на все буду иметь свой собственный взгляд, не считаться с тем, что думают другие, и покончу с ролью счастливой жены и матери. Если я буду здорова, смогу весь остаток жизни прожить на Уте, бродить в одиночестве по берегу да камушки перевертывать – ничего мне больше не надо. Но это я заслужила. Кое-что ведь зависело и от меня...

Э в а. Что именно, мама?

М а р г а р е т а. Что у нас такие способные дочери.

Э в а. Как сказать.

А н н а. Способные?

М а р г а р е т а. Конечно, я так считаю. Я считаю, что вы очень способные, обе. Не понимаю, как ты все успеваешь. Дом, друзья, ответственная работа, и ты еще находишь время каждую неделю бывать у нас.

Э в а. Я всегда очень тщательно планирую свой день.

А н н а. В отличие от меня.

М а р г а р е т а. Кое-что зависело ведь и от нас, правда, Хенрик? Мы вас выпустили в жизнь с хорошими навыками.

А н н а. Мои дни обычно планируют другие.

Х е н р и к. В каком смысле?

М а р г а р е т а. Наши девочки росли в спокойной и гармоничной обстановке.

А н н а. Где смерть, там всегда покой.

М а р г а р е т а. Я знаю, что, по крайней мере, Эва со мной согласна, она провела счастливые, безмятежные детские годы — здесь... с нами... с тобой и со мной...

А н н а. Как же.

М а р г а р е т а. Здоровая, спортивная, благополучная семья, слава Богу, никаких ссор и проблем... Но что ты имеешь в виду под «спортивной семьей», Эва?

Э в а. А разве я это сказала?

М а р г а р е т а. Можно ли нас назвать спортивными? Конечно, мы, как и другие семьи, совершали далекие прогулки, купались, но вот насчет спорта... Хенрик, может, вы с Эвой тайком занимались каким-нибудь спортом? Впрочем, да, ты водил ее на этот... на гандбол, а может, в балетный кружок... или это Анну?

Э в а. Мы с папой играли в гольф.

М а р г а р е т а. Впрочем ты, Анна, не любила никаких физических упражнений.

А н н а. А на танцы мы ходили ради красивой осанки, ради правильной, буржуазной осанки. *(Выпрямляется.)* Ради прямой и жесткой спины, такой, чтобы все от нее отскакивало.

М а р г а р е т а. Балет — очень полезное занятие. Он вырабатывает красивую осанку, учит плавным движениям, сдержанным, гибким.

Э в а *(Анне)*. Ух! Как трагично звучит...

А н н а. Чтобы ты могла видеть в нас свое собственное отражение.
М а р г а р е т а. Конечно, конечно... Но, несмотря ни на что, у
тебя, Хенрик, сильные, умные, самостоятельные дочери...
И красивые... если мне самой позволено это заметить.

Х е н р и к. Позволено.

М а р г а р е т а. Тут уж я ни при чем.

Э в а. Гольф для меня – единственная возможность расслабиться.

М а р г а р е т а. По-моему, Хенрику тоже надо бы снова заняться
гольфом, ведь ему скоро на пенсию. Тогда тебе не придется
скучать со мной. Кто мало двигается, быстро стареет. Надо
всегда находить себе какое-нибудь дело.

Э в а. Холодное, свежее осеннее утро... и ты одна на зеленой
площадке. Красота. Иногда можно увидеть... оленей.

М а р г а р е т а. Прелесть какая...

Э в а. ...которые идут себе куда-то.

М а р г а р е т а. Но я стараюсь не отставать от жизни. Не так уж
ведь я стара? Разве нет?

Э в а. Успеваешь вздохнуть.

А н н а. Ты говоришь так, будто мы – подростки.

Э в а. Мне сорок три. Я старая. Вымотанная.

А н н а. Мне тридцать восемь. Я тоже вымотана.

М а р г а р е т а. Да и ты, Хенрик. Ты все такой же молодой,
каким был, когда мы познакомились, разве стал немного...
как бы это сказать... меланхоличнее... печальнее, что ли.
Ну и на лбу залысины появились, что правда, то правда, но
в остальном ты такой же моложавый. А в очках, которые
тебе Эва подарила, выглядишь более современно.

Х е н р и к. Может, просто моя внешность вошла в моду по
второму кругу.

М а р г а р е т а (*признаваясь*). Хотя чувствуется... что-то такое
творится с телом... с характером. (*Смеется.*) В самые чер-
ные минуты мне начинает казаться, будто все здание уже
готово к сносу.

А н н а (*Эве*). Вы-то всегда выкрутитесь.

Э в а. А что, мы не имеем на это права?

А н н а. Это мы всегда влипаем. Это мы барахтаемся на дне.

Х е н р и к. Иметь деньги вовсе не так легко.

А н н а. Для меня это было бы легче легкого.

Х е н р и к. Тем, у кого много денег, приходится проститься с иллюзией, будто деньги решают какие-то серьезные проблемы, — они только создают новые.

Э в а. Хотя он тут купил видеокамеру со всеми причиндалами за двадцать тысяч с лишним. По-моему, это не так уж необходимо.

А н н а. Мне было бы стыдно. А тебе бывает когда-нибудь стыдно?

Э в а. Нет, я умею, так сказать, дистанцироваться.

А н н а. Как это понимать?

М а р г а р е т а. Но ведь это так приятно, можно снимать друзей и... знакомых.

А н н а. Ты, кажется, хотела сказать «детей»?

Э в а. На здоровье.

А н н а. Как мило.

М а р г а р е т а. С ней так просто управляться, она такая удобная и почти ничего не весит, а изображение все равно отчетливое.

Э в а. У некоторых деньги становятся едва ли не чертой характера.

Х е н р и к. Это тебе не наши старые восьмимиллиметровые пленки.

А н н а. А я люблю их, люблю... наши старые пленки, на которых мы выглядим как клоуны в дурдоме, ничего общего с жизнью — киваешь, хихикаешь, подпрыгиваешь, как идиотка, лишь бы на тебя кто-нибудь поглазел.

Э в а. Да, их можно много для чего использовать. *(Смеется.)*

Х е н р и к. А почему мы больше не смотрим эти фильмы?

А н н а. Ага, так-так... Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Э в а. Yes!

А н н а. Чего только не придумаешь, чтобы развлечься.

Х е н р и к. Просто тот, кто хорошо обеспечен, может приобрести кое-какие вещи немного раньше, чем другие... у которых такая возможность появится через несколько лет.

А н н а. Когда всем уже плевать, что она у тебя появилась.

Э в а. И тогда — одна тоска.

А н н а. Несешься вперед как осатанелая, только чтобы остаться на прежнем месте.

Да — англ.

М а р г а р е т а. Да, какой только видеоаппаратуры нет теперь в каждом доме.

А н н а. В моем доме ее нет, у нас нет даже цветного телека. Йон смотрит детские передачи по черно-белому.

Э в а. Деньги никого не делают богатым.

А н н а. Призови на помощь фантазию, говорю я.

Э в а. Мы живем почти как бедняки. Хотя работаем больше. Чтобы справиться с таким количеством работы, приходится иметь три машины...

М а р г а р е т а. Но ты получила прекрасное образование, Эва, оно же должно как-то окупиться. И ты столько работаешь.

Э в а. Мы живем самой нормальной жизнью.

А н н а. Ты только что говорила, что у тебя нет времени жить нормальной жизнью.

М а р г а р е т а. Да, но не экстравагантной.

А н н а. Помолчи!

Э в а. Жизнь, нормальной для людей, у которых все в порядке.

М а р г а р е т а. Твой начальник ни дня не смог бы без тебя обойтись. Это ты все держишь в руках. Ты должна хорошо выглядеть, со вкусом одеваться, следить, чтобы и Матиас, и твой шеф получали все, что каждому положено. Ты не можешь себе позволить ни устать, ни заболеть. Каждое утро должна выглядеть ухоженной.

А н н а. Не то, что я...

Э в а. Звучит жутковато...

М а р г а р е т а. Жутковато? Я не это имела в виду.

А н н а. А мне по фигу, что ты имеешь в виду.

Х е н р и к. Анна...

А н н а. Ну да, на кой хрен мне костюм для гольфа и сумки от Гуччи, как у дамочек с Эстермальма, если я – официантка в ресторане у педиков на Сёдере?

Х е н р и к. Анна. Анна. Анна.

М а р г а р е т а. Я заметила, что такого сорта люди очень ценят женскую элегантность... впрочем, может, на Сёдере это иначе. Но если придерживаться классического стиля – в зависимости от времени и материальных возможностей, – тогда...

А н н а. Тогда можно стать чуть ли не фашистом.

М а р г а р е т а. Нет, тогда это окупится. Я никогда не сэкономила на качестве. Я предпочитала жертвовать...

А н н а. ...солидарностью.

М а р г а р е т а. Удовольствиями и... поездками. Мы с Хенриком никогда не позволяли себе никаких разнузданных развлечений или дальних поездок.

А н н а. Все, чего я хочу, — это пристойного человеческого уровня.

Х е н р и к. Я помню, как мы однажды ездили в Италию.

М а р г а р е т а. Я не помню.

Х е н р и к. Вот как.

М а р г а р е т а. Что ж, рада за тебя.

Х е н р и к. Ты не можешь не помнить.

А н н а. Я хочу быть избавленной от проклятой необходимости каждую чертову секунду думать о том, как свести концы с концами. Впрочем, ради Иона я бы не прочь пожить где-нибудь в другом месте, а не в однокомнатной квартире на Санкт-Эриксгатан.

М а р г а р е т а. Я понимаю, понимаю.

Х е н р и к. Само собой.

Э в а. Кстати, я могу подвезти тебя, если хочешь.

А н н а. У нас даже посуду расставить негде.

М а р г а р е т а. Во всяком случае, я всегда заботилась о том, чтобы вы были аккуратно и хорошо одеты.

А н н а. Ну, понесла.

Х е н р и к. Кто бы говорил.

А н н а (*Хенрику*). А ты всегда ей подпеваешь. Неужели у тебя совсем нет ни мужества, ни характера?

Э в а (*беззаботно*). Не говори так с моим папой.

М а р г а р е т а. И вы были такие славненькие, такие чистенькие.

А н н а. Этакие малютки из Гитлерюгенд, или как их там еще.

М а р г а р е т а. Просто прелесть.

А н н а. Боже, как я ненавидела эту унылую, уродскую школьную форму из темно-зеленой шотландки, которую впору носить пятидесятилетним старухам, и все эти темно-синие грубошерстные пальто, которые ты напяливала на нас в магазине МЕА на Норрмальмсторг.

М а р г а р е т а (*Анне*). Ой, ты сигарету уронила! Подбери ее, подбери скорей, а то скатерть испортишь.

А н н а. Брр... Я вся чешусь, как только вспомню о них. Вся сыпью покрываюсь.

М а р г а р е т а. А мне казалось, что в МЕА замечательная одежда. Там было индивидуальное обслуживание, они помнили вас, знали, как вас зовут, с тех пор как вы были маленькими, туда еще моя мама меня водила, когда я сама была девочкой. Я очень горевала, когда они закрылись. Целая эпоха сошла в могилу. У них была моя мерка, они говорили с тобой, как старые знакомые.

А н н а. С того света?

М а р г а р е т а. Они знали мою фигуру... Они умели пригнать одежду так, чтобы скрыть все изъяны, которые появляются с годами, и ты чувствовала себя если не красивой, то по крайней мере... привлекательной. Они знали мое тело вдоль и поперек, как никто другой.

Э в а. Слышишь, папа?

А н н а. Она что хочешь наплетет.

Х е н р и к. Я там никогда не бывал.

А н н а. В школе я стеснялась, я чувствовала себя ряженой, бесформенным чучелом и, когда смотрелась в зеркало, говорила себе: «Это не ты, это мама...» Я дышать не могла, я была как в тюрьме, как в клетке. А потом, мне не нравилось, что я должна быть одета точь-в-точь как Эва, копия Эвы... словно между нами нет никакой разницы... А разница была чертовская. Я понимаю, ты любила таскаться с нами туда, где тебя встречают с таким вонючим подострастием. Поговорить-то тебе было почти не с кем.

М а р г а р е т а. А мне ты казалась такой милой в твоих платьицах.

Х е н р и к. А я и сейчас ношу те самые костюмы, что купил в пятидесятых годах.

А н н а. Это мне все детство отравило. И это тоже.

М а р г а р е т а. Вот как. Грустно это слышать, очень грустно. *(Намереваясь встать, начинает собирать тарелки.)* Посидим еще?

Э в а. А разве у нас есть выбор?

Х е н р и к. Да, невесело.

А н н а *(Хенрику)*. Похоже, это у тебя профзаболевание — гово-

рить штампованными фразами. Херес и штампы.
Х е н р и к. Херес люблю не я, а Маргарета.
М а р г а р е т а. От Эвы я никогда жалоб не слышала.
А н н а. А она и не жаловалась никогда.
Э в а. Ну вот, мы опять вернулись к тому, что люди любят одеваться красиво и дорого.
М а р г а р е т а. А какую же одежду ты хотела носить?
А н н а. Чтобы богатые выглядели как богачи, а обслуга как обслуга.
М а р г а р е т а. Мальчиковые комбинезоны.
Э в а. В наше время социальных низов в прямом смысле слова больше нет.
А н н а. Только в переносном. А я голой хотела ходить. У меня красивые карие глаза, вот и хватит, считала я.
Х е н р и к. Разве у тебя глаза карие?
А н н а. Иногда карие, иногда зеленые.
М а р г а р е т а. Но ведь у каждого есть возможность развивать способности, данные от природы... На этом, по-моему, все наше общество построено. Правда, я наблюдала это со стороны.
Х е н р и к. По-моему, сейчас по виду не определишь, из какого слоя вышел человек.
А н н а. И это, конечно, ужасно?
Х е н р и к. Наоборот.
А н н а. Тогда поезжайте в Тенста и Ринкебю или в другие пригородные районы, где нам с Йоном пришлось жить в первые годы, и поглядите... Я говорю о матерях-одиночках, о безработных, об алкоголиках, о детях, похожих на инопланетян, о тех, кто проиграл... Хотя мне повезло: мы были последним поколением, выросшим с наивной верой в будущее, унаследованной от таких, как вы, — что нам, мол, открыты все возможности для получения прекрасного образования, да и без него мы не пропадем, и материальные блага для нас никогда не иссякнут... Теперешняя молодежь знает, чего ей ждать от жизни. Но по-настоящему меня пугает другое: молодые богатеи, которые, точно грибы после дождя, расплодились на культуре и капитале, — вот у них и в самом деле бесстрастный ледяной взгляд инопланетян.

Они не верят ни в Бога, ни в какую-нибудь идею — они не любят ничего, кроме самих себя. А скоро именно они будут нами править, и тогда мы получим такое же холодное и жестокое общество, как в Америке... Там все человеческое давит капиталистический бульдозер, дети становятся наркоманами еще в материнской утробе, там больные СПИДОМ ходят по улицам с протянутой рукой, потому что их выгоняют с работы — им не предоставят даже койки в какой-нибудь занюханной больнице, пусть им и жить-то осталось всего неделю.

Хенрик. Место в американской больнице стоит безумных денег.

Эва (*встает, помогает Маргарете собрать тарелки*). Какой смысл тратить тысячи долларов на того, кто все равно через неделю умрет?

Анна. Ничего чудовищней этих слов я не слышала! Никогда!

Эва. Но раз им все равно так мало осталось?

Маргарета. Все же я считаю, что каждый имеет право на угол, где он может умереть. По-моему, это жестоко.

Эва. Да, жестоко. Но это жестокое общество. Те, у кого ничего нет, должны довольствоваться тем, что им дают.

Анна. Ты сама-то слышишь, что говоришь?

Эва. Конечно, слышу. Но ведь не я это придумала. (*Шукает рукой коренной зуб*.) Завтра мне надо к зубному.

Анна. Но до тех пор, пока вы можете на этом наживаться, вам без разницы...

Маргарета. По-моему, нам пора перейти в гостиную.

Анна (*вздыхает*). Господи... Папа...

Эва. Было бы странно, если бы у меня не оказалось дырок в зубах после всей кока-колы, что я выпила в Америке.

Анна. Папа!

Хенрик. Что такое?

Анна. Ничего... Отчалила наконец. (*Имеет в виду Маргарету, которая вышла в кухню*.)

Эва. Десять негрятят. Утопли... в кока-коле. Начинаешь от нее зависеть. Привыкаешь. (*Берет стул, на котором сидела, ищет, куда его поставить*.)

Анна (*Хенрику*). Как у тебя дела? Как ты себя чувствуешь?

Хенрик. Все хорошо.

Эва (*передвигает стул*). Где стоит этот стул?

Анна. Нигде. Возник неизвестно откуда.

Хенрик (*вставая*). Зависеть от кофеина, да. Дай я возьму.

Анна. Но у тебя ужасно усталый вид... усталый и несчастный.

Эва. Вот именно. Мы целыми днями накачивались кофеином, чтобы взбодрить себя во время дискуссий. Я каждые три часа заглатывала по пять-шесть таблеток, не меньше, и, по-моему, мне помогало.

Хенрик. Так нельзя!

Анна. Говорю тебе, усталый и несчастный.

Эва. Ну, а что делать, что делать?

Маргарета (*возвращается с большим подносом, начинает ставить на него посуду*). О чем ты, дружок?

Эва. В Нью-Йорке спать невозможно, не получается. И по-американски начинаешь думать в два раза быстрее. Я думала там гораздо быстрее, чем здесь.

Анна. Ты же у нас такая способная.

Маргарета (*Хенрику об остатках на столе*). Может, доешь? Хочешь? (*Пауза.*) Хочешь?

Эва. Да, я очень способная.

Маргарета. Вы всегда были способными, обе.

Эва. В Америке люди вообще гораздо более нервные. Они не в состоянии сосредоточиться на чем-нибудь дольше трех минут.

Маргарета. Обе невероятно честолюбивые... И способные к... в особенности к языкам. Ты ведь говоришь на семи языках.

Эва. На семи? Английский, французский...

Маргарета. Немецкий, испанский...

Эва. ...датский, итальянский... И латынь, получается восемь.

Анна. Семь!

Эва. Но латинский язык – мертвый, на нем не говорят. Так что он не в счет.

Анна. Что ж... лишь бы ты была счастлива.

Эва. Мертвый язык... Хочешь доесть, папа?

Хенрик. Но остался всего один кусок.

Анна. Тогда я съем.

Э в а. Я тоже хочу.

Х е н р и к. Спасибо.

Э в а. Тогда съем я.

А н н а. Кому же он все-таки достанется?

М а р г а р е т а. Поступим так, как когда вы были маленькими:
одна делит, другая выбирает.

А н н а. Да плевать мне... я просто из принципа.

Э в а. Отдай его папе.

М а р г а р е т а. Сейчас увидите, как надо делить по справедливости – до миллиметра.

А н н а. Если только я его не слопаю.

Э в а. Да ешь на здоровье!

Х е н р и к. Нет, нет, я пошутил.

А н н а. О Господи...

М а р г а р е т а. А вот я больше не хочу. Я совершенно сыта.

А н н а. Да плевать мне на это с высокой горы.

Х е н р и к. Пусть себе лежит на тарелке.

М а р г а р е т а. А потом он съест его тайком, вот увидите.

Э в а. Раз никто не хочет, то и я не хочу. *(Берет наполненную пепельницу и, держа перед собой, проходит через комнату к столу у окна.)* Церемонию торжественного открытия рикс-дага провел *(медленно опорожняет пепельницу в корзину для бумаг у письменного стола)* представитель партии зеленых.

А н н а. Но ты, по-моему, не из их числа.

М а р г а р е т а. Который теперь час?

Э в а. Не из числа зеленых?

А н н а. Нет, не из числа счастливых. *(Маргарете.)* Ты пропустила «Час садового»?

Э в а. Это зависит от того, какой смысл ты в это вкладываешь.

А н н а. Тот же, что и ты.

Э в а. *(идет к окну возле письменного стола и выглядывает наружу).*
Мне нравится...

А н н а. Я не спрашивала, что тебе нравится.

Э в а. Разве не спрашивала?

А н н а. Нет.

Э в а. Но я счастлива... тем, что я делаю... когда решаю проблемы, чем труднее, тем интереснее, когда вношу какой-то порядок...

Х е н р и к. Эва всегда рассуждала логически, даже в детстве.

Э в а. Логически мыслить, анализировать, решать реальные проблемы – все это приносит мне satisfaction¹.

А н н а. Что ж, логика штука удобная, когда хочешь уйти от ответственности.

М а р г а р е т а. Но дети всегда бывают логичными.

Э в а. Я счастлива, когда листаю свой еженедельник и вижу, что все дни вплоть до апреля будущего года расписаны по минутам.

М а р г а р е т а. Я стала гораздо хуже слышать. (*Прикладывает руку к уху.*)

Э в а. Я люблю прилетать в Нью-Йорк. Мы приземляемся just before and after the sundown, beginning and end².

Х е н р и к (*Анне*). Я очень бодр.

Э в а. Хотя сам город похож на разверстую клоаку.

А н н а. Ты трусливый?

Х е н р и к. Трусливый. Бодрый и трусливый.

Э в а. Вон дети играют. (*Анна подходит к окну.*) Там, где ковры проветривают. Мы тоже там гуляли.

М а р г а р е т а. Из строя выходит не только сердце.

А н н а. Эстермальмские дети вообще, наверно, не играют. Небось, весь день на бирже торчат. Я читала, что на Эстермальме крыс больше, чем в других местах.

Э в а. Наверно, здесь кормежка лучше. Auctumnus et hiems³. Autumn. Autumn and winter⁴.

А н н а. Autumn and winter.

Э в а. Да. (*Короткая пауза.*) Automne et Liver⁵.

А н н а. Herbst und Winter⁶.

Э в а. Осень и зима.

А н н а. Autumn and winter красивее.

Э в а. Музыкальнее.

¹ удовлетворение – англ.

² как раз перед тем, как солнце сядет, и сразу после захода, начало и конец – англ.

³ Осень и зима – лат.

⁴ Осень. Осень и зима – англ.

⁵ Осень и зима – франц.

⁶ Осень и зима – нем.

А н н а. У тебя случайно нет с собой презервативов?

Э в а. Презервативов? Зачем?

А н н а. Не говори, что ты не знаешь, зачем нужны презервативы.

Э в а. Для чего мне носить их с собой?

А н н а. Иногда необходимо... Когда кое-что намечается... Или хотя бы хочется.

Э в а. Только не мне.

А н н а. Я просто так спросила.

Э в а. Это ведь дело... это мужчина должен... Словом, сама знаешь.

А н н а. Ты что, правда вообразила, что он решится пойти купить презервативы? Слетать в Бейрут – пожалуйста, но купить презервативы – ни за что. Это я должна о них позаботиться, чтобы у нас что-то состоялось.

Э в а. Он? Это кто, опять Петер? Ты с ним увидишься?

А н н а. К сожалению, вынуждена. А что мне еще остается? Не знаю, чем я занимаюсь больше – работой или онанизмом. Только им не рассказывай, ладно?

Э в а. С какой стати?

А н н а. Надо ловить минуту, пока он с нашим сыном сидит, пусть увидит, каково это. Иначе мне ни за что не успеть.

Х е н р и к. Принести еще вина?

Эва ищет, обо что вытереть руки, попыталась о подлокотник стула, потом о письменный стол, о лежащую на нем газету – наконец вытерла о скатерть.

М а р г а р е т а. Я думаю, к фруктам мы выпьем портвейна.

А н н а (*тихо*). Тоже помойкой воняет.

Э в а. Sordo... molto sordo!¹

Х е н р и к (*по дороге на кухню*). Правильно.

М а р г а р е т а (*кричит ему вслед*). Не говори только, что забыл купить портвейн.

А н н а. Я там никогда не играла.

Х е н р и к. Я и не говорю.

М а р г а р е т а. Надеюсь, ты к нему не прикладывался?

А н н а. Там гуляли только мы с тобой. И никогда не играли.

М а р г а р е т а. Ты откупорил бутылку?

¹ Тихо... очень тихо! – итал.

А н н а. Во всяком случае, друг с другом.

Хенрик выходит из кухни.

М а р г а р е т а (*Хенрику*). По-моему, сегодня вечером она очень мила. Она давно уже не была такой покладистой.

А н н а. Ага, теперь я, кажется, заслужила drei, komma funf¹.

М а р г а р е т а (*кричит из кухни*). А фрукты! Хенрик!

Х е н р и к. Да, так и есть.

М а р г а р е т а. Хенрик! (*Выходит из кухни*) А фрукты! Ты забыл фрукты! Чем нам закусывать твой портвейн?

А н н а. Не кричи. Я принесу.

М а р г а р е т а. Я не кричу.

А н н а (*отходит от окна*). Где эти дурацкие фрукты?

М а р г а р е т а. Он способен помнить только о портвейне.

Э в а (*тоже отходит от окна и оказывается прямо перед Хенриком*).

Привет, вы позволите?

М а р г а р е т а. Ты не знаешь, как их разложить.

Анна и Маргарета выходят в кухню.

А н н а. Не знаю, как их разложить? Е-мое, уж как-нибудь справлюсь с парочкой фруктов.

Э в а (*Хенрику*). Вы позволите?

Х е н р и к. Так, наверно, во всех семьях. В чем дело, дружок? (*Откупоривает бутылку портвейна.*)

Э в а. Видишь ли, не смог бы ты позвонить и заказать мне немного таблеток?

Х е н р и к. Таблеток? Каких таблеток?

Э в а. В аптеку... я думаю, дежурные еще открыты.

Х е н р и к. Ты плохо себя чувствуешь? Какие таблетки?

Э в а. Да нет же, просто я совсем не сплю. Мне нужно какое-нибудь снотворное. Собрил... какое угодно... Пропаван.

Х е н р и к. Собрил?

Э в а. Ну да, чтобы заснуть.

Х е н р и к. Тебе нужно снотворное?

Э в а. Конечно, мне же нужно спать. Всем людям нужно спать. (*Короткая пауза.*) Зря я тебя попросила.

¹ Здесь: тройку с плюсом – нем.

Х е н р и к. Да, но... принимать снотворное...

Э в а. А что в этом такого?

Х е н р и к. По-моему, это неразумно. Это не настоящий сон.

Э в а. Неразумно? По-твоему, лучше глушить себя спиртным?

Мне никак не удастся снять напряжение, в голове все кружится, кружится. Это too much¹.

Х е н р и к. Да, да, понимаю.

Э в а. Я заболеваю, я сплю по три-четыре часа в сутки.

Х е н р и к. Но, по-моему, летом я уже выписывал тебе собрил.

Э в а. Не помню. Так или иначе, я принимаю его только по необходимости!

Х е н р и к. Знаешь, это может стать опасной привычкой...

Э в а (*с неожиданной агрессивностью*). Да что с тобой, черт побери! Ты что, думаешь, я уже втянулась, стала addicted²?..

Х е н р и к. Да нет же, нет.

Э в а. Думаешь, вот-вот стану наркоманкой!

Х е н р и к. Само собой, я могу выписать тебе таблетки, но я считал, что должен предупредить...

Э в а. Проехали! Попрошу кого-нибудь другого. Я не желаю, чтобы ты меня подозревал только потому, что мне трудно перестраиваться, мотаясь из одной части света в другую.

Х е н р и к. Но, Эва... Я беспокоюсь.

Э в а. Forget it³. Обойдусь.

Х е н р и к. Но, Эва... Что с тобой?

Э в а. God... My God!⁴

А н н а (*входит с фруктами*). В чем дело? Все призывают Бога?

Э в а. Бога призываю только я.

А н н а. Что-нибудь случилось?

Х е н р и к. Ничего.

А н н а. Ага! Ничего, значит. (*Ставит на стол вазу с фруктами.*)

Так, так. (*Садится.*) Ты заглядывала в холодильник, Cul de Sac?⁵ Господи, до чего же я ненавижу здесь бывать!

¹ Здесь: чересчур – англ.

² Постоянно принимающей – англ.

³ Забудь об этом – англ.

⁴ Боже... Боже мой! – англ.

⁵ Тупик – франц.

Хенрик. Ненавидишь?

Анна. Да. Не знаю, зачем я сюда приезжаю. *(Отпивает вина.)*

Приезжаю потому, что не хочу приезжать. Впрочем, не к тебе же приходится, чтобы просить займы, если надо выкрутиться, верно ведь?

Эва *(расставляя тарелки)*. Верно.

Маргарета *(выходит из кухни с рюмками)*. Займы? Ни в коем случае. Хенрик!

Анна. Еще бы! Вы даете займы только тем, у кого деньги уже есть.

Хенрик. Эва не в ссудной кассе работает.

Эва. Нет, я всего лишь невропатическая красотка-секретарша.

Маргарета. Что значит «всего лишь»?.. Все лежит на тебе...

Анна. В общем, ни малейшего шанса у меня нет.

Эва. Что мы будем пить к фруктам?

Хенрик. По-моему, портвейн.

Маргарета. Да, это то, что надо.

Хенрик *(разлив вино, рассматривает бутылку)*. Он называется...

Эва. Похоже на портвейн... Мутно-красный.

Анна. Ни малейшего... Вот я и поступила сегодня, как другие нищенки, выхода у меня не было... Пошла на Центральный вокзал в Отдел социальной помощи просить подавания и получила двести крон.

Маргарета. Что?

Хенрик. Что ты сделала?

Анна. Не поперхнись портвейном.

Маргарета. Что ты сделала?

Хенрик. Господи... Анна!

Маргарета. Это неправда!

Хенрик. Анна!

Анна. Я сказала, что у меня сын, что я вкалываю с утра до вечера, но сейчас полностью на мели и до понедельника мне не дотянуть. Нам еду купить не на что.

Маргарета. Но Анна...

Анна. Что?

Маргарета. Как ты можешь?

Эва. По-моему, правильно сделала.

Анна. А я и не стыжусь, ни капельки не стыжусь. Я не так

богата, чтобы стыдиться. Наоборот. Я благодарна, что на свете есть еще такие отзывчивые и щедрые люди.

М а р г а р е т а. Господи! Ты не должна просить милостыню.

А н н а. Еще бы, в вашем кругу это не принято... Но у меня сын, которого каждый день надо кормить и которому нужен проездной билет, чтобы не тащиться в школу пешком по холоду. К тому же и обувь у него каши просит.

Х е н р и к. Почему ты не обращаешься к нам?

М а р г а р е т а. Вот именно.

А н н а. А вы где?

Х е н р и к. Если ты без денег, почему ты не попросишь у нас?

М а р г а р е т а. Отец может выписать тебе чек. У меня вся морозилка забита продуктами! Но ты же ничего от нас не берешь!

А н н а. Премного благодарна. Меня одарят какой-нибудь черной ондатровой шубой из бабушкиных обносков сороковых годов.

М а р г а р е т а. При желании ты могла бы ее перешить!

А н н а. А что мне делать с отбивными из старой лосятины, если я готовлю на двух конфорках? Кретинизм сплошной! Да еще ваши дурацкие расспросы о том, куда подевались деньги, которых у меня сроду не бывало... Нет, лучше уж стоять и петь в подземном переходе на Свеавеген.

М а р г а р е т а. Заставить тебя мы не можем.

А н н а. Но хотели бы.

Х е н р и к. Ты знаешь, что в трудную минуту всегда можешь обратиться к нам. Для чего еще нужны родители?

А н н а. Вот и я себя о том же спрашиваю.

Э в а. У тебя есть еще и я.

А н н а. Спасибо, спасибо.

М а р г а р е т а. Деньги на проездной билет мы уж во всяком случае имеем право подарить внуку.

А н н а. Делайте как знаете... но я дико устала вечно слушать о том, сколько я уже от вас получила.

М а р г а р е т а. А теперь ты просто порешь чушь.

А н н а. Вы всегда клоните к тому, что я сама во всем виновата.

М а р г а р е т а. И несправедливую.

А н н а. Никогда я не обращусь к вам за помощью. *(Короткая*

пауза.) Может, я потребу ю уйма всякого другого, но помощи – никогда.

Хенрик. Почему ты так говоришь?

Маргарета (*огорченная*). Очень печально.

Анна. Сначала она хочет, чтобы я брала у нее вещи, которые мне ни к чему, шубу, старые замызганные украшения, фен пятидесятых годов и прочий хлам, который вы из жадности не выбросили на помойку, а потом я всю жизнь должна млеть от благодарности.

Хенрик. Сколько тебе нужно? (*Пауза.*) Именно сейчас. Двух сотен ведь, наверно, маловато.

Анна. Конечно, мало. Я экономлю на всем. Два года не покупала Йону ничего из одежды. Он донашивает обноски своих товарищей. В этом году я уже три раза была в Отделе социальной помощи.

Маргарета. И что они говорят?

Анна (*Эве*). Господи... Да она с Луны свалилась.

Эва. My God!

Маргарета. А ты не можешь подыскать себе работу получше, чтобы не приходилось вот так?..

Эва. Работы сейчас сколько угодно.

Хенрик. И хорошей работы.

Эва. Хорошей работы, которая плохо оплачивается.

Анна. У меня есть работа! Я официантка! Я вкалываю по девять часов в день...

Маргарета. Но, видимо, этого мало, если тебе приходится ходить в Отдел социальной помощи и просить мило... поддержки.

Анна. Мне нужна именно такая работа, чтобы не опоздать за Йоном на продленку. Иногда, если я работаю до восьми, я даже беру его с собой в ресторан... Да еще я пытаюсь писать по вечерам! У меня нет выбора! У меня – нет! Есть люди, у которых есть выбор, а у меня – нет! **Ты что, не понимаешь?!**

Хенрик (*успокаивая*). Но Анна... Анна... не надо.

Анна. **Вы что, вообще ничего не сечете?.. Идиоты несчастные!**

Эва. Не ори.

Анна. **Идиоты!**

Пауза.

- А н н а. Простите... Просто я жутко обозлилась.
- Х е н р и к. Видим.
- Э в а. Ты пишешь?
- М а р г а р е т а. Да.
- Э в а. Что именно?
- М а р г а р е т а. Пьесу. Она начала писать пьесы.
- Э в а. Вот как? Занятно.
- А н н а. Откуда ты знаешь?
- Х е н р и к. Что ты пишешь?
- Э в а. А разве не занятно?
- А н н а. Что пишу? Одну чертову радиопьесу.
- Э в а. О чем же?
- А н н а. Я бы давно уже закончила, если бы не эта вечная запарка.
- М а р г а р е т а (*о фруктах*). Уф! Еще один съела... До чего же я слабовольная.
- А н н а. Мне еще многому надо учиться, но я знаю, что могу. Я буду писать хорошо, черт меня возьми!
- Э в а (*Маргарете*). Все мы такие.
- А н н а. Во всяком случае, есть люди, которые в меня верят.
- М а р г а р е т а. Но почему это?
- Э в а. Всенародная болезнь.
- М а р г а р е т а. Мне ведь надо сбавить вес.
- А н н а. У меня талант... в эдаком фантастическом духе... но нужно время, чтобы... ну вроде как решиться его осознать.
- Х е н р и к. Хотел бы я ее прочесть. Можно?
- А н н а. Пока еще это сплошной сумбур... Придется тебе подождать. Услышишь по радио, как все остальные. Сперва я ее перепишу, она должна быть меньше чем на час, но пока не примут, денег мне не получить.
- Х е н р и к. Что-то я на этом стуле ягодицы отсидел.
- А н н а. Ну так пересядь.
- Э в а. Сядь поудобней.
- А н н а. Не осмеливается.
- М а р г а р е т а. Он не любит сидеть удобно. Начинает бояться.
- А н н а. Мне даже бумагу купить не на что. Пишу на обороте исписанных страниц.
- Э в а. Ты ждешь пациента, папа?

М а р г а р е т а. Но о чем эта пьеса? *(Пауза.)* А?

Х е н р и к. Правда, расскажи!

А н н а. О тебе.

М а р г а р е т а. Обо мне? Забавно... Это что, комедия?

А н н а. Едва ли ты сочтешь ее комедией... Нет, речь в ней о... это воспоминания, фантазии, мечты... Не знаю.

Х е н р и к. Но расскажи же... Объясни.

М а р г а р е т а. Правда.

А н н а. Ну... в общем... Речь в ней идет о шестидесятилетнем мужчине, который несколько подавлен.

Х е н р и к. Стар...

А н н а. И беспомощен в жизни, и вдобавок женат на садистке, которая не способна любить своего мужа, не способна любить никого, кроме себя, да и себя тоже, но главное — никого из своих...

М а р г а р е т а. Дочерей.

А н н а. Именно. Откуда ты знаешь?

М а р г а р е т а. По-моему, я уже видела эту пьесу, и не раз.

А н н а. А я и не выдаю себя за первопроходца. Как пьеса она наверняка ни хрена не стоит, но у меня уйма всяких мыслей, и я хочу их выразить. Я должна писать. Я в самом деле хочу писать. И тогда, черт возьми... Я бабушку из гроба подниму. Лишь бы каждый день выкраивать несколько свободных часов. У меня талант.

М а р г а р е т а. Ах, как увлекательно!

Х е н р и к. Интересно.

А н н а. Насчет этого не сомневайся.

М а р г а р е т а. Очень любопытно.

Х е н р и к. Хочет кто-нибудь кофе?

Э в а. Почему бы нет?

М а р г а р е т а. С удовольствием.

Э в а *(после недолгого молчания)*. Как темно. *(Короткая пауза.)*
Хотя я по мере сил свою жизнь стараюсь осветить.

А н н а. Мне вообще что-то не по себе последнюю неделю.

М а р г а р е т а. Вот как?

Х е н р и к. Не по себе?

Э в а. Бедняжка Анна.

М а р г а р е т а. Мне тоже не по себе.

Э в а. А какое лекарство помогает в таких случаях — валиум?
А н н а. Нет, у меня как-то странно болит голова, я несколько раз чуть в обморок не грохнулась.
Х е н р и к. А как твои показатели?
А н н а. Нет у меня никаких показателей.
Х е н р и к. Что ты сказала?
М а р г а р е т а. А выглядишь ты бодрой и здоровой.
Э в а. Нет, что-то тут есть.
М а р г а р е т а. Да, пожалуй, лицо у тебя какое-то не такое.
Э в а. Точно.
А н н а. Тут все дело в прическе. (Эе.) Ну и тупицы же вы все!
М а р г а р е т а. Ты так часто меняешь прическу, что за тобой не уследишь.
Э в а. Конечно, мы тут все только и делаем, что тебя травим.
А н н а. Почему ты разговариваешь со мной в таком дурацком тоне?
Э в а. Тот, кто обвиняет в глупости другого, всего лишь нормальный человек.
Х е н р и к. Дать тебе чего-нибудь укрепляющего?
Э в а. Твой любимый старый корень?
М а р г а р е т а. Фу! Звучит как непристойность — твой старый корень, ах ты, старый корень!
А н н а. Что за похабство!
М а р г а р е т а. Уж и пошутить разок нельзя.
А н н а. Со мной нельзя.
М а р г а р е т а. Я обращаюсь к отцу.
Э в а. Он шутки понимает.
М а р г а р е т а. У него есть чувство юмора.
Х е н р и к. Да, у меня невозмутимый английский юмор. Как говорят.
А н н а. Хотя над тобой же и потешаются.
М а р г а р е т а. Вся его врачебная практика зиждется на этом укрепляющем старом корне.
А н н а. Что ты имела в виду, когда сказала, что тот, кто обвиняет другого в глупости, всего лишь нормальный человек?
Э в а. А ты не поняла?
А н н а. Нет!
Э в а. Ну и я тоже нет!

М а р г а р е т а. Ну, как ты теперь, дружок?

А н н а. Что?

М а р г а р е т а. Я обращаюсь к тебе.

А н н а. Ах, вот как.

М а р г а р е т а. Ну да. Ты же сказала, что плохо себя чувствуешь.

А н н а. А-а. Нет. Вовсе нет. Quite honestly, I am in a sad state¹.

Несколько раз я чуть сознание не потеряла. Позвонила в
больничную справочную, описала симптомы, мне сказали,
что это напоминает синдром Мельеса.

М а р г а р е т а. Вот как? Странно.

Х е н р и к. Синдром Менъера.

А н н а. Ничего странного. (*Хенрику.*) Я и тебе пыталась дозво-
ниться, но никто не отвечал.

Э в а. Но что это было?

М а р г а р е т а. Когда?

Х е н р и к. Где?

Э в а. Это серьезно?

А н н а. Когда я звонила? У меня что-то не то внутри уха. Я даже
в медицинскую энциклопедию заглянула.

Х е н р и к. И ты потеряла сознание?

А н н а. Кажется, да. Мне пришлось лечь. Йон до смерти перепу-
гался, бегал вокруг меня, ухаживал за мной.

Х е н р и к. Если хочешь, я могу посмотреть твое ухо.

М а р г а р е т а. А не лучше ли тебе обследоваться?

А н н а. Поживем, увидим. Если доживем.

М а р г а р е т а (*беззаботно*). Да, конечно... Ты так легко взвинчи-
ваешь себя по пустякам.

А н н а (*со злостью*). Хватит с меня твоих дерьмовых отговорок,
они у меня вот где сидят!

М а р г а р е т а. Что?

Э в а. Ну ты даешь!

Х е н р и к. Последи за своим языком, Анна! Последи за языком!

А н н а. Она играет со мной в какую-то гнусную игру, а я больше
играть не желаю!

Э в а. God!

Х е н р и к. Что у тебя за выражения!

¹ По правде говоря, я в плохой форме – англ.

А н н а. Скажи это ей!

М а р г а р е т а. Господи Боже... *(Хенрику.)* Теперь-то в чем дело?

А н н а *(агрессивно)*. Мне с самого рождения вдалбливали... будто у меня галлюцинации... будто я чувствую не то, что я чувствую, а что чувствует она... и я, черт возьми, пришла сюда не для того, чтобы выслушивать эти грязные инсинуации. А потому только, что ты каждый раз ноешь и пристаешь, а я думаю, может, мне все-таки удастся с папой поговорить... Он не лжет, он лгать не умеет, как бы ужасно все ни было, вернее, все и есть ужасно... Только потому я и прихожу сюда, и она это знает, и я знаю, что она не хочет, чтобы я приходила, а зовет только потому, что так положено, и тогда она чувствует себя человеком. И все это такой кошмар, а подается как сплошное удовольствие... И приходится все загонять внутрь, а снаружи чтобы все улыбалось. Но она, она... Она? Да я о матери, она названивает мне каждый вечер, как только мне удастся урвать минутку для себя самой и начать писать... И вот я сижу здесь... А зачем мы это делаем? Чего ради собираемся здесь? Ну да, я понимаю, Эва приходит, потому что положено поддерживать эдакие милые, снисходительные отношения с родителями... Ну, а папа здесь просто потому, что должен... иначе ей крышка... Но я-то здесь чего ради? Я провела здесь пятнадцать лет, хватит, хватит, и с лихвой.

Х е н р и к. Успокойся.

А н н а. Зачем я тебе здесь нужна? Или ты хочешь меня к чему-нибудь принудить? Может, чтобы я как-то по-особому сидела и стала, наконец, человеком?

Х е н р и к. Не нервничай.

А н н а. Я не прошу ни о каком понимании, фиг с ним, но я не хочу больше слышать о том, что я почти что спятила.

Х е н р и к. Да, да, да.

А н н а. Она все врёт. Она врала мне всю жизнь.

М а р г а р е т а *(дружелюбно смягчая сказанное)*. Детка. *(Встает, подходит к Анне, та отворачивается; садится рядом с Анной на диван, Анна отодвигается как можно дальше.)* Анна, доверяя, ты неправильно поняла...

А н н а *(тихо)*. Извращенность какая-то.

М а р г а р е т а. Наоборот... это от любви, дорогое сердцу воспоминание... о том, как когда-то было.

А н н а (*все так же тихо*). Чего она хочет?

М а р г а р е т а. Как ты реагировала, когда была маленькой... Это было так трогательно, во всех смыслах. (*Просительно.*) Анна, девочка моя, милая, дорогая!

А н н а. Ясно, ясно.

М а р г а р е т а. Ребенком ты всегда так возбуждалась, ты была просто сама не своя, когда предстояли какие-нибудь события... Рождество, например...

А н н а. Сейчас не Рождество.

М а р г а р е т а. Ты вся дрожала от ожидания. Я так и вижу, как ты стоишь в прихожей, а сердечко у тебя бьется, бьется.

А н н а (*сухо*). Ладно, хватит.

Х е н р и к. Послушай же маму.

Э в а. Правда.

А н н а. Ладно. Ладно.

М а р г а р е т а. Это было так трогательно. (*Пауза.*) Вот что я имела в виду... когда сказала, что ты так легко возбуждаешься. Тут не было никакой критики.

А н н а. О Господи!..

М а р г а р е т а. Ничего удивительного...

А н н а. Хорошо, хорошо.

М а р г а р е т а. ...что ты такая ранимая.

А н н а. Ранимая? О да! Одному Богу известно, насколько. И Йон такой же.

М а р г а р е т а. Детям это свойственно. Все дети такие.

Э в а. Им положено.

М а р г а р е т а. Именно.

Э в а. А я какая была?

М а р г а р е т а. Ты? Какая была ты? Гораздо спокойнее.

А н н а. Я никогда не была уверена, что мне что-нибудь отбломится. Во всяком случае, то, чего я хочу. Это была адская мука, в точности как сейчас.

Пауза.

М а р г а р е т а. Но ведь это нормально.

Э в а. Совершенно нормально.

А н н а. Однако, когда я росла, врачи констатировали у меня невроз сердца, у меня было ранимое сердце, что бы ты там ни балабонила, невротическое сердце, ранимое невротическое сердце...

М а р г а р е т а. Но, Анна...

Х е н р и к. Зачем ты так грубишь?

А н н а. Не психический невроз, как ты, очевидно, воображаешь, а физическая боль, и она сказала на сердце. Возбуждаться на Рождество было совершенно не от чего, разве от твоего лица великомученицы, преисполненной жалости к самой себе, — нет, у меня был признанный анатомический порок, и я была им до смерти напугана, потому что никто меня не слушал.

М а р г а р е т а (*встает, идет к стулу, на котором сидела раньше*).
Что ж... Может, у тебя и впрямь был порок.

А н н а. И это вовсе не такой редкий случай, как ты думаешь.

М а р г а р е т а. Почему ты такая агрессивная?

А н н а. Поневоле впадешь в панику, когда на тебя не обращают внимания и просто считают симулянткой. Вот тебя и охватывает ужас.

Х е н р и к. Когда ребенок растет, это бывает.

Э в а. Своего рода болезнь роста.

Х е н р и к. Но я не специалист по сердечным...

А н н а. ...потребностям... Это нам, черт возьми, известно.

Х е н р и к. По сердечным болезням.

М а р г а р е т а. По анатомии.

Х е н р и к. По болезням. Я знаю их только в общих чертах.

Пауза.

А н н а. Не верите, спросите у Берит.

М а р г а р е т а (*помолчав*). У кого? Что ты сказала?

А н н а. Не верите, спросите у Берит...

М а р г а р е т а. Берит? Кто такая Берит?

А н н а. Берит... Когда я говорю, что была от всего этого глубоко несчастной.

М а р г а р е т а. Берит? Берит?

А н н а. Оттого, что жила здесь... Потому что это Берит заботилась обо мне, когда никто другой...

М а р г а р е т а. Какая Берит? Кто это, Хенрик?

Х е н р и к. А?

А н н а. Которая заботилась обо мне, когда другим до меня дела не было.

Х е н р и к. Берит!

М а р г а р е т а. Берит? *(Пауза.)* Ах, вот кто! Берит!

А н н а. Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю!

М а р г а р е т а. Значит, Берит. Ты говоришь о Берит?

А н н а. О той, которая заботилась обо мне на протяжении всего моего злосчастливого детства.

М а р г а р е т а. Ты имеешь в виду ту... Ту...

А н н а. ...ту замечательную, сердечную девушку, единственную, кто проявлял ко мне обыкновенную человеческую...

М а р г а р е т а. Помнишь, Хенрик, высокую хмурую девушку из Даларна...

А н н а. Доброту... Доброту... Доброту... Доброту.

Х е н р и к. Да, да. Ну что ты затвердила одно и то же?

А н н а. Если только ты знаешь, что это такое...

Х е н р и к. Нет, ты просто зациклилась на этом.

А н н а. ...и она защищала меня...

М а р г а р е т а. Помнишь ее, Хенрик? Здоровенная такая, широкоплечая и неуклюжая брюнетка, похожая на библейских женщин, она приехала из Даларна сразу после войны. Наша угрюмая Берит с глазами, как у коккер-спаниеля... Ну конечно же!

А н н а. Не будь ее, не знаю, как бы я выжила.

М а р г а р е т а. Да, она была добродушная и застенчивая, добродушная и редкая нескладеха!

А н н а. Она брала меня с собой в бассейн, делала со мной уроки, я помогала ей печь хлеб...

М а р г а р е т а. Ты тогда впервые занялся частной практикой на Стуреплан.

Э в а. Берит?

Х е н р и к. Боже мой, да, мой первый врачебный кабинет.

А н н а. Простая женщина, наделенная простым чувством человеческого достоинства. Она ничего из себя не корчила. И в ней не было фальши.

М а р г а р е т а. Врачебный кабинет возле Стуребадет. Вы этого

не помните. Я проходила на днях мимо этого дома, подумала — дай-ка я зайду, вдохну в себя его запахи, а потом решила — не стоит.

А н н а. Она никогда не изображала того, чего не чувствовала.

М а р г а р е т а. Среди папиных пациентов было тогда много артистов. Они просили выписать им эфедрин и другие возбуждающие. Делали вид, будто у них горло болит... Тогда в лекарства от кашля входил морфий.

А н н а. Вот она-то ясно видела *byond all doubt*¹, что я расту в аду... с матерью, которая пыталась меня убить, гонялась за мной вокруг стола... с ножом в руке.

М а р г а р е т а. Что еще за выдумки! (*Смеется.*)

Х е н р и к. Ну знаешь, дорогая!

А н н а. Потому что папа не скрывал, что в интеллектуальном отношении ему гораздо интересней со мной.

М а р г а р е т а (*Эве*). Ты, наверно, ее не помнишь, мы наняли ее, когда Анна была совсем крошкой.

А н н а. Потому что на двух детей тебя не хватало, тем более на меня, в которой ты не могла любоваться своим собственным отражением. Если бы не Берит, мое детство разбилось бы вдребезги, да оно и разбилось, только она подобрала кое-какие черепки.

М а р г а р е т а. Я что-то не успеваю за ходом твоих рассуждений.

А н н а. Ты всегда *way back*² от того, что происходит, потому что не хочешь взглянуть правде в глаза.

М а р г а р е т а. Ты и в самом деле думаешь, что в пять лет больше давала Хенрику в интеллектуальном отношении, чем его собственная жена?

А н н а. А ты попробуй...

Х е н р и к. Не ссорьтесь!

А н н а. *Face it, face it, черт возьми... before it is too late...*³

М а р г а р е т а (*Эве*). Это, наверно, было в ту пору, когда я опять начала работать в библиотеке... а ты ходила в школу. В начале пятидесятых.

¹ без всякого сомнения — англ.

² Здесь: отстаешь — англ.

³ Взгляни в глаза правде, взгляни... пока еще не поздно — англ.

А н н а. Face it!

Пауза.

Э в а. Угу!

М а р г а р е т а (*с удивлением*). Угу?

Э в а. Вот именно. (*Пауза.*) У меня больше язык не ворочается.

Который теперь час?

М а р г а р е т а. Да, который час?

Х е н р и к. Уже... уже семь.

М а р г а р е т а. Семь? А здесь так темно. (*Хенрику.*) Зажги, пожалуйста, лампу.

Х е н р и к. Мы здесь обычно не сидим.

Э в а. Но сейчас ведь сидим.

Х е н р и к. Сидим.

М а р г а р е т а. Иногда так трудно растолковать людям, где проходит граница, что, так сказать, дело чисто семейное и во что можно вмешиваться. Я хочу сказать... бывают минуты, когда семья не желает, чтобы ей мешали посторонние, но эта Берит — она была лишена этого понимания.

Хенрик встает и пододвигает торшер ближе к дивану.

Э в а. Хорошая лампа.

М а р г а р е т а. Сколько раз я, бывало, ей напоминаю, чтобы она закрывала дверь в свою комнату. А потом всегда встаю и закрываю сама.

А н н а (*одной рукой приподнимает волосы со лба, другой щупает лоб*). Мне повезло, что я не попала в психушку — спасибо, нашелся человек, который не понимал, что не должен вмешиваться, когда ребенка подвергают психическим пыткам. Я уж подумала, не разыскать ли ее, чтобы поблагодарить, рассказать, что она для меня значила. Но она и сама это знает. Знает.

Пауза.

М а р г а р е т а. Может, теперь, наконец, сменим тему?

Х е н р и к. Да... ведь эти разговоры ни к чему не ведут.

Э в а. Верно.

А н н а. Нет, они вскрывают правду.

Х е н р и к. Где находится ресторан, в котором ты работаешь?

М а р г а р е т а. Мы ведь не так часто видимся.
Х е н р и к. Действительно.
А н н а. И слава Богу.
М а р г а р е т а. Надеюсь, у нее все в порядке.

Пауза.

Э в а (*Маргарете*). Тебе идет эта стрижка.
М а р г а р е т а. Идет? Да, пожалуй, с ней я выгляжу немного
моложе.

Э в а. Не в этом дело, ты всегда будешь выглядеть моложе своих
лет. Это зависит от строения лица, от овала. Если он краси-
вый, то...

М а р г а р е т а. Ты права.

Э в а. У тебя череп красивый.

М а р г а р е т а. Фу, что ты говоришь! Я ведь еще не умерла.

Э в а. Да нет же, мама, ты прелесть. У тебя такое строение чере-
па, что ты никогда не будешь выглядеть ни усталой, ни
старой.

А н н а. Ворон каркал да и докаркался.

Х е н р и к. Это правда.

М а р г а р е т а. Брр!..

Э в а. Ты все больше становишься похожей на Кэтрин Хепберн.

М а р г а р е т а. На Хепберн? Она ведь так умна, энергична,
остроумна.

А н н а. И глуха.

М а р г а р е т а. Я преклоняюсь перед ней. Вы вправду находите,
что я на нее похожа?

Х е н р и к. Глупа? Нет, нет, она вовсе не глупа.

А н н а. Скорее на Спенсера Треси.

М а р г а р е т а. В каждом из нас есть капелька тщеславия.

Э в а. А вот папа начал толстеть, у него наметился животик.

А н н а. Не каждому везет на биологическую мать, которая моложе
своих дочерей.

М а р г а р е т а. Как не появиться животу, если ты целыми днями
сидишь на стуле, заглядывая в чужие уши и горло.

Пауза.

Э в а. Мама.

М а р г а р е т а. Да.

Анна поднимает из-под стола газету, начинает ее листать.

Э в а. Эти стулья кое-где пообтерлись.

М а р г а р е т а. Знаю... Только не знаю, что с ними делать.

Э в а. Сменить обивку.

М а р г а р е т а. Пожалуй, так и сделаю.

Э в а. Когда-нибудь.

А н н а (*читает вслух*). Клуб «Гейша»...

М а р г а р е т а (*Хенрику*). Спроси Анну, не хочет ли она еще немного портвейна.

А н н а. Никому я не нужна... А не стоит это ни гроша.

Х е н р и к. Анна! Хочешь еще портвейна?

А н н а. Почему бы нет?

Э в а. А по-моему, портвейн гадость.

А н н а. Вообще-то, мне надо похудеть, но все равно спасибо.

М а р г а р е т а. Похудеть?

Х е н р и к. По-твоему, тебе надо похудеть?

А н н а. Да, у меня склонность к полноте. Все зависит от душевного состояния.

М а р г а р е т а. Но ведь... Ты всегда была такой худенькой.

А н н а. У меня всегда была склонность к полноте.

М а р г а р е т а. У тебя такое же сложение, как у нас с Эвой.

А н н а. Я всегда была эдаким бочонком.

М а р г а р е т а. Ничего подобного.

Х е н р и к. Вот, Анна, пожалуйста.

А н н а. Я всегда была самым настоящим бочонком.

М а р г а р е т а. Ничего подобного.

А н н а (*с подчеркнутым дружелюбием*). Я была жирной свиньей. В школе меня дразнили жиртрест.

М а р г а р е т а. Да ты же никогда ничего не ела. Как ты могла быть жирной? Хенрик!

Э в а (*вяло*). Наталия... Александровна...

Х е н р и к. Да.

А н н а. Дома не ела... Зато наедалась в гостях у сверстников. Жареной картошкой, рыбными палочками под майонезом — словом, всякой вредной дрянью.

М а р г а р е т а. Ты в эти годы страдала полным отсутствием аппетита.

А н н а. И она мне нравилась... вся эта дрянь, garbage¹.

М а р г а р е т а. Если мне память не изменяет.

Х е н р и к. А я не помню.

Э в а. Нет, это не она.

Х е н р и к. Не помню, так это было или не так.

М а р г а р е т а (*Хенрику с неожиданной агрессивностью*). Еще бы, откуда тебе помнить. Ты никогда не принимал участия в жизни семьи!

Э в а. Это у меня не было аппетита. Правда, недолго.

М а р г а р е т а. Разве в кои-то веки в День всех Святых брал детей на воскресную прогулку в Юргорден.

Х е н р и к. Почему именно в День всех Святых?

А н н а. «Когда мы, мертвые, пробуждаемся».

М а р г а р е т а. Да, нечасто это случалось!

Х е н р и к. Вот как!

М а р г а р е т а. Во всяком случае, это я водила Анну к электричке... к психоаналитичке, хотела я сказать.

Э в а. Удивительно... Куда ни глянь, сплошной Фрейд.

М а р г а р е т а. Уж поверь мне.

А н н а (*забавляясь*). Да, ты водила, но при этом отстраняла от себя все, что там выходило наружу. (*Передразнивая.*) Ах, какая очаровательная женщина, говорила она мне.

М а р г а р е т а. Так или иначе, я тебя к ней водила... Водила... Хотя не уверена, пошло ли это на пользу. Но ты сама меня об этом просила. Вот я и пошла. Могла бы получить за это хоть каплю благодарности.

А н н а. Все равно, что там ни говори, а я была настоящий маленький бочонок. Погляди фотографии, которые на комодке.

Э в а. На серванте.

А н н а. Да, там, где у тебя детские фотографии.

М а р г а р е т а. Но дети всегда пухленькие, они и должны быть такими.

А н н а. С тобой спорить – все равно что шизика убеждать. Ты ему слово – он тебе в ответ миллион.

Э в а. Вот эта хорошенькая – это я.

А н н а. Я и подростком была толстухой.

¹ Отбросы – англ.

Э в а. Посмотри на эту фотографию, видишь, я среди демонстрантов.

Х е н р и к. Когда это было?

Э в а. Смешно теперь смотреть. Это – против Университетской реформы.

А н н а. В белом костюме.

Э в а. Это не костюм... А впрочем, может быть...

М а р г а р е т а. Скорее похоже на плащ.

Э в а. От Курреж.

А н н а. Какое все прилизанное, буржуазное. Дай-ка я погляжу.
(Подходит и берет фотографии.)

Э в а. Так или иначе, я участвовала в демонстрации.

Х е н р и к. Можно посмотреть?

Э в а. Погляди на ту, что стоит сбоку.

А н н а. Это, конечно, ты? Правые революционеры.

Х е н р и к. Можно посмотреть?

Э в а. Мы были хорошо воспитаны.

А н н а. Только не я. Я бунтовала против семьи. Первую революцию совершила я. Я дралась на улице.

М а р г а р е т а. С кем?

А н н а (держит фотографию перед Маргаретой). Посмотри, увидишь.

Х е н р и к. Можно мне посмотреть?

А н н а. Разве это не я? Толстая девчонка с прыщавой кожей.

М а р г а р е т а. Пухленькая, но это так мило. (О другой фотографии.) А вот эту, наверно, снимал папа... в один из тех редких случаев, когда он к нам навевывался.

Х е н р и к. Помолчать не можешь?

М а р г а р е т а. Извини.

Х е н р и к. Будь добра, дай мне фотографию!

Э в а. Вот это да...

Х е н р и к (пытаясь замять разговор). Shut up¹, можно посмотреть?

М а р г а р е т а (будто не слыша). Ты грелась на солнышке на балконе. И отец тебя сфотографировал.

Э в а (о собственной фотографии). Тогда у меня была короткая стрижка.

¹ Здесь: хватит – англ.

М а р г а р е т а. Ты улыбалась, потому что рядом сидела мама.
А н н а. Как же.

Э в а (*собираясь подлить себе портвейна*). Раньше это было настоящее Порто.

А н н а. Какой же я жирный поросенок!

Х е н р и к. Тогда фотография была моим хобби.

М а р г а р е т а. Ничего подобного. Ты была таким сладким-сладким ребятеночком. (*Делает вид, будто целует фотографию.*) Милая, добрая, приветливая...

Э в а. У меня в те годы, в переходном возрасте, никогда не было прыщей, никогда. Я вся была такая чистенькая. И кожа нежная-нежная, прямо как мрамор.

Х е н р и к. О себе все-таки так не говорят.

Э в а. Почему, если это правда?

Х е н р и к. «И кожа нежная-нежная, прямо как мрамор». Разве можно так говорить о себе?

Э в а. Впрочем, нет, прыщи были, вот здесь, на лбу. Конечно, можно. Раз это правда. (*Показывает, отводя рукой волосы.*) Здесь, на лбу, у меня была полоска сыпи, но только здесь, просто удивительно.

Х е н р и к. Все-таки странно это слышать.

М а р г а р е т а. А вообще-то я помню тот выходной, когда ты сделал эти снимки.

А н н а (*вспоминая свое юное бунтарство*). Они, небось, думали, меня дома нет, потому что я где-то там набираюсь опыта, полезного для будущей карьеры социолога.

М а р г а р е т а. Ты не так уж часто интересовался собственными детьми. Даже когда она родилась, тебя не было рядом. Ты не сидел, не волновался в приемной.

А н н а. Знали бы они, какого рода опыта я набиралась в это время. О Боже! (*Держит перед собой одну из фотографий — смеется.*)

Х е н р и к. Это же не от меня зависело.

М а р г а р е т а. Впрочем, я этого и не хотела. (*Анне.*) Ты пожелала явиться на свет на две недели раньше срока.

А н н а. Ничего удивительного. (*Роняет пачку фотографий.*)

М а р г а р е т а. Ты поаккуратней с фотографиями... Я их так берегу... Это... воспоминания, переживания.

А н н а. Переживания?

М а р г а р е т а. Самое дорогое, что у меня есть в жизни.

Э в а. Всякие мелочи.

М а р г а р е т а. Которые всегда с тобой.

Э в а. Их ничем не заменишь.

Х е н р и к. Я подберу.

А н н а. А то можно подумать, будто все приснилось.

Э в а. А у меня фотографий нет.

М а р г а р е т а. Наверняка у тебя их полным-полно.

Э в а. Ни одной.

М а р г а р е т а. А свадьба, путешествия, праздники?

Э в а. Эти не в счет.

М а р г а р е т а. Не в счет?

Х е н р и к. Тогда я был дежурным врачом. Работал по шестнадцать часов в сутки. В Каролинской больнице, в отделении грудной хирургии.

А н н а. В белом вине калорий, наверно, не очень много, правда?

Х е н р и к. Ни одного выходного дня.

М а р г а р е т а. В то время как раз и родилась Эва. Я была тогда так влюблена.

Х е н р и к. Даже в Страстную пятницу.

Э в а. На сто граммов семьдесят девять калорий.

М а р г а р е т а. Тогда ты был таким обаятельным и веселым.

Э в а. Красное полезней, чем белое.

А н н а. Вот уж не думала.

Э в а. Я тоже не знала.

М а р г а р е т а. Я влюбилась с первого взгляда. Меня точно молнией сразило, когда я тебя увидела.

А н н а. А где вы познакомились?

М а р г а р е т а. Он был дерзким и в то же время пугливым.

Э в а. И куда все это делось?

М а р г а р е т а. Я им восхищалась. Он учился на врача. Был умный. Ласковый. Веселый. В тебя тогда нетрудно было влюбиться. Очень даже легко. (Анне и Эве.) Он был из тех мужчин, какие нравятся женщинам.

Э в а. L'homme à femme¹.

¹ Дамский угодник – франц.

М а р г а р е т а. Но он редко бывал дома. Для семьи... для вас... времени у него не хватало... Но в ту пору все мужчины были такими.

Х е н р и к. Я работал иногда с семи утра до двенадцати ночи. Трудные дни для молодого дежурного врача. Рабочее время не нормировано. Я ходил как во сне.

Э в а. И во сне женился.

М а р г а р е т а. В нем было много мальчишеского.

Э в а. Вроде как у...

А н н а. Как можно так говорить о человеке в его присутствии? Совсем охренели.

Э в а. Папа!

М а р г а р е т а. Я говорю о том, каким он был. А не о Хенрике, который сидит здесь.

Х е н р и к. А что, разница так уж велика?

Э в а. Que sera, sera¹.

М а р г а р е т а. Для меня — да. Велика.

Х е н р и к. Вот как...

М а р г а р е т а. Да.

Х е н р и к. Печально.

М а р г а р е т а. По-моему, тоже.

А н н а. Это очень серьезно, черт возьми!

М а р г а р е т а. Он предоставлял мне одной управляться с домом. А я была молодой, жизнерадостной женщиной, которая ждала от жизни совсем другого... Конечно, несколько лет мы были счастливы... но потом, потом...

А н н а. Что потом?

М а р г а р е т а. Потом... Жизнь никогда не бывает такой, как ты воображаешь и мечтаешь, пока молода и наивна.

Э в а. Нет, всего в этой жизни не получить никогда.

А н н а. Ну, так что же дальше, расскажи!

Э в а. Что произошло?

А н н а. Вот именно.

Х е н р и к. Ничего. Совершенно ничего.

Э в а. Это уже становится интересным.

Х е н р и к. Уверяю вас, ничего.

¹ Чему быть, того не миновать — франц.

А н н а. Что все-таки произошло?

Х е н р и к. Просто так оно получилось.

М а р г а р е т а. Так вышло.

Э в а. Que sera, sera...

М а р г а р е т а. Столько воды утекло с тех пор.

А н н а. Точно!

Х е н р и к. Есть вещи, которые касаются только нас с Маргаретой и никого больше.

М а р г а р е т а. Что бы там ни было, все это кажется теперь почти нереальным.

Х е н р и к. И все же нам было неплохо. Лучше, чем многим другим.

Э в а. Чему быть, того не миновать...

А н н а. Нет, елки-палки, это касается не только вас. Все, что происходило, когда я была ребенком, касается меня, ведь я знаю, что была в это втянута, что меня использовали, и меня наизнанку выворачивает при мысли, что ничего уже не исправишь... А я тоже имею право думать, знать и жить.

Э в а (*сопровождая слова мимикой*). Да, да, да, да, да!

А н н а. У меня отняли свободу! Мне никогда не говорят правды, хотя она здесь, словно спрятанный труп! Чего удивляться, если мне кажется, будто все вокруг лгут. Потому что вы сожрали меня, прежде чем я успела что-нибудь почувствовать... Но я не дура. И голова у меня варит... и сердце тоже. Я не дура. И я хочу, чтобы мне вернули свободу.

Э в а. Для тебя свобода в том, чтобы командовать.

Х е н р и к. Да нет же, нет... Никто не говорил, что ты дура.

А н н а. Я хочу знать, что произошло. Я хочу знать, почему мне так чудовищно плохо. Я не хочу, чтобы мне мешали. Не хочу биться головой о стенку. Они deliberately¹ лишают меня свободы. Что произошло с папой?

Х е н р и к. Не понимаю, о чем ты!

А н н а. Понимаешь!

Х е н р и к. Нет!

А н н а. Я же знаю!

М а р г а р е т а. Наверняка есть много причин, почему тебе

¹ Сознательно – англ.

иногда бывает чудовищно плохо. И вина тут не только наша с отцом.

А н н а. Этого я и не говорю!

М а р г а р е т а. Я так устала от бесконечного копания в наших чувствах. Вечно копать вместо того, чтобы что-нибудь предпринять.

А н н а. Какие там чувства – у тебя их нет!

Х е н р и к. Мы были самыми обыкновенными хорошими родителями и старались делать как лучше.

М а р г а р е т а. И проблем у нас было не больше, чем у других.

Х е н р и к. Скорее даже меньше. Приличный достаток, уютный дом, здоровые, гармоничные дети...

М а р г а р е т а. Так, по крайней мере, было прежде.

Х е н р и к. Да, дети почти никогда не болели.

М а р г а р е т а. И я не желаю больше это обсуждать. Хватит, говорю я, хватит!

Э в а. Ненавижу...

Х е н р и к. Не о чем больше говорить!

А н н а (*со злоевицей спокойствием*). Что вы сотворили со мной, вы, оба вместе или каждый в отдельности? Со мной... Можете вы это объяснить или нет?

М а р г а р е т а. Больше всего на свете мы беспокоились о том, как сложится ваша судьба.

Х е н р и к. Это беспокоит всех родителей. Я не помню, чтобы у нас с Маргаретой были когда-нибудь серьезные конфликты.

А н н а. Но для меня в том-то как раз и состоял конфликт, что у тебя не было конфликтов с ней.

Х е н р и к. Вот как...

Э в а. Вы беспокоились о нас?

А н н а (*Хенрику*). Может, ты встретил другую женщину? У тебя были любовницы? Это я могу понять.

Х е н р и к (*Маргарете*). Не обращай внимания.

М а р г а р е т а. Беспокоились об Анне, конечно... из-за ее трудного материального положения, из-за странных отношений с разными мужчинами... ну и из-за всего прочего...

А н н а (*достаточно громко*). А может, ты меня трогал? (*Пауза*). Как-нибудь так?

Э в а (словно щелкнув бичом). Ну хватит!
А н н а. Так что же?
Э в а. *Piss off!*
А н н а. Как-нибудь так?
Э в а. *Shut up!* Заткнись!
А н н а. Было такое?
Э в а. Давай, Анна, валяйся в дерьме!
А н н а. Папа! Скажи же что-нибудь.
М а р г а р е т а. Что ты такое говоришь?
А н н а. Я спрашиваю.
Х е н р и к. О чем ты?
Э в а (хватает Анну). Ну нет, определенно, это уже слишком!
М а р г а р е т а. Ничего не понимаю.
Х е н р и к. Трогал тебя? Каким образом?
М а р г а р е т а. Бил тебя, что ли? Да мы тебя ни разу пальцем не тронули.
Х е н р и к. Бил тебя?
А н н а. Таким образом, который можно истолковать превратно.
Который мама могла истолковать превратно.
Х е н р и к. Я! Да никогда в жизни!
М а р г а р е т а. Что ты такое говоришь?
А н н а. Я просто хочу знать.
М а р г а р е т а. Но это... чудовищно... чудовищно...
А н н а. Ну, папа?
Э в а. Грязная обезьяна!
М а р г а р е т а. Как ты можешь... намекать...
Э в а. Ты зашла слишком далеко.
Х е н р и к. О чем вы говорите?
А н н а. Ничего не знаю.
Э в а. *Sick... she is sick*².
А н н а. Я не больна.
Э в а. *She is a crazy dog*³.
А н н а. Я – не сумасшедшая.
М а р г а р е т а. Безусловно, сумасшедшая.

¹ Иди ты – англ.

² Больна... она больна – англ.

³ Она бешеная собака – англ.

А н н а. Я не параноик.

Х е н р и к. Ничего не понимаю.

М а р г а р е т а. Я тоже.

А н н а. Знаю только, что я оскорблена. Оскорблена до самых потрохов.

М а р г а р е т а. Ничего ты не оскорблена! Это мы оскорблены, оскорблены и унижены. Я чувствую себя оскорбленной до глубины души! Если ты понимаешь, что говоришь...

А н н а. Понимаю!

М а р г а р е т а. Не знаю, смогу ли я тебя когда-нибудь простить.

А н н а. А мне начхать на твоё прощение! Подавись им, если хочешь!

М а р г а р е т а. Хенрик! Хенрик!

Х е н р и к. Анна! Прекрати, наконец!

А н н а. Вы всегда втягивали меня в ваши чертовы личные конфликты.

М а р г а р е т а. Уйдем отсюда.

А н н а. Так, что я не могу больше жить. Вы использовали меня как орудие друг против друга, как заложника, как тайну, на которую другому не дают наложить лапу.

Х е н р и к. Иди в свою комнату!

М а р г а р е т а. Нет! Я не допущу, чтобы меня выгоняли из собственного дома!

А н н а. По-моему, мое самое первое воспоминание, как она... как ты преследуешь меня и хочешь побить, потому что папа меня очень любит... Но я не решалась показать, что люблю папу, потому что за это меня наказывали. Мелкие изощренные наказания, такие, что... Но в других случаях, когда между вами все, так сказать, шло гладко, тогда я должна была любить папу крепко-крепко и демонстрировать это маме. Словно за это ее могли похвалить. Понимаете?.. И я каждый раз изворачивалась, применяясь к обстоятельствам, чтобы меня не стерли в порошок... Я всегда должна была поддерживать того, кто сильнее. А значит, маму, хоть она была слабой, ведь она меня била, а бьют только слабые. Только слабые... Вот почему... вот почему мне негде было найти защиту... только у Берит, она была обыкновенной, простой и без выкрутас, и я это понимала.

М а р г а р е т а. Не знаю, как я смогу когда-нибудь простить тебя... или себя саму, за то, что позволила тебе зайти так далеко.

Х е н р и к. Все это чистой воды фантазии.

А н н а. Фантазии... А у меня ничего другого нет. Мне снился сон, который часто повторялся, самый любимый сон, — он повторяется и сейчас. Сон о том, как я вырвалась отсюда, от вас. Мне чудится, что я на острове, далеко-далеко в море... вдвоем с тобой или с мамой...

Х е н р и к. Острова обычно лежат посреди моря.

А н н а. Малосенький островок, такой крохотный, что на нем еле-еле умещаются двое, этакая мертвая скала среди моря.

М а р г а р е т а. Ну и чем вы питаетесь?

Х е н р и к. Не перебивай ее!

А н н а. Чаще всего я там с папой и пытаюсь его утешить.

Х е н р и к. Да что ты? Почему?

М а р г а р е т а. Это всего лишь сон...

А н н а. Потому что хочу пробудить в нем, в тебе, другие мысли...

М а р г а р е т а. Это я вижу.

А н н а. Чтобы ты не был таким вялым и не сидел вот так апатично, как теперь.

М а р г а р е т а. Во-первых, он выпил.

А н н а. И мы уже больше не верим, что кто-то придет и спасет нас. Я не верю.

М а р г а р е т а. Я тоже.

А н н а. Но самое фантастическое, что приплывает лодка, смешная, маленькая лодка, и в ней человек. Кто-то другой.

М а р г а р е т а. Он думает, пациенты не замечают...

Х е н р и к. Хватит!

А н н а. Если мне снится, что мы вдвоем с папой, то приплывает женщина, а если — иногда — с мамой, то мужчина... Но никогда не приплывают ни папа, ни мама, а всегда кто-то чужой, незнакомый.

М а р г а р е т а. А они, ясное дело, замечают... Их становится все меньше и меньше... и они никогда не приходят снова. Может, пора объявление дать.

А н н а. Я так надеюсь, что папа или мама полюбят этого пришельца, потому что это мой единственный шанс спастись.

Потому что тогда я стану им не нужна. И избавлюсь от участи быть кем-то, кого все равно не замечают, и делать уйму вещей вместо них... Но это только сон... По правде сказать, во сне я гораздо умнее, чем наяву.

М а р г а р е т а. Это тихое, незаметное пьянство, с которым бороться бесполезно. После девяти часов, каждый вечер после девяти.

А н н а (*в отчаянии, тихо*). Я хочу начать новую жизнь, я не хочу видеть этих людей... А они не хотят видеть меня... Но если я ничего не узнаю... А меня об этом все время спрашивает мой терапевт, очаровательная, милая женщина.

Х е н р и к. О чем спрашивает?

А н н а. О тебе.

Х е н р и к. Обо мне?

А н н а. Да. Где он?

Х е н р и к. Ничего не понимаю. Может, мне кто-нибудь объяснит?

А н н а. Где отец? Где ты?

М а р г а р е т а (*рассмеявшись*). Замечательный вопрос, просто замечательный. Эта женщина спрашивает от нашего общего имени!

А н н а. Папа...

М а р г а р е т а. Он никогда этого не знал, а может, и не мог разузнать. У него нет ни сил, ни желания, ни мужества.

А н н а. Папа...

Х е н р и к. Я здесь.

Э в а. I don't want to be here anymore¹.

М а р г а р е т а. Он здесь сидит. Сидит здесь и ничего не понимает. Ответь ей. Она обращается к тебе. (*Анне.*) Что с тобой? Ты вся побелела.

А н н а. Сердце болит.

М а р г а р е т а. Сердце?

Э в а. Чтобы сердце болело, надо его иметь.

А н н а. Очень больно. (*Пауза.*) Мне надо лечь.

Х е н р и к. Это правда?

М а р г а р е т а (*Хенрику*). Ты врач. (*Пауза.*) И отец... Займись ею.

А н н а. Я не могу здесь оставаться.

М а р г а р е т а. Ведь как знать...

¹ Я больше не хочу здесь оставаться – англ.

А н н а. Я хочу уйти...

Э в а. Успокойся.

Х е н р и к. Если это сердце, болит не здесь.

М а р г а р е т а. Она может лечь в моей комнате. Больше я ничем помочь не могу.

А н н а. Господи, как мне страшно!

Х е н р и к *(встает, подходит к Анне)*. Может, приляжешь в маминой комнате?

А н н а. Нет!

Х е н р и к. Анна, Анна, милая!

А н н а. Нет.

М а р г а р е т а. Уведи ее!

Х е н р и к. Хорошо, хорошо. *(Анне.)* Пойдем.

Э в а. А потом я отвезу ее домой.

М а р г а р е т а. Видеть ее больше не хочу.

Хенрик уводит Анну из комнаты. Ведет ее в спальню матери. Очевидно, она там ложится. Он возвращается.

Э в а. Господи, как драматично.

М а р г а р е т а. Она и впрямь может сочинять пьесы о чем угодно.

Э в а. Представляю себе, каково Йону...

М а р г а р е т а. Так же, как и всем нам... Бедный мальчик!

Э в а. Но надо же принять какие-то меры!

М а р г а р е т а. Разве мы не пытались... тридцать лет подряд!

Х е н р и к. От этого только хуже. Если вмешиваешься.

М а р г а р е т а. А когда ты в последний раз во что-нибудь вмешивался?

Э в а. Извращение какое-то.

Х е н р и к. Я делаю что могу.

М а р г а р е т а. И глупость тоже.

Х е н р и к. Слышишь? А кстати, нам, пожалуй, не повредит сейчас стаканчик виски. Что вы на это скажете? *(Пауза.)*

Маргарета?

М а р г а р е т а. Я ничего не скажу.

Э в а. Может, правда выпить?

М а р г а р е т а. Выпей, выпей. *(Пауза.)* Может, она уснула.

Э в а. Я скоро поеду. *(Пауза.)* Матиас собирался вернуться к одиннадцати.

М а р г а р е т а. Вот у тебя есть Матиас... Милочка моя.
Э в а. Да.
Х е н р и к. Да, конечно. Матиас. *(Разливает виски в три стакана, подходит к Эве и Маргарете с их стаканами, потом возвращается к своему стулу и садится.)* Он так много работает.
Э в а *(роется в сумочке)*. Он хочет, чтобы мы переехали.
Х е н р и к. С вашей виллы?
Э в а. В город. Здесь легче жить. Приятнее.
М а р г а р е т а *(не без раздражения)*. Сколько лет вы толкуете об этом?
Х е н р и к. И продать виллу?
Э в а. Если удастся. Все-таки разнообразие.
М а р г а р е т а *(о Хенрике)*. Он говорит о нас, как о посторонних.
Х е н р и к. Конечно, удастся. Дом такой огромный.
Э в а. И жуткий.
М а р г а р е т а. Жуткий?
Э в а. Я имею в виду – в это время года. *(Ищет что-то в сумочке, вынимает квитанцию на оплату, рассматривает ее.)* Семнадцать крон за месячную подписку на «Свенска-Дагбладет». *(Почти наивно.)* Это дешево?
Х е н р и к. Д-да...
Э в а. Папа... Это дешево?
Х е н р и к. Не знаю... Шестнадцать крон?
Э в а. За месяц.
Х е н р и к. По-моему, дешево.
Э в а. Что ж, надо все испробовать. *(Прячет квитанцию в сумочку.)* Я хочу сказать, огромный и мрачный. А вообще, может, он сгорит.

Пауза.

Х е н р и к. Да... Все зависит от самочувствия.
Э в а. Правда, сад хорош. С вишневыми деревьями.
М а р г а р е т а. Сад просто изумительный. Я бы рада иметь такой.
Э в а. Что это на тебя нашло?
Х е н р и к. Он, наверно, уже весь в осенних красках.
Э в а. В зимних. Мама!
Х е н р и к. Вообще-то сегодня было по-настоящему тепло и ясно.

Э в а. Настроение не зимнее.

Х е н р и к. Извини?

Э в а. Настроение, говорю, не зимнее.

Х е н р и к. Подожди, вот лед станет.

Э в а. Чуть побольше зимы. *(Пауза.)* Мама!

М а р г а р е т а. Что это, виски? Я с трудом отличаю виски от хереса.

Э в а. Как ты себя чувствуешь?

М а р г а р е т а. Не знаю... И не обращаю внимания.

Э в а. Да, в общем, не все ли равно.

М а р г а р е т а. По-моему, я скоро перестану понимать, кто я такая. Она словно пыталась отнять у меня мое «я».

Э в а. Ты же знаешь, какая она.

М а р г а р е т а. Нет, не знаю!

Х е н р и к. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

М а р г а р е т а. Да, расскажи, например, сколько стоят шестьдесят граммов водки в кафе Риш. Шестьдесят крон? Где дороже, там или в Оперном баре? А сколько стоят те же шестьдесят граммов в Артистическом кафе? И вообще, где ты ешь? Эва, а где обедаешь ты?

Э в а. Где я обедаю?

М а р г а р е т а. Ну да. Где?

Э в а. В кафе Сален. Если успеваю. Но вообще-то я успеваю только проглотить холодный гамбургер.

М а р г а р е т а. А там хорошо кормят? И сколько это стоит? *(Долгая пауза.)* Вот лежит в моей комнате человек, переполненный только ненавистью и упреками. И думает об одном — как бы мне еще напакостить.

Пауза.

Э в а. Зачем ты обращаешь внимание?

М а р г а р е т а. Это моя дочь!

Э в а. Она прет напролом... как танк. Ей это нравится. Она любит привлекать к себе внимание. Ей бы надо быть актрисой. Правда, тогда шел бы один сплошной монолог и ни у кого не хватило бы сил его слушать. Она никогда не дает тебе высказаться, ты не можешь закончить ни одной фразы. «Вот именно, именно, — говорит она, — точно, я понимаю. Точно, я знала это еще в одиннадцать лет».

Хенрик. А я люблю, когда она так... горячится. Тогда ей вроде бы снова восемь или девять лет.

Маргарета. У меня такое чувство, будто у меня в животе огромная дыра. Будто меня вспороли. Я совершенно опустошена.

Хенрик. Это стимулирует.

Эва. Ну и ну!

Маргарета. Да уж... Да-а.

Эва. Почему она не пойдет к терапевту?

Маргарета. Почему она в полицию не пойдет? Но она ходит. По ее словам.

Хенрик. Она ходит к терапевту.

Эва. Брр!

Маргарета. От этого только еще хуже.

Хенрик. Да. *(Пауза.)* Но...

Маргарета. Ей тридцать восемь лет! Она взрослый человек.

Хенрик. Но...

Маргарета. Ненавижу этих дураков-терапевтов, которые только и умеют, что наблюдать со стороны. А знают они не больше, чем любая нормальная мать, которая водит своего ребенка к песочнице. Как дети общаются... что ребенка замечают и признают, если он протянет совок другому ребенку, а тот возьмет совок и насыплет песок в ведро... что тогда, значит, его признали... И что он поднимет крик, если другой ребенок вместо того, чтобы сыпать песок в ведро, станет бросаться песком в него самого... И так всю жизнь, все та же песочница... чтобы тебя заметили и признали! Может, мы слишком мало на нее смотрели? Или наоборот... *(Подходит к книжной полке.)* Эту книгу я получаю от нее в подарок три года подряд. *(Снимает с полки книгу в мягкой обложке.)* Одну и ту же книгу. А может, авторша написала три разных книги... об одном и том же... очевидно, обо мне... Я видела ее по телевизору прошлым летом! И так разозлилась! Строит из себя!... И она винит меня за все, что случилось, это я уже об Анне. Из-за меня она, видите ли, заболела...

Хенрик. Болезнь болезни рознь.

Маргарета. Не замечай... Нет, нет... А чего именно не

замечай?.. Не замечай... того, что происходит. А может, не **отмечай**. Как метят простыни и нижнее белье? Но так нельзя... Или это одна из заповедей... Но... все равно **нельзя**... Только бы избежать... Суметь избежать.

Хенрик. Успокойся.

Эва. Теперь ты заговорила как Анна.

Хенрик. И правда.

Маргрета. Нет, неправда. Я здорова, я не сумасшедшая, Хенрик... Даже если мне иногда и хотелось бы... Но как я ни стараюсь... с тех самых пор... сначала все мое время занимала твоя мать, потом на свет появилась Анна... Как я ни стараюсь приспособиться ко всем перепадам ее непредсказуемого настроения... всякий раз, когда мы встречаемся... А могло бы быть так хорошо тот недолгий срок, что нам остался... Ведь скоро придут годы, когда мы начнем болеть, ходить будем только на прогулку да в музей, осенние, зимние годы, когда видеть внуков и то в тягость... Но нет... При каждой новой встрече она все больше пышет ненавистью, в лице ни кровинки, а глаза... два громадных бездонных колодца ненависти... И я уже не знаю, как себя вести, не могу я делать вид, что все в порядке, или просто не замечать, что ее что-то терзает... Вот тогда бы я и впрямь была сумасшедшей, а я не сумасшедшая, знаю, что не сумасшедшая.

Хенрик. Как раз сумасшедшие-то и знают наверняка, что они не сумасшедшие.

Маргрета. О да, да, да... Ты эксперт в этом вопросе, ты с близкого расстояния наблюдал... Но я-то знаю, что я не сумасшедшая, — по крайней мере, пока я могу ходить в библиотеку, где меня ждет моя работа и мои милые коллеги, и пока хотя бы Эву можно считать... благополучной и я могу с ней общаться. Но если все будет так, как сегодня... Я старалась говорить за столом только на общие темы... вроде новых представлений о смерти, о том, как врет Ингвар Карлсон, или о самцах гаги, которые погибли от разлива нефти возле Утё... Но ей ничего не стоит обратить против меня любое сказанное мной слово и выискать в нем злокозненные намерения... А это нетрудно, когда ты

любишь своего ребенка и беспокоишься о нем. Хотя ей скоро сорок, и в этом смысле она не нуждается в родительской любви... И я просто теряюсь, а я не хочу быть вечно готовой к бою в собственном доме! Я ее мать, но, выходит, это одно лишает меня права вмешиваться... Ну и ладно... Я не желаю унижаться, я требую своих прав... Ее ведь ничем не убедишь... В том, как было с тех самых пор, когда она была нашей маленькой Анной... Наверно, она ею и не была. Она была маленькой Анной для Берит... Вот еще одно чудовищное оскорбление, от которого так просто не отмахнешься! Да, да... Конечно, я понимаю, не так-то легко вышутить колкости, которыми она пытается унизить меня... как женщину, как мать, как твою жену... Но все равно меня удивляет, почему за все эти сорок лет... если ты когда-нибудь и высказывал какое-то мнение, то всегда в ее пользу, в пользу Анны, а не в мою. В мою никогда! Ты ни разу не принял мою сторону. Хотя это было бы естественно.

Хенрик. То есть? Какое такое мнение я должен высказать теперь?

Маргарета. Насчет меня... меня и Анны.

Хенрик. Что ты имеешь в виду?

Маргарета. Неужели это будет продолжаться так, как сегодня?

Хенрик. Но что я, по-твоему, должен сделать?

Маргарета (*кричит*). Я хочу, чтобы ты сделал выбор. Принял решение! Раз и навсегда определился!

Хенрик. Выбор?..

Маргарета. Да!

Хенрик. Между чем и чем?

Маргарета. Между мной и ею!

Хенрик. Как это так? Это же безумие! Как я могу выбирать между тобой и Анной, моей дочерью?

Маргарета. Или твоей женой.

Хенрик. Маргарета!

Эва. Мапочка, дорогая, милая!

Хенрик. Не можем же мы... отказаться от нее.

Маргарета. Сейчас я могла бы. Ты сам слышал, что она говорила о тебе... на что намекала.

Хенрик. Но это же просто бред.

М а р г а р е т а. И какие еще бредни мы должны терпеть?
Х е н р и к. Может, глупо устраивать эти ежемесячные семейные драмы.

М а р г а р е т а. Покончим с ними, я буду только рада... С меня хватит драмы в моей собственной душе.

Э в а. Но я не хочу, чтобы с ними покончили. Я дорожу нашими встречами.

М а р г а р е т а. А я не хочу каждый раз заранее переживать и нервничать при одной мысли, что вы придете в гости.

Э в а. Но я дорожу этим!

Х е н р и к. Для нас это способ поддерживать с вами отношения.

Э в а. Это все, что у меня есть.

Х е н р и к. Спасибо. Очень мило с твоей стороны.

Э в а. Я была счастлива с вами.

М а р г а р е т а. Ты – да. Но она чувствовала себя несчастной за всех!

Э в а. Я любила вас обоих... тогда так же, как и теперь. *(Пауза.)* Правда, по-моему, все меняется к худшему. Сама она пальцем не шевельнет, чтобы бороться с обстоятельствами. Она все валит на других, чтобы самой отмотаться. Вот почему общаться все труднее. По-моему, вам пора подумать, нужна ли вам еще одна дочь. Надо ли вам и впрямь иметь двух, может, одной хватит? Я не хочу, чтобы на моих глазах с моими родителями обращались как с какими-то несчастными курдами...

М а р г а р е т а. Я привыкла, дорогая. В двенадцать лет она бросила школу – отказалась учиться. Ребенок, наделенный фантазией, заявила она, школу выдержать не может. Вот тут-то ей и нужен был отец, который бы твердо сказал: «Нет!» В ту пору тоже. Когда ей было, кажется, тринадцать, она стала «коммунисткой», только ради того, чтобы шокировать окружающих, и прежде всего меня... будто это и в самом деле могло кого-нибудь шокировать... Связалась с какими-то альтернативными движениями... В четырнадцать ушла из дома и стала жить с мужиками, которые были старше по меньшей мере лет на тридцать, женатые и с детьми... сидела на рисе, чае и сигаретах... А теперь, двадцать лет спустя, у нее хватает наглости вернуться сюда и обвинять

нас! Да позволено мне будет спросить: за что? Что такого мы ей сделали?

Хенрик. Я делал, что мог... Я не был уверен, что ты всегда права. Нельзя вынуждать...

Маргарета (*перебивая*). Это я была вынуждена полагаться на свой собственный здравый смысл и собственные оценки. Теперь ты видишь, насколько я была права!

Эва (*перебивая*). Анна! Анна! Анна! Всегда только Анна, на первом месте Анна! Мы опять и опять говорим об Анне, об ее великих проблемах, об ее распроклятой жизни и кто в этом виноват! Ей тридцать семь лет! Не пора ли ей встать на собственные ноги!

Маргарета. Именно, именно, об этом я и твержу...

Эва. Или вы хотите по-прежнему с ней нянчиться? Няньчитесь на здоровье! Но говорить о ней я больше не желаю!

Маргарета. Правильно!

Эва. Она даже о своем ребенке позаботиться не может.

Маргарета. Правильно!

Эва. Может, я тоже нуждаюсь в вас, но я и не заикаюсь об этом, вам не до меня. Хотя, может, бывают минуты, когда мне тоже хотелось бы иметь мать и отца.

Хенрик. Но они у тебя есть. Ты всегда можешь прийти сюда.

Маргарета. С тобой у нас никогда не было трудностей.

Хенрик. Никогда.

Эва. У нас с вами вообще никогда не было anything. Anything¹. Я просто эдакий приятный гость... который ведет себя вежливо... у своих собственных родителей... до смерти боясь их огорчить...

Маргарета. Но, Эва...

Эва. Я чувствую себя просто каким-то проклятым политиком...

Маргарета. Эва, дорогая...

Эва. Who fucking cares about me? Do you, do you, or even me?² Я вроде вашего страхового полиса. Если у Анны дела плохи, вы всегда можете сказать: зато у Эвы все о'кей... Она – все устроит... Анна – просто несчастный случай... По

¹ ничего. Ничего – англ.

² Кто, блин, печется обо мне? Ни вы, ни я, так кто вообще? – англ.

чему, вы думаете, все последние годы, прежде чем смотать удочки, я вот так систематически морю себя голодом? (Пауза.) Задавали вы себе этот вопрос? Never? It never bothered you¹.

М а р г а р е т а. Мы никогда... никогда не волновались за тебя.

Х е н р и к. Эва!

Э в а. It never occurred to you that I was in a lost state². Когда мне бывало плохо, я пряталась в шкаф, чтобы вас не тревожить.

М а р г а р е т а. Мы всегда считали, что нам нет надобности вмешиваться в твою жизнь... Всегда так считали, Эва.

Х е н р и к. Всегда.

Э в а. А может, вам следовало вмешаться. Следовало.

Х е н р и к. Наоборот. Мы всегда говорили, что ты такая уравновешенная, такая выдержанная.

Э в а. Еще бы.

Х е н р и к. И способная ко всему, за что бы ни взялась.

Э в а. От способностей толку мало. Наоборот, это опасно для жизни.

М а р г а р е т а. Ты никогда не доставляла нам хлопот.

Х е н р и к. Никогда.

Э в а. Нет, не доставляла.

Х е н р и к. Тише!

Они слышат, что Анна открыла дверь и идет к ним.

М а р г а р е т а. М-да. (Пауза.) Так когда, ты говоришь, Матиас будет дома?

Э в а. Что-то около половины одиннадцатого.

М а р г а р е т а. Ну тогда... тогда тебе торопиться некуда.

Анна входит.

Х е н р и к. Вот и Анна.

М а р г а р е т а. Ну как ты, дружок?

А н н а. Я просто хотела сказать, что верну вам все, что у вас брала, до последнего гроша.

¹ Никогда? Вас никогда не волновал этот вопрос. — англ.

² Вам никогда не приходило в голову, что я потеряла крушение. — англ.

М а р г а р е т а. Но, Анна, дорогая...

Х е н р и к. Сядь и успокойся.

А н н а. Я совершенно спокойна. *(Пауза.)* Абсолютно. *(Подходит к Маргарете и бросает к ее ногам стокроновую бумажку и несколько монет.)* Если тебе угодно, можешь считать это первым взносом.

М а р г а р е т а *(встает.)* Мне очень жаль, но я никогда не знаю, как мне быть — реагировать или не обращать внимания.

А н н а. Очень жаль, что не знаешь.

М а р г а р е т а. Какой вариант лучше?

Х е н р и к *(Анне)*. Что ты хочешь этим доказать?

А н н а. Ничего я больше не хочу доказать. Делаю, и все.

Х е н р и к. Извини, но по-моему...

А н н а *(перебивая)*. По-моему, здесь уже не осталось ничего моего... Отец, конечно, мой, но она его так скрутила, что только похороны и остались, а с ними я и сама справлюсь. Но Йону я постараюсь объяснить, что для него и его матери лучше не встречаться с бабушкой и дедом, потому что эти встречи — сплошное дерьмо... А Йон — мальчик ранимый, нервы у него и так уже достаточно расшатаны, как и у меня.

М а р г а р е т а *(направляясь к двери)*. Пожалуй; я сварю кофе.

Э в а. Кофе?

М а р г а р е т а. Кто еще хочет чашечку?

А н н а. Невероятно. *(Хенрику, который идет к дивану.)* Что?

Х е н р и к. Ничего.

А н н а. Что ты сказал?

Х е н р и к. Ничего. *(Начинает подбирать деньги.)*

М а р г а р е т а. Пусть валяются! Сейчас я сварю кофе. Идем со мной. Идем в кухню.

Х е н р и к. Мне надо в туалет.

М а р г а р е т а. Хорошо, а потом придешь в кухню. Я хочу, чтобы ты был со мной. Я требую, чтобы ты был на моей стороне. *(Уходя.)* Во всем.

Анна подходит к столику у дивана, закуривает сигарету, озирается, взгляд ее падает на фотографии, она подходит, рассматривает их, отбирает маленькую пачку, потом идет к кафельной печи, садится перед ней, осторожно кладет в нее

большую фотографию, на которой ей три года, смотрит, как та загорается, вытаскивает ее и, пока та горит, держит ее перед собой.

Х е н р и к (*возвращается из туалета, видит, что Анна сидит на полу, но не понимает, что она делает*). Анна. (*Пауза.*) Анна. (*Пауза.*) Тебе лучше?

А н н а (*после короткой паузы*). Иди к ней.

Х е н р и к. Я хочу знать, как ты себя чувствуешь?.. А делаю я то, что хочу.

А н н а. Еще бы... Собака тоже так думает... когда при звонке слюну выделяет.

Х е н р и к. Ты что, ничего не понимаешь? (*Пауза.*) Не понимаешь, что я разрываюсь между твоей волей и волей твоей матери! Она и ты, она и ты – и так всю жизнь!

А н н а. У него и самого слюна текла, у него самого тоже. У Павлова. (*Беззаботно.*) Так... Ну а где же твоя собственная воля? Или у тебя ее нет?

Х е н р и к. Моя воля... Она состоит в том, чтобы вы общались друг с другом по-людски. Что это ты делаешь?

А н н а. Ничего. Детство свое жгу.

Х е н р и к. Но, Анна...

А н н а. Детство доброй самаритянки. Жгу только себя. Вас я не жгу. Просто я не хочу больше здесь оставаться. Если какие-то воспоминания сохранились, незачем беречь их на фотографиях. А она пусть болтает о ком-то другом, о какой-то там выдуманной особе, которая, по ее мнению, ее любила... некий туманный образ... А я не хочу мараться обо все эти лживые сказки о том, как якобы было на самом деле.

Х е н р и к. Не надо так.

А н н а. Такая уж я.

Х е н р и к. Просто не знаю, что делать.

А н н а. Не знаешь? (*Пауза.*) Не знаешь?

Х е н р и к. Не знаю... Может, тебе посоветоваться с врачом?.. У тебя есть кто-нибудь... Какой-нибудь знакомый...

А н н а. У меня есть знакомый. Ты. Ты врач. Это всего лишь фотографии. Душа моя сгореть не может. Да я и не стану... Моя жизнь не станет лучше оттого, что я узнаю, что она не удалась. (*Берет еще одну фотографию.*) Волосы горят.

Здесь они у меня длинные. Как у бабушки. *(Пауза.)* А сейчас я вроде бы что-то говорю, рот открылся, шепчет... что? Ну вот, горит моя толстая, полная надежд мордашка... а моя улыбка стала кучкой пепла... Красота... Вот если бы то же самое можно было сделать с воспоминаниями, которые тебе противны... Я была похожа на бабушку?

Хенрик. Что? Не знаю.

Анна. Была?

Хенрик. Не знаю.

Анна. Она была талантливой... Но я не больна. Может, я просто отчаялась. Но я чертовски умна.

Хенрик. Ну и что из того?

Анна. Вот и хватит.

Маргарета. Хенрик, где ты?

Анна *(рассмеявшись)*. Слышал? И как только ты выдержи-
ешь? *(Пауза.)* Ее.

Хенрик. Что выдерживаю?

Анна. Эту женщину.

Маргарета. Хенрик! Где ты?

Анна. Твою жену, сам знаешь.

Хенрик. Да, да, иду.

Анна *(собирает пепел)*. Хочешь взять на память?

Хенрик. Убери, чтобы она не увидела.

Анна. Нет, я вправду чертовски умна. А что толку?

Хенрик. Где Йон?

Анна. Зачем тебе знать? Ему хорошо. Он со своим отцом. У него отец есть.

Пауза.

Анна. Они идут. *(Целует Хенрика.)*

Эва и Маргарета входят в комнату.

Пауза.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

А н н а. Они идут. *(целует Хенрика.)*

Эва и Маргарета входят в комнату.

М а р г а р е т а. Посидим здесь? *(Начинает сервировать кофе, Эва ей помогает; накрывают на четверых.)*

А н н а. На тебе черный передник? Скажите как драматично!

М а р г а р е т а. Разве не красиво?

А н н а. Мне не надо.

Э в а *(Анне)*. Тебе лучше? Может, выпьешь капельку?

А н н а. Пепел.

М а р г а р е т а. Сделай телевизор погромче.

А н н а *(Хенрику)*. Ты меня боишься?

Х е н р и к. Он не включен.

А н н а. Тогда останься возле меня.

М а р г а р е т а. Чего ему бояться?

А н н а *(тихо)*. Катись ты к дьяволу со своим кофе.

М а р г а р е т а. Никто не боится.

А н н а *(не повышая голоса)*. Не хочу я никакого кофе. *(Пауза.)* Я

Эву жду. Меня обещали подвезти.

Х е н р и к. Полчашечки...

А н н а *(громко)*. Не хочу.

Э в а. Она не хочет.

Х е н р и к. Не кричи.

М а р г а р е т а. Чем это пахнет?

А н н а. Это от меня.

М а р г а р е т а. Вот как.

А н н а. Я сгорела. Сожгла свое детство.

Пауза.

М а р г а р е т а. По-моему, сейчас будут новости.

А н н а. А сожженные дети смердят.

Э в а. Да, сейчас половина десятого.

М а р г а р е т а. Только? А я думала, полжизни прошло.

Пауза.

Х е н р и к. Будешь смотреть?

М а р г а р е т а. Да нет, какой смысл. Все только Пальме и Пальме, что в газетных заголовках, что на телевидении, даже в спортивных передачах. (*Пауза.*) Наверно, никогда это дело не раскроют. Да и так ли уж это важно? (*Пауза.*) Разве его одного убили на улице?

Э в а. Я думаю, это сделала женщина.

Пауза.

А н н а (*стряхивая пепел с сигареты, задевает локоть Эвы.*) Извини.

Э в а. Пожалуйста. (*Пауза. Громко.*) Так вот.

М а р г а р е т а (*тихо*). Что так вот?

Пауза.

Э в а. Кстати, я видела на днях Петера.

М а р г а р е т а. Петера? Ты имеешь в виду Петера?

Э в а. Возле «Во де Виль». Видела его там на днях.

М а р г а р е т а. Анна...

Х е н р и к. Анна...

А н н а. В чем дело?

М а р г а р е т а. Говорят, это очень хороший ресторан.

А н н а. А мне-то что до этого?

Э в а. Не знаю. Мне никогда не удается там поесть.

М а р г а р е т а. Еще бы.

Х е н р и к. А я всегда беру с собой бутерброды.

М а р г а р е т а. Но вовсе не потому, что у нас нет денег!

Х е н р и к. Нет, просто я стараюсь каждый день урвать полчаса для самого себя.

М а р г а р е т а. Ты можешь урвать для себя сколько угодно времени, дорогой.

Э в а. Он просто промчался мимо... Strange¹.

М а р г а р е т а. Да.

А н н а. Мне на него плевать.

Э в а. Видно было... что он притворяется, будто меня не заметил.

¹ Странно – англ.

Все смотрят на Хенрика, который взял мятную шоколадку, может быть, уже четвертую, зашелестела конфетная обертка.

М а р г а р е т а. Фу! Противно. Отвратительно.

Э в а. Между нами нет никаких hard feelings...¹

М а р г а р е т а. Отвратительно.

Х е н р и к. А по-моему, очень вкусно. Самые лучшие конфеты. Я очень люблю мятный шоколад.

М а р г а р е т а. Противно, когда взрослый мужчина такой сладен. Неправда, будто это женщины всю жизнь валяются на диване, уплетая шоколадки, это – мужчины. Кстати, очень вредная привычка.

А н н а. Он ненавидит нас, он тоже – мы для него хуже чумы.

Э в а. Петер?

А н н а. Да. Не хотите ли вы все встретиться с ним, обсудить, какой Анна выродок и как бы упрятать ее в психушку?

М а р г а р е т а. У него нет никаких оснований плохо к нам относиться. За что он нас не любит?

А н н а. Он вас ненавидит.

М а р г а р е т а. Не понимаю за что.

А н н а (*Маргарете*). В особенности тебя.

М а р г а р е т а. Меня? Петер?

А н н а. Да, тебя... Петер.

Э в а. Зачем ты спрашиваешь?

М а р г а р е т а. Да, конечно... Пусть думает о нас что хочет. Мы живем в демократическом обществе.

А н н а. Он просто говорит, что ты самое развратное существо на всем белом свете.

Х е н р и к. **Черт побери, Анна!**

А н н а. Дорогие мои, я только пересказываю. Петер считает, что она вообще опасна, неуравновешенна, непредсказуема, он против, чтобы Йон оставался здесь дольше, чем часа на два, на три, иначе, мол, мальчика испортят. Что ты на меня уставилась?

М а р г а р е т а. Пойду включу телевизор.

А н н а. Удивительно свежая мысль. Одобряю.

М а р г а р е т а. Спасибо. Больше я слушать не хочу.

¹ Обид – англ.

А н н а. Это все потому, что он находит, будто я стала жутко похожа на тебя... Не знаю, что он имеет в виду.

М а р г а р е т а. Не хочу.

А н н а. Не знаю, что он имеет в виду, говорю я.

М а р г а р е т а. Хенрик, что у тебя там – вода? Просто вода?

Э в а. Это кофе.

А н н а. Стоит мне высказать что-нибудь, что не вписывается в его представления о мире, неважно что, как он говорит: «Иди к своей мамаше и скажи это ей. Это все твои с ней неразрешенные конфликты, ты никогда не освободишься от нее до конца, потому ты и хочешь, и...» Как это он выразился?

Х е н р и к. Полагаю, нам это не интересно.

М а р г а р е т а. Перевешу зеркало в другое место. Слишком долго оно здесь висит.

А н н а. Постой-ка... А-а, вот как: я мол, не хочу притворяться, будто ее нет на свете, и в то же время...

Э в а. Ты никогда не была сильна в синтаксисе...

А н н а. ...и в то же время не хочу ее потерять.

М а р г а р е т а. Вообще, я думаю сменить всю мебель.

А н н а. А меня, говорит он, вечно втягивают в ваши с ней неразрешенные конфликты... Вы же знаете, какие они, журналисты, да и вообще мужчины, те, которые бьют женщин, они все теперь так рассуждают и всему находят сомнительные объяснения.

М а р г а р е т а. На днях я видела чудесный диван, новое рококо, за тридцать тысяч.

А н н а. Они всегда хотят знать, что именно жертва говорит палачу, если в результате палач... и по какой такой причине горит бензин. А про меня спросили бы, почему, к примеру, я до одиннадцати лет любила сидеть на коленях у отца.

М а р г а р е т а. А что в этом особенного?

А н н а. Бензин – это я.

М а р г а р е т а. Все дети сидят на коленях у своих отцов.

А н н а. Тогда ты так не считала!

М а р г а р е т а. Я всегда... я никогда так не считала!

Э в а. Не отвечай.

А н н а (Эве). Я знаю, я тебе омерзительна. Ты всегда считала, что я омерзительна.

Э в а (спокойно). Омерзительной я тебя не считаю. Но считаю, что ты способна вызывать чудовищное раздражение. Чудовищное.

А н н а. Об этом поговорим попозже. Но, сказать по правде, бывают минуты, когда я нахожу, что он... сидят, как два идиота... так вот, я о Петере, что он чудовищно похож на нее. Сначала такая неслыханная щедрость, задаривает подарками, вообще такой добрый, но стоит сказать словечко поперек – и за все заплатишь немедля и сторицей. Достаточно, чтобы приправа оказалась ему не по вкусу. Вот я и ходила в вечном страхе, вдруг он потеряет самоконтроль. Спасибо Господу Богу, только его рука меня и спасла... в точности как в детстве...

М а р г а р е т а. Мы не хотим, чтобы нас впутывали в ваши проблемы. У нас одно утешение – мы всегда старались держаться дружески.

Х е н р и к. При ваших конфликтах.

М а р г а р е т а. Вы могли приезжать в Утё, когда хотели. Верхний этаж был в полном вашем распоряжении.

Х е н р и к. Вы прожили там почти год. Хотя приехали всего на неделю.

М а р г а р е т а. Вообще-то я так радовалась, когда вы приезжали, Йон такой чудный ребенок, и Эва, и Матиас. Почти каждое лето мы вместе праздновали Иванов день, и я была так счастлива. Большого я сделать не могу.

А н н а. Знаю. Знаю.

М а р г а р е т а. И Хенрик тоже.

Х е н р и к. Ходить на рыбалку с Йоном...

Э в а. Не горюй об этом.

М а р г а р е т а. С какой стати мне горевать?

А н н а. Я тоже не стану.

М а р г а р е т а. Я просто не понимаю, как можно быть такими неблагодарными.

А н н а. Это Петер хотел, чтобы мы оставались там так долго. Я-то знаю, каково... Знаю, во что тебе обойдется, если ты примешь что-нибудь от этого дома.

М а р г а р е т а. Что ж, пожалуй, и в самом деле хорошо, что вы, кажется, наконец разошлись... Ведь вы разошлись?

А н н а (ощипывая комнатное растение, стоящее возле ее стула).

Надеюсь, что в самом деле да.

М а р г а р е т а. Да... Ради Йона.

А н н а. Ради меня самой.

М а р г а р е т а. Ради тебя тоже, конечно...

А н н а. Надоели мне все мужики. Наймусь в полицию лепить штрафы за парковку, где не положено, и стану лесбиянкой.

Э в а. Замечательно.

М а р г а р е т а. Сколько лет вы пробьили вместе?

А н н а. Нисколько... пятнадцать.

Э в а. Так долго!

А н н а. Пятнадцать тяжких лет... а теперь еще on top¹ эти свары из-за Йона.

Э в а. А я с Матиасом уже семнадцать лет.

Х е н р и к. Что еще за свары?

А н н а. Что за свары?

М а р г а р е т а (Эве). Но вы не лезли на рожон... У вас были самые обычные конфликты. Их и сравнить нельзя. Все мы через это прошли. Это как раз и сближает людей.

Э в а. Или разводит.

М а р г а р е т а. Но это нормально. Совместная жизнь – штука нелегкая. Простых путей тут нет.

А н н а. Конечно, нет.

М а р г а р е т а. Конечно.

А н н а. Они ведут напрямиком в ад.

М а р г а р е т а. Как раз всякие мелочи, маленькие катастрофы... они-то и сближают. Мелкие ссоры не опасны. Без них браки умирают... просто-напросто умирают. Тут уж и в спальне не захочешь встречаться, хоть изредка. Ведь для этого нужна...

Э в а. Что именно?

М а р г а р е т а. Нужна... потребность.

Э в а. Эротика.

М а р г а р е т а. Да. Но в другом смысле.

А н н а. Да уж, конечно, не в спальне... Ведь вы наверняка не спали друг с другом последние двадцать лет. Или спали?

¹ в довершение всего – англ.

(Пауза.) Были вы вместе в постели за последние двадцать лет... могли, хотели, способны были или хотя бы хотели? Я просто спрашиваю себя. Как спят с Маргаретой? С какого конца начинают, чуть было не сказала я.

Э в а. А ты не хотела бы заткнуться?

А н н а. Ты ведь приходил ко мне, когда мне было двенадцать-тринадцать, и рассказывал, какие женщины грязные, какие у них грязные потребности... Ты ведь, конечно, намекал на маму. Что с женщинами вообще так трудно.

М а р г а р е т а. Нет, меня здесь нет.

Х е н р и к. Пожалуй, тебе пора домой.

А н н а. Я думала, это мой дом. Но, папа... не все женщины такие, как мама.

Э в а. Мели что хочешь — нам плевать.

Х е н р и к. Нет... в самом деле. Есть же все-таки границы.

Э в а. Мы не лезли в твои любовные дела.

М а р г а р е т а. В ее — что?

А н н а. В мое влагалище. Радости оно мне никогда не доставляло, только одни проблемы. У меня нет времени трахаться. Хожу, как заряженная секс-бомба.

Э в а. Эти объяснения будешь давать в «скорой».

Х е н р и к. Ну, хватит!

А н н а. До этого я не доживу. Сегодня мой последний вечер. Вы что, не поняли? Пусть мною дорожки посыплют. А прежде я думала, меня пустят на мыло. Но я слишком тощая. Хорошего мыла из меня не выйдет. Лучше уж пепел на дорогах...

Х е н р и к. Кончай, наконец!

А н н а. Сейчас скажу что-нибудь приятное... о маме. Она всегда прекрасно выглядела, она и сейчас выглядит прекрасно — красивая женщина с правильными чертами лица... сексуально сверхзабоченная... сам знаешь, как это бывает... сексуально не удовлетворена, вечно кружит вокруг... злополучной темы...

М а р г а р е т а *(Эве, которая сжимает в руках кофейную чашку, словно пытаясь согреться)*. Ты простужена или это просто так?

Э в а. Нет.

А н н а. Мужчин это очень волнует...

Э в а. Нет, нет.

А н н а. Этакие девочки под мальчишку...

Э в а. Нет.

А н н а. Точно. Неужели ты не знала? По ним никогда не скажешь, в самом ли деле они straight¹.

Пауза.

А н н а. Со мной этот номер не пройдет, Эва. Я знаю, что ты им врешь, чтобы не расстроить. Знаю, что ты врешь обо всем, чтобы они могли сохранить свою вселенную, свой космос, свой мирок.

Э в а. Я вру?

А н н а. Ты никогда не решишься показать им собственную the dark side of the moon².

Э в а. А в чем она состоит?

А н н а. Ты сама говорила мне, что спишь с Матиасом только раз в месяц. А потом идешь в туалет и блюешь.

Х е н р и к. Что ты сказала?

Э в а. Это моя проблема... Давняя... Да и никакой проблемы тут нет. Все об этом знают.

Пауза.

М а р г а р е т а. Да, но...

Э в а. Это наша... как бы ее назвать... трагедия.

А н н а. Красивое слово. (*Пауза.*) О, по твоему голосу слышно, как глубоко ты увязла.

Э в а (*беспечно*). Да, я увязла в глубоком кресле.

М а р г а р е т а. Не выволакивай наружу еще и это.

Э в а. А почему бы нет?

М а р г а р е т а. Есть вещи, о которых говорить нельзя!

Х е н р и к. Анна может.

М а р г а р е т а. По-моему, вы оба так хорошо справляетесь с этой... ситуацией.

Х е н р и к (*Анне*). Ты приняла какие-нибудь таблетки?

А н н а. Таблетки принимает Эва.

¹ Здесь: гетеросексуальны – англ.

² обратную сторону Луны – англ.

Э в а. Ситуацией?

А н н а. И вы что, уже окончательно... сдались?

Э в а. Слово мне не нравится.

Х е н р и к. Окончательно сдаваться нельзя.

Э в а. Нельзя.

Пауза.

М а р г а р е т а. Хенрик!

А н н а. Налей и мне.

Х е н р и к. Черт возьми!.. Стаканчик виски — не главная проблема в жизни.

М а р г а р е т а. Для тебя как раз главная. *(Пауза.)*

Э в а. Нет, я не сдалась.

Х е н р и к. Этого делать нельзя.

М а р г а р е т а. Поставь бутылку сюда, чтобы мы видели, сколько ты наливаешь.

А н н а. Знаю.

Э в а. Ничего ты не знаешь!

М а р г а р е т а. Ты тут ни при чем... у тебя нет никакого физического изъяна.

Э в а. **Ты не можешь** знать, каково это.

М а р г а р е т а. И у Матиаса тоже.

Э в а. Мы оба тут ни при чем. Но я не могу выносить ребенка. Ни один ребенок еще не вышел живым из моего тела.

М а р г а р е т а. Ты не должна так говорить.

Х е н р и к. Правда, не надо.

Э в а. Почему?

А н н а *(вскользь)*. Ты хорошо смотришься с бутылкой в руках, папа.

Э в а. Почему?

М а р г а р е т а. Звучит как-то страшно.

Х е н р и к. Нельзя так смотреть на саму себя.

Э в а. Как? *(Пауза.)* Как на могилу?

Х е н р и к. Так неприязненно, так мрачно.

А н н а. А что в этом веселого?

Э в а. Это и в самом деле мрак.

А н н а. Мать хочет, чтобы в ее жизни все сияло улыбкой, но жизнь вокруг не слишком-то улыбчива.

Х е н р и к. Сейчас речь не о тебе.

М а р г а р е т а. В кои-то веки.

А н н а. Я знала, что ты это скажешь.

Э в а. А в общем... Совершенно неважно, протяну ли я еще семнадцать лет вот так. С Матиасом.

М а р г а р е т а. Что ты хочешь сказать?

Э в а. Или напоследок попытаюсь с кем-нибудь другим. Ведь это я...

А н н а. Тогда он погибнет, тогда вмиг развалится весь его устойчивый мир. Если ты принесешь в подоле черненького ублюдка.

М а р г а р е т а. Еще не поздно. Ты не должна сдаваться.

Э в а. Это я хочу ребенка.

М а р г а р е т а. Ты не должна сдаваться.

Э в а. А он просто будет рад, если я буду рада.

М а р г а р е т а. Сдаваться никогда не следует.

Э в а. Я и не сдаюсь.

А н н а. Но так ведь продолжать нельзя.

М а р г а р е т а. Последнее слово не за нами.

А н н а. Ты должна как можно скорее что-то сделать! С самой собой.

Э в а. Что именно?

А н н а. Мне жутко слушать ваш разговор. *(Пауза.)* Душа леденеет, когда вас слушаешь.

М а р г а р е т а. Помолчи, Анна.

А н н а. В этой стране пока еще не отменили свободу слова.

Э в а. Ты думаешь?

М а р г а р е т а. По крайней мере, в прошлом году ты еще не сдавалась.

А н н а. Ты стала похожа на стеклянную палку в меду.

Э в а. Нет.

А н н а. На прихваченную морозом паутину.

М а р г а р е т а. Ни в коем случае не сдавайся.

А н н а. А за кем последнее слово? За кем?

М а р г а р е т а. Я просто думала о Провидении. Последнее слово за ним.

Э в а. Хотя... мне кажется... уже начинается.

Х е н р и к. Что именно?

М а р г а р е т а. Что начинается?

Э в а. Конец... отчасти.

М а р г а р е т а. Конец?

Э в а. Ну да, всему этому... Во всяком случае, осенью мне стукнет сорок три.

М а р г а р е т а. Нет...

А н н а. Да, ей будет сорок три... А мне тридцать восемь.

Э в а. Я — зрелая женщина (*Смеется.*)

А н н а. Гольфов мы больше не носим.

Э в а. Господи, мне сорок три!

М а р г а р е т а. Эва, но...

Э в а. В каком-то смысле я сдалась.

М а р г а р е т а. Детка... не надо так говорить.

Э в а. Перестань.

А н н а. Оставь ее в покое.

М а р г а р е т а. Что с тобой, дорогая?

Э в а. Ничего. Отстань. (*Пауза.*) Почему вы не слышите, что я говорю?

М а р г а р е т а. Мы слышим.

Х е н р и к. Конечно.

Э в а. Ничего не выйдет. Кончено. Умерло.

Х е н р и к. Что умерло?

М а р г а р е т а. Ты о своем браке?

Э в а. О нем.

А н н а. С Матиасом.

Э в а. Вообще обо всем.

Х е н р и к. Конечно же, ничего не кончено.

Э в а. Это было бы слишком хорошо.

А н н а (*Хенрику*). Ни черта ты не знаешь, ни хрена ты не знаешь о своих детях!

Э в а. А почему бы нашему браку и не кончиться?

М а р г а р е т а (*Анне*). Может, тебе лучше пойти полежать в своей комнате?

А н н а. В моей комнате? Там же теперь папа спит. Рядом с корзиной для белья и гладильной доской.

Х е н р и к. У вас хороший брак. Очень хороший.

Э в а. Вот как?

А н н а. На посторонний взгляд?

Х е н р и к. Вы живете друг с другом так хорошо, как только

могут жить двое взрослых людей, — вы друг другу подходите, работа у вас интересная, деньги есть, красивый дом...

Э в а. С большим садом...

М а р г а р е т а. С большим садом...

Э в а. Где нет играющих детей.

А н н а (Хенрику). Какие глупости ты говоришь. Неужели ты такой глупый?

Э в а. Впрочем, ко всему привыкаешь. К тому же у меня не нашлось бы времени заниматься детьми.

М а р г а р е т а. Если бы это было так уж важно, вы могли усыновить ребенка. Несколько лет назад вы же собирались в Шри-Ланку.

Х е н р и к. Правда, у вас был такой план.

А н н а. А что сказали бы в районе сплошных вилл... если бы в одной из них завелась вдруг этакая взятая напрокат ржаная булочка?

Х е н р и к. Придержи язык!... Анна, милая.

Э в а. Все уже было подготовлено.

А н н а. Все бумаги выправлены. И вы ждали ответа.

Э в а. Мы уже выслали пять тысяч тамошней женщине.

А н н а. И тут пришел ответ.

М а р г а р е т а. Всего пять тысяч?

Э в а. Нам позвонили и сказали, что можно ехать. Мы взяли билеты на самолет, сделали прививки, купили всяких детских вещей.

А н н а. И я обещала, что встречу вас... что мы с Йоном будем ждать в аэропорту.

Э в а. И в тот день, когда нам лететь, Матиас вдруг говорит: «Я не полечу».

А н н а. Господи, ужас какой.

Э в а. «Я тоже не полечу», — сказала я.

М а р г а р е т а. А кто это был? Мальчик?

Э в а. Он вдруг почувствовал, что не хочет, что нельзя нам туда лететь усыновлять ребенка и тем самым показывать, что своего мы родить не можем.

М а р г а р е т а. Это был мальчик?

Х е н р и к. Когда это было?

Э в а. Нет, девочка... Это была последняя попытка.

Хенрик. Ты никогда об этом не рассказывала.

Маргарета. Ты никогда мне этого не рассказывала!

Эва. Прости.

Маргарета. Почему ты ничего мне не сказала?

Хенрик. Давно это было?

Эва. Нет. *(Спокойно.)* Я далеко не все рассказываю.

Маргарета. И ему вдруг расхотелось?

Эва. Да.

Маргарета. Подлец!

Анна. А я все это чувствую, это слышно по тому, как вы говорите друг с другом. Что уже ничего нет... Но о таких вещах не рассказывают, пока все не перегорит. Об этом рассказывают месяцы спустя после того, как все решилось.

Эва. Что именно?

Анна. Что все кончено. И вы решили разойтись.

Эва. Кончено?.. Разойтись?

Хенрик. Ничего они не решили.

Маргарета. Ничего не кончено!

Анна. Кончено. Между вами все умерло. Все похоронено.

Маргарета. Что за чушь ты городишь!

Хенрик. Ты что, этого хочешь?

Анна. Нет, но между ними ничего не осталось. Кончились взаимные укусы, ехидство – все застыло, как в консервной банке.

Эва. Звучит грустно.

Анна. Так это, черт возьми, и в самом деле не шутка.

Маргарета. Неужели тебе мало твоих собственных проблем?

По-твоему, брак, продолжавшийся семнадцать лет, может вот так взять и рухнуть... а мы бы ничего не заметили?

Анна. Безусловно. Вы же не замечаете, что сами рухнули.

Хенрик. Что же, по-твоему, нам делать?

Маргарета. Ничего подобного.

Хенрик. Чего ты от нас хочешь?

Анна. Ничего. Ты сам знаешь, что я права, но не смеешь ничего сказать. Ты давно все понял, понял, что к чему, но не решаешься...

Маргарета. Ну и злыдня же ты, Анна!

Анна. Ага.

М а р г а р е т а. Может, это наше время сделало тебя такой?
А н н а. Возможно.
М а р г а р е т а. А ты не можешь стать немного выше, подняться над своими... чувствами?
А н н а. Не могу.
М а р г а р е т а. Ради себя самой... Бедняжка Анна... Бедная наша малышка.
А н н а (*преисполненная отвращения к Маргарете, Эве*). Она точь-в-точь плохая актриса. Ни одной естественной интонации... Так что же вы будете теперь делать?
Э в а. Продолжать жить дальше.
А н н а. С Матиасом?.. Да?
Э в а. Не знаю. (*Пауза.*) Не знаю... Матиас считает, что мы должны заняться парусным спортом.
А н н а. Парусным спортом?
Э в а. Купить яхту... Он всегда об этом мечтал.
А н н а. И ты тоже хочешь научиться править яхтой?
Э в а. Нет. (*Пауза.*) Я вообще больше ничему не хочу учиться. (*Пауза.*) Хочу продолжать делать то, что умею. А ничему новому учиться не хочу.
М а р г а р е т а. Я так расстроена...
А н н а. Меня просто в дрожь бросает, когда я тебя слушаю.
Э в а. Вот и Матиас то же говорит.
А н н а. От того, как ты об этом рассказываешь.
М а р г а р е т а. Не давай ходу таким мыслям. Не обращай внимания. Она просто хочет, чтобы всем было так же плохо, как ей.
Х е н р и к. Нам дела нет до твоих вымыслов.
А н н а. Вам дела нет до того, что Эва погибает.
М а р г а р е т а. Не выношу, когда ты такая.
А н н а. Я тоже.
М а р г а р е т а. Все совсем не так, как ты говоришь.
Э в а (*спокойно*). Все совсем не такое, каким кажется... вообще в этой жизни.
М а р г а р е т а. Эва — человек выдержанный. Да, ты выдержанная.
Х е н р и к. Разумная.
М а р г а р е т а. Сильная.
А н н а. Как ты сама.

М а р г а р е т а (*Эве*). Ты не из тех, кто так просто сдается. И ты не станешь за здорово живешь швыряться своей жизнью.

Э в а. Нет, я держусь to the bitter end...¹ что бы ни случилось...
Что бы ни случилось.

А н н а (*вежливо*). Не то что я, хочешь ты сказать. (*Пауза.*) Эй, ты обо мне говорила?

М а р г а р е т а. Вот именно. Не то что ты! (*Анна смеется.*) Ты швыряешься и людьми, и вещами. У тебя нет никакого чувства ответственности. Ты ломаешь и губишь всех, кто к тебе подойдет! Ты прешь напролом... как беспощадный террорист! Ты все время вступаешь в какие-то странные связи то с одним, то с другим, не говоря уже о том, что ты каждый месяц выдумываешь себе все новые болезни. Понятное дело, что Ион такой нервный и дерганный и его пришлось водить к психотерапевту, он уже в третьем классе, а до сих пор пишет с ошибками.

А н н а. Я хожу с Ионом к психотерапевту, потому что у меня проблемы с тобой и мне нужна помощь.

М а р г а р е т а. О Боже, что за ерунда... Чутье какая!

А н н а. Это правда, правда, правда!

М а р г а р е т а. Все вздор... Тебе скоро сорок, а ты даже приличной работы найти не можешь, чтобы себя обеспечить. Сколько мест ты уже переменяла?

А н н а. Восемьдесят пять.

М а р г а р е т а. Ты работала в Доме культуры, в помощи на дому, в литературном кафе и уж не знаю где еще, мне не упомнить все диковинные должности, которые ты перепробовала... Преподавательница сценического мастерства, учительница рисования, помощница галерейщика... и вот теперь ты официантка в ресторане на Седер... Ушам не верю... Столько денег мы в нее вбухали... Стоило оплачивать твое образование! Или ты задумала дать нам пощечину? Может, ты просто-напросто прикидываешься?

А н н а. Катись ты к дьяволу, мерзавка!

М а р г а р е т а. Ух!

А н н а (*Хенрику*). Неужели ты не можешь заткнуть ей рот?

¹ до последнего – англ.

М а р г а р е т а. По-моему, пора задать ей хорошую трепку. А может, оплеуху вкатить? Почему ей не надавали оплеух тридцать лет назад!

А н н а. Ей-богу, у тебя крыша поехала!

Х е н р и к. Так далеко дело еще не заходило!..

Э в а. Пожалуй, я пойду.

М а р г а р е т а. Нет, дружок, не уходи. Кто знает, что может случиться.

А н н а. Вы не потратили ни одной кроны, ни одного эре на мое образование. За все платила я сама, и в ближайшие пятьдесят лет, заруби себе это на носу, я выплачу свой долг государству. А от вас я ломаного гроша не получила на свое учение.

М а р г а р е т а. Учение на кого... Ха-ха-ха!

А н н а. Ни одного вонючего гроша! Не ври!

М а р г а р е т а. Кем это ты собиралась стать?

А н н а. Не твое дело!

М а р г а р е т а. Кажется, психологом... Или философом?

А н н а. Не твое дело!

М а р г а р е т а. Философом! Ха-ха-ха!

Х е н р и к. Интересно, что думают соседи.

А н н а. Мне пришлось подрабатывать в литературном кафе, чтобы иметь возможность учиться! Так что возьми свои слова обратно! *(Кричит.)* Возьми их обратно!

Х е н р и к. Перестань кричать!

М а р г а р е т а. Не говоря уже о трех или четырех абортах от разных мужиков!

Х е н р и к. Говори потише!

М а р г а р е т а. Я? Я должна говорить потише?

А н н а. Возьми свои слова обратно!

М а р г а р е т а. Не возьму. Ни одного слова не возьму обратно. Это мой дом, мой муж, а вы — мои дети. И будьте добры вести себя как положено.

А н н а. Мои абортты не твое собачье дело!

Хенрик уходит.

А н н а. Это мои абортты! Их перенесла я, а не ты, и ты ничегоненьки не знаешь! Ты никогда ничего не родила — нами

ты, наверно, в туалет сходила! И к тому же я двенадцать лет прожила с одним и тем же мужиком! Целых двенадцать! Тебе этого мало?

М а р г а р е т а (*почти истерически*). А я прожила с Хенриком сорок четыре года! Сорок четыре!

А н н а. Еще бы! Ведь ты его привязала, приковала и вертела им как хотела!

М а р г а р е т а. Дать тебе пепельницу, Анна?

А н н а. А мы с Эвой были у тебя в заложницах, иначе он давным-давно сбежал бы.

Х е н р и к (*возвращается*). Прошу вас...

А н н а. Ты мастерица приковывать людей, но меня ты больше не привяжешь! Я свободна!

Х е н р и к. Анна! Хватит уже!

М а р г а р е т а. О Господи... Вообще-то надо бы смеяться, все это до того смешно, что лопнуть можно.

Х е н р и к. И ты, Маргарета. Прошу тебя. Прошу.

М а р г а р е т а. Если память мне не изменяет, твоей главной проблемой в детстве было то, что тебе пришлось носить пластинку для зубов.

Х е н р и к. Ну, это уж слишком. Я больше не могу.

М а р г а р е т а. Нам известно, как ты поступаешь, когда больше не можешь.

Х е н р и к. Я ухожу.

М а р г а р е т а. Вот именно. Уходишь.

А н н а. Ничего не выйдет. Я пыталась уйти с четырех – или пятилетнего возраста.

М а р г а р е т а. Ты просто дрянная балаболка.

А н н а. Даже во сне. Даже во сне.

М а р г а р е т а. Сядь, Хенрик.

А н н а. Каждую ночь во сне я ходила, пытаясь вырваться отсюда.

М а р г а р е т а (*Эве*). А ты молчишь? Сидишь и молчишь. К тебе это отношения не имеет, правда ведь?

А н н а. И все же во сне мне это удавалось! Я уходила!

М а р г а р е т а. К нам с тобой это отношения не имеет. Это все слова, пустые слова. (*Берет Эву за руку.*) Не бросай меня.

Э в а. Нет, нет!

М а р г а р е т а. Обещай мне.

Э в а. Я тебя не брошу.

А н н а. Берегись! Она и тогда стояла у входной двери.

М а р г а р е т а. Меня как в могилу закопали, как в могилу.

А н н а. Она преграждала мне путь, не давала уйти, и я говорила...

М а р г а р е т а. Что ты говорила? Что она говорит теперь?

А н н а. Мне приходилось лгать, потому что она была такой страшной, такой зловещей.

М а р г а р е т а. Вранье и выдумки.

А н н а. Я говорила, что мне надо на урок музыки, что я спешу.

М а р г а р е т а. Не бывало этого никогда.

А н н а. Я знаю, знаю.

М а р г а р е т а. Никогда ты не ходила во сне. Никогда. Никогда.

А н н а. Ходила. Мне Берит рассказывала.

М а р г а р е т а. Боже ты мой! Берит!

А н н а. Спроси у нее.

М а р г а р е т а. Опять эта Берит.

Х е н р и к. Может, нам заняться чем-нибудь другим?

А н н а. Вот и все, что ты можешь сказать!

М а р г а р е т а. Чем же это, например? Стряпней что ли, по-твоему? На это есть Берит.

А н н а (*плачет*). Она была такая добрая. Заботилась обо мне.

Х е н р и к. Уже поздно, и я...

Э в а. И ты?

Пауза.

Х е н р и к. Я становлюсь... Мне кажется... Я уже больше не знаю, кто я такой.

М а р г а р е т а. Да. (*Встает.*) И я тоже. (*Об Анне.*) Я не знаю, кто она, зачем она приходит сюда и каждый раз устраивает скандалы. И так будет продолжаться еще сорок лет, даже если к тому времени я стану прахом.

А н н а (*Хенрику*). Вот и хорошо, папа. Очень хорошо.

Х е н р и к. Что именно?

А н н а. Что ты не знаешь больше, кто ты такой.

Х е н р и к. Чего же тут хорошего? По-моему, не очень-то приятно.

М а р г а р е т а. Ты не можешь прописать своей несчастной дочери какой-нибудь транквилизатор?

Э в а. Собрал.

А н н а. Ей-богу, ты хуже Медеи.

М а р г а р е т а. Медеи?

А н н а. Мужик в юбке.

Э в а. Наверняка симпатичный персонаж.

А н н а. А ты, папа, превратился в собаку.

М а р г а р е т а. Как быть тем, кто замечает, что вместе им плохо, но сознает свою ответственность?

А н н а. Я видела тебя на днях на Эстермальмском рынке и была потрясена, таким жутко одиноким и потерянным ты казался. И я поняла, что твоя жизнь – катастрофическая пустота... Все связи с миром оборваны. Не понимаю, как у тебя по утрам хватает сил встать. У тебя почти не осталось пациентов, вид у твоего кабинета кошмарный, все заросло грязью.

М а р г а р е т а. Ничего подобного. Раз в неделю я делаю уборку...

А Эва приносит свежие газеты и журналы.

Э в а. Да, и ты принесла свои театральные журналы, или как их там еще.

А н н а. Ты прописываешь всем одну и ту же дурацкую микстуру от кашля и успокоительные пилюли, потому что их можно назначить, не задавая лишних вопросов, у тебя слишком чувствительная душа, ты не веришь, что можно кому-то помочь... Мне все известно, папа, я знаю пациентов, которые побывали у тебя... пришли один раз и больше не вернулись. Ты целых полчаса выписываешь этот распроклятый рецепт. И ничего не объясняешь больным. И я никогда не могла на тебя положиться, потому что ты не настоящий отец, а так – понарошку.

М а р г а р е т а. Вот чем кончается, когда ходят к психоаналитику.

А н н а. Я видела, как ты брел по Эстермальмскому рынку, со своим стареньким портфелем, в котором ты носишь бутерброды, и вид у тебя был как у заблудившегося школьника, который не хочет возвращаться домой. Ты казался таким одиноким, натыкался на людей, и они оглядывались тебе вслед. У тебя было такое отчаявшееся, замогильное выражение, что люди останавливались, оборачивались и шептались между собой. Мне хотелось броситься к тебе, обнять тебя... Ты был похож на большого раненого зверя,

который ищет, где бы спрятаться. Когда рушишься ты — это такой обвал. Страшно становится.

М а р г а р е т а. Скажите, как трогательно! Уверена, все растроганы, как и я. Это что, отрывок из твоей пьесы?

А н н а. Папа...

М а р г а р е т а. Я так и вижу перед собой эту картину. Хенрик, пошатываясь, бредет по рынку, натываясь на прилавки с лежальным палтусом, а люди оборачиваются ему вслед и шепчутся.

Э в а. Человек может устать, проработав целый день.

М а р г а р е т а. Мать Хенрика тоже бывала вот так взвинчена. И тоже хотела писать... Наверно, это что-то наследственное.

А н н а. Папа...

М а р г а р е т а. На редкость красивая, очень-очень умная, очень одаренная. И совершенно непредсказуемая. И тоже с трудом отличала явь от фантазий.

А н н а. Папа.

М а р г а р е т а. Под конец пришлось посадить ее под замок. В отделение для буйных. Она окончательно спятила.

А н н а. Помоги мне, папа. Теперь моя очередь ждать помощи.

М а р г а р е т а. Какая тебе нужна помощь? Ты ведь так прекрасно со всем справляешься, все можешь, все знаешь, и как ребенка воспитывать, и как хозяйство вести, ты ведь прочла всю литературу по психиатрии, какая только существует в природе.

А н н а. Мне плохо.

М а р г а р е т а. Я и не думаю, что тебе хорошо.

А н н а. Папа...

Х е н р и к. Да, да... Я здесь.

М а р г а р е т а. Анна, детка... Я хочу сказать тебе...

Анна кричит.

М а р г а р е т а. Если бы ты только меня выслушала...

Анна кричит.

Ведь Хенрик...

Анна кричит.

Хенрик. Хенрик...

Анна кричит.

Маргарета порывается что-то сказать, но Анна кричит снова.

Это истерика. Самая настоящая истерика.

Анна кричит. Потом наступает тишина.

Пауза.

М а р г а р е т а (*очень спокойно*). Хенрик никогда не мог принять решения, кого бы это ни касалось — меня, тебя или всей нашей семьи, пока она существовала. Он перекладывал это на других.

А н н а (*тоже спокойно*). Ну да, на тебя.

М а р г а р е т а. Вообще говоря, я не понимаю, как он может быть врачом... Ну да, если хочешь, именно на меня. Ведь другого никого не было. И если ты думаешь, что меня это устраивало, то ты так же мало разбираешься во мне, как и во всем прочем. Но, увы, в семье кто-то должен быть стержнем, брать на себя ответственность, быть сильным, даже если у него нет к этому призвания. Не стану утверждать, что мои обязанности были слишком тяжелыми, я справлялась, у меня хороший характер, я всёгда готова взвалить на себя новый груз. Но все это не слишком мне нравилось... Я не устояла перед Хенриком, рухнула сразу... да и вы появились на свет слишком скоро. Все казалось таким радужным. Друг друга ведь узнаешь только со временем, вначале не хочешь видеть партнера в его истинном свете, не хочешь копаться в его слабостях, вначале над ними подшучиваешь, ведь хочется как можно дольше оставаться счастливой. (*Пауза.*) Но, видишь ли, штука вся в том — у Хенрика была мать... с которой он никогда не расставался, а она никогда не ослабляла хватки... Хенрик во всем ее слушался, оправдывал все ее поступки, стоило ей слово сказать, и его настроение в одну секунду менялось — мир становился мрачным, холодным и опасным. Конечно, Хенрик понимал, что она больна, но все равно, она имела над ним какую-то

страшную власть. Десять лет она провела в психушке в Беконберга, и Хенрик навещал ее, по-моему, раза четыре в неделю, носил шоколад и все прочее. И это, конечно, отражалось на наших отношениях. Наконец я предъявила ультиматум. Как сказано в Библии мужчина должен оставить отца своего и мать свою и прилепиться к жене своей. Он плакал, молил, но я была тверда, потому что понимала: иначе нашей совместной жизни конец. Странное это чувство, когда борешься с матерью за ее сына. Впрочем, это не такая уж редкость... Она мне так и не простила. Раз в месяц мы посещали ее вдвоем. Она была ужасна. Прости, но она... Она говорила чудовишные вещи... и в сексуальном смысле тоже. Она даже пыталась его совратить. Она ведь была уже нечеловеком. Она прибегала ко всем ухищрениям, какие только может использовать женщина и мать, а поскольку они ни к чему не приводили, ведь я была рядом, она начинала высмеивать его и унижать... И я видела, как он стыдится, съезживается... и мало-помалу умирает. А потом пытаться вернуть его к жизни, распрямить... Но все же в нем всегда оставалось что-то, что от меня ускользало, что никогда не было моим, потому что принадлежало ей... Мне это так и не удалось... нет... А я так томилась... И ждала... И так и не дождалась... И я отступилась, и посвятила себя вам, замолчала, замкнулась, но уйти от него я все же не смогла... Он был добр, обходителен... Но я захандрила. Не могла усидеть дома. Мне хотелось вырваться на волю... работать... И дело, можно сказать, кончилось катастрофой... Я встретила одного человека. Нам не хватало только этого. И это было очень серьезно... Может, тогда я и ушла бы, если бы только меня подтолкнули, я хотела уйти...

А н н а. Когда это было?

М а р г а р е т а. ...но не ушла. И этого мне никто не простит. По-моему, это была главная ошибка моей жизни... Но я была молода... неустойчива... Впрочем, эта запретная любовь имела свою хорошую сторону — мне стало все равно, что там у Хенрика с его матерью. Мы поженились осенью сорок третьего, в сорок четвертом, во время войны, родилась Эва. Того человека — не помню уже, как он выглядел, — я

встретила в пятидесятом... Мужчина... мальчик. Не помню уже, как он выглядел. Я начала работать в библиотеке в Старом городе, когда родилась Анна. Молодой человек приходил туда брать книги. Нам нравились одни и те же книги, они стали как бы посланиями...

А н н а. Посланиями!

М а р г а р е т а. ... которыми мы обменивались, тайными признаниями в чувствах... а чувства все росли и в конце концов преодолели страх... Это были самые счастливые годы в моей жизни. И самые несчастные. Продолжалось это два года. По сути дела, это я проявила инициативу. Он взял в библиотеке томик стихов Яльмара Гюльберга, а я подчеркнула несколько строк, в которых речь шла о любовном томлении...

Все тело, вся душа моя в огне,
И пламя не задуешь, не остудишь.
За что? В какой повинен я вине?
Поправ закон любви, сожжен ты будешь.
Из прошлого твой образ возродив,
Молю – в тебе одной мое спасенье!
Бушующий костер преобрази
В свет алтаря – мое тебе служенье!

А потом, я, замирая, ждала минуты, когда он придет вернуть книгу. Вот... а потом мы встретились, гуляли, пошли в кино, в ресторан. Он снимал комнату на Лилла Нюгата. Он просил меня развестись, но я не решилась. Я была все-таки слишком буржуазна. Во мне уже сидело то, что определило всю мою жизнь... под кожей сидело... К тому же Анна была маленькой...

А н н а. Маленькой и умной!

М а р г а р е т а. А потом я заметила, что Хенрик начал пить. Каждый вечер после девяти начинал пить и допивался почти до бесчувствия, но никогда ни слова, ни замечания, ни упрека. Я поняла, что это началось уже давно. Иногда я могла проследить его путь от гостиной до спальни – мы спали в разных комнатах, – потому что на полу валялась

его одежда. Зла я на него не держала — я никогда не злилась на Хенрика, — но помочь ему не могла.

Э в а. Я этого не знала.

М а р г а р е т а. Конечно, не знала. Никто не знал. Это ведь тоже умерло... на свой лад.

А н н а. А он знал об этом?

М а р г а р е т а. О чем? Тот, другой?

А н н а. Папа.

М а р г а р е т а. Нет, он ничего не знал о Хенрике, знал только, что я замужем.

А н н а. Я говорю о папе. Он знал о том, другом?

М а р г а р е т а. Тогда не знал. Он ни о чем не знал. Он вообще ничего не замечает.

А н н а. Конечно, знал! Нет такого человека, который не чувствовал бы, что его партнер завел связь на стороне.

М а р г а р е т а. У него уже была связь с его матерью! Ему этого хватало!

А н н а. Нет такого человека, который не заметил бы. Может, найдутся двое на всей земле.

Э в а. Одна из них — я.

М а р г а р е т а. Тогда бы он не реагировал так, как реагировал, когда узнал.

Э в а. Как именно?

М а р г а р е т а. Как? Заплакал. Для него это было как гром среди ясного неба. Он сидел на кровати и плакал... Плакал.

Х е н р и к. Между прочим, вы говорите обо мне.

М а р г а р е т а. О тебе.

Х е н р и к. А я здесь сижу. Может, вы не заметили?

М а р г а р е т а. Все это было так давно.

Х е н р и к. Так что мне теперь, удавиться?

М а р г а р е т а. С какой стати?

Х е н р и к. А тогда чего ты хочешь?

М а р г а р е т а. Ничего. Это все Анна! Она вынуждает меня говорить об этих вещах! Она всех вынуждает говорить о том, о чем они не хотят.

Х е н р и к. Может, мне заползти в какую-нибудь клетку, чтобы вы и в самом деле могли держать меня взаперти, ходить вокруг и обсуждать, кто я такой и что сделал? *(Порываясь*

встать.) Я старался вести себя как можно пристойнее... но я не хочу, чтобы со мной обращались, как со старым домашним животным, от которого не знают как избавиться, я не хочу, чтобы вы хоронили меня в ваших воспоминаниях. *(Почти в ярости.)* Почему бы нам не помолчать еще двадцать лет?

М а р г а р е т а. И впрямь, почему бы нет?

А н н а. Папа, но ведь это свойственно людям!

М а р г а р е т а *(так, будто это происходит сейчас)*. Если бы ты не зависел так от материнской власти, этого бы не случилось! Тогда у меня не было бы потребности в нем, в его близости, любви. Я даже не помню, как он выглядел.

Х е н р и к. А я не помню, как выглядишь ты.

М а р г а р е т а. Ну что это за жизнь! Выйти замуж за человека, который все вечера напролет сидит и разглядывает фотографии своей матери в молодости!

Х е н р и к. Это не твое дело. Не оскорбляй моих чувств.

М а р г а р е т а. И снова, и снова шепчет ее имя, а лицо залива-ется слезами, то есть наоборот, слезы заливают лицо, а жизнь идет... Сидит и перебирает старые фотографии и письма больной женщины.

Х е н р и к. Это были стихи!

М а р г а р е т а. А где-то там бурлит жизнь...

Х е н р и к. Это были удивительные стихи, грандиозные...

М а р г а р е т а. Звонят трамваи, и молодые счастливые люди идут развлекаться... Что это за жизнь? Что за жизнь?

Х е н р и к. Она была потрясающе талантлива...

М а р г а р е т а. В чем? Да она была просто-напросто опасной... Я боялась пускать ее в дом, когда девочки были маленькие.

Х е н р и к. Если бы ее поняли... Если бы кто-нибудь ее поддержал, молодую, ранимую женщину, которой внезапно пришлось одной растить маленького ребенка.

М а р г а р е т а. Маленького ребенка! Моя мать вырастила троих. и все у нас шло прекрасно!

Х е н р и к. Твои родители были хорошо устроены, оба – преподаватели, а моя мама билась одна в маленькой деревушке в Вестерботтене...

М а р г а р е т а. Она даже внешне была неопрятной.

Хенрик (Анне). Неправда. Ты бы ее поняла, ты бы почувствовала, что она за человек.

Маргарета. Ее можно было отличить еще издали. Одета бог знает как, рылась в помойке, жила почти без всякой мебели и приставала к людям.

Хенрик (Анне). Бывают люди, лишенные способности соперничать. Это все равно как если кто лишен музыкального слуха или чувства юмора. Их нельзя за это винить. Так уж они устроены.

Маргарета. По-моему, очень, очень трудно улыбаться человеку, который сознательно губит твою жизнь и семью...

Хенрик. Кроме меня, о ней некому было позаботиться. И я не мог так просто взять и бросить ее.

Маргарета. Сыновьям приходится бросать своих матерей, по крайней мере тогда, когда они встречаются своих жен. Но ты и сегодня печешься о ней одной и не видишь, в чем нуждаются люди, тебя окружающие.

Хенрик. Я не мог...

Маргарета. Ты ничего не мог.

Хенрик. Я не мог идти своей дорогой, бросив ее, одинокую и больную, среди чужих в сумасшедшем доме...

Маргарета. Ты предпочел бросить в одиночестве меня с маленьким ребенком.

Хенрик. Ты могла справиться, а она была больна.

Маргарета. Больна! А когда она заболела? Когда вышло не по ее, когда она увидела, что не весь мир пляшет под ее дудку... Она не могла написать эту фантастическую книгу, о которой ты говоришь, могла только разглагольствовать о ней! Ей не хватало таланта, обыкновенного таланта, понятного людям. А были одни только причуды, завиральные идеи, бог его знает, что. Вначале она была такая милая, ей так нравилось, что в жизни Хенрика появилась женщина, в первый год она вела себя нормально, только болтала, не закрывая рта, и никогда не слушала, что говорят другие, в точности как Анна... Но по-настоящему она свихнулась тогда, когда ты объявил ей, что женишься на мне... Вот тут она и заболела, когда потеряла последнего из тех, кому могла втирать очки... Она целыми днями названивала мне по те-

лефону, говорила за твоей спиной всякие гадости о тебе, внушала мне, что ты тряпка, рохля и вообще не мужчина... и дети будут для меня непосильной обузой... Но я отвечала ей совсем не так, как ей хотелось, я твердила, что у нас с тобой все очень хорошо... Тогда она стала говорить гадости обо мне, уверяла, будто это я утверждаю, что ты не мужчина и называю тебя рохлей, будто я плохо забочусь о детях и воспитываю их так, чтобы они тебя презирали и ненавидели... Вот уже сорок лет ее зловещая тень обитает в этом доме... Она все время была с нами... в тебе, в твоих мыслях, в сознании твоей вины... Она высосала из тебя всю силу и твои, да, да, твои чувства к семье. Так что она, пожалуй, победила... Ты ведешь себя с Анной в точности как с ней... уступаешь, терпишь все наглые выходки против меня... и ее чудовищный язык. В ней воскресла твоя мать...

А н н а. Я знала, что рано или поздно стрела попадет в меня.

М а р г а р е т а. И потом ты просишь у нее прощения за то, что я вынуждена просто объяснить ей, что хорошо, что плохо... Кто в этом доме мать и кто дочь! И не нужно быть психологом, чтобы понять, что ребенок может ошалеть, если отец не различает, кто перед ним – его дочь или мать! И как она совершенно справедливо сказала... ты не настоящий отец, а так, понарошку... Это дети сразу чувствуют.

А н н а. Если мне... в кои-то веки позволят высказать мое мнение...

М а р г а р е т а. Ты высказывала его целый вечер. Хватит.

А н н а (*очень спокойно, медленно*). Так вот... я ничего этого не помню... а я такой же аутентичный свидетель, как ты.

Э в а. Папа что-то говорит.

А н н а. Папа?

М а р г а р е т а. Не слышу.

Э в а. Ты хотел что-то сказать?

Х е н р и к. Нет... К чему?

М а р г а р е т а. Она твердила о каком-то сионистском капиталистическом заговоре против нее на севере, в Умео, потому, мол, она и переехала сюда.

А н н а. Во всяком случае... Мои самые яркие воспоминания... а они совершенно аутентичны...

М а р г а р е т а. Все издатели были евреи... Главного врача...

Э в а. По-моему, ты говорила об аутентичности, а не об аутизме.

М а р г а р е т а. ...звали Кляйн!

Х е н р и к. Клеен!

А н н а. Какая разница. Рубцы от ожога остаются на всю жизнь, ты не смеешь ни к чему прикоснуться... Это было так очевидно, хотя тогда я еще не понимала, как много я понимаю... что она преследует и меня... меня тоже. Он меня очень любил.

М а р г а р е т а. Он, между прочим, здесь. По его собственным словам.

Э в а. Здесь ли он?

М а р г а р е т а. А вообще, даже странно, как легко в твоём присутствии говорить о тебе в прошедшем времени. Это идет от твоей матери. Она всегда так делала.

А н н а. Я говорю про то, что она откровенно соперничала... Это звучит невинно, но на самом деле это было далеко не так невинно.

М а р г а р е т а. Да и я сама – прошедшее время. Мы оба – прошедшее время, Хенрик. Разве это не отрадно?

А н н а. Мы соперничали... с мамой из-за папы. Скажешь, не так?

М а р г а р е т а. Отца об этом спрашивать не стоит.

А н н а. Почему это?

М а р г а р е т а. Он мужчина...

А н н а. Папа!

М а р г а р е т а. ...или, по крайней мере, ему свойственны мужские проявления... А мужчинам льстит женское внимание, даже если эти женщины – дочери. Которые не видят, как-вы они на самом деле.

А н н а. Ему было интересней разговаривать со мной, чем с тобой. А я любила разговаривать с ним, общаться с ним. Он не лгал. Помню, однажды я чувствовала себя такой несчастной, потому что мне надо было идти в этот мерзкий детский сад, а я не хотела, я считала себя такой уродливой и неуклюжей, и тогда он вдруг взял зеркало, которое висело в прихожей, поднес его ко мне и сказал: «Посмотри, какая ты красивая девочка, какой у тебя чудесный цвет лица, ты добрая, умная, ловкая и милая». И я посмотрела на себя и увидела, что это правда... и перестала плакать.

М а р г а р е т а. Как красиво... Но когда ты болела, это я читала тебе вслух. А не отец.

А н н а. Спасибо.

М а р г а р е т а. Мне это доставляло удовольствие. А отец сидел в гостиной...

Х е н р и к. И где же она находилась?

Э в а. Здесь, где мы сейчас сидим. Та же самая комната.

М а р г а р е т а. А потом, вечерами, он очень часто вел прием, допоздна... И я так боялась, вдруг он поведет себя при боль-ных так, как дома. Утратит самоконтроль.

А н н а. А ты мне читала?

Э в а. Я тоже это помню.

А н н а. И что же ты читала?

М а р г а р е т а. Очевидно «Майн Кампф». Нет, конечно. «Тома Сойера».

А н н а. Тома Сойера?

М а р г а р е т а. Ну да, книгу.

А н н а. «Тома Сойера»... И мне нравилось?

М а р г а р е т а. А на улице шел снег, и я становилась такой счастливой, умиротворенной. И ты боялась лифта, когда он поднимался вверх.

А н н а. Нравился мне «Том Сойер»?

М а р г а р е т а. Не знаю, кого ты боялась. Да, тебе нравилось. И я любила тебе читать.

А н н а. Наверняка любила слушать собственный голос.

М а р г а р е т а. Да... это так успокаивало.

Э в а. Я помню, как я радовалась, когда папа приходил домой...

М а р г а р е т а. Когда ты была маленькой... поменьше.

Э в а. Я мчалась в прихожую, чтобы успеть ему открыть.

А н н а. Да, мы бежали наперегонки – кто первой повиснет у него на шее. Обгоняла всегда ты, потому что ты меня отпихивала.

Э в а. Неправда.

А н н а. Правда.

Э в а. Нет, неправда.

А н н а. Нет, правда.

Э в а. Говорю тебе, неправда. Такого не было. В жизни я никого не отпихивала.

А н н а. Еще как отпихивала, уж не помню, сколько раз ты пихала меня так, что я грохалась на пол и расшибалась.

Э в а. Просто я бежала быстрее, ведь я была старше тебя, и ноги у меня были длиннее.

А н н а. И ты меня ими лягала. Я слышала, как папа входит в подъезд, захлопывает дверь, потом открывает лифт... И я не могла удержаться и кричала: «Папа идет, папа идет!»

М а р г а р е т а. Да, ты была папиной дочкой в полном смысле слова.

Э в а. Я тоже слышала, когда он входил, только я была не так глупа, чтобы об этом кричать.

А н н а. Как бы там ни было, дело всегда кончалось тем, что ты меня отпихивала прямо на пол или дергала за волосы. И мне это противно.

Э в а. Наверно, мне хотелось хоть разок прибежать первой.

А н н а. Ради этого не стоило быть такой злючкой... А я ведь просто радовалась.

М а р г а р е т а. Все обычно радуются, когда отец приходит домой.

Э в а. Тут не из-за чего ссориться.

А н н а. Во всяком случае, я рассказываю, как было! А потом я весь вечер могла просидеть у него на коленях.

М а р г а р е т а. Сначала спихнув Эву.

А н н а. Ты подразумеваешь – тебя.

М а р г а р е т а. Если ты выросла, воображая, что оттеснила собственную мать от ее мужа, твоего отца, значит, у тебя большое представление о том, как распределялись роли в нашей семье.

А н н а. Вот именно! Это я и пытаюсь объяснить целый вечер! У меня большое представление о том, кто есть кто. Но откуда оно возникло? Не я его создала, мне его внушили!

Э в а. Господи!.. Кончай, наконец.

М а р г а р е т а. Сейчас мы, по крайней мере, говорим совершенно спокойно.

А н н а. Как это кончай? Ведь так я никогда не узнаю правды!

М а р г а р е т а. Какая тут может быть правда... у каждого из нас своя...

А н н а. Но ты присвоила себе и мою... Ты уверяешь, что все не так!

Э в а. У тебя своя версия, у мамы своя. Неужели вы не можете на этом успокоиться?

М а р г а р е т а. Я могу.

А н н а. И сама я вся не такая!

Э в а. Ну так чего же ты хочешь?

А н н а. Чего я хочу?

М а р г а р е т а. Да, чего?

Э в а. Чего ты хочешь?

А н н а. Я хочу... хочу... Я много чего хочу.

М а р г а р е т а. Чтобы я умерла.

Э в а. Мама, пусть Анна скажет.

А н н а. Значит, Анне можно говорить? Неужели можно?

М а р г а р е т а. Хорошо, скажи, чего ты хочешь... И пусть семья решит, наконец, как к этому относиться... Давно пора.

А н н а. Я хочу, чтобы ты помолчала. Раз в жизни.

М а р г а р е т а. Не получается.

Э в а. Мама!

М а р г а р е т а. Ладно, помолчу.

Пауза.

Э в а. Чего ты ждешь?

А н н а. А мне больше нечего сказать... Но я жду...

Э в а. Чего?

А н н а. Папу.

М а р г а р е т а. Хенрика? Ну да, он так давно молчит... что мы опять о нем забыли.

А н н а. Я никогда о нем не забываю.

Э в а. Папа.

А н н а. Никогда.

Э в а. Ты слышишь?

Х е н р и к. Я все слышу.

Э в а. Анна хочет, чтобы ты что-нибудь сказал.

М а р г а р е т а. Это что, своего рода групповая терапия? Тогда, пожалуйста, без меня.

Э в а. Без тебя нельзя.

Х е н р и к. Я сорок лет молчал.

А н н а. Как это жутко звучит. То есть жутко, потому что искренно... правдиво.

Х е н р и к. Так что же мне сказать?

А н н а. **Как это было!**

Х е н р и к. Да ведь мы толкуем об этом весь вечер.

А н н а. **Что тогда произошло?..** Почему вы меня преследуете?

М а р г а р е т а. Никто тебя не преследует.

Э в а. Кроме тебя самой.

А н н а. Почему ты такой...

Х е н р и к. Я, наверно, такой, как почти все мое поколение.

А н н а. Такой мертвый, папа... Мертвый, мертвый... Почему ты такой мертвый?

Х е н р и к. Я не мертвый!

М а р г а р е т а. Я тоже нет.

Э в а. Мертвецов среди нас нет.

А н н а. Я мертвая... И все-таки мне больно.

Пауза.

Х е н р и к. Что ты хочешь от меня услышать?

А н н а. Я хочу, чтобы ты был живым, обнажился...

М а р г а р е т а. Если ты хочешь, чтобы отец стал раздеваться...

Х е н р и к. Поздно уже.

М а р г а р е т а. Я опьянела...

А н н а. Что поздно?

Х е н р и к. Поздно возвращаться вспять... К нам... какими бы мы тогда ни были... *(Пауза.)* К моей матери, к местам, где мы были молоды, где все это что-то значило... Надо жить размеренной жизнью.

М а р г а р е т а. Если бы так.

Х е н р и к. Так много всего надо.

М а р г а р е т а. В моей памяти ты словно струйка дыма... на какой-то улице, в какой-то комнате... что-то светлое, быстро тающее, почти неуловимое...

Х е н р и к. Не помню.

М а р г а р е т а. А между тем мы сидим сейчас в прежней квартире, мы прежние люди – то есть ничего не изменилось, почти... только то, что дочери могут теперь обвинять...

Х е н р и к. Но все это кануло. Даже если что-то и произошло. Хотя хуже всего то, что как раз ничего не произошло.

М а р г а р е т а. Но это не кануло. Посмотри хотя бы на Анну –

как она плачет, кричит, клянет. Ты никак не участвуешь ни в наших проблемах, ни в наших радостях, в тех немногих, что у нас есть...

Анна. И которые зовутся Эвой.

Маргарета. Ты всегда паришь в заоблачных высотах. *(Анне.)* Хватит соперничать! Я никогда не знаю, что у тебя на душе. Ты всегда носишь маску. Как тебя ни тряси... я не знаю, есть ли под ней кто-нибудь... кто живет, кому больно, кто что-то чувствует, чего-то хочет.

Хенрик. Ты что, хочешь, чтобы я тебя побил, повысил голос, грубил, валялся на полу, швырял книги, посуду, дрался?

Маргарета. Да, это лучше, лучше... Я бы не возражала.

Анна. А тебе самому никогда этого не хочется?

Хенрик. Нет. К сожалению, нет. Я бы сам себе казался смешным.

Маргарета. И вполтину не таким смешным, как сейчас, когда ты сидишь вот так... как пассажир. Встань, оторвись от своих трупов, горестей и уж не знаю от чего еще... Нельзя вот так просто слоняться... Надо иметь немножко воли, немножко... некоторый, как это называется... запал, хотя это противное выражение.

Эва. Ты хочешь сказать, курок?

Маргарета. Тьфу!

Анна. Точно, это она и хочет сказать.

Маргарета. Да нет же, мужское достоинство...

Анна. А это и есть курок. Ты же наверняка видела античные статуи с громадным взведенным курком, который указывает направление.

Маргарета. Не думай, что ты меня смутила, Анна, такие слова теперь ни на кого не действуют.

Анна. Очень жаль.

Маргарета. Я говорю о мужской решимости, о твердости, капельке отваги... И это вовсе не должно проявляться в грубости...

Эва. Мы понимаем, о чем ты.

Анна. Как ты можешь быть таким чудовищем?

Эва. Почему же ты вообще за него вышла?

Маргарета. Чудовищем? Мне приходилось раз за разом возвращать Хенрика к жизни, может, иногда не без твоей

помощи. Но это было все равно что пытаться поднять с земли великана, я бегала вокруг, как лилипуты вокруг Гулливера, чтобы поставить его на ноги... а когда мне это наконец удавалось — хотя тут я немного преувеличиваю, — у меня уже не оставалось сил, чтобы понять, зачем все это было нужно.

Э в а. Почему же ты вышла за него?

М а р г а р е т а. Потому что я... почему вообще выходят замуж...

Потому что считала, конечно, что его люблю!.. Потому что я очень долго не хотела видеть, кто он на самом деле...

А н н а. И потому он тебе так противен?

М а р г а р е т а. Нет, нет и нет!.. Он никогда не был мне противен. Никогда, никогда... Нет, я...

А н н а. Презирала его?

М а р г а р е т а. Нет, и не презирала. Я не из тех, кто презирает.

Э в а. Что же ты тогда чувствовала?..

А н н а. Если вообще что-нибудь чувствовала.

М а р г а р е т а. Терпеть не могу это слово — чувствовать... У меня на руках был дом, двое детей, и я хорошо справлялась со своими обязанностями... Каждое утро, подтянутая, приходила на работу... А что я чувствовала... Это не ваше дело, да и не могу я этого сказать! *(Пауза.)* Я примирилась со своей судьбой, самой обыкновенной.

А н н а. Точно. Теперь я припоминаю.

Х е н р и к *(Маргарете)*. Ты понимаешь, что говоришь?

М а р г а р е т а. Понимаю, понимаю... *(Короткая пауза.)* Понимаю... Во мне нет горечи. Несмотря ни на что, мы прожили хорошую жизнь.

Х е н р и к. Ты говоришь, как о жизни теней... Почему это выпало именно нам?

А н н а. Я припомнила все дурацкие шуточки на папин счет и еще припомнила эту поездку в Венецию, когда мы были маленькими...

Э в а. Во Флоренцию.

А н н а. Какая разница.

Э в а. Это была Флоренция. Дивная поездка.

А н н а. Если во Флоренции есть гондолы, значит, мне кто-то наврал. Посмотри на фотографию, где мама стоит на бере-

гу канала и флиртует с гнусным типом, продавцом мороженого. Фотографию найдешь в альбоме. Мать только что не залезла ему в брюки.

М а р г а р е т а. О Господи...

А н н а. А он еще вдобавок фотографирует.

М а р г а р е т а. Ты ведь знаешь итальянцев.

А н н а. Он просто лапает тебя... Только что груди тебе не оторвал...

М а р г а р е т а. Тьфу, тьфу!

А н н а (*Хенрику*). Ты что, не видел этого, хотя смотрел на них?

М а р г а р е т а. Я ухожу...

Э в а. Папа.

А н н а. Папа.

Э в а. Скажи что-нибудь.

А н н а. Защищайся!

Х е н р и к. Защищаться?

М а р г а р е т а. Ну да, защищайся от того, что, по ее представлениям, случилось тридцать лет назад!

Х е н р и к. От чего мне защищаться?

М а р г а р е т а. От нападок на твою мужскую честь.

Х е н р и к. Она сама справится.

М а р г а р е т а (*иронически*). Три твоих женщины ополчились на тебя, как богини мщения. Так что тебе несдобровать.

А н н а. Я не хочу мстить. Я хочу понять. Хочу понять, кто ты. Кто она, я знаю уже давно.

Х е н р и к. Я... вот такой.

А н н а. После этого все может наладиться.

М а р г а р е т а. Ты думаешь?

А н н а. Не знаю, но по крайней мере есть крохотный шанс.

Х е н р и к. Но я таков, каким ты меня видишь. Что я могу сказать о самом себе? Главное ведь то, как поступаешь, как себя ведешь в жизни... Мы скитаемся по этой планете и ничегошеньки не знаем. Стараемся быть лучше. У тебя или есть цель жизни, или ее нет, и тогда твоя жизнь не имеет никакого смысла. Но я совершенно спокоен, я сказал бы даже, в полном ладу с самим собой. Я никогда не испытывал особо сильных чувств. Или был вынужден отстранять их от себя. (*Пауза.*) И выполнял свою рабо-

ту... Я никогда не сомневался в чувствах Маргареты... Как бы она себя ни вела. Люди ведь выражают себя по-разному. Я по-своему. Я люблю вас... всех трех... так сильно, как умею. Правда, я не думаю об этом каждую минуту... Но не знаю, кто вообще может измерить глубину чужих чувств... Я надеюсь, что люди дополняют друг друга. Человек ведь никогда не бывает единственным и самодостаточным... Любить можно по-разному, можно сознавать свою ответственность и каждый вечер перебирать в уме, нельзя ли было сделать больше... Да нет, я не очень-то верю в слова... Слова... для меня это вроде пустой квартиры со старой мебелью... Чтобы сказать самое важное, много слов не нужно. Я это знаю из моей медицинской практики, когда мне надо поставить больному серьезный диагноз...

М а р г а р е т а. Вряд ли ты когда-нибудь ставил серьезный диагноз своим пациентам.

Х е н р и к. Самое важное – это подход... А нужные слова найдутся... Если я пронес через всю жизнь какое-то чувство... наверно, это чувство скорби... а о нем говорить неловко... Нет, это не отчаяние... не тревога... Нет, именно скорбь... О том, как разрушается красота, гибнет изяшное.

Э в а. Ты о чем?

Х е н р и к. Обо всем... О маме... Это случилось так быстро. Я не успел. Мы были так счастливы, понимали друг друга, и вдруг все разом исчезло. *(Пауза.)* Вы обратили внимание, как кончается фильм, снятый восьмимиллиметровой камерой? Изображение бледнеет, бледнеет, люди становятся просто черточками, и вдруг сплошная белизна, и ты думаешь... а что они делали потом, кто была та смуглая, смеющаяся женщина, которая просто пришла в гости...

М а р г а р е т а *(легко)*. Это была я.

Х е н р и к. Нет, тебя бы я узнал.

М а р г а р е т а. Если на ней была большая грязная кепка, это твоя мать.

Пауза.

А н н а. А дальше что?

Х е н р и к (*после недолгого молчания*). Дальше? Ничего. Дальше — это теперь.

А н н а. Папа... Я тебя люблю.

Х е н р и к. Это хорошо. (*Пауза.*) Хорошо. (*Пауза.*) Спасибо.

Э в а. Я тоже.

Х е н р и к. Знаю, знаю.

Э в а. И мама тоже.

Пауза.

А н н а. Как хорошо, что мы любим друг друга.

М а р г а р е т а. А куда нам деваться?

А н н а. Ты рад?

Пауза.

Х е н р и к. Возможно, я пил немного слишком... целеустремленно. Но не для того, чтобы уйти, а чтобы принудить себя самого... к порядку... чтобы держать жизнь под контролем... Чтобы не погибнуть. Я видел, что происходит с мамой, хотя, может, это было и не так ужасно, как ты описываешь, ты любишь преувеличивать. Страшно видеть, как твоя мать теряет рассудок, а ты ничем не можешь ей помочь. Иногда ее сознание совершенно прояснялось, и вдруг она говорила что-нибудь такое... потустороннее. А я был вынужден находиться рядом и говорить слова, которые могли помочь, или просто обнимал ее. Во время учебы мне с такими вещами сталкиваться не приходилось, помню только книги, лекции, и еще как однажды я взял напрокат скелет и поехал с ним домой, на седьмом трамвае, а пакет вдруг лопнул, скелет из него вывалился, и пассажиры подняли крик... Это был, наверно, самый забавный случай за все семь лет учебы, а вообще-то, нас муштровали, как в казарме... Я снимал маленькую холодную комнатку на Эстермальме... Потом устроился на работу в Каролинскую больницу, познакомился с Маргаретой, она была студенткой, мама заболела... Я чувствовал, что придется выбирать между нею и Маргаретой... и я выбрал ее, тебя выбрал. Тут дело было не только в болезни. Она была талантлива. Как

Анна. Живая, задорная, чуткая – она была точно маленький, полный жизни огонек.

М а р г а р е т а. Который все сжигает.

Х е н р и к. Чуткий огонек.

М а р г а р е т а. Нелегко, скажу я вам, быть соперницей чуткого огонька. Детей надо воспитывать, учить их различать добро и зло, у них каждый день уроки, музыка, танцы, надо заплетать им косы, а самой ходить на работу, хорошо выглядеть и быть приветливой, и при этом у тебя муж, который, по сути дела, всегда отсутствует, а ты пытаешься сохранить ваш брак, да еще сама пытаешься быть маленьким чутким огоньком. И когда тебе предъявляют несправедливые требования, ты чувствуешь себя ущемленной.

А н н а. Должна сказать, и я чувствую то же.

М а р г а р е т а. Ты?

А н н а. Да, я.

М а р г а р е т а. То же, что и я?

А н н а. Да, и очень часто. Ведь я – это и ты, и бабушка. Я должна успевать делать все – воспитывать Йона, содержать нас обоих, следить за тем, чтобы он хорошо развивался, и к тому же еще пытаться выкраивать время для творчества. И мне тоже никто не помогает.

М а р г а р е т а. Да, это трудно. Очень трудно.

Э в а. Трудное теперь время для матерей.

А н н а. Но я не намерена сдаваться. Я выдержу.

Пауза.

Э в а. Значит, все в порядке.

М а р г а р е т а. Насколько это возможно.

Х е н р и к. Что именно?

А н н а. Я вспомнила, что у меня сохранился конструктор-лего. До сих пор цел.

Э в а. Неужели?

А н н а. В чемодане. Йону он не нравится, ему с ним скучно. Он предпочитает star wars¹, потому что в моем наборе нет круглых деталей.

Э в а. В новых есть. Теперь выпускают такие легио.

¹ Звездные войны – англ.

А н н а. Но эти очень хрупкие, они сразу ломаются, стоит маленькому дьяволенку топнуть по такой подделке ногой, и она разлетится вдребезги. Не то что настоящие легио.

Э в а. Вот как.

М а р г а р е т а (*Эве*). Что ты хотела сказать?

Э в а. Ничего.

М а р г а р е т а. Мне показалось.

А н н а. Мне тоже.

Э в а. Да нет... Просто я очень многого не знала о бабушке, знала только, что она в психбольнице и у нее такие странные глаза. Я была так же счастлива, как остальные.

А н н а. И этого хватало.

Э в а. Мой отец был врачом. У меня была своя комната. И наряды, и мальчики, и я мечтала о путешествиях. Я счастлива, пусть даже in spite¹...

А н н а. In spite чему?

Э в а. Вопреки моей проблеме.

А н н а. Проблеме?

Э в а. Но не могу же я винить в этом родителей. Это то, с чем я должна жить... Как в могиле.

А н н а. Заполни ее, заполни, заполни деньгами! Прости. Прости. Прости меня. Я дура, дура... Ты сама понимаешь, я не хотела... Но ты заполняешь ее... всяким хламом.

Э в а. Заполнить... чем-то стоящим... не получается.

А н н а. Но от этого тебе только хуже.

Э в а. Ее нельзя заполнить ничем, кроме того, чему там положено быть. А раз нельзя...

А н н а. Так или иначе, прости меня, прости.

Э в а. Но я не могу просто взять и сдать... Об этом твердят те, кто знает. (*Жестко.*) Вот и все. И я не почувствую, что настал день, когда уже поздно беременеть. В нем не будет ничего необычного, не раздастся тревожного звука, как бывает, когда лопнет струна или громко хлопнут дверью в церкви. Это будет самый обыкновенный день, такой же приятный, как все другие в моей жизни... Наверно, я дура и терзаюсь из-за того, чего вообще уже нет... Вот когда у меня

¹ вопреки – англ.

полгода не будет месячных, может, я уверюсь... а пока еще во мне теплится крохотная надежда, и это-то самое ужасное... как в сказке: упадет луч света на стену, и потайная дверь откроется... Ну, а если сказка не сбудется, то ничего не выйдет. Никогда я не смогу стать другой, измениться к лучшему, вырасти... разве только в работе... Это хорошо, я свою работу люблю. Но сама я не изменюсь, нет, все то же тело, только оно стареет и стареет, оно не сумело дать новую жизнь, внутри в нем пусто, там только я одна, и вот себя-то мне и приходится чем-то заполнять... деньгами, как с грубой прямоотой выразилась Анна... или приятными впечатлениями... Я так устала от своего тела, я хотела бы избавиться от него – сбросить его с себя, оставить где-нибудь на стуле, в прихожей, в номере гостиницы, на улице... Я хочу забыть его, я не хочу его. Зачем оно мне, на что оно годно?

М а р г а р е т а. Дружок мой, дружок... *(Маргарета встала, подошла к Эве, села рядом, обняла.)* Не надо так говорить, не надо...

Э в а. Ненавижу его! Ненавижу тебя!

М а р г а р е т а. Не надо, не надо... Моя маленькая, моя девочка...

Э в а. Ненавижу тебя! Ненавижу!

М а р г а р е т а. Нет, детка, ты не можешь ненавидеть меня, не можешь ненавидеть свое тело...

А н н а. Дай ей выговориться!

Э в а. Я спокойна. Я жутко спокойна. *(Пауза.)* Я выхожу из себя, только если натыкаюсь на проблемы, которые легко решить, была бы капелька доброй воли и планирование. Вот и все.

М а р г а р е т а. Да, да, в этом все дело.

Э в а. Но мою проблему решить невозможно, никто не может ее решить! Это болезнь, и, хотя она не заметна глазу, она губит все. Говорят, человек сохнет изнутри, становится холодным, жестким, странным... Нет, ты становишься не жесткой – ты похожа на края никогда не заживающей раны. И никто этого не понимает.

А н н а. А Матиас?

М а р г а р е т а. Он мужчина. Это другое дело.

Э в а. Я его убить готова...

Х е н р и к. Эва, Бог с тобой!

Э в а. Готова. Если бы это могло помочь. *(Пауза.)* А пока что мы говорим друг о друге гадости заочно. *(Пауза.)* Между собой мы это больше не обсуждаем... Мы вкальваем... ради того, чтобы все надежды одна за другой рухнули. Это не его вина, хотя и его тоже, и моя... И меня выворачивает наизнанку. Я до смерти боюсь разговора. Лучше блевать, только бы не еще один разговор об этом.

А н н а. О чем?

Э в а. О том, как нам быть. *(Пауза.)* Но вообще-то, по-моему, я не так уж плохо со всем справляюсь. Я никогда не испытываю того... что сегодня вечером... Больно, конечно, но вообще-то все в порядке... Конечно, эти мысли всегда со мной... Но нельзя ведь помнить об этом каждую минуту, должна же я в каком-то смысле жить.

М а р г а р е т а. Конечно, конечно... Конечно, должна.

Э в а. Должна... В каком-то смысле.

Х е н р и к. Означают ли твои слова... что вы говорите о разводе?

Э в а. Нет... То есть, да, постоянно... но ни один из нас не решается.

А н н а. Ты можешь прийти ко мне. Если тебе надо поговорить.

Э в а. Не хочу я больше говорить об этом. Не хочу.

М а р г а р е т а. И правильно. Правильно.

Х е н р и к. Ну и не будем.

М а р г а р е т а. Больше не будем.

Э в а. Это моя жизнь. *(Пауза.)* И я не хочу, чтобы она становилась предметом обсуждения. *(Пауза.)* Мне пора домой.

Х е н р и к. Если нужно, мы всегда тебе поможем.

М а р г а р е т а. Да. Уже поздно.

Х е н р и к. А хочешь, можешь остаться у нас.

Э в а. Я ничего не хочу.

М а р г а р е т а. Завтра ведь у тебя выходной?

Э в а. Завтра, кажется, суббота?

М а р г а р е т а. Конечно. Конечно, суббота.

Х е н р и к. Да, странный был у нас сегодня вечер.

М а р г а р е т а. В самом деле...

А н н а. Может, это в последний раз. А может, в первый...
Э в а. Ты поедешь со мной?
А н н а. Мы говорили друг с другом так... А вообще, какая разница.
Ион сейчас с отцом. Он простужен. Не знаю, что мне делать. Не пойти ли в ресторан Васахоф? Тебе в ту сторону?
М а р г а р е т а. Ты в самом деле собираешься в ресторан?
Хенрик!
А н н а. Я выпью только пива.
Х е н р и к (*встает*). Да... Не знаю, что и сказать.
М а р г а р е т а. Ох, какой усталый у тебя вид.
Х е н р и к. Наоборот... В каком-то смысле... мне стало легче.
Э в а (*начинает одеваться, надевает шубу, платок, проводит щеткой по волосам, оборачивается с усталой улыбкой*). Ну вот, теперь я снова похожа на себя... Что поделаешь? И все-таки спасибо за вечер.
М а р г а р е т а. Я почти забыла, что мы ели.
Э в а (*целует мать в щеку, обнимает отца*). Не знаю, что сказать.
Х е н р и к. Ничего не надо говорить.
М а р г а р е т а. Не надо.
Э в а. Я знаю. Все наладится... Ты готова?
А н н а. Да, только сапоги надену. (*Все стоят молча, пока она обувается.*)
Х е н р и к. В точности как тогда, когда она была маленькой.
Э в а. О'кей! Увидимся.
М а р г а р е т а. Конечно, увидимся.
Х е н р и к. Успокойся. И машину веди осторожней. Скоро зима.
Э в а. Пока еще не холодно.
Х е н р и к. Подморозить может внезапно.
А н н а (*смирненно*). Я тоже, наверно, должна сказать спасибо и до свидания.
М а р г а р е т а. Спасибо и тебе, дружок. Желаю повеселиться.
А н н а. Повеселюсь.
М а р г а р е т а. И спасибо, что пришла.
А н н а. Ага. Папа, пока. (*Пауза.*) Послушай, не вешай носа. У тебя вся жизнь впереди.
Х е н р и к. Пока. Идите же.
А н н а. О'кей.
М а р г а р е т а. О'кей, дружок. Созвонимся.

Э в а. Счастливо.

Х е н р и к. Счастливо.

Дочери уходят, Хенрик запирает наружную дверь. Маргарета направляется в глубь квартиры. Хенрик минуту стоит неподвижно, потом запирает внутреннюю дверь, оборачивается и смотрит вслед Маргарете, которая проходит через холл в кухню. Он складывает раскрытый зонтик, вешает его на вешалку, перевешивает несколько пальто. Потом гасит свет.

Маргарета Гарпе
ВСЕ ДНИ, ВСЕ НОЧИ

Пьеса в двух действиях

Margareta Garpe
ALLA DAGAR ALLA NÄTTER

© Перевод со шведского А. Афиногеновой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛИС, ей исполнилось семьдесят. Работала нянечкой в больнице.

КРИСТА, ее старшая дочь, 47 лет. Пишет и переводит.

НИТА, ее младшая дочь, на несколько лет моложе. Лаборантка.

МАРТИН, первый муж Кристи. Врач.

ЙОННА, их дочь, 20 лет

ХЕНРИК, любовник Кристи. Адвокат.

*Действие происходит в этом году, начинается в январе
и заканчивается на исходе весны.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

ЯВЛЕНИЕ 1

Только что состоялись похороны. Пронизывающий январский ветер яростно трепал пару-тройку выдавших виды пурпурных профсоюзных знамен. Венки были большие и дорогие, но народу пришло мало.

Сейчас дома у Алис поминки.

Входит Алис, ее под руку ведет Нита. Нита вынимает из сумочки зеркальце и носовой платок. Вытирает заплаканные глаза матери. После чего приводит в порядок свое лицо.

А л и с. Ну и погодка. А речи Акселю бы понравились. Даже пастор – как он красиво говорил о вере Акселя в солидарность и справедливость. Но до чего ж они все постарели. Эти профсоюзные шишки едва удерживали знамена в вертикальном положении. Из общества охотников пришли только двое. Ни у кого не хватило сил прийти к нам на кофе. Аксель не успел стать таким, у него были силы. До последней минуты. «Я буду с вами все дни, до скончания времен». Звучит во всяком случае красиво.

Н и т а (*едва сдерживая слезы*). Мама, я напекла замечательных булочек. Массу. Не знала, сколько народу придет.

Появляется Криста, останавливается на некотором расстоянии от Алис и Ниты.

А л и с. Надо подать кофе... и булочки. Нита... все проголодались.

Н и т а. Мама, может, примешь еще одну таблетку, только сегодня.
А л и с. Мартин дал мне перед похоронами. Я до сих пор как в тумане.

Н и т а. Все так нереально. Никогда больше не увидеть папу.
(Пауза.) Прости, мама, сейчас подам кофе.

Нита выходит. Алис остается в комнате, она погружена в свои мысли. Йонна подходит к Кристе.

ЯВЛЕНИЕ 2

Й о н н а. Тебе грустно, мама?

К р и с т а. Не знаю. В данную минуту я ничего не чувствую.
Здесь жарко.

Й о н н а. Мне вдруг почудилось, что крышка гроба сдвинулась, цветы попадали вниз и дед встал и сказал: «Говорите громче». Ему всегда казалось, что я говорю слишком тихо, когда я говорила нормальным голосом. (Пауза.) Первая смерть в нашей семье.

К р и с т а. Да, пожалуй, чего-то мне не хватает. Возможности... теперь уже слишком поздно. А до папиной смерти всегда было слишком рано.

ЯВЛЕНИЕ 3

Появляется Нита, подходит к Кристе.

Н и т а. Криста, где печеньье?

К р и с т а. Печеньье?..

Н и т а. Ну да, ты же обещала принести печеньье.

К р и с т а. Я забыла... прости.

Н и т а. ...как всегда. Даже на папиных похоронах ты все забываешь.

К р и с т а. Давай сбегаю, куплю.

Н и т а. Я вчера весь вечер пекла булки. От тебя и Йонны была какая-то жалкая розочка.

К р и с т а. А от тебя, Фредрика и мальчиков великолепный дорогой венок. Очень красивый.

Н и т а. Я предлагала тебе войти в долю.

К р и с т а. Знаю.

Н и т а. Мы должны радоваться, что ты вообще соизволила прийти на папины похороны.

К р и с т а. Мы все здесь. Мартин, Йонна... даже Хенрик.

Н и т а. Фредрик в Брюсселе, подписывает контракты. В этих кругах не считаются с какими-то там похоронами. Мальчики не хотели ехать. Они были так привязаны к деду, а он к ним. Летние месяцы в Бьёркудене. Вместе с дедом. Они были ему как сыновья. Возьми булочку, Криста, там их полно.

К р и с т а. Я не ем булок.

Н и т а. Это особенные, практически без жира. Возьми, вкусные.

К р и с т а. Нита, меня тошнит от булок.

Н и т а. Это ты себе придумала.

К р и с т а. Я перестала есть булки с тех самых пор, как получила возможность самостоятельно распоряжаться своим организмом.

Н и т а. По-моему, приводить и Мартина, и Хенрика на папины похороны было несколько излишне, а? Хотя насчет Мартина понятно, он же отец Йонны.

К р и с т а. Хенрик сам захотел, он давно знал отца. Еще в студенческие годы помогал профсоюзу в разных юридических вопросах. А в последние годы — Бьёркуден, все бумаги по делу.

Н и т а. И все-таки я не понимаю, как ты можешь жить с женатым человеком, столько лет.

К р и с т а. Я и сама не понимаю.

Н и т а. Для его жены, наверное, это просто кошмар.

К р и с т а. Да, ее тоже ужасно жалко.

Н и т а. Все знают, все болтают. Какое ты имеешь право влезать в их жизнь?

К р и с т а. Почему ты об этом заговорила именно сейчас?

Н и т а. Когда-то я должна была тебе это сказать. Мы же совсем не видимся. Ты берешь то, что тебе не принадлежит. Ты об этом думала?

К р и с т а. Это Хенрик женатый человек. Я свободна.
Н и т а. И все равно мне ее жалко. Нам, женщинам, надо держаться вместе, не перебегать друг другу дорогу. Не ты ли обычно называешь это сестринским духом?
К р и с т а. Скажи, пожалуйста, по буквам первое слово. Ну, сколько там «с» – одно или два?
Н и т а (*после паузы*). Три.
К р и с т а. Молодец, Нита. На этот раз ты не ошиблась.
Н и т а. Придушу.
К р и с т а. Прекрати сыпать мне соль на раны.
Н и т а (*тихо*). Тебе бы только ссориться и все портить. Даже на папиных похоронах не можешь удержаться.
К р и с т а. Ты первая начала.
Н и т а. Но ты за это заплатишь, в один прекрасный день ты сильно об этом пожалеешь.
К р и с т а. Милая сестричка, как это на тебя похоже.
А л и с (*кричит*). Нита!
К р и с т а. Мама хочет кофе.
А л и с. Нита, булочками всех угостила?
Н и т а. А ты сама, мама?
А л и с. Нет, спасибо.
Н и т а. Целая куча осталась.
А л и с. Положим в морозильник. Папа никогда не отказывается от булочки на полдник. (*Пауза.*) Прости. У меня какой-то туман в голове. Это пройдет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Входят Мартин и Хенрик.

Х е н р и к. Да, теперь мы встречаемся только на похоронах. Сколько лет прошло с того дня, когда ты мне подставил подножку на футбольном поле. Шрам на коленке побледнел, но все еще виден.
М а р т и н. Ты тоже подставил мне подножку. Но это случилось позднее... и на мне все заживает как на собаке.

Х е н р и к. Вынужден отказаться от кофе. В три должен быть в суде. В такую погоду придется добираться на своих двоих.

М а р т и н (*смотрит на часы*). Я могу доехать до больницы по спецполосе. Значит, все еще адвокат?

Х е н р и к. Да, мое место на этой половине поля.

М а р т и н. Другими словами, верен себе.

Х е н р и к. Сегодня у меня банковский грабитель. Я стал чем-то вроде специалиста по ограблениям банков. Все, кто вооружился обрезам, обращаются именно ко мне.

М а р т и н. А кларнет? Последний раз я слышал тебя на нашей с Кристой свадьбе.

Х е н р и к. Да, мне таки позволили сыграть на вашей свадьбе. Вместе с женихом.

М а р т и н. Ты был прекрасный кларнетист. А я – никудышный пианист. Другие сравнения оставим Кристе.

Х е н р и к. По-прежнему сердцами занимаешься?

М а р т и н. Да.

Х е н р и к. Это успокаивает.

М а р т и н. Очереди смертельно длинные. Спокойная, устроенная личная жизнь – лучшее средство защиты именно для этой мышцы. Как семья?

Х е н р и к. Спасибо. Дети в подростковом возрасте. А твоя?

М а р т и н. Спасибо. Тоже в подростковом возрасте.

Х е н р и к. Ну, мне пора в суд. (*Начинает искать.*) Портфель.

Иногда у меня появляется желание переквалифицироваться на кого-нибудь без портфеля.

М а р т и н (*протягивает Хенрику потрепанный портфель*). Не пора ли новый купить?

Х е н р и к. Уже много лет собираюсь.

М а р т и н. И что же тебе мешает одним махом изменить положение? Год за годом... тяжело.

Х е н р и к. Мы о портфеле или?..

М а р т и н. Береги сердце, избавь меня от новой встречи.

Хенрик проходит мимо Алис и Йонны.

Х е н р и к. Ну, я пошел.

А л и с. Спасибо, милый Хенрик, что пришел.

Х е н р и к. Передрягами с Бьёркудденом займемся позднее.

А л и с. Не думай об этом, Хенрик. Аксель все устроил с другим адвокатом. Не беспокойся.

Х е н р и к. Но я уже начал это дело.

А л и с. Оно передано в руки специалиста.

Н и т а (*прерывает*). Давай не будем сейчас мучить маму практическими вопросами.

Х е н р и к. Простите, Алис.

Хенрик проходит мимо Кристи. Останавливается у нее за спиной.

К р и с т а (*тихо*). Поцелуй меня... в затылок.

Х е н р и к (*дышит ей в затылок*). Это я и делаю. Разве не чувствуешь?

К р и с т а. Чувствую твоё дыхание. Этого довольно. Когда придешь?

Х е н р и к. Как только смогу.

К р и с т а. Когда придешь?

Х е н р и к. Я позвоню.

Хенрик уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Н и т а. Мама, хочешь у меня сегодня переночевать?

А л и с. Это еще зачем?

Н и т а. Чтобы не спать одной.

А л и с. Надо привыкать. (*Берет Ниту за руку.*) Пообедаем вместе завтра? У тебя найдется время?

Н и т а. Мама, мы должны рассказать Кристе о Бьёркуддене, может, не сегодня, но скоро.

А л и с. Я надеялась, что это тоже позади. Но позади только похороны. Расскажем сегодня, ведь это совершенно нормальное решение. Криста наверняка обрадуется, что ее освободили от этого груза.

Н и т а. По-моему, будет лучше, если ты сама поговоришь с Кристой. Мы с ней вечно ссоримся.

А л и с. Пусть папа поговорит. (*Пауза.*) Я хочу сказать, Акселю

надо было бы поговорить с ней, когда она навещала его в больнице. Но у него, наверное, не хватило сил, он был по уши занят умиранием.

ЯВЛЕНИЕ 6

Мартин подходит к Кристе.

М а р т и н. Как дела?

К р и с т а. Давненько не виделись.

М а р т и н. Да уж. У тебя, очевидно, отменное здоровье в последнее время. Раньше ты регулярно приходила за рецептами.

К р и с т а. Везение, только легкие простуды.

М а р т и н. Мне, правда, очень жаль, твой отец был человек...

К р и с т а (*резко*). Не желаю ничего слушать о нем от тебя.

М а р т и н. ...я лишь собирался поставить медицинский диагноз — твоему отцу крупно не повезло: заболеть тяжелым воспалением легких при слабом сердце. Об Акселе можно, разумеется, много чего сказать, но намерения у него были добрые.

К р и с т а. Он был таким, каким был. И точка.

М а р т и н. Хенрик еще не переехал к тебе? Столько лет... а что, собственно, говорит его жена?

К р и с т а. Что говорит жена... она берет то, что дают, как и мы все.

М а р т и н. Это на тебя не похоже.

К р и с т а. Сколько лет этой, новой?

М а р т и н. Мало, слишком мало.

К р и с т а. Как Йонне?

М а р т и н. Йонне двадцать, она еще даже никуда не поступила. А Беатрис уже готовый психолог, совсем скоро. Хотелось бы, чтобы она была постарше, но увы.

К р и с т а. А что говорит жена?

М а р т и н. Тебе не о чем беспокоиться, Криста.

К р и с т а. Мне нравилось твое новое семейство, хотя больше на расстоянии.

М а р т и н. И спустя время, наверное.

К р и с т а. И новый пиджак. Он вполне был бы тебе к лицу лет двадцать назад.

М а р т и н. У тебя шея пошла пятнами.

К р и с т а. Жарко.

М а р т и н. Большущими красными кляксами.

К р и с т а (*ощупывает шею*). Правда?

М а р т и н. И часто это у тебя?

К р и с т а (*шепотом*). На прошлой неделе началось... ни с того ни с сего обдаёт жаром, чешется.

М а р т и н. Приливы.

К р и с т а. Не рановато?

М а р т и н. Ты всегда опережала время. Уже в семнадцать далеко ушла вперед.

К р и с т а. Спаси меня, Мартин. Это словно смерть.

М а р т и н (*ищет книжку с рецептами, не находит*). Не делай трагедии. Это многолетний процесс. Я выпишу лекарство, оно снимет самые тяжелые симптомы. Книжка с рецептами у меня в машине.

Мартин выходит. Криста ощупывает шею, берет сумочку, направляется в туалет. Ее останавливает Йонна.

ЯВЛЕНИЕ 7

Й о н н а. Мама, ты говорила с папой?

К р и с т а. Нет.

Й о н н а. Ты же знаешь, не хватает десяти тысяч... а заработать столько я не успею.

К р и с т а. Мы уже почти два десятка лет ругаемся по поводу алиментов. По поводу поездок для изучения языка, уроков верховой езды, зимних курток. Поговори сама с Мартином, у тебя больше шансов.

Й о н н а. Остальные уже готовы ехать, со мной или без меня. Если папа не даст денег, значит, дашь ты.

К р и с т а. Ты шутишь!

Й о н н а. Может, ты получишь что-нибудь по дедову завещанию.

К р и с т а. Йонна, о таких вещах на дедушкиных похоронах не говорят.

Й о н н а. Но думают.

К р и с т а. В нашей семье никогда не было больших денег.
Й о н н а. Бьёркуdden стоит круглую сумму, и она будет поделена между тобой и Нитой.
К р и с т а. В любом случае, пока жива бабушка, об этом не может быть и речи.
Й о н н а. Где папа?
К р и с т а. Пошел за рецептурными бланками.
Й о н н а. У тебя болит горло?
К р и с т а. Да... опухло.

Криста идет в ванную.

Входит Мартин, садится на стул, начинает перелистывать лекарственный справочник.

ЯВЛЕНИЕ 8

М а р т и н. Преимущество большой семьи в том, что ты все время остаешься домашним доктором. Но есть и недостаток — тебе постоянно напоминают обо всем, чего ты не знаешь. У твоей матери изощренный талант делать все возможное, чтобы я не успокаивался в роли приличного хирурга-сердечника.

Й о н н а. У нее опять горло болит?

М а р т и н. Скорее шея. Возрастное. Одна таблетка в день вместо дорогостоящих часов у психолога. Психологи умеют драть.

Й о н н а. Я думала, тебе нравятся психологи.

М а р т и н. Я влюбился не в профессию Беатрис.

Й о н н а. Ясное дело, клюнул на ее молодость.

М а р т и н. Йонна, неужели тебе обязательно надо быть похожей на других.

Й о н н а. Ты седеешь, папа. Я вижу несколько седых волосков.

М а р т и н. Это только тут, сверху.

Й о н н а. Покрась.

М а р т и н. Их видно, только когда я сижу... а сижу я очень редко.
Когда я стою, склонившись над операционным столом, на

голове у меня шапочка. Ну вот, рецепты домашнего доктора на сегодня выписаны. Твоей бабушке сердечное на ночь, Кристе – эстроген. Тебе ничего не надо?

Звонит радиотелефон Мартина. Он отвечает.

Ладно, еду. Усыпайте ее, я сажусь в машину.

Й о н н а. Десять тысяч крон.

М а р т и н. У меня на столе сердце, которое сейчас усыпляют. Меня ждут. Надеюсь, доберусь, несмотря на погоду.

Й о н н а. Мне нужны деньги на поездку, а заработать их я не успею. Тридцать тысяч я скопила... трое других уже готовы к отъезду.

М а р т и н. Тридцать тысяч плюс еще десять. Вы что, на Луну собрались?

Й о н н а. Нет, всего лишь вокруг света. Пока хватит денег. Нью-Йорк, Южная Америка, Индия.

М а р т и н. Я не слышал ни слова об этой поездке.

Й о н н а (*возмущенно*). Папа, я рассказывала тебе. Несколько раз.

М а р т и н (*громко*). Не ори, мы только что похоронили твоего деда.

Й о н н а. Ты никогда меня не слушаешь.

М а р т и н. У тебя есть привычка говорить о важных вещах мимоходом. Ты использовала такую тактику с детских лет. Свойство, унаследованное не от меня.

Й о н н а. Я же рассказывала тебе, что собираюсь совершить путешествие.

М а р т и н. Собираюсь совершить путешествие. Это мы все делаем. В любой столовой полным-полно брошюр о разных путешествиях. Люди мечтают куда-нибудь поехать. Это очень по-человечески.

Й о н н а. Я не намерена мечтать, я поеду. Чтобы увидеть что-нибудь другое.

М а р т и н. Я никогда не совершал кругосветного путешествия.

Й о н н а. Конечно, вы с семейством зимой катались на лыжах, а летом ходили под парусом.

М а р т и н. Ты отказывалась ехать с нами.

Й о н н а. А для меня никогда не хватало места. Машина, дом, яхта были слишком тесными.

М а р т и н. Я этого не говорил.

Й о н н а. Но она так считала. Гораздо важнее было взять с собой морскую свинку в огромной клетке, чем меня. Однажды я все-таки поехала с вами. Так ваши детки взяли с собой столько баракла, что я едва не задохнулась на заднем сиденье.

М а р т и н. Прости, Йонна.

Й о н н а. Да все нормально.

М а р т и н. Вокруг света, не такая уж глупая мысль. Почему бы моей дочери не осуществить свою мечту? Сердце ведь не только мышца. У сердца есть и голос. Мы тщательно планируем твоё путешествие, и когда в мире станет поспокойнее — пожалуйста.

Й о н н а. Десять тысяч крон, и я прошу тебе все.

М а р т и н. ...одни прививки требуют тщательного планирования. Тиф, паратиф, холера, бешенство.

Й о н н а. Все это уже сделано. И я поеду не потом, а сейчас.

М а р т и н. Я тебе не разрешаю.

Й о н н а. Я ведь, кажется, совершеннолетняя? Именно поэтому ты прекратил платить алименты.

М а р т и н. Йонна, я по уши в долгах. Работаю как зверь.

Й о н н а. Ну да, понятно, хомяки обходятся недешево.

М а р т и н. Хватит, Йонна. Даже если ты будешь прыгать по мне в башмаках с гвоздями, денег из меня все равно не выколотишь. Где Криста?

Й о н н а. В уборной.

М а р т и н. Семейная жизнь никогда не была ее сильной стороной. В годы нашей совместной жизни она половину времени просидела за дверью туалета. Какое счастье, что она родилась с ватерклозетом. Мир никуда не денется, он ждет тебя.

Й о н н а. Пока.

М а р т и н. Созвонимся.

Й о н н а. Я уезжаю на следующей неделе.

Мартин мнется в нерешительности, потом все-таки отходит от Йонны. Из туалета появляется Криста.

М а р т и н. Затея с путешествием — сумасбродство. Йонна должна остаться дома и начать учиться. Одного года работы ня-

нечкой вполне достаточно. Она по крайней мере может стать медсестрой. На это уйдет три года, а потом пусть едет.
К р и с т а. Я больше не собираюсь обсуждать с тобой ни одного практического вопроса.

М а р т и н. Десять тысяч. У меня их нет. (*Пауза.*) Чем ты занимаешься сейчас?

К р и с т а. Пишу.

М а р т и н. Что?

К р и с т а. Это допрос или?..

М а р т и н. Называй это интересом. До чего ты все-таки подозрительная, Криста. Вот рецепты, для Алис и для тебя. Через неделю родишься заново.

К р и с т а. Я пишу о... своем детстве.

М а р т и н. Должно быть, оно было долгое. Я хочу сказать – ты ведь уже несколько лет об этом пишешь.

К р и с т а. Я зарабатываю на жизнь переводами – письменными и устными. Даю голос другим.

М а р т и н. Мы провернули неудачное дельце, разведясь. Жили бы сегодня припеваючи. И ты бы могла без помех писать.

К р и с т а. Скорее всего меня бы уже не было на свете.

М а р т и н. Хорошо, что с поездкой ничего не получится.

Мартин направляется к Алис.

А л и с. Спасибо, что пришел, Мартин, мы теперь так редко видимся. Но ты ведь еще заглянешь до того, как я умру?

М а р т и н. Я выписал вам лекарство. И снотворное.

А л и с. Надеюсь, я доживу до свадьбы Йонны, может, даже до крестин, вот и повидаемся.

М а р т и н. Вы успеете побывать не на одних крестинах, Алис. Позвоните мне в случае чего.

А л и с. Операцию-то будешь делать на молодом сердце?

М а р т и н. Средних лет. Чуть больше пятидесяти.

А л и с. А Акселя... его сердце залатать было уже невозможно, да?

М а р т и н (*после паузы*). Невозможно. Из него жизнь вытекла. Скажите, что по личному делу, тогда меня позовут.

А л и с. Криста была дурой, разведясь с тобой.

М а р т и н. Я же никуда не делся, так ведь?

ЯВЛЕНИЕ 9

Мартин выходит. Появляется Нита в пальто. Подходит к Кристе и Йонне.

Н и т а. Я прибрала на кухне. *(Понижает голос.)* Мама хочет ночевать здесь, а я остаться не могу. Не следовало бы все-таки бросать ее в одиночестве. Мне надо домой, к мальчикам.

К р и с т а. Может, Йонна переночует у бабушки?

Й о н н а. У меня ночное дежурство. Последнее перед отъездом, как предполагалось.

Н и т а *(Кристе).* Тогда придется тебе.

К р и с т а. За тридцать лет я ни разу не ночевала в этой квартире.

Н и т а. Самое время.

А л и с *(громко).* Я прекрасно обойдусь сама.

Й о н н а. Дежурство начинается в девять. До этого времени я побуду с бабушкой.

К р и с т а. Спасибо, Йонна. Ты не сбегаетшь в аптеку за лекарством для бабушки... и для меня?

Й о н н а *(после паузы).* Хорошо.

Криста дает Йонне рецепты и деньги, Йонна выходит.

Н и т а. Хорошая у тебя дочь. Иногда яблоко падает далеко от яблони. Ну, мне пора домой, готовить ужин мальчикам.

К р и с т а. Пока, дорогая.

Нита подходит к матери, шепчет ей что-то на ухо и целует на прощание.

Н и т а. Я позвоню вечером, мама. *(Выходит.)*

СЦЕНА 2

Алис и Криста в квартире Алис. Тишина.

К р и с т а *(после паузы).* Как странно — только ты и я, мы с

тобой не оставались наедине уж и не помню сколько лет.
Где кошка?

А л и с. Она ослепла, и мы ее месяц назад усыпили. Я тебе рассказывала. Она была такая тяжелая, когда мы ее несли к ветеринару. А может, я Йонне рассказывала.

К р и с т а. Заведи себе другую. В Бьёркуддене жил черный кот. Мы с Нитой вечно из-за него дрались, чуть не разрывали беднягу пополам. Ты устала, мама. Я тоже. Только дождусь, когда Йонна принесет наши лекарства.

А л и с. Опять заболела? Нельзя так часто принимать пенициллин.

К р и с т а (*внезапно*). У меня кровотечение, мама. Мне кажется, я изйду кровью.

А л и с. Да Бог с тобой, деточка. Ты такая бледная.

К р и с т а (*пытается увидеть себя в материнских глазах*). Еще какая. Белая как полотно, в зеркале видела. Пошупай, у меня, по-моему, температура.

А л и с (*каменет*). Не преувеличивай. У меня всегда были обильные кровотечения. Реки крови. А во время беременности все время рвало. Сколько раз я думала — если б я была мужчиной. А потом, в один прекрасный день, все неприятности позади. (*После паузы.*) Криста, я хочу обсудить с тобой кое-какие практические дела.

К р и с т а. В другой день. Мы созвонимся.

А л и с. Речь идет о наследстве.

К р и с т а. Это подождет. Ты еще переживешь и меня, и Ниту.

А л и с. Папа обо всем распорядился. Сперва несколько вещей, которые он велел отдать именно тебе. Помнишь это? (*Вынимает странную маленькую стальную конструкцию.*) Волчок. Изобретение, в которое он верил больше всего. В 1956 году оно получило третью премию. Моток пряжи надевается на этот вот штырь — вся соль в том, что пряжа сама разматывается во время вязания. Аксель, наверное, думал, что когда-нибудь я буду тихо и мирно сидеть в кресле и вязать, в то время все мужчины мечтали, чтобы их жены были домашними хозяйками. Акселю так и не удалось найти производителя. Кстати, я никогда не любила вязать. Смертельно скучно. Это модель. Вот патент. (*Протягивает Кристе.*) Еще папа наказал отдать тебе охотничье ружье.

Наверное, потому, что ты победила тогда в соревнованиях по стрельбе в школе.

К р и с т а. Везенье новичка, сказал он.

А л и с. Он хвастался тобой. «Моя дочь стреляет лучше, чем все ваши сыновья, вместе взятые».

К р и с т а. Он так говорил?

А л и с. Говорил. Аксель с трудом показывает свои чувства. Точно глаза и уши у него повернуты... да. *(Пауза.)* Он был такой.

К р и с т а. Примечательные подарки. А что досталось Ните?

А л и с. И еще он передал для тебя письмо.

Криста прячет конверт в карман.

А л и с. У нас мало что есть. Немного мебели, она нужна мне. *(Пауза, собравшись с духом.)* Бьёркудден мы переписали на Ниту. Это чисто практический вопрос. Только на бумаге, Криста. У Ниты с Фредриком есть средства, чтобы платить налог, делать ремонт и поддерживать дом в надлежащем состоянии.

Криста порывисто встает и уходит в уборную. Появляется Йонна с пластиковым аптечным пакетом. Алис ее не замечает. Алис подходит к двери уборной.

А л и с. Почему ты вечно сбегашь в уборную, когда я хочу с тобой поговорить? Мы боролись с муниципальными властями и гольф-клубом, Бьёркудден остается нашим. В нашей семье. Это было делом всей жизни Акселя. Что ты там делаешь, Криста? Так хотел папа. Опять торчишь перед зеркалом? *(Замечает Йонну.)* Криста снова заперлась в уборной. Вечно один и тот же спектакль.

Й о н н а. Мама!

К р и с т а *(выходит, с наигранным спокойствием)*. Ну, теперь я иду домой. *(Берет один из пакетов.)* Спасибо за помощь, деточка, увидимся завтра утром. И поговорим о твоих проблемах. *(Алис.)* Пока, мама, надеюсь, будешь спать крепко. Йонна поможет тебе лечь.

А л и с. Криста! Волчок. Ружье.

Криста выходит из комнаты, не взяв подарков.

СЦЕНА 3

Вечер. В квартире Алис и Йонна. Алис стаскивает с кровати простыни и замирает, держа в охапке грязное постельное белье.

А л и с. Я буду с вами все дни, до скончания времен. Он ничего не сказал про ночи.

Й о н н а. Бабушка, я бы с удовольствием переночевала, но у меня сегодня дежурство. Последнее перед отъездом, как я рассчитываю.

А л и с (*с отсутствующим видом*). Однажды мы поехали на Майорку. Но Аксель всю неделю тосковал по Бьёркуддену. Ты ведь знаешь, я предпочитаю цветные фотографии.

Й о н н а. С деньгами, кажется, дело худо. Не хватает десяти тысяч.

А л и с. Ничего, образуется. Кругосветное путешествие, настоящее приключение.

Й о н н а. Тебе какие простыни постелить? (*Нерешительно.*) Сколько наволочек?

А л и с. Одной довольно. Убери вторую подушку. Какими тихими стали ночи. Я слышу, как бьется сердце. Сегодня мне показалось, что оно бьется неровно. Когда я в последний раз слышала свое сердце? Сто лет назад. Он храпел, твой дед. С годами все громче. Сперва он лишь слегка посапывал. Мне нравилось. Точно легкий ветерок шуршит в березах, его бывает слышно в белые ночи. Я лежала рядом с Акселем, живот горой, и слушала березы, только березы. (*Йонна в это время стелет постель.*) Ну, а с возрастом мужчины начинают тянуть груз потяжелее. Бревна. Небная занавеска ослабевает. (*Пауза.*) Теперь вроде можно сделать операцию на небной занавеске, я в газете читала. Совершенно новый метод, операция совсем простая, домой возвращаешься в тот же день. Я вырезала эту статью.

Й о н н а. Это снотворное, прими прямо сейчас, а я посижу с тобой, пока ты не заснешь.

А л и с. Какая ты славная, Йонна.

Й о н н а. С тобой.

А л и с. Когда Криста рассказывала про ваши ссоры, я никак не

могла понять, из-за чего. Йонна – она же такой легкий ребенок. Но это все Криста, ясное дело. Она была трудной, с первых дней. Требовательной. Кричала ночи напролет, соседи стучали в стенку, хозяин грозился выгнать. Аксель носил ее на руках, пока у него лицо не делалось пепельного цвета.

Й о н н а. Может, у нее колики были.

А л и с. Господи, мы были такие молодые. Она просто пожаловала, никого не спросясь, и начала управлять нашей жизнью. А потом у нее в глазах появился этот критический взгляд. Разве не странно, что мать может бояться собственного ребенка?

Й о н н а. Поэтому мама и не получила свою долю Бьёркуддена?

А л и с. Да это же только бумага, Йонна.

Й о н н а. Кристегодились бы деньги, чтобы закончить книгу.

А л и с. Довольно и предыдущей.

Й о н н а. Но бабушка, никто и не знал, что она написала про твоего отца.

А л и с. По большей части там одни выдумки. Но она выставила меня на посмеище. Пусть уж лучше Криста занимается переводами – и деньги зарабатывает, и семью оставит в покое. Бьёркудден принадлежит всей семье, потому-то мы так и записали. Нита позаботится, чтобы мы все могли проводить там лето.

Й о н н а. Бабушка, ты должна принять таблетку, которую тебе выписал Мартин.

А л и с. Врачи говорят, что рыба полезна для сердца. Я очистила тонны рыбы, а Аксель эти тонны съел. Но это, верно, выдумки. Больно уж нам хочется верить, будто что-то может спасти нас от смерти. Дай стакан. Нет, не хочу сока. Хочу коньяка.

Й о н н а. Нельзя мешать спиртное с таблетками, бабушка.

А л и с. Именно это и надо делать.

Й о н н а. Это опасно.

Алис принимает таблетку и сама приносит бутылку.

А л и с. Я ни у кого не собираюсь спрашивать разрешения. С этой минуты мое личное дело, как мне жить. Аксель называл ее грелкой.

Й о н н а. Хватит, бабушка. Давай уберем, оставим на завтра.
А л и с. Прекрати сюсюкать, Йонна. Эта больничная манера разговаривать просто чудовищна. Теперь мы сделаем это, сейчас мы сделаем то. Господи, дай мне умереть в одиночестве. Нет, мне спешить незачем. *(Отдает Йонне бутылку.)* Пожалуй, все-таки заведу кошку. Возобновлю свой театральный абонемент, вдохну жизнь в нашу «хунту», весной мы с Нитой пересадим смородину в Бьёркуддене. Ты ведь возьмешь с собой фотоаппарат, Йонна?

Й о н н а. Я не поеду, бабушка.

А л и с. В верхнем ящике лежит конверт. Принеси его. *(Йонна приносит конверт.)* Открой. Там десять тысяч. От меня и дедушки.

Й о н н а. Разве это не мамины деньги?

А л и с. Я слишком стара, чтобы путешествовать.

Й о н н а. Я не могу их взять.

А л и с. А ты молода, твои глаза словно блестящие зеркала. Они покажут мне мир.

Й о н н а. Не знаю, что сказать.

А л и с. А что, «спасибо» – плохое слово?

Й о н н а. Спасибо.

А л и с. Я предпочитаю цветные фотографии.

Йонна в нерешительности. Потом обнимает бабушку. Уходит.

Как бы там ни было, а я грела ему спину, мы друг другу грели спины. Ежели спине тепло, тепло и всему телу. *(Пауза.)* Его тело, что сейчас в земле лежит, я знала. А вот душу, которая будет витать в небесах, не знала вовсе. Сорок пять лет было у меня в запасе, а я так и не успела. Почему мужчины такие молчаливые? Или я жила с самым молчаливым из них?

СЦЕНА 4

Квартира Кристи. Криста в халате. Хенрик в соседней комнате. Криста открывает аптечный пакет, наливает себе стакан вина, проливает. Выдавливает из упаковки одну таблетку, запивает ее вином. Читает письмо от Акселя.

К р и с т а. «Дорогая Криста! Тебе оставляю волчок, я всегда верил в полезность этого изобретения. Просто еще не пришло время для простых и очевидных вещей. Не забывай ежегодно возобновлять патент. И не забывай дважды в год смазывать ружье. Иначе оно заржавеет и в худшем случае выстрелит в того, кто его держит в руках. Если ты будешь продолжать писать, пиши о людях с добротой. Слово – это тоже оружие. А оружие надо направлять на внешнего врага, этому нас учили в армии. Помогай Ните заботиться о маме. Дорогая дочка, жизнь прошла быстро. Нам было хорошо с тобой, когда ты была маленькой. Когда ты стала взрослой, мы так и не успели по-настоящему понять друг друга, но я...»

Криста прячет письмо в карман.

Хенрик в спальне звонит по телефону.

Х е н р и к. Да, привет, Эллинор. Ага, нужно вернуть в следственную тюрьму. Молоденький парнишка. Наверняка получит три года. Да, он совершенно раздавлен. А потом я приду. Кстати, как было у зубного? Это хорошо, с зубами мудрости одни неприятности. Прими две таблетки аспирина. Дала Псинке таблетку от глистов? Приду, когда смогу. Ухожу из конторы. Ладно, давай Юхана. Юхан, нам не по карману и поездка в горы, и новые лыжи. Поговорим завтра. Я очень тороплюсь. Кристоффер, мне некогда. Нет, это, наверно, опечатка. Проверь в словаре. Эллинор, дежурный зубной врач ни хрена не делает. Лучше прими снотворное, ляг и поспи. Да, я погуляю с Псинкой. Хорошо, пока. *(Кладет трубку. Выходит полуголый.)* Зачем я согласился завести собаку?

К р и с т а (*с нежностью, она действительно его любит*). Хорошие люди запросто попадают в ловушку.

Х е н р и к. Больно?

К р и с т а. Ты никогда не делаешь больно.

Х е н р и к. Может, надо было подождать?

К р и с т а. Я жду, только когда тебя здесь нет.

Х е н р и к. Я хороший человек?

К р и с т а. У тебя добрые намерения.

Х е н р и к. Но отвечаешь-то за свои поступки. Этот парень сегодня наверняка получит три года. Три года. Не смог выплатить проценты за дом, банк пригрозил выставить семью на улицу. Старое ружьишко – и в пригородный банк. И улизнул бы, если б его развалюха завелась.

К р и с т а. В камере, наверное, спокойно. Освобождение от всего земного, прямые четкие линии.

Х е н р и к (*смеется*). Ты думаешь про монастырь, Криста. Ты и впрямь хочешь уйти в монастырь?

К р и с т а. Да, если ты меня бросишь.

Х е н р и к (*серьезно*). Мы с тобой никогда не расстанемся. Все попытки закончились неудачей. Ты – репей в моей жизни.

К р и с т а. Это ты репей в моей.

Х е н р и к. Хочешь чего-нибудь?

К р и с т а. Да. (*Пауза.*) стакан воды.

Х е н р и к. И больше ничего? (*Криста мотает головой.*) Снять простыни?

К р и с т а. Потом сама сниму.

Х е н р и к. Эллинов вырвали зуб мудрости. Псинке дали средство от глистов. Мне скоро надо идти.

К р и с т а (*прерывает*). Знаю! (*Звонит телефон.*) Не будем брать трубку.

Х е н р и к. Не будем. (*Телефон перестает звонить.*) Порой я ловлю себя на тоске по тому, что называется покоем.

К р и с т а. Ты умрешь со мной или с Эллином?

Х е н р и к (*смеется*). Я умру намного раньше вас обеих. Но ты унаследуешь мой кларнет.

К р и с т а. Я уже сегодня получила в наследство от папы волчок для пряжи и старое ружье.

Х е н р и к. Ружье понятно, а...

К р и с т а. ...изобретение для беспрерывно вяжущих женщин, и клубок эдак элегантно крутится...

Х е н р и к. За ним, может, будущее.

К р и с т а. Ните достался весь Бьёркудден.

Х е н р и к (*после паузы*). Так вот, значит, почему они взяли другого адвоката. Да, тут, пожалуй, ничего не поделаешь. Родители не имеют права лишать наследства своих детей, но пока они живы, могут подарить имущество кому пожелают. Может, стоит попытаться. Существует положение о незаконном разделе наследства, но...

К р и с т а. Бьёркудден, зачем мне он? Почему это меня волнует? Нет, я не намерена переживать. Бьёркудден – смешно. Три березки, остальное сосны. Бедняжка Йонна, ей ничего не досталось. Нитины дети и так уже избалованы. (*Пауза.*) Но Йонна не желает сидеть и смотреть на какие-то там сосны, она хочет путешествовать. Собственно говоря, я даже рада. Чувствую себя свободной. У меня нет ни прав, ни обязанностей. Я вольна делать все, что захочу.

Х е н р и к. Мне надо идти, Криста. Псинка ждет.

К р и с т а. Мне тоже хочется собаку. Овчарку.

Х е н р и к. Уложить тебя в постель, пока я не ушел?

К р и с т а. Этого мало.

Х е н р и к. Сварить чаю?

К р и с т а. Этого тоже мало.

Х е н р и к. Может, попытаться остаться на ночь?

К р и с т а. Ты должен остаться.

Х е н р и к. Скандал будет жуткий, но... О'кей, я остаюсь.

К р и с т а. Навсегда.

Х е н р и к (*с разбегу*). Криста, когда в последний раз мы начали все сначала, то договорились не предъявлять друг другу никаких требований и брать друг от друга только то, что мы можем дать. Не больше.

К р и с т а. Этого уже недостаточно. В то время у меня был другой. Каждый раз, когда я пыталась начать новую жизнь, ты возвращался.

Х е н р и к. Сперва ты меня не хотела, вместо этого я развлекал гостей на вашей с Мартином свадьбе. Очевидно, я неплохо играл, Мартин до сих пор помнит.

К р и с т а. Ты не оставлял меня в покое.

Х е н р и к. Ты сняла нам номер в гостинице и привезла с собой Йонну в коляске.

К р и с т а. ...а ты встретил Эллинор, потом вы ждали детей, потом они были маленькие, потом вы снова ждали ребенка. Все это нам знакомо, Хенрик. А затем, когда у мальчиков начал ломаться голос, вы вдобавок ко всему завели себе этого пса.

Х е н р и к *(пауза)*. Я всегда считал, что надо иметь чистую совесть. Быть способным посмотреть на себя в зеркало. Криста, я никогда не умел делать выбор, за меня его сделала жизнь. Я не способен даже купить себе новый портфель. *(Пауза.)* Я мечтал стать адвокатом и вести крупные дела. Но с таким портфелем попадают только в районный суд и занимаются ограблением банков. И обжалуют приговоры в Верховном суде за счет налогоплательщиков. Господи, думаешь, легко иметь двух женщин? Я вечно оказываюсь не там, где надо.

К р и с т а. Йонна собирается уезжать. В кругосветное путешествие. Я хотела, чтобы у нас с тобой были дети, но...

Х е н р и к. Криста!

К р и с т а. Я говорю лишь, что не хочу жить одна. Хочу вместе завтракать, хочу вместе обсуждать, что будет на обед, хочу заниматься любовью, когда у меня возникает желание, а не когда меня устаивают.

Х е н р и к. Прости.

К р и с т а. У меня нет ни прав, ни обязанностей. Я должна использовать свою свободу, иначе она превратится в трагедию.

Х е н р и к. Я ни разу не требовал, чтобы ты ради меня меняла свои планы, наоборот.

К р и с т а. Сегодня на похоронах я почувствовала, что время имеет предел. Господи, время утекает сквозь пальцы. В Париже есть маленькая квартирка, в которой я могу жить. Писать и переводить можно ведь и там, правда? К тому же и продукты намного дешевле. Квартира всего в квартале от места, где живет Эльмир.

Х е н р и к. И на сколько недель ты туда собираешься? Не исключено, я сумею освободиться на несколько дней на Пасху.

К р и с т а. Не знаю, на сколько... лет.

Х е н р и к. Ты не можешь оставить маму одну.

К р и с т а. Маму. У нее ее театральный абонемент и ее «хунта».

С Нитой они видятся постоянно. Мы же только иногда перезваниваемся, это можно делать и из Парижа.

Х е н р и к (*после паузы*). Значит, останутся одни грабители банков.

Сейчас я каждый день сражаюсь, за нас. За наше время — час там, час тут.

К р и с т а. Либо ты переезжаешь сюда, либо я тебя брошу. Навсегда.

Х е н р и к. Это ультиматум?

К р и с т а. Да, я решила. И свое решение не изменю.

Х е н р и к. Эллинор, дети... если бы речь шла только о них, все было бы почти просто. Но есть еще дом, собака, банк, теща, тачка, фотоальбом, банковский заем.

К р и с т а. Я устала!

Х е н р и к. Мне уйти?

К р и с т а. У Эллинор болят зубы, поезжай домой.

Хенрик смотрит на Кристу. Потом уходит. Кристи снимает запачканные кровью простыни и выносит их из комнаты.

СЦЕНА 5

Утро. Входит Йонна, у нее в руках охапка роз. Она ставит цветы в вазу. Из спальни доносится стук пишущей машинки.

Й о н н а. Мама! Ты что-то рано сегодня.

К р и с т а. Поздно. Заканчиваю переводить текст, призванный продать наш скандинавский ландшафт франкоязычным туристам. Известно ли тебе, что мы живем в одном из редких уголков земли, где природа еще не погублена? В стране, куда надо приезжать, а не покидать ее. Я работала всю ночь. (*Пауза.*) Какие красивые цветы. И как много. Твои пациенты тебя любят. Целое состояние.

Йонна. Это тебе от меня.

Криста. С чего бы это?

Йонна. С того. Увидела продавца цветов в больнице и подумала о тебе.

Криста. Просто роскошные.

Йонна. Ты должна радоваться, а не плакать.

Криста. Не спала всю ночь. Я рассталась с Хенриком.

Йонна. Это мы уже слышали, мама.

Криста. На этот раз все кончено. Ой, надо работать, работа у меня во всяком случае есть. Сегодня нужно оплатить счета. Работа — горькое лекарство, которое упорядочивает существование. У нас высокий жизненный уровень, высокая продолжительность жизни, свободные женщины и ответственные мужчины, почти семьдесят процентов из них принимает активное участие в родах.

Йонна начинает украшать букет тысячекроновыми купюрами.

Йонна. У тебя еще кое-что есть. Десять тысяч. От бабушки и дедушки.

Криста. Я ненавижу ложь, Йонна.

Йонна. Это правда. Десять тысяч.

Криста. Десять тысяч. Значит, ты все-таки получила свою долю. Десять тысяч за половину Бьёркуддена. Господи, какое оскорбление.

Йонна. Это твои деньги.

Криста. Вовсе нет. Я уже получила ружье и волчок, и они мне тоже не нужны.

Йонна. Тогда я верну деньги.

Криста. Теперь ты можешь ехать. Вокруг света. На край света, туда и обратно. Твоя бабуся все устроила.

Йонна. Останусь пока дома. Папа прав. Мир никуда не денется, он ждет меня. Чтобы стать медсестрой, требуется всего три года, а потом уж можно ехать и приносить пользу. Путешествие должно было стать великим приключением. Я ведь начала строить планы давным-давно, когда еще была совсем глупышкой, а потом все продолжалось по инерции.

Криста. Прости, Йонна. Мне плевать на этот Бьёркудден, и все равно я в бешенстве.

Й о н н а. Я уже соскучилась по дому.
К р и с т а. Я хочу, чтобы ты поехала.
Й о н н а. Ты уже выглядишь покинутой.
К р и с т а. Глупости.
Й о н н а. По-моему, я заболеваю.
К р и с т а. Йонна, деньги – твои.
Й о н н а. Правда ведь, у меня блестят глаза? Потрогай, кажется,
у меня температура.
К р и с т а. Прямо обжигает.
Й о н н а. А опасностей сколько. Желтая лихорадка. Холера.
К р и с т а. Ты сделала прививки.
Й о н н а. Вдруг меня изнасилуют... или я попаду под машину...
или меня убьют.
К р и с т а. Йонна, я хочу, чтобы ты поехала.
Й о н н а. Почему тебе хочется зашвырнуть меня на другую сторо-
ну земного шара? Большинство матерей были бы счастливы
получить деньги от своей дочери и удержать ее при себе.
К р и с т а (*после паузы*). Мне хочется, чтобы произошло что-то,
что вырвет нас из замкнутого круга. Я сама собираюсь уез-
жать. Перебираюсь в Париж. Звонила Эльмир, сказала, что
есть прелестная квартирка совсем рядом с ней. Я смогу
сосредоточиться на работе, встречаться с людьми.
Й о н н а. Так давай переедем туда. Мне страшно понравился
Париж.
К р и с т а (*начинает собирать банкноты с цветов*). Я мечтала
жить в Париже с тех самых пор, как работала там нянькой
в семье.
Й о н н а. Я подучу французский, это мне очень даже не поме-
шает. Ты и я, мы с тобой в Париже. А Нита пусть себе
сидит в Бьёркуддене и любитесь смородиновыми кустами,
пока мы будем наслаждаться жизнью в Париже.
К р и с т а. Нет, я не намерена быть матерью в Париже.
Й о н н а. Что ты имеешь в виду?
К р и с т а. Криста отправляется в Париж. Йонна – вокруг света.
(*Протягивает деньги Йонне.*) Поторопись, время не ждет.
Не забудь забрать фотоаппарат.

Йонна выходит. Криста идет в ванную.

СЦЕНА 6

Несколько дней спустя. Из ванной выходит Криста, разбирает пузырьки с лекарствами. Появляется Йонна, в руках у нее выстиранная одежда. Она идет к себе в комнату. Оттуда слышится музыка. Входит Мартин с большим пакетом из аптеки.

К р и с т а. Кажется, здесь все, что надо. Но лучше проверь сам.

М а р т и н. Купила новый диван?

К р и с т а. Нет, это тот самый, на котором ты обычно спал после очередной ссоры.

М а р т и н. А ты в это время запырала в уборной. Такой же полезно-жесткий. Ты сменила обивку?

К р и с т а. Ага. Красиво, правда?

М а р т и н. Везучая наша дочка. Деньги свалились на голову как дар с небес. Разводиться жутко дорого. Начинаю с самого начала, студенческая жизнь. Немногие бы мужчины решились на подобный кульбит.

К р и с т а. Попроси дара с небес.

М а р т и н. А вообще-то он разве не мой?

К р и с т а. Диван мой. Ты с этой своей Беатрис можешь спать на матрасе.

М а р т и н. Лекарство принимаешь?

К р и с т а. ...или возвращайся домой.

М а р т и н. Похоже, равновесия все еще не обрела.

К р и с т а. ...к двуспальной кровати, детям, собаке. Старая жена, может, не так уж плоха, особенно ежели подсчитать, во что обходится ее замена.

М а р т и н. У нас кролик и морская свинка. Собаки нет.

К р и с т а. Извини.

М а р т и н. Это, наверное, у Хенрика собака.

К р и с т а. Давай проверим лекарства?

М а р т и н. Хенрику никогда не оторвать задницу от стула. У этого человека отсутствует мужество.

К р и с т а. Зато, возможно, имеется такая редкая вещь, как мораль.

М а р т и н. Э, Хенрик пытается играть в порядочного. Такие люди опасны для жизни, делают всех несчастными.

К р и с т а. Я придушу тебя, Мартин. *(Пауза, понижает голос.)*
Давай попытаемся сыграть цивилизованных, приличных родителей, вполне дружески расположенных друг к другу, а? Йонна уезжает надолго, последнее воспоминание о родителях будет сопровождать ее от континента к континенту. Одна мысль о том, что она, засыпая где-нибудь под сеткой от moskitov, будет вспоминать нас вот так, приводит меня в ужас. Не исключено, что ей даже не захочется воспользоваться обратным билетом. *(Пауза.)* Мартин. Мы относимся друг к другу с тихой нежностью, мы глубоко уважаем друг друга. Мы ведем себя достойно.

М а р т и н. Только бы она нас не раскусила. Наша дочь весьма проникательная особа.

К р и с т а. Надо сыграть хорошо.

М а р т и н. А справимся?

К р и с т а. ...и не называй ее деточкой.

Й о н н а *(проходит через комнату)*. Нам надо поторапливаться.

Уходит в свою комнату. Мартин и Криста смотрят ей вслед, приветливо улыбаясь.

М а р т и н. Привет... Йонна. Мы с мамой упаковали твои лекарства.

Й о н н а. Только без излишеств. Багаж должен быть легким.

М а р т и н *(высыпает на диван склянки с лекарствами)*. Вот тут витамин В. На случай, если опять начнет киснуть. Мазь, если вдруг снова случится экзема. Пенициллин, сульфа... а вот это очень важно. Останавливает понос.

К р и с т а. Прекрасно, Мартин.

М а р т и н. Это восстановитель жидкости в организме, компрессы, бинты, одноразовые шприцы. Встало в копеечку.

К р и с т а. Не волнуйся, Мартин. Естественно, эти расходы мы поделим пополам.

М а р т и н. Меня волнует одна вещь. Я хотел выписать вакцину против бешенства. Но ее надо хранить в холодном месте. Если ее покусает зараженная собака, то у нее в запасе всего-навсего одни сутки. Вот противовоспалительная мазь, мазь от комаров, противозачаточные таблетки.

К р и с т а *(порывисто хватая Мартину за руку)*. Представь, а вдруг с ней что-нибудь случится!

М а р т и н (*по-прежнему дружелюбно*). Она оснащена почти на все случаи.

К р и с т а. Она может попасть под машину, ее могут изнасиловать, убить. Застрелить! Что, если я вижу ее последний раз?

М а р т и н (*выходит из роли*). Ты сама всячески поддерживала эту чертову затею. (*Пауза.*) Криста, нельзя так, надо перевести дух, иначе свихнешься.

Криста поняла. На мгновение они проникаются нежностью друг к другу. Входит Йонна, на талии — сумочка для паспорта и билетов. Мартин и Криста быстро возвращаются к своим ролям.

М а р т и н. Я составил список всех лекарств, пожалуйста, дорогая, не потеряй его.

Йонна с возрастающим замешательством рассматривает кучу лекарств.

К р и с т а. Слышишь, Йонна, что говорит папа? Список положи вместе с деньгами и билетом. Мартин, я подумала, если тебе нужен диван, возьми его на время.

М а р т и н. Нет, он должен находиться в твоём доме, Криста.

К р и с т а. Я, скорее всего, уеду в Париж, надолго.

М а р т и н. Париж, как здорово.

К р и с т а. Правда ведь? Так что я сдам квартиру.

М а р т и н. А не сдашь ли нам с Беатрис, пока все не образуется? У нее однокомнатная.

К р и с т а (*ей удается сохранить приветливость*). Вовсе не исключено, Мартин. Поговорим об этом на досуге.

Й о н н а. Это что еще такое, черт возьми?

М а р т и н. Лекарства, которые мы с мамой купили для тебя.

К р и с т а. Мы решили, что это будет лучшим подарком тебе от родителей на прощание.

Й о н н а. Неужели вы думаете, что я потащу с собой целый полевой госпиталь?

К р и с т а. Не преувеличивай, дорогая.

М а р т и н. Тут только самое необходимое.

Й о н н а. Я уезжаю, чтобы увидеть что-то новое, чтобы быть свободной. Паспорт, дорожные чеки и билет в кармане.

Чем тащиться вокруг света, как навьюченный осел, лучше уж остаться дома. А это еще что?

М а р т и н. Противозачаточные таблетки, самые слабые.

Й о н н а. Я не употребляю таблетки. Обхожусь пессарием.

М а р т и н. Возиться с пессарием в тропиках невозможно, Йонна.

Можешь занести инфекцию.

Й о н н а. Это мое, сугубо личное дело.

К р и с т а. Папа тебе только добра желает.

Й о н н а. Я еду не трахаться.

М а р т и н. Никогда не известно, что случится. Раз — и ты там.

Й о н н а. Ты, наверное, себя имеешь в виду?

М а р т и н. Особенно в такой юбке.

К р и с т а. Все, успокоились!

М а р т и н. Успокоились!

Й о н н а. Хватит ломать комедию. Будьте самими собой. Ругайтесь, поливайте друг друга дерьмом.

К р и с т а. У нас с Мартином полное согласие.

Й о н н а. Будьте самими собой. Иначе я подумаю, что осталась сиротой. И на кой мне тогда обратный билет? (*Пытается надеть рюкзак.*) Автобус в аэропорт отходит, меня уже ждут.

К р и с т а. Помоги ей.

Й о н н а. Мартин, нам пора. Немедленно.

К р и с т а (*теряет контроль над собой*). Йонна, если ты не возьмешь лекарства, я умру от волнения. Когда ты вернешься, найдешь лишь урну с моим прахом, и тебе останется разве что прибраться мою могилу.

Й о н н а. Ну вот, теперь я тебя узнаю. Немножко. (*Берет пакеты.*)

М а р т и н. Ну все, поехали. До свидания, дорогая Криста, созвонимся.

К р и с т а (*хочет броситься к дочери*). Йонна.

Й о н н а. Никаких прощаний, ненавижу.

К р и с т а. Но я должна обнять тебя.

Й о н н а. Стой там, где стоишь. Я повернусь и выйду. Я уезжаю, и я вернусь. О'кей.

Йонна уходит в сопровождении Мартина. Криста остается одна. Идет в туалет, пускает воду. Закрывает дверь.

СЦЕНА 7

Квартира Кристи две недели спустя.

Входит Нита. В руках у нее зачехленное ружье и волчок. Она осматривается в поисках Кристи. Подходит к цветам, потом к двери в туалет.

Н и т а (*тихо*). Криста! (*Появляется Криста.*) Дверь была открыта. Ты кого-то ждешь?

К р и с т а. Нет.

Н и т а. Какие красивые цветы! Но надо подлить воды. Почему ты не давала о себе знать?

К р и с т а. Я их засушу.

Н и т а. Подвесь их за стебли, так они будут лучше смотреться. Ни малейших признаков жизни после похорон. Могла бы хоть маме позвонить. Мы пытались. (*Пауза.*) Как ты?

К р и с т а. Много работала. Собираюсь в Париж.

Н и т а. Париж. Лучше приезжай в Брюссель. Замечательные рестораны. Кафе. Магазины. Сердце новой Европы. Живое. Пульсирующее. Париж, по-моему, слишком чванлив. (*Криста разглядывает ружье и волчок.*) Я пришла попрощаться. Завтра отправляем вещи. Мальчики уехали вчера. Сегодня начинаются занятия. Все решилось как-то вдруг. Приехал Фредрик и сказал: «Я нашел дом для всей семьи». Мне пришлось тут же уволиться. Я и не знала, что это так просто. Подписываешь бумагу и получаешь в кассе три месячных зарплаты. Спасибо и до свидания. Больница реорганизуется. Лаборатория тоже. Фредрик всегда считал мою работу скучной возней со спермой и мочой. Зато мы называли нашу лабораторию детективным бюро. Ну что ж, буду приносить пользу другим способом. Если вообще нужно приносить пользу. Может, достаточно просто быть рядом со своими близкими. Во всяком случае, шведский клуб там замечательный. Одна большая семья с распростертыми объятиями. Так, наверное, и бывает, когда люди нуждаются друг в друге.

К р и с т а (*резко*). Значит, уезжаешь насовсем?
Н и т а. Фредрик хочет пустить там корни. Вся семья начинает новую жизнь. Думаю, нам это пойдет на пользу.

К р и с т а. Его секретарша тоже переезжает?
Н и т а. Она уволена.

К р и с т а. И сколько месячных зарплат ей выдали?
Н и т а. У тебя на шее красные пятна. Да нет, тут стыдиться нечего. Просто, я думаю, на выход стоит надевать закрытые блузки или шарфики.

К р и с т а. Значит, ты получила трехмесячное выходное пособие за длительную и верную службу.

Н и т а. Преимущество младшей сестры в том, что она моложе. Мы с Фредриком подумываем еще об одном малыше.

К р и с т а (*резко*). А мама? А Бьёркудден?
Н и т а. Мы приедем летом. Я уже заказала каталоги семян. (*Кладет волчок и ружье на стол. Вынимает из кармана конверт.*) Письмо ты забрала, как сказала мама. Вот патент, у тебя в запасе месяц, чтобы его продлить.

К р и с т а. Спасибо за информацию. Ты спасла мое состояние.
Н и т а. Если волчок тебе не нужен, я возьму его. Люблю вязать, особенно одежды для грудничков. А теперь и время будет.

К р и с т а (*резко*). Не трогай!
Н и т а. Прости, я не знала, что ты вяжешь.

К р и с т а. Я всегда верил в полезность этого изобретения, за ним будущее, написал папа в своем письме. Думаю, в этом он ошибался. Но папа столько всего написал в этом письме. Не имеет значения.

Н и т а. Что же он написал?
К р и с т а. Письмо личное. Адресовано мне.

Н и т а. Тогда ладно.

К р и с т а. Тебе он тоже, наверное, написал.
Н и т а. Нет, мне не написал.

К р и с т а (*спокойно*). Какая несправедливость.
Н и т а. А я ведь была с ним до последней минуты.

К р и с т а. Папа, конечно, просто забыл, что малышка Нита у нас теперь и читать и писать умеет.

Н и т а (*после паузы*). Знаешь, Криста, более злобных людей, чем ты, я не встречала. Мое первое воспоминание — я лежу в

- кроватке и вижу, как ты просовываешь руки сквозь решетку, чтобы задушить меня.
- К р и с т а. Семейная легенда, ты ее обожаешь.
- Н и т а. Я помню.
- К р и с т а. Мамины выдумки.
- Н и т а. Помнить можно все, даже собственное появление на свет. Это теперь известно в любом роддоме. Но ты же так давно не рожала.
- К р и с т а. Я прекрасно знаю, что ты копишь ранние воспоминания. Чуть ли не со стадии зародыша. Если бы это был кто другой, я бы поверила...
- Н и т а. Мама может подтвердить, что я была вся в синяках от твоих щипков.
- К р и с т а. ...но у попугаев такая короткая память, страшно короткая. Хватает лишь на передразнивание.
- Н и т а. Что ты сказала?
- К р и с т а (*корчит Ните рожу. По слогам*). По-пу-гай. Попугай.
- Н и т а (*хватает ружье*). Повтори.
- К р и с т а. Положи ружье. Оно обошлось мне в миллион.
- Н и т а. Дробь доставит тебе массу удовольствия.
- К р и с т а. Это ружье, оно пулями стреляет, глупая гусыня.
- Н и т а. Ничего, тоже подойдет, заставит тебя замолчать.
- К р и с т а. Глупая курица, ружье не заряжено.
- Н и т а. Чего же ты так трясешься? Ты проверяла?
- К р и с т а. Настоящий охотник всегда разряжает магазин. Папа был человек аккуратный.
- Н и т а. К концу жизни он стал рассеянным.
- К р и с т а. Ну, стреляй. Долгие годы в тюрьме. Когда выйдешь, мальчики уже будут взрослые, а Фредрик женат на этой своей секретарше. Осторожно, Нита.
- Н и т а (*неуверенно целится*). Чтобы больше никаких попугаев.
- К р и с т а. Ладно.
- Н и т а. Никаких гусынь, уток или куриц. Ни слова больше о моей бывлой алексии.
- К р и с т а. Даю слово. (*Нита опускает ружье. Криста берет его и проверяет, заряжено ли оно.*) Сорока. Ты отобрала у меня наследство.
- Н и т а. Я ничего не отбирала. Я получила. Послушай, Криста,

- ты обычно проводишь в Бьёркуддене два дня в год. После чего начинаешь метаться и уезжаешь с острова.
- К р и с т а.** Это мое личное дело. Может, за эти два дня я успеваю насладиться Бьёркудденном так же, как вы за целое лето.
- Н и т а.** Ты вечно где-то прячешься.
- К р и с т а.** Стоит мне устроиться под деревом, чтобы почитать в тишине и спокойствии, а вы уже тут как тут с вашими планами. За завтраком уже обед, за обедом ужин. А в промежутках пирог на полдник, смородиновые кусты, сорняки, мостки, лодка, сауна. Чтобы потеть со всем семейством, не обязательно сидеть в сауне.
- Н и т а.** Ты всегда увиливала. Пряталась за своими книжками. И папа попадался на эту удочку. «Не мешайте Кристе, она учится». На кого же? Ты должна была бы давно стать профессором. Но у Кристы было две книжки: одна – учебник, а другую она умело прятала – «Унесенные ветром»...
- К р и с т а.** Думаешь, папа не знал? С тех пор как ты приняла бразды правления, Бьёркудден превратился в настоящий концлагерь.
- Н и т а.** С тех пор как мы похоронили Мурре, ты не притронулась к лопате. Мне тогда было десять. Знаю, знаю, ты боишься червей и улиток.
- К р и с т а.** Потому-то ты и подарила мне пакет с жирным дождевым червем на мое десятилетие.
- Н и т а.** Это я собирала улиток и копала землю.
- К р и с т а.** Я грохнулась в обморок, и всем пришлось разойтись.
- Н и т а.** Твоя любимая история. Мне было шесть.
- К р и с т а.** Твои ребята унаследовали от матушки ее извращенное чувство юмора. Черви в простокваше – неудивительно, что начинаешь метаться и следующим паромом уезжаешь в город.
- Н и т а.** Это было только один раз. *(Пауза.)* Я работала на Бьёркудден.
- К р и с т а.** Ни один садовник не получает такой высокой почасовой оплаты.
- Н и т а.** Бьёркудден – не деньги. Мама права. Ты бы его сразу продала.
- К р и с т а.** Могла бы выплатить мне мою долю.

Н и т а. У меня нет денег.

К р и с т а. Так займите.

Н и т а. Смотрите-ка, до чего деньги стали для тебя важны. Криста обычно была выше подобных мелочей. Впрочем, наверное, только в теории.

К р и с т а. Как бы то ни было, но дарить их тебе у меня желания нет.

Н и т а. Как бы то ни было, а дело сделано. Решено папой и мамой.

К р и с т а. «Как бы то ни было, а дело сделано». Сколько раз я это слышала. Да забирай свой Бьёркуdden. Как бы то ни было, а папа оставил мне то, что нельзя оценить в деньгах. Можно было бы и пораньше, но лучше поздно, чем никогда. (Опускает ружье, откладывает его в сторону.) Папа хорошо умел хранить свои секреты. Тем интереснее, когда он наконец приоткрыл завесу. В письме написано...

Н и т а (отмахиваясь). Оно личное.

К р и с т а. Я перечитала эти слова несколько раз, но там действительно так и написано. «Дорогая дочка, мы не успели понять друг друга по-настоящему, но как бы то ни было, тебя я любил больше всех».

Н и т а. Неправда.

К р и с т а (вынимает письмо). Конечно, а кто говорит, что это правда? Но написано именно так. Два слова из десяти букв. **Больше всех.**

Н и т а. Докажи.

К р и с т а. Стоп. Папа написал письмо мне. Я процитировала только одну строчку. «...как бы то ни было, тебя я любил больше всех». (Пауза.) Э-э. Может, просто в последнюю минуту папе стало стыдно и ему захотелось дать мне что-то еще, кроме волчка и ружья. Нита по-прежнему мамина и папина лапушка. Что говорит мама о твоём отъезде, ей, наверное, будет пусто без тебя?

Н и т а. Это ты у нас, похоже, ходишь в любимицах, хотя никогда и пальцем не пошевелила, вот и сделай что-нибудь.

К р и с т а. Я уезжаю в Париж. Меня здесь ничто не держит, так что я вернусь не скоро.

Н и т а (взрывается). Я ненавижу Бьёркуdden. Нита, всегда Нита.

А Криста у нас вольная птица. Как бы там ни было, я гну спину **больше всех**, и что я за это имею? Муки совести. Я не могу взять маму в Брюссель. Не могу, не имею права... не хочу.

К р и с т а. Знаешь, что было в письме?

Н и т а. Мне надо идти. Мама, контейнер, цветы.

К р и с т а. «Дорогая дочка! Мы не успели понять друга друга... но, как бы то ни было, я пытался».

Н и т а (*после паузы*). И все?

К р и с т а. Все.

Н и т а (*после паузы*). К маме-то хоть зайди перед отъездом. Может, сумеешь раздобыть ей кошку. Я пыталась, но ей непременно подавай целиком черную. Чтобы тебе ни белых лапок, ни единой белой волосинки.

К р и с т а. Перестань волноваться. С мамой будет все в порядке.

Н и т а. Привет Парижу. А Хенрик?

К р и с т а. Оконченная глава.

Н и т а. Может, и к лучшему.

К р и с т а. Пока, Нита. Привет семейству.

Нита уходит. Появляется Йонна.

«Мамуля, привет тебе и Старому свету! Ношусь с фотоаппаратом по Манхэттену. От Нью-Йорка дух вон. Рядом с небоскребом чувствуешь себя пылинкой. Но какой ритм! Твоя Йонна на седьмом небе, а завтра отправляется дальше, в Ки Вест. Keep a stiff upperlip, как говорил Хемингуэй. На шведско-далекарлийском это будет, скорее всего, «выше голову». Love, Йонна».

Йонна исчезает.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 8

Другой день. Криста идет в спальню, срывает простыни с кровати, вытаскивает чемодан, начинает укладывать вещи. Останавливается. Берет ружье, заряжает четыремя патронами.

К р и с т а (спокойно). Остались лишь кое-какие практические дела. До отъезда я должна убить тебя. Четырьмя выстрелами. Одним – твой голос. Вторым – твои глаза. Третьим – твои руки. Четвертым – твой член. Бах. Бах. Бах. Бах. Ты мертв, Хенрик. (*Продолжает укладываться.*) Господи, ну и тяжеленный. Явный перегруз.

Входит Хенрик с багажом, новым портфелем и кларнетом в футляре. Вид у него такой, как будто он прошел через тяжелые испытания.

Х е н р и к. Как тебе мой новый портфель? Вчера купил. Решение было не из легких. А теперь я страшно устал и не отказался бы от рюмочки, прежде чем мы начнем распаковываться. Мужу, который возвращается домой после тяжелого задания, обычно подносят рюмочку. Правда красивый, Криста? Выбрал то, что надо. На всю жизнь хватит...

К р и с т а. Очень элегантный. Только в голове не укладывается, что ты его купил. Настоящий портфель, черт меня подери. Это взаправду, Хенрик?

Х е н р и к. Да. Я люблю тебя, и вот я здесь.

Хенрик вынимает кларнет, начинает играть. Криста приносит чистое постельное белье и идет стелить постель. И вдруг в этот мир и покой врывается телефонный звонок. Криста сначала не знает, брать трубку или нет.

Хенрик. Все позади, Криста.

Криста отвечает, слушает, заканчивает словами «да, я поняла».

Криста. Псинка опять наделал кучу на ковре. Это Эллинор.

Хенрик (*продолжает играть*). Со временем им придется уразуметь, что собаку надо выгуливать и при этом кто-то должен держать поводок.

Криста. Эллинор просила передать, что она сейчас собирается к дежурному ветеринару, чтобы усыпить Псинку. Она дает тебе десять минут на размышление. Либо ты возвращаешься домой, либо забираешь пса.

Хенрик. Ответ отрицательный. Какая изощренность. Папа не только бросил нас, он еще и собаку убил.

Криста. Думаешь, она это сделает?

Хенрик. Понятия не имею. Я знаю ту Эллинор, с которой я жил. Не ту, которую бросил. С этой я только знакомлюсь.

Криста. Позвони и скажи, что заберешь пса.

Хенрик. И что дальше?

Криста. Привезешь его сюда. У меня никогда не было собаки, только книги о собаках. Вообще-то я хотела завести пса, финского шпица. Он как большая собака, но меньше.

Хенрик. Мой Псинка большой и лохматый.

Криста. Я видела на фотографии.

Хенрик. Где перед, а где зад, можно определить, только когда он лает.

Криста. ...постричь и причесать — классный пес будет.

Хенрик (*перестает играть*). Не хочу брать его сюда. Он вечно все опрокидывает своим хвостом, сопит, и от него воняет.

Криста. Уж не от собаки ли ты сбежал ко мне?

Хенрик. Криста, я хочу, чтобы у нас с тобой было спокойно и уютно. Цель жизни не в том, чтобы бегать от одних обязанностей к другим. Нет, как можно меньше обязанностей. Псинки в нашем доме не будет. Помнишь, что я сказал две недели назад? «Я мечтаю о том, что называется покоем».

Криста. Можно кому-нибудь его подарить. Множество людей любят собак, но не имеют средств купить. Завтра дадим объявление.

Хенрик. Больше двух часов его не выдержит никто. Он пишет и какает во всех углах. Возможно, невроз разлуки. Псинку полюбить нелегко. Открой мой новый портфель.

Криста смотрит на часы.

Криста. Но что же нам делать?

Хенрик. Точку надо поставить сейчас, иначе начнется кошмар. Открой же, сказал я. (*Криста открывает портфель, вынимает старую пластинку, их любимую. Хенрик ставит ее на проигрыватель.*) Нашел в антикварном магазине. Ни царапинки. Я мечтаю о нашей кровати.

Криста. Будем спать?

Хенрик берет Кристу на руки и несет в спальню. Становится видна Алис в своей комнате. На ней ночная рубашка, она надевает странную шляпку.

Криста (*выходит с телефонной трубкой в руке. Раздевается, разговаривая с матерью*). Я не слишком поздно, мама?

Алис. Я была в театре. Только-только вошла. Инга Тидблад была просто великолепна. Нет, не Тидблад, она же умерла, другая, но все равно прекрасно.

Криста. Чувствуешь себя нормально?..

Алис. Замечательно. Доктор говорит, что давление высоковато, но он это все время говорит. Йонна прислала открытку из Мексики. Красивая страна. На открытке хорошо видно. Нита звонила из Брюсселя, мальчики и Фредрик здоровы.

Криста. А Нита?

Алис. Она всегда здорова. Когда ты едешь в Париж?

Криста. Я не еду в Париж. Может, попозже, весной, съезжу на недельку. Мама, Хенрик сегодня переехал ко мне.

Алис. Если будет время, посмотри спектакль, Инга Тидблад превосходна.

Криста. Тебе нужна какая-нибудь помощь?

Алис. Нет, милая Нита, все идет своим чередом.

Криста. Мама, это Криста.

Алис. С отъездом Ниты стало как-то пусто. Но она придет весной, и мы поедem в Бьёркудден. Я собираюсь посадить пару-другую кустов смородины. Уже заказала рассаду.

К р и с т а. Но сейчас ведь только февраль.

А л и с. Время идет так быстро. Ты просто не представляешь. Я ничего не успеваю. Завтра ко мне придет моя «хунта». Я как раз разожгла духовку.

К р и с т а. У тебя, я вижу, дел по горло. Ну пока, мама.

А л и с. Позвони перед отъездом в Париж.

К р и с т а. Созвонимся.

Криста исчезает в спальне. Алис кружит по комнате, смотрит в зеркало и жестикулирует. Потом тоже исчезает.

В квартире Кристи смеркает. Из спальни сочится слабый свет. Музыка стихает. Пронзительный звонок в дверь. Выскакивает Криста в халате. Бежит к двери, втаскивает чемодан. Идет в спальню.

К р и с т а. Хенрик, такси с твоим чемоданом. *(Из спальни появляется Хенрик, надевает халат.)*

Х е н р и к. Я не укладывал никакого чемодана. У меня только один, и он здесь.

К р и с т а. Наверное, Эллинор начала генеральную уборку.

Х е н р и к. Прекрасно, значит, она смирилась. Но такой внезапный приступ энергии не в ее духе. *(Открывает чемодан и сразу же захлопывает крышку.)*

К р и с т а. Что там?

Х е н р и к. Ничего.

К р и с т а. Ничего?

Х е н р и к. Всего лишь Псинка.

К р и с т а. Псинка?

Хенрик поднимает крышку, Криста заглядывает в чемодан, отворачивается.

Х е н р и к. С сопроводительной запиской. «Теперь Псинка освобожден от земной жизни. Усыпление стоило 300 крон. Приглашаю платежу. Похоронишь сам. Эллинор».

Криста открывает чемодан, разглядывает собаку.

К р и с т а. Он совсем не уродина, Хенрик.

Х е н р и к. Нет, когда дохлый.

К р и с т а (со слезами в голосе). Разве можно так делать?
Х е н р и к. Закон не запрещает усыплять собак.
К р и с т а. Я чувствую себя виноватой.
Х е н р и к. Не мы же это сделали.
К р и с т а. Но мы способствовали.
Х е н р и к. Одной привязанностью в жизни меньше. Он не страдает.
К р и с т а. Что нам делать с ним? Нельзя же оставлять его в чемодане.
Х е н р и к. Существуют собачьи кладбища. Завтра все устроим. (Запирает чемодан, вытаскивает его из комнаты.) Иди сюда. Поставим пластинку еще раз. Помнишь, ты в лифчик подкладывала вату. Когда я в первый раз обнаружил это, ты покраснела и попросила прощения за обман. И я подумал, что вот это, наверное, самая честная девушка на свете. И у нее самая красивая на свете грудь.
К р и с т а. А теперь у девушки появились седые волосы.
Х е н р и к. Зато у юноши еще нет.
Хенрик и Криста выходят.

СЦЕНА 9

Два месяца спустя. Квартира Кристи сверкает чистотой. Светло и уютно. Возможно, кое-где видны березовые пасхальные ветки. Во всяком случае зима на этот раз уже кончилась. Входит Криста с почтой в руках. Нарядная, посвежевшая.

Й о н н а (Появляется.) «Я в Сиднее...»
К р и с т а. Уже! Когда я говорила с ней на прошлой неделе, она только что приехала в Новую Зеландию.
Й о н н а. «Ужасно было приятно услышать твой голос, потом даже поплакала. Авиабилет жжет карман. Все время дальше и дальше. Может, ищущего того, чего нет. Рая на земле. Места, спокойного и интересного, неиспорченного и цивилизованного. Под каждым кустом по всему миру валяется»

ся банка из-под кока-колы. Возможно, рай просто-напросто дома. Была в степи, видела кенгуру. Малыши сидят в таком мешочке на животе. Премиленькие. Страшно соскучилась по своей кровати. Здорово, что Хенрик переехал к тебе. Присмотри для меня какое-нибудь жилье к моему возвращению. Подробное письмо и фотографии у бабушки. Обнимаю, Йонна».

Йонна исчезает.

К р и с т а. Похоже, она устала путешествовать. В приключении тоже наступают будни. Надо позвонить маме, узнать подробности. Остальная почта в коричневых конвертах. Счета.

Из спальни выходит Хенрик. Он только что принял душ, почти полностью одет.

Х е н р и к. Криста! Никогда не выбрасывай счета. Они возвращаются. На большую сумму. Счастье, что у тебя есть я. Портфель опять куда-то заделался.

К р и с т а (*просматривает почту*). Придется повторить стариковский урок.

Х е н р и к (*повторяет*). Я вошел, крикнул «Криста», ты подошла, я поцеловал тебя, положил портфель сюда. Его здесь нет.

К р и с т а. Может, ты двинул ногой.

Хенрик находит портфель под диваном.

Х е н р и к. Я счастлив, что я мужчина. Я умру первым и избегну жизни без тебя. Но меня беспокоит твоя старость без меня. Начнешь выбрасывать счета. Инкассо и фининспектор выставят тебя на улицу.

К р и с т а. Опять счет за квартиру! Разве мы только что не оплатили? Билеты на Париж надо выкупить сегодня. Иначе заказ снимут. Странно, уже два дня звоню маме, никто не отвечает. Позвонила в Брюссель узнать, не слышала ли Нита чего от мамы, так там тоже никто не отвечает. А что если они все уехали отдыхать, не предупредив меня?

Х е н р и к (*открывает коричневый конверт*). Ты бы об этом обязательно узнала.

К р и с т а. Мы ведь говорим довольно редко. Мама всегда бывает так занята, когда я звоню. И кроме того, у нее на языке одна Нита.

Х е н р и к. Черт подери, каким образом Эллинор умудрилась заплатить сантехнику за починку канализации четыре тысячи крон плюс НДС? С этим и самому можно справиться.

К р и с т а. Ты бы смог.

Х е н р и к. В любом случае должна была спросить меня.

К р и с т а. Ты же не хочешь разговаривать с ней.

Х е н р и к. Я не желаю выслушивать обвинения.

К р и с т а. С мамой же ничего не могло случиться? Как бы то ни было, надо сообщить ей, что мы едем в Париж. Странные отношения, правда? Вместе не бываем, но о поездках друг другу докладываем. «Позвони, когда вернешься». (*Поднимает трубку, набирает номер.*) Занято. Наверняка болтает с Нитой... или с приятельницей. Позвоню попозже.

Х е н р и к. Криста, мне не потянуть.

К р и с т а. Чего тебе не потянуть?

Х е н р и к. Придется опять занимать у тебя деньги.

К р и с т а. Опять.

Х е н р и к. Сантехник... и потом, мальчики едут в горы на Пасху. Я обещал внести свою долю.

К р и с т а. Но у меня остались деньги лишь на квартплату и телефонный счет.

Х е н р и к. Ты кое-что отложила.

К р и с т а. Нет.

Х е н р и к. Да.

К р и с т а. На Париж. Нет. Сколько дерьма я напереводила, только чтобы поехать.

Х е н р и к. Позвоню в банк. Они обожают давать в долг таким, как мы. Дом, правда, заложен-перезаложен, но они знают, что мы согласимся на их ростовщические проценты и будем погашать долг до самой смерти. Аминь. Пожалуйста, занимайте деньги на собственную тюрьму. Проблема решена, Криста.

К р и с т а. Хенрик! (*Пауза.*) А им обязательно жить в этом дорогом доме? И мальчикам во что бы то ни стало нужно снова ехать в горы?

Хенрик. Они обожают горные лыжи.

Криста. За наш счет?

Хенрик. Еще несколько лет, и я свободен от обязательств.

Криста. А обязательства непременно должны обходиться так дорого?

Хенрик. Почему им надо расплачиваться за мое желание жить с тобой? Ты обещала смириться с возложенными на меня обязательствами, обещала поддерживать меня. Разве не так мы договаривались?

Криста. Так.

Хенрик. Я встречаюсь со своими детьми в кафе. Думаешь, это приятно?

Криста. Пусть приходят сюда.

Хенрик. Я должен радоваться, что они вообще согласны со мной встречаться на нейтральной территории и поболтать о лыжах.

Криста после некоторого колебания приносит деньги.

Криста. Деньги на нашу поездку. Во франках.

Хенрик. Мне очень жаль.

Криста. Поразительно, на что способна подвигнуть человека любовь. Париж никуда не денется.

Хенрик. Может, мы сумеем поехать уже этой осенью.

Криста. И будем во всеоружии.

Хенрик (*целует Кристу в щеку*). Я в суде. (*Выходит.*)

Криста. Только позвоню маме, а потом отключу телефон. Теперь, наверное, успею закончить книгу к лету. Я же все равно знаю, как выглядела Рю дю Темпль в то время. Мне шестнадцать, я только прошла конфирмацию и сразу ускакала в Париж. И вот на Гар дю Норд встречаю его, ему наверняка было столько же лет, сколько папе. Армана ла Пьера. Он угощает меня сигаретой «Галуаз» и предлагает поработать в семье нянкой. Огромная квартира, вечно погруженная в полумрак. У жены не в порядке с нервами. Дети – две болезненные девочки. Арман ла Пьер преподает французский, каждый вечер он возвращается домой с потрепанным тяжелым портфелем. Я встречаю его в холле, у него усталые глаза. «Krista,

comment allez-vous?»¹ Он смотрит на меня, видит меня насквозь, видит все. В то лето я была без ума от Армана ла Пьера. Я хотела его, не закрывала плотно дверь в свою комнату. Слышала его шаги. Но он так ни разу и не вошел. Папа умер. Он был мертв, когда я вернулась из Парижа. Тогда-то я и ушла из дома. Мама, не забывть позвонить маме.

Криста находит сигарету, первый раз в жизни закуривает.

Частые гудки телефона смешиваются с глухими звуками падающих на пол предметов. Алис лежит на полу в своей квартире. Кругом валяются вывалившиеся из хозяйственной сумки консервные банки, постиранное постельное белье. Болтается на шнуре телефонная трубка. Свет гаснет. Вой сирены «скорой».

СЦЕНА 10

Больница. Алис в кровати. Рядом с кроватью сидит Нита. Криста в пальто стоит чуть в стороне с Мартином.

М а р т и н. Абсолютно нормальная фрактура. У молодых срывается за восемь недель. (*Пауза.*) Кроме того, у Алис был удар, поэтому у нее парализована правая сторона. Возможно, это случилось до падения, или же после, как результат шока.

К р и с т а. Она поправится?

М а р т и н. Если ничего не помешает. Для старого организма это тяжелое потрясение.

К р и с т а. Мама не старая. Ей всего семьдесят пять. В наши дни люди живут до девяноста.

М а р т и н. Хотел бы я знать, принимала ли она лекарство. (*Вынимает из кармана «пищалку».*) Мне нужно возвращаться. Все это грустно. Сплюнем через левое плечо и будем

¹ Как дела, Криста? – франц.

надеяться на лучшее. Выше голову. Твоя мать в надежных руках. *(Выходит.)*

Н и т а *(подходит к Кристе)*. Что ты сделала?

К р и с т а. Ничего.

Н и т а. Вот именно. Ничего. Мама провалялась на полу без сознания, вероятно, целые сутки. Соседей разбудил ночью грохот с верхнего этажа. Мама очнулась, пыталась позвонить, а потом начала стучать в пол консервной банкой.

К р и с т а. Я звонила ей... несколько дней. Никто не отвечал, а потом было занято.

Н и т а. Когда ты видела ее последний раз?

К р и с т а. Я приходила к ней с цветами в день ее рождения.

Н и т а. Больше трех недель назад.

К р и с т а. Я много раз спрашивала ее, не нужно ли ей чего. Она всегда отвечала «нет» и говорила, что у нее масса дел. У некоторых пенсионеров вечно не хватает времени на своих детей.

Н и т а. Ты была поглощена Хенриком.

К р и с т а. А ты Брюсселем. Господи, Нита, я была занята, мама была занята.

Н и т а. Я звонила каждое воскресенье. Все, казалось, было в порядке. Мама говорила, что вы видите, что ты время от времени к ней заглядываешь. Да, не так давно вы вместе обедали в ресторане. Она рассказала, что Хенрик переехал к тебе. Радовалась твоему счастливому виду. У меня там дел было по горло, и мысль о том, что Криста наконец-то осознала свою ответственность, приносила большое облегчение. В общем, сплошная идиллия.

К р и с т а. Похоже, маме было приятнее говорить обо мне, нежели видеть меня.

Н и т а. Только на прошлой неделе она показалась мне какой-то странной. Называла меня Анитой, а тебя Кристиной. Анита, я так даже по паспорту уже не называюсь. Не понимаю я тебя. Нужно быть верным своим корням, а ты делаешь вид, будто их не существует вовсе.

К р и с т а. Я пишу о них.

Н и т а. Пишешь о своей матери, а она в это время лежит без сознания в своей квартире, всеми брошенная.

К р и с т а. Почему ты уехала в Брюссель? Да чтобы тебя не задушили твои корни.

Н и т а. Я уехала туда, чтобы спасти свой брак. *(Пауза.)* Ну а теперь корень умирает. И все проблемы решены. Мама не увидит моего ребенка.

К р и с т а. Ты беременна?

Н и т а. Доктор говорит, мне нельзя волноваться.

К р и с т а. Мама у нас крепкая. Летом в Бьёркуддене будет вязать приданое для твоего младенца. Спорим?

Н и т а. Я обычно выигрывала наши с тобой пари.

К р и с т а. На этот раз моя очередь. Нита, я сделала большую ошибку. Я должна была бы подумать, что папы нет, а ты в Брюсселе. Даже если мама не нуждалась во мне, мне надо было бы самой убедиться, что с ней все в порядке. Пусть это все равно могло бы случиться.

Н и т а. Может, ты была ей нужна.

К р и с т а. Один раз, давным-давно, она мне тоже была нужна.

Н и т а. Я могу остаться, пока не минует кризис. Потом мне надо назад. Фредрику дико тяжело, мальчикам тоже нелегко в новой школе.

К р и с т а. Сейчас мы должны помогать друг другу.

Н и т а. Ты останешься на ночь с мамой или я?

К р и с т а. Лучше ты. Если мама очнется, ей будет приятней увидеть тебя. Сейчас нам надо думать о ее благе. Выдержишь?

Н и т а *(с сомнением)*. Тут есть кровать.

К р и с т а. Я сменю тебя завтра.

Криста оставляет Ниту и Алис.

СЦЕНА 11

Квартира Кристы. Вечер. Криста пишет. Входит Хенрик.

К р и с т а. Еда в холодильнике.

Х е н р и к. Я просто устал.

К р и с т а. Какой трагический конец. Лежать и стучать консервной банкой в пол. Я заходила в ее квартиру сегодня. Все как будто в порядке... и в то же время не совсем. Цветы совсем засохли, а она ведь любила цветы больше, чем людей. Консервные банки! Мама всегда готовила себе еду из натуральных продуктов, варила бульон из костей с мясом, а не из бульонных кубиков. В ванной стоит ящик для кошки. В холодильнике банки с кошачьей едой. А кошки-то она себе не завела.

Х е н р и к. Почему ты сказала «конец»?

К р и с т а. Я так сказала?

Х е н р и к. Да. «Какой трагический конец». Ты хочешь ее смерти?

К р и с т а. Почему ты спрашиваешь?

Х е н р и к. Просто... спрашиваю.

К р и с т а. Когда я была ребенком, я часто об этом думала. Запиралась в туалете и лила слезы из-за того, что якобы осталась без матери. Слезы радости. Но тогда она была великаншей. Нет, я, пожалуй, просто хочу, чтобы все осталось по-прежнему.

Х е н р и к. Алис поистине заслужила еще несколько спокойных лет жизни.

К р и с т а. Мы с тобой умрем вместе.

Х е н р и к. Давай лучше думать о жизни, а не о смерти.

К р и с т а. Я что-нибудь не то сказала?

Х е н р и к. Э, не обращай внимания на мои слова. Просто иногда создается впечатление, что как только жизнь набирает темп, кто-то ставит ей подножку.

К р и с т а (*нюхает ладонь Хенрика*). Ты там принимал душ?

Х е н р и к (*возмущенно*). Смысл с себя вонючую воду из подвала.

К р и с т а. Прости. Большие повреждения?

Х е н р и к. Обнаружил еще две сгнившие доски. Сырость распространяется как болезнь. Скоро сожрет весь дом.

К р и с т а. Теперь ты звонишь мне и говоришь, что придешь поздно. Словно бы роли переменились. Я — жена, а Эллинор — любовница. Интересная мысль, правда? Таким образом я узнаю тебя с обеих сторон.

Х е н р и к. Ты сама настояла, чтобы я занялся этим собственноручно.

К р и с т а. Просто эта мысль показалась мне забавной... чем хуже, тем лучше. Чтобы этого не случилось в действительности.

Х е н р и к. Я там скоро все закончу.

К р и с т а. Это мамина почта.

Х е н р и к. Письмо из Жилищной компании. (*Читает вслух.*) «В связи с непоступлением квартплаты за несколько месяцев, а также нарушением тишины по ночам контракт на съем жилого помещения аннулируется немедленно».

К р и с т а. Какая наглость!

Х е н р и к. «По словам соседей, квартиросъемщица кричала на разные голоса, топала ногами и заводила громкую музыку до трех часов утра».

К р и с т а. Мама?

Х е н р и к. Ты, может, плохо знаешь свою мать. Может, тебе только кажется, что ты ее знаешь. Родственники знают друг друга намного хуже, чем многие думают. Матери самых что ни на есть отъявленных преступников нередко говорят: «Мой сын этого сделать не мог. Он такой уравновешенный и добрый». Сколько еще Алис пробудет в больнице?

К р и с т а. Наверняка долго. Нам с Нитой придется дежурить у нее по очереди, пока не минует кризис.

Х е н р и к. Надеюсь, не вечерами и не ночами.

К р и с т а. Нет...

Х е н р и к (*берет бумаги*). Этим я займусь завтра. Кто знает, возможно, это станет новым этапом в моей робингудовской карьере. Защита выкинутых на улицу пенсионеров от алчных домовладельцев.

К р и с т а. Робин Гуд всегда побеждал.

Х е н р и к. Пойдем спать?

К р и с т а (*после небольшого колебания*). Мне приснился папа. В сапогах по колено он размашисто шагает по болоту. Ружье, собачий лай. Я пыгаюсь поспеть за ним, спотыкаюсь и падаю, во рту привкус крови. В сапогах вода. Намокшие брюки. Нет, это не сон, это воспоминание. Меня взяли охотиться на лосей. У нас с собой припасы. Мне, наверное,

было семь или восемь. А папе, шагавшему впереди семимильными шагами, еще не исполнилось тридцати. Странно, правда?

Хенрик уходит в спальню. Криста берет ружье и внимательно его разглядывает.

СЦЕНА 12

Больничная кровать. Алис лежит, нога на растяжке. Нита пытается напоить ее через трубочку. Входит Криста.

Н и т а. Мама по-прежнему пьет с большим трудом.

К р и с т а (*смотрит на мать с безопасного расстояния*). Надо попросить их снова поставить капельницу.

Н и т а. Да нет, можно и без этого. Было бы терпение. Если как следует постараться. Это как с маленькими детьми, Криста. (*Встает, подходит к Кристе.*) Обещай, что постарайся, иначе меня будет мучить совесть.

К р и с т а. Иди, Нита, пообедай со своими бывшими коллегами. Я же понимаю, как тебе хочется их увидеть.

Н и т а. Я уже три раза меняла дату отлета.

К р и с т а. Ты скучаешь по своей лаборатории. Правда ведь?

Н и т а. Я не пойду обедать.

К р и с т а. Но ты ведь не уедешь... пока не минует кризис?

Н и т а. Кризис миновал.

К р и с т а. Вовсе нет. Пока еще может произойти что угодно. Новый удар. Все что угодно.

Н и т а. Послушай, Криста, по-моему, я понимаю в этом чуть больше, чем ты. Что угодно может случиться с каждым. Но у мамы самый острый кризис миновал. Меня ждут дети.

К р и с т а. Дети! Мальчики уже тебя переросли. Почему бы Фредрику не пошевелить хоть одним пальцем? Хотя его, возможно, не бывает дома ночами.

Н и т а (*обрывает*). Криста! Я устала.

К р и с т а. Прости. (*Пауза.*) Я всегда считала его недостойным тебя.

Н и т а. Он был достоин сестры Кристи. Не того сорта. Мо-

жет, ты права. Он иногда исчезает. Но потом возвращается, ко мне. Думаешь, я такая идиотка, что согласилась бы быть несчастной? Конечно, я тоскую по работе больше, чем представляла себе. Но я сражаюсь за то, чего хочу. Скоро у меня будет ребенок. Снова стану матерью. (Пауза.) Фредрик любит сидеть рядом, когда я кормлю грудью. Поглаживает меня по затылку. И без усталости носит ребенка, пока тот не срыгнет. Надеюсь, у меня родится девочка. У тебя есть дочка.

К р и с т а. А мне бы хотелось сына, как у тебя.

Н и т а. Криста, я хочу тебе что-то сказать. (Пауза.) Мне нравится иметь сестру. Червяк в пакете. Это было ужасно. Твои школьные подружки в нарядных платьях, ты открываешь маленькие пакетики с безделушками, остается лишь один, мой. Утром прошел дождь. Было воскресенье, так ведь?

К р и с т а. Да.

Н и т а. На асфальт выползли дождевые черви, самых разных размеров, один – громадный, великолепный экземпляр. Я тоже купила безделушку за четыре пятьдесят. И вдруг вижу на тротуаре червяка. Я знаю, ты боишься червей, а этот так красиво блестит... Тогда я вынимаю из пакета фарфоровую вазочку и кладу туда червяка. «Обожаю подарки», – говоришь ты, разрывая обертку. Когда ты грохнулась на пол, я подумала: Криста умерла. Вечером папа вклеил мне пощечину.

К р и с т а. Он тебя бил?

Н и т а. Единственный раз. Горело как огонь, но я заслужила.

К р и с т а. Тебе было всего шесть. Гениальная месть.

Н и т а (смотрит на мать). Во всем виновата старая карга.

К р и с т а (после паузы). Ты говоришь о матери?

Н и т а. Да, об одной матери. По имени Алис.

К р и с т а. А вдруг она слышит.

Н и т а. Я никогда в жизни не называла ее «старой каргой», даже когда была подростком. Мне не позволялось сердиться на маму. Только на Крису. Каждый раз, когда мы с тобой мирились, она начинала нервничать. Помнишь? Я превратилась в ябеду.

К р и с т а. Это я тебя окрестила Нитой.

Н и т а. А я тебя Кристой.

К р и с т а (*берет Ниту за руку*). Давай больше не будем ковырять наши болячки.

Н и т а. Пусть шрамы бледнеют. Точка. Приеду, как только смогу. Мама пошла на поправку, скоро начнет говорить, весной – лечебная гимнастика и выздоровление.

К р и с т а. А летом ты забереешь ее в Бьёркудден. Как хорошо, что у нас есть Бьёркудден.

Н и т а (*после паузы*). С Бьёркудденом проблемы, ну, ты ведь знаешь, муниципальные власти и гольф-клуб.

К р и с т а. Хенрик был убежден, что мы выиграем дело. Никто не обязан продавать против воли.

Н и т а. Все образуется. Фредрик все держит под контролем. (*Подходит к Алис.*) Мама, ты меня слышишь? Это Нита. Я уезжаю, мама. Ты поправишься. Я скоро вернусь. Криста о тебе позаботится. (*Уходит.*)

К р и с т а (*кричит*). Сестра! (*Нерешительно подходит к кровати.*) Ты должна попить, мама. Слышишь?

А л и с (*зовет*). Нита!

К р и с т а. Мама, это Криста. Нита уехала, но она скоро вернется. Это здорово, что ты начала говорить, теперь можешь и попить.

А л и с. Нита.

К р и с т а. Сестра!

Криста надевает пальто и уходит.

СЦЕНА 13

Больница. Алис в кровати на заднем плане. Входят Мартин и Криста.

М а р т и н. Ты пыталась проникнуть в операционную, ты что, хочешь погубить пациентов?

К р и с т а. Я хотела проскользнуть незаметно.

М а р т и н. Ты никогда не слышала слово «стерильно»?

К р и с т а. У меня важное дело.

М а р т и н. Что-нибудь с Йонной?

К р и с т а. Маму собираются выписывать из больницы. Мартин, ты должен помешать этому. Она не ходит, нога не работает, рука парализована, говорить не может. Мама все еще больна.

М а р т и н. Это не болезнь, это старость.

К р и с т а. Называй как хочешь. Но ты должен поговорить с врачом и сделать все, чтобы маму оставили в больнице.

М а р т и н. А тебе известно, во что обходится одно такое место?

К р и с т а. Мама его оплатила сполна. Она всю жизнь проработала нянечкой, или как это теперь называется. Сперва раздавала лекарства психам, потом сумасшедшим, а когда их стали величать душевнобольными, ушла на пенсию. Теперь она сама нуждается в помощи. Прежде чем ее выписывать, надо получить место в санатории для выздоравливающих, а, по словам куратора, в такие санатории длинная очередь.

М а р т и н. Ты что, живешь в каком-то своем мире? Я оперирую, продлеваю жизнь. И каждая удачная операция только создает новые проблемы. Нет, это уже не забавно.

К р и с т а. У мамы даже и дома сейчас нет. Хенрик обжаловал выселение. Но это потребует времени.

В квартире Кристи появляется Хенрик, начинает играть на кларнете.

М а р т и н. А до тех пор вы с Хенриком вполне в состоянии о ней позаботиться. Хенрик справится с блеском. Он же хороший.

К р и с т а. Это безумие. Такого не бывает.

М а р т и н. Еще как бывает, ежедневно.

К р и с т а. А я плохая.

М а р т и н. А я просто страшно устал.

К р и с т а. Мартин, мы с мамой не жили под одной крышей с того дня, как мне исполнилось шестнадцать. Я совсем не знаю ее.

М а р т и н. Вот и появится возможность узнать. *(Пауза.)*

К р и с т а. Но я ненавижу ее. А она меня. Я потратила целую

жизнь, чтобы освободиться от нее, я не выдержу ее присутствия в моем доме. Мне надо работать, Мартин, я пишу.

М а р т и н. Успокойся, Криста, возможно, это ненадолго.

К р и с т а. Сделай что-нибудь, иначе я покончу с собой.

М а р т и н. Может, лишь станешь больше.

К р и с т а. Что ты имеешь в виду?

М а р т и н. Больше, чем ты есть.

К р и с т а. Тебе ли это говорить?

М а р т и н. Нет. Просто я увидел возможность для нас, несовершеннолетних, стать на размер больше. *(Пауза.)* Мне пора на обход. *(Подходит к кровати Алис.)* Вы сегодня выглядите молодцом, Алис. Слышал, скоро поедете домой. Здорово, да? *(Выходит.)*

А л и с. Домой, к кошке... и Ните.

СЦЕНА 14

Входит Криста. Хенрик перестает играть.

Х е н р и к. Эта мелодия не такая простая, как кажется. У Пелле в субботу пятидесятилетие, а я еще ее не разучил. Сначала сырость в доме, потом это гражданское дело, нет времени поупражняться.

К р и с т а. Маму выписывают из больницы.

Х е н р и к *(комментируя звучание кларнета)*. Черт, наверно, где-то пропускает.

К р и с т а. Повторяю: маму, мою мать Алис, выписывают из больницы. Ей негде жить.

Х е н р и к. Посмотрим, как пойдет дело с обжалованием.

К р и с т а. Маму выписывают завтра.

Х е н р и к. Они не могут так поступить. Это бесчеловечно. Беспринципно.

К р и с т а. Домой нас привезет «скорая».

Х е н р и к. Домой?

К р и с т а. Да, сюда.

Х е н р и к. Послушай, Криста, общество обязано проявлять

- свою солидарность по отношению к старикам, которые создали эту страну.
- К р и с т а. Раз в день будут приходить помогать.
- Х е н р и к. Мы не можем жить здесь вместе с твоей большой матерью. Слишком тесно.
- К р и с т а. Многие на земле живут гораздо теснее.
- Х е н р и к. Я не выдержу.
- К р и с т а. А что прикажешь делать? Отвезти ее к ветеринару и усыпить?
- Х е н р и к. Давай успокоимся! (*Пауза.*) Поглядим, что получится с обжалованием.
- К р и с т а. Как бы там ни было, а завтра я привожу маму. Надо уметь смотреть на себя в зеркало, как ты любишь говорить.
- Х е н р и к. А как же я? Это и мой дом тоже.
- К р и с т а. За квартиру плачу я. Твои деньги идут на другой дом.
- Х е н р и к. Я этого не вынесу. Не могу жить в больничном запахе. Придется найти что-нибудь на это время.
- К р и с т а. Чего ты не вынесешь, Хенрик, а?
- Х е н р и к. Я боюсь болезней... и смерти. Не выношу даже осенней листвы, Криста. Я все время жил в ожидании, когда же начнется настоящая жизнь, от этих сухих листьев, шуршащих под ногами, я прихожу в панику.
- К р и с т а. «Жизнь» не началась и со мной. Мечта была больше того, что оказалось на самом деле, да?
- Х е н р и к. Криста, я люблю тебя.
- К р и с т а. Конечно, когда все просто. Но что такое любовь? Разве любовь не означает, что и через дерьмо надо уметь идти вместе? Господи, почему я не уехала в Париж. Осталась бы при своих иллюзиях. И не убедилась бы, что ты настоящий Эшли. И только.
- Х е н р и к. Что ты имеешь в виду?
- К р и с т а. ...который, в общем-то, любил свою старую Мелани. И все годы лишь притворялся, будто это не так. Даже перед самим собой. Нет, иллюзии необходимо разрушать. Хорошо, что я теперь знаю.
- Х е н р и к. Мне отвратительно жить за твой счет. Да. Я скучаю по семье. Да. Скучаю...
- К р и с т а (*перывает*). ...по Эллинор. Все будет хорошо, Хенрик. Без сырости и без Псинки. Это будет похоже на покой.

Хенрик. Твоя мечта, наверное, была больше того, что оказалось на самом деле.

Криста. Да, и моя тоже.

Хенрик. По-моему, мы слишком похожи. Оба хотим стоять в стороне и в то же время быть в центре.

Криста. Завтра приезжает мама. Мне надо подготовиться.

Хенрик. Я люблю тебя, Криста. Всегда любил.

Криста. Да, мы действительно любили друг друга. Пока хватало сил. (*Хенрик ищет портфель.*) Портфель под кроватью.

Хенрик. Криста, разреши помочь, чем могу.

Криста. Если мне когда-нибудь понадобится хороший адвокат, я, разумеется, позвоню Хенрику Хольму.

Хенрик. Созвонимся. (*Уходит.*)

СЦЕНА 15

Другой день. Квартира Кристи. Теперь главное место в комнате занимает больничная кровать, на которой лежит Алис. Входит Криста с большим цветочным горшком.

Криста. Я поставлю цветы сюда. Чтобы ты могла на них смотреть. Скоро сама будешь их поливать. (*Приподнимает изголовье кровати, так что Алис оказывается в полусидячем положении.*) Видишь, цветок уже распускается?

Алис. Я хочу домой.

Криста. Сейчас надо поесть. (*Приносит банку с детским питанием. Завязывает салфетку на шее Алис.*) Сегодня у нас без изысков. Рыбное пюре с горошком. Я подержу, а ты ешь.

Алис (*говорит медленно и неразборчиво*). Хочу домой.

Криста. Давай, ешь.

Алис. Я хочу домой.

Криста. Тебе нельзя сейчас домой. Ешь. Ты должна поесть.

Алис. Болит. Нита.

Криста. Скоро дам лекарство. (*Громче.*) Ешь, мама. Надо помогать друг другу. Иначе останешься голодной! (*Пауза.*) Прости.

А л и с (*начинает спокойно есть*). Прости.

К р и с т а. Слушай, мама, что ты там вытворяла ночами, почему кричала? Бродила по комнате и громко разговаривала.

А л и с. Играла спектакль.

К р и с т а. Ты играла спектакль?

А л и с. Инга... Георг... Рюдеберг.

К р и с т а (*после паузы*). Но когда я звонила, у тебя вечно было дел по горло, обеды, хунта, театр?

А л и с. Я только делала вид.

К р и с т а. Делала вид. Зачем?

А л и с (*опускается на подушки*). Я не хотела Кристи.

К р и с т а. Знаю. (*Пауза*.) Ничего, мама. Ничего. Теперь это больше не имеет значения.

Свет убавляется, превращая комнату в пространство, где время остановилось. Тихая музыка. Через какое-то время Кристи встает и выходит. Время идет, время стоит.

Входит Кристи с почтой. Приподнимает мать так, что теперь она сидит в кровати.

К р и с т а. Открытка от Йонны.

Й о н н а. «Я в Бомбее. Невероятное количество людей. Многие живут и умирают прямо на улице, некоторые — богаты до умопомрачения. Останусь здесь на какое-то время, работаем добровольцами в детском доме. Трудно, интересно, важно. Влюбилась в голландца. Почти здорова. Чуток бархлит желудок. Но у меня ведь есть лекарства. Звонить трудно. Привет папе и бабушке. Мои глаза увидели, что мир одновременно замечательный и отвратительный. Йонна». (*Исчезает.*)

К р и с т а. Посмотри, мама, какой громадный город. На фотографии Бомбей выглядит красивым и богатым. Йонна отправила открытку три недели назад. (*Садится, начинает писать.*)

А л и с. Я устала. Болит.

К р и с т а. Ты только что приняла лекарство.

А л и с. Хочу лечь.

К р и с т а. Тебе нужно сидеть, мама. Ты же знаешь, что сказал

Мартин, иначе у тебя опять может быть удар. (*Криста садится поодаль, вяжет. Про себя.*) Сегодня никуда не пойду. Весь день буду дома. Весь вечер. Всю ночь. Вчера я ненадолго ушла, переводить надо было. И ты с твоими пролежнями лежала вся мокрая. (*Матери.*) Красивую открытку прислала Йонна из Бомбея, правда? Музыка слышишь?

А л и с. Сестра!

К р и с т а. Да, да, лекарство через час.

А л и с. Хочу лечь.

К р и с т а. Но мама, я же только что тебя посадила.

А л и с. У меня нет сил... Нита, пожалуйста!

Криста опять укладывает мать.

А л и с (*громко*). Не хочу больше жить.

К р и с т а (*резко*). Перестань, мама. Я делаю все, что могу.

А л и с. Помоги мне. Криста! Я хочу умереть!

Алис неподвижно лежит под одеялом. Криста ходит вокруг кровати, разглядывает мать. Протягивает руку, словно бы пробуя, что она испытает, если задушит Алис. Отходит от кровати.

К р и с т а. Теперь, когда ты наконец назвала меня моим собственным именем, ты хочешь, чтобы я убила тебя. Я старалась изо всех сил, но этого недостаточно. (*Берет ружье, целится в мать.*) Ладно. Я могла бы убить тебя. Только нажать курок. Одна пуля — в твои глаза, которые никогда меня не замечали, вторая пуля — в твое тесное чрево, третья — за наше примирение, четвертая — за наше освобождение. (*Опускает ружье.*) Нет, я слишком сильно тебя люблю... и слишком мало... и слишком сильно... и слишком мало... во веки веков, аминь. Я чудовишно устала. Как хорошо было бы просто поспать.

Криста ставит ружье на место, убегает.

СЦЕНА 16

Еще один день, светлый день.

Мартин проверяет рефлексы Алис. Из туалета доносится звук льющейся из крана воды.

М а р т и н. Хорошо, Алис, молодец.

А л и с. Мне больно, Мартин.

М а р т и н. Я выпишу новое лекарство.

А л и с. Я... Криста устала. Я хочу умереть.

М а р т и н. Скоро лето, Алис. Вы поедете в Бьёркуdden. А сейчас отдохните. *(Встает, нетерпеливо кружит по комнате, поглядывая на дверь уборной.)* Криста, мне пора идти. Выходи! *(Криста выходит.)*

К р и с т а. Извини. Ты уже осмотрел маму?

М а р т и н. Знаешь, меня вечно мучил вопрос: чем ты, собственно, там занимаешься? Вода льется беспрерывно. Ты что, все время умываешься?

К р и с т а. Ничем не занимаюсь.

М а р т и н. Столько времени.

К р и с т а. Смотрюсь в зеркало. Кран должен быть открыт... так всегда было. Я смотрюсь в зеркало и спрашиваю себя, кто я на самом деле, когда я — только я. Просто перевозжу дух... не знаю. Не так-то легко кормить собственную мать. Менять пеленки. Я мою и припудриваю чрево, из которого я появилась на свет. В зеркале я старше, чем мама тогда, когда она была моей мамой.

М а р т и н *(Нежно.)* Ты очень красивая.

К р и с т а. Как поживает юная Беатрис?

М а р т и н. Продолжает жизнь без меня. В семь утра я становлюсь к операционному столу. На прошлой неделе, беря скальпель, я заметил, что у меня дрожит рука. Беатрис была как ты. Ночью ее распирало от желания говорить. Общаться, философствовать, выяснять. Но в те времена я был моложе.

К р и с т а *(нежно.)* Тебе и тогда хотелось спать.

М а р т и н. И ты, слава Богу, начинала злиться и запиралась в туалете, а я пользовался случаем, чтобы вздремнуть.

К р и с т а (*внезапно начинает истерически хохотать*). Извини. Ничего такого забавного ты не сказал, но меня разобрал смех. Значит, ты опять возвращаешься домой. К жене и детям.

М а р т и н. Нет, за это время она успела понять, какое я дерьмо.

К р и с т а (*опять смеется*). Тогда остается одно, Мартин — переехать сюда. Я уже и так по уши в дерьме. Представь, как удивится Йонна. Приезжает домой, а тут мы с тобой под ручку ходим. (*Смеется все более истерически. Мартин обнимает Кристу, оборвав ее смех.*)

М а р т и н. Успокойся... а то икать начнешь.

К р и с т а (*успокаивается*). Вчера я три часа переводила, устно. Жить-то надо. Европа в 2000 году, победа французской революции... такая была тема. Когда я вернулась, мама лежала и кричала от боли. Мартин, мама хочет умереть. У нее был еще один удар, она сплошной комок боли. На днях она умоляла меня освободить ее от жизни. Но я не смогла. Мы должны ей помочь.

М а р т и н (*натянута*). Что ты предлагаешь?

К р и с т а. Почему об этом так трудно говорить? Люди десятками тысяч уничтожают друг друга, а потом устраивают парады победы. (*Пауза.*) Нельзя ли что-нибудь сделать с помощью лекарств?

М а р т и н (*встает*). Давай побережем нашу с тобой совесть. Все остальное можно заменить. Сердце, печень, почки. А с этой треклятой совестью мне жить всю жизнь, а потом, может, придется предьявить ее святому Петру. Или еще хуже — вдруг я там, в конце, встречу с самим собой. Мы с тобой, Криста, не ангелы. И это хорошо, тем осторожнее будем. (*Криста услышала и поняла.*) Я звонил в этот частный санаторий. Они смогут принять Алис после лета в Бьёркуддене. Нельзя заменить совесть, но можно купить себе душевный покой. Так мудро устроена жизнь.

К р и с т а. Нам придется заложить Бьёркудден... или продать.

М а р т и н. Никаких новостей насчет квартиры?..

К р и с т а. У тебя нет крыши над головой?

М а р т и н. Я-то обойдусь. Но скоро возвращается наша дочь.

К р и с т а. Подано обжалование. Вроде бы. Как я скучаю по

Йонне. Она там, в Индии, ухаживает за детьми, а я здесь — за одним из стариков Запада. Мне кажется, что мы с ней вместе, делаем одно и то же. Перестилаем постель, меняем пеленки, кормим. *(Пауза.)*

М а р т и н. Я тоже скучаю по ней. Не забудь взять сегодня новое лекарство. *(Уходит.)*

СЦЕНА 17

Время остановилось в первые жаркие дни. Сумерки в квартире Кристы. Возле кресла валяется вязание. Алис в постели.

Криста ложкой ест прямо из консервной банки. На всем лежит печать упадка. Криста оставляет банку, бежит в туалет, выходит оттуда с кусочком ваты, который она кладет в маленькую коробочку. Подбегает к материной ночной тумбочке, достает что-то и тоже кладет в коробочку.

Входит Нита. С чемоданом.

К р и с т а. Смотри, сегодня у мамы выпал четвертый зуб. Да, я вырвала его, он шатался, она могла им подавиться. Сделала точно так же, как она когда-то. Ниткой. Но без дверной ручки. Меня всегда приводил в ужас вид этой длинной нитки, висящей на ручке закрытой двери. Ждешь и ждешь с ниткой, обвязанной вокруг зуба, потом мама кричит: я иду! и... ой! Правда поразительно, что когда она наконец появлялась, делалось так больно? Может, положить побольше ваты в коробочку?

Н и т а. Криста, прости, что я держалась в стороне.

К р и с т а. Ты должна была приехать на прошлой неделе, я пыталась звонить.

Нита медленно обходит комнату, разглядывая каждую мелочь, потом подходит к матери. Криста неспешно следует за ней.

Н и т а. Мама, я приехала.

А л и с. Криста.

Н и т а. Мама, это Нита.

А л и с. Криста!

К р и с т а. Мама, приехала Нита. Вы вместе поедете в Бьёркудден.

(Ните.) Я уже уложила ее вещи. Она сейчас немного устала.

Н и т е. Я тоже.

К р и с т а. Я так рада, что ты приехала. Пришлось нелегко. Нет, ничего особенного, я тебе дам инструкции. У меня составлены списки на все. Лекарства, еда, процедуры. Мы с тобой потом просмотрим. Правда, удивительно, что теперь я лучше знаю маму? *(Пауза.)* Я дико устала. *(Протягивает консервную банку.)* Проголодалась в дороге? Хочешь пюре из телятины?

Нита качает головой. Криста ставит банку на стол. Нита вынимает наполовину опустошенную бутылку виски, отвинчивает колпачок, протягивает Кристе, которая делает глоток.

Н и т а. Купила на пароме.

К р и с т а. Ты на поезде?

Н и т а *(делает глоток из бутылки, шепотом)*. Криста, я потеряла ребенка. Наверное, было слишком поздно. Все.

К р и с т а. Шептать незачем. Мама живет в своем собственном мире.

Н и т а *(громче)*. Почему больше не существует двойной морали? Чтобы муж обращался со своей женой так же, как и со своей любовницей. Мне было бы так спокойно. Учила бы уроки с мальчиками. Физика на французском — это кое-что. Подруги, сбор одежды, базары. Мы послали две тонны голодающим Северной Африки. Капля в море, но даже капля важна, правда? Сегодня сотни людей будут спать под открытым небом, накрывшись нашими одеялами. Мне было бы так спокойно. Эта его секретарша, она приехала в Брюссель. Ситуация обострилась до предела, и через три дня Фредрик подал на развод.

К р и с т а *(Криста делает большой глоток, передает бутылку Ните)*. Нам необходимо удержаться на поверхности, Нита. Все образуется. У нас есть Бьёркудден. Вы с мамой поедете туда. Я закажу на утро машину. Осенью придется заложить

Бьёркудден. Я нашла замечательный санаторий для мамы.
Частный.

Н и т а. Глупая гусыня.

К р и с т а (*ошеломленно*). Чего это ты?

Н и т а. Глупая гусыня.

К р и с т а. Это же моя реплика.

Н и т а (*слегка отяняев*). Бьёркуддена больше нет. Мы продали его. Еще в конце зимы. Местные власти давили, хотели купить, Фредрик запутался в каких-то слишком оптимистических делах и сидел в большой луже как раз в те дни, когда мама находилась между жизнью и смертью и... все сосны до единой проданы.

К р и с т а (*абсолютно трезво*). ...и где же деньги?

Н и т а. Finit...Finit¹.

К р и с т а. Убью.

Н и т а. Ошибочка вышла.

К р и с т а (*хватает ружье*). Я тебя пристрелю.

Н и т а. Sa fait rien². Меня обвели вокруг пальца. Как это получилось, я в данный момент понять не способна.

К р и с т а. Ты промотала свое наследство. Я свое сохранила. Коли у тебя имеется ружье, его надо пустить в ход. Я могу убить маму, я могу убить тебя или себя. (*Опускает ружье.*)
Черт подери, Нита, я же собиралась в Париж.

А л и с (*кричит*). Криста!

К р и с т а. Иди к ней.

Н и т а. Она тебя зовет.

К р и с т а. Она зовет меня, она зовет тебя, она зовет кого-то. Все дни и все ночи, до скончания времен. Ну, теперь твоя очередь. Дай ей лекарство на ночь, переверни ее.

Н и т а (*подходит к матери*). Надо что-то придумать.

К р и с т а. Оружие направляют на внешнего врага, написал папа.

Н и т а. Мы ограбим банк. Я куплю новый Бьёркудден. Ты поедешь в Париж. Все проблемы решены.

К р и с т а. Не думаю, что папа бы это одобрил. Помнишь, как мама гладила флаги перед Первым мая.

¹ Конец... Конец – франц.

² Ничего – франц.

Н и т а (*отпивает глоток виски, садится на материну постель*).
Стрелять не будем, только попугаем. Я жду с машиной на улице, тыходишь, стреляешь в потолок, кассир бросает тебе мешок с деньгами, ты выскакиваешь, и мы уезжаем. Если ты согласна войти в банк, я украду машину. Что тыпишешь?

К р и с т а. Защитительную речь. «Мой адвокат Хенрик Хольм безусловно даст ответы на все вопросы. Мотивом были не только деньги, но и кое-что другое. Круг такой круглый, я хотела выйти из него. Я никого не обвиняю. Я обвиняю всех. Где тот принцип, что защищает нас против самих себя и поддерживает в обязанностях, налагаемых жизнью? Нет, я не раскаиваюсь. Все мы живы и можем продолжать свой путь к смерти».

Н и т а. Смерть — это хорошо.

К р и с т а (*откладывает в сторону бумагу и ручку*). Продолжу завтра. Сейчас я слишком устала.

Свет убавляется.

Н и т а. А не вернешь ли что-нибудь красивое про солидарность? Не имеет значения, нам не нужны речи в свою защиту, нам повезет. Я хочу сказать, нас не спапают. Мы как все, хватаем, что можем. (*Пауза.*) Криста, мне надо поспать. (*Ложится рядом с матерью.*)

К р и с т а. Папа говорил, что слово — тоже оружие. Он прав. Но слово можно направить во все стороны.

Н и т а. Мама заснула.

К р и с т а (*укладывается на диване*). Пользуйся случаем. Она скоро проснется.

Н и т а. Завтра что-нибудь придумаем.

К р и с т а. Ага, завтра.

В комнате лежат три женщины. Входит Йонна с рюкзаком, осматривается. Убирает ружье, садится на стул, смотрит на спящих.

Агнета Плейель
ЛЕТНИМИ ВЕЧЕРАМИ

Пьеса в двух действиях
с прологом

Agneta Pleijel
NÅGRA SOMMARKVÄLLAR
PÅ JORDEN

© Перевод со шведского И. Зориной

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мама КАРНА.

Ее дочери:

ГЕРТРУД, учительница.

МАГДА, работает на ТВ.

УЛЬРИКА, актриса.

ФРЕДРИК, служащий, муж Гертруд.

БРУР, журналист, муж Магды.

ТУМАС, писатель, друг Ульрики.

ТАНЯ, дочь Гертруд и Фредрика.

ПРОЛОГ

Действие первое: сцены 1 - 13

Действие второе: сцены 14 - 21

Действие происходит в загородном доме и в городе в наше время.

ПРОЛОГ

Шум моря. Свет падает на пол, освещая Ульрику и Магду. Позади находится Тумас. Эта же мизансцена повторяется в пьесе позже, во втором действии. Наступает тишина.

У л ь р и к а (*тихо*). Меня зовут Ульрика. Женщина рядом со мной – моя сестра, одна из моих сестер. Ее зовут Магдалена. Еще в этот момент в комнате был Тумас.

Т у м а с. Некоторые мгновения врезаются в память. Например, это. Я навсегда запомню картину: две женщины, одна подле другой. Издалека доносится шум моря. Время на миг остановилось.

М а г д а. Случается, что темные, непонятные моменты в твоей жизни вдруг проясняются и становятся прозрачными, как вода. И понимаешь, что от твоего следующего шага зависит вся жизнь. Таким было это мгновение для них. И для меня.

У л ь р и к а. Давайте расскажем друг другу все сначала.

Т у м а с (*поворачиваясь*). Давайте!

Магда зажигает сигарету.

Т у м а с (*Ульрике*). Это было прошлым летом. Ты собиралась провести отпуск с родственниками в загородном доме. Я поехал с тобой. Мы познакомились не так давно, может быть, год назад. Однажды, в самом начале отпуска, я сидел и писал, ты пришла ко мне. Может быть, начнем с этого момента? Ты сказала, что хочешь, чтобы мы жили вместе. Что хочешь ребенка. Вот с этого момента и стоит начать.

Ульрика закрывает лицо руками. Тумас замолкает. Они замирают. Музыка – словно слабые удары сердца.

М а г д а (*протягивает Ульрике сигарету*). Улли, мне пора.

Ульрика медленно берет сигарету. Магда уходит. Ульрика курит. К ней подходит Тумас, встает позади нее. Помедлив, она вдруг протягивает ему сигарету. Он берет. Звуки ударов сердца усиливаются. Картина меркнет. Снова слышен шум моря.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

За городом.

СЦЕНА 1

Свет падает поверх кресел. Солнечно. Гертруд, Брур, Фредрик, Ульрика загорают с закрытыми глазами. Карна вяжет. Таня лежит на резиновом матрасе, слушая плейер. Чуть поодаль стоит Магда со скрипкой, рядом с нею пюпитр с нотами. Она углубляется в ноты, дирижируя смычком и кивая головой в такт мелодии, которую поет про себя. С другой стороны сидит за пишущей машинкой Тумас.

Г е р т р у д. Какой день! Солнце все-таки выглянуло!

К а р н а (*помедлив*). Скорее всего, ненадолго.

У л ь р и к а. Ах, мама.

К а р н а. Я только повторила то, что сказали в сводке погоды.

Г е р т р у д. Вот мы и собрались все вместе в нашем загородном доме после стольких лет! Снова чувствуешь себя как в детстве.

Магда пробует смычок.

К а р н а. Надеюсь, ты не собираешься снова играть?

Магда хватает пюпитр и уходит. Карна виновато смотрит ей вслед.

Б р у р (*не открывая глаз*). Что будет на обед, Фредде?

Ф р е д р и к (*в полудреме*). Ммммм...

Т а н я. Папа, ты не подвезешь меня к парому? Я хочу сегодня вечером быть в городе.

Г е р т р у д. Он спит. Я отвезу тебя, раз уж тебе приспичило.

Т а н я (*встает, потягивается*). Хорошо. (*Уходит.*)

Остальные загорают молча. Через некоторое время встает Ульрика, надевает халат и подходит к Тумасу. Свет убавляется.

СЦЕНА 2

Ульрика входит в комнату Тумаса, работающего за пишущей машинкой.

Ульрика. Помешала?

Тумас (*удовлетворенно*). Да, продолжай в том же духе.

Ульрика (*садится к нему на колени*). Понравилось тебе мое семейство?

Тумас. Конечно.

Ульрика. Глупый вопрос. Что ты пишешь?

Тумас. Тебе интересно?

Ульрика. Еще бы.

Тумас. Только что я искал подходящие слова, чтобы описать свет, проникающий сквозь кружево гардин. Как вон там.

Ульрика. Это стихотворение?

Тумас. Луч света, пронизывающий темноту, шторы, чуть колышущиеся от летнего ветерка... Это просто разминка. (*Встает, разминает пальцы*).

Ульрика. Красиво.

Тумас. Да.

Ульрика. Иногда я задумываюсь... можно ли любить, не понимая друг друга?

Тумас. Не исключено, что любишь как раз то, чего не понимаешь.

Ульрика. Я хочу кое-что тебе сказать, пока отпуск не кончился.

Тумас. Да?

Ульрика. Странно. У меня сердце заколотилось.

Тумас. Не бойся. Говори, что там у тебя.

Ульрика. Тумас. Мне так хочется... Мне бы ужасно хотелось иметь ребенка.

Тумас (*после короткой паузы*). Сейчас?

Ульрика (*улыбаясь*). О'кей. Забудь о том, что я сказала. Поговорим о чем-нибудь другом.

Тумас. Но это так неожиданно!

Ульрика. Правда?

Тумас. Я хочу сказать... Мне страшно хочется написать книгу, я столько времени откладывал эту работу.

У л ь р и к а. Я знаю. Я тоже этого хочу.

Т у м а с. И потом... (*Быстро.*) Господи, опять пойдут пеленки...

Ты — та женщина, которую я чертовски долго искал!

У л ь р и к а. В самом деле?

Т у м а с (*после короткой паузы*). Ты должна дать мне какое-то время.

У л ь р и к а. У меня осталось его не так уж много.

Т у м а с. Не говори глупости!

У л ь р и к а. Почему глупости? Мне почти сорок, а ребенка нет.

И скоро будет поздно его заводить.

Т у м а с. Глупости.

У л ь р и к а. Ты так думаешь?

Т у м а с. Послушай. У меня двое детей, которых я почти не вижу.

Слава богу, история с разводом закончена, но детям едва разрешают видеться со мною. И что я им скажу? Они подумают, что я променял их на кого-то другого!

У л ь р и к а. А разве это не так?

Т у м а с. Но не детей!

У л ь р и к а. Не говори больше ничего. Подумай. (*Пауза.*) Было время, когда я смертельно боялась забеременеть. Мне хотелось многого добиться в жизни. Приносить пользу обществу, изменить мир. Я ходила на демонстрации, раздавала листовки, писала воззвания. Сделала аборт. Я хотела совершенствоваться, получить специальность, хотела стать хорошей актрисой. И снова сделала аборт. Я хотела быть свободной, сильной, равноправной. Может быть, в глубине души я просто боялась. И забеременела снова. На этот раз обошлось без аборта, был выкидыш. Я приказала себе не плакать. И решила работать еще больше! Но в конце концов наступает момент, когда больше нельзя откладывать свою жизнь. Она близится к закату. Я хочу ребенка.

Т у м а с. Ульрика. Маленькая Улли. Я прошу у тебя не так уж много. Всего лишь капельку времени.

Ульрика кивает, уходит. Свет гаснет над Ульрикой и Тумасом, загораясь над остальными: Карной, Фредриком, который готовит еду, и Гертруд. Слышны плеск волн и скрипка Магды.

СЦЕНА 3

Фредрик готовит ужин. Доносятся слабые звуки скрипки.

К а р н а. Прошлым летом! Что произошло прошлым летом? Какие события? Вы думаете, я могу вспомнить? Я, наверно, всем мешала, как всегда. О, они очень добры ко мне, правда, очень добры, но я же понимаю, что от меня больше никому нет никакого проку. Я беспокоилась за Магду. Да, беспокоилась. Мне всегда становится тревожно, когда она играет на скрипке. Хотя она так красиво играет, но я нервничаю, я так же нервничала, когда Магда была маленькой девочкой, потому что она всегда казалась мне несчастной, когда играла на скрипке. Я беспокоилась за Магду, потому что знала, что у нее не ладится с Бруром.

Звуки скрипки усиливаются.

СЦЕНА 4

Карна возвращается к Фредрику и садится рядом. Звуки скрипки резко обрываются.

К а р н а. О, как хорошо!

Ф р е д р и к. Подай мне, пожалуйста, нож.

К а р н а (*ищет нож*). Почему Брур еще не вернулся из города, ведь уже поздно!

Т у м а с (*входит*). Чем помочь?

Ф р е д р и к. Можешь накрывать на стол через минуту.

К а р н а. Нет. Накрывать на стол моя обязанность.

Ф р е д р и к. Ты случайно не села на прихватки?

К а р н а (*шаря рукой под собою*). Смотрите-ка. Что упало, то пропало. Так раньше говорили, когда что-нибудь пропало. (*Осматривается.*) Так и случилось.

Т у м а с. О чем это ты?

К а р н а. О чувствах! О горестях, о печали!

Фредрик. Ах, об этом!

Карна. Знаете, когда я приехала сюда в первый раз? В тридцатых годах. У Севеда, это дед девочек, здесь была своя столярная мастерская, и Эстер еще была жива, она, помню, сказала, что рада тому, что я стану ее невесткой. Господи, и куда только улечивается жизнь?! Я как раз повесила новые занавески на кухне, и вдруг нахожу у Гуннара в кармане письмо. Тут-то все и прояснилось. А та другая, я имею в виду Луиз, — первое, что она сделала, когда появилась в доме, сняла мои занавески и повесила вот эти, что висят сейчас. Мне не позволили даже зайти сюда и забрать свои вещи. Да и девочек здесь больше не привечали. Ее дети спали в их кроватках. Какой позор — после двадцати лет брака и трех совместно нажитых детей он ни разу, ни разу не пожелал поговорить со мной о прошлом. *(Входит Ульрика. Обнимает Тумаса за шею.)* За все эти годы он так и не осмелился встретиться со мной, даже о девочках говорить не хотел. Нельзя разводиться, не помирившись сначала. Иначе на душе остается одна горечь, а тогда как приспособиться, куда деваться, в конце концов становишься таким несносным, что никто с тобой не хочет иметь никаких дел. Вот я и угодила в психбольницу, а как же? Что было с девочками, пока я там находилась, не знаю, только Гуннар, как обычно, ничем не помог.

Ульрика. Мама, в то время одна я еще жила дома. Остальные уже разъехались.

Карна. Ах вот как, я ведь ничего не помню.

Ульрика. Прошло двадцать пять лет.

Карна. В той больнице, мне, наверно, сделали лоботомию. С тех пор все как в тумане. Ты мерзнешь?

Ульрика. Немного. Похолодало.

Карна. Надень что-нибудь! Хотя бы кофту! Как можно помириться с человеком, если он исчез! Не объявлять же розыск по радио: вернись, давай помиримся! Я не говорю, что он должен был вернуться ко мне. Этого еще не хватало! Просто встретиться со мной хоть разок, пока мы живы. Посмотреть друг другу в глаза и сказать: не все было только ошибкой, у нас хорошие, умные девочки... Знаешь ли, че-

- ловеческая жизнь все-таки кое-что значит. Нельзя видеть в прошлом одну ошибку, перечеркнуть все и забыть.
- У л ь р и к а. То, что причиняет боль, может, и нужно в конце концов перечеркнуть и забыть!
- К а р н а. Забыть, забыть, конечно, теперь считается, что лучше все забыть. Что произошло позавчера, сегодня не имеет никакого значения. И все же вы, молодые, старайтесь не копить в себе горечь, разбирайтесь со всеми недоразумениями сразу, пока еще можно. Не хороните их в себе. Слышишь, Фредрик?
- Ф р е д р и к. Слышу, слышу, но где все? Обед готов, куда все подевались? Где Гертруд? *(Появляется Брур, одет по-городскому, выглядит уставшим.)* Привет, Брур. Какие новости с большой земли?
- Б р у р *(бросает ему газету «Афтонбладет»)*. Скандал в королевском семействе. Новые исследования нашего сексуального поведения. Ничего интересного для тебя. Давай выпьем перед ужином, я угощаю. *(Уходит.)*
- Ф р е д р и к. Поторопись, ужин готов. У тебя не найдется сигаретки, Улли?
- К а р н а. Пойду накрою на стол. *(Она уходит. Снова звучит скрипка Магды.)* Вот, слышите? Опять.
- Ф р е д р и к *(берет сигарету)*. Спасибо. Что это с тобой, ты побледнела.
- У л ь р и к а. Мне холодно.
- Ф р е д р и к *(смотрит на сигарету, прячет ее в карман)*. Осень начинается.
- У л ь р и к а. Просто у меня начались месячные.
- Г е р т р у д *(входит, тяжело дыша, с хозяйственной сумкой)*. Привет!
- Ф р е д р и к. Ага, вот и ты... где была?
- Г е р т р у д *(пробует еду)*. Ты же сказал, что нет пива. Магда обещала съездить, но убежала в лес пилить на своей чертовой скрипке, так что пришлось мне... соли не хватает *(собирается посолить)*.
- Ф р е д р и к *(бросается, чтоб помешать ей)*. Нет, черт возьми!
- Г е р т р у д *(вынимает пиво)*. Вот! Хотела бы я знать, что с ней происходит, или она пьяная, или сумасшедшая, или и то и другое, только ей на все наплевать!

Т у м а с. Ну, это тыхватила через край!

Г е р т р у д. Да? Ну, не знаю, наверно, я ничего не понимаю, но ей же действительно на все наплевать!

У л ь р и к а. Не сердись. Тумасу просто показалось, что ты злишься.

Г е р т р у д. Злось? Таня весь день присматривала за ее детьми, а меня называют злой, потому что я жалею малышей. А, извините, я знаю, теперь не модно заботиться о детях.

К а р н а (*возвращается*). Может, кто-нибудь ходит за ней? Где Брур?

Ф р е д р и к. Так. Пошли за стол.

У л ь р и к а. Модно. Что ты хочешь этим сказать?

Г е р т р у д. Я хочу сказать, что, если нет детей, как у тебя, например, то в голове совсем другое. А когда четверо собственных, как у меня, да еще орава детишек в школе, то думаешь только о них.

Скрипка замолкает.

К а р н а. Что происходит? Надеюсь, вы не ссоритесь?

У л ь р и к а. Вот как. И что же, по-твоему, у меня в голове?

Г е р т р у д (*взрываясь*). Почему мне знать! Высшие материи, я думаю! Искусство! Разные интересные мысли о жизни! Откуда я знаю! Но мне известно одно: когда детей нет, свободного времени уйма!

У л ь р и к а. Понимаю! А у тебя, бедняжки, в жизни ни на что времени не было, вот ты и стала глупой гусыней!

Она исчезает. Появляется Брур с бутылкой виски. Тумас собирается последовать за Ульрикой, но его останавливает Брур, протягивает ему бутылку.

Б р у р. Нет уж, я угощаю!

Г е р т р у д. Чего это она взвилась?

К а р н а. Поди, приведи Магду, Брур. А то она все играет и играет.

Б р у р. Не могу больше этого слышать. Давай лучше выпьем виски.

Т а н я (*входит*). Скоро будем есть?

Г е р т р у д. Может быть, я погорячилась.

Фредрик (*берет чугунок*). Ты устала и проголодалась. Давайте за стол. Виски можно выпить на веранде. (*Уходит.*)

Карна. Гертруд, пусть кто-нибудь сходит за Магдой.

Таня. Я голодна, как зверь! Давайте же ужинать! (*Уходит.*)

Карна. Брур.

Брур. Но я не хочу идти за Магдой. Я хочу пить и веселиться! Пойдем. (*Он берет бутылку из рук Тумаса и уходит.*)

Карна. Но кто-то же должен... не может же она оставаться одна в темноте!

Тумас. Я схожу за Магдой. Но сперва позову Ульрику.

Карна с благодарностью хлопывает его по руке, уходит.

Гертруд (*к Тумасу*). Просто сумасшедший дом. Я, может быть, чересчур погорячилась, я не хотела. Сходи за Магдой. А я позову Ульрику. Хорошо?

Расходятся в разные стороны.

СЦЕНА 5

Свет задерживается на уходящей Гертруд. Она останавливается.

Гертруд. Это было прошлым летом. Если рассказывать о том, что случилось, то начинать нужно отсюда. Что я могу сказать? Сумасшедший дом! Я сто раз говорила это Фредрику, моему мужу. Разве не так?

Фредрик. Так.

Гертруд. Обо всем заботились только ты да я. Дети, мама, готовка, Магда... И кому только пришла в голову эта идиотская мысль собраться в загородном доме всем в одно время?

Фредрик. Тебе.

Гертруд. Да, действительно. Мне так хотелось, чтобы мы собрались все вместе, как в детстве... Фредрик, почему ты не сказал мне, что это была идиотская затея?

Фредрик. Я говорил.

Гертруд прикусывает губу и кивает. Пока она говорит, свет, падавший на Фредрика, гаснет.

Г е р т р у д. Стало быть, прошлым летом. Я пошла попросить у Ульрики прощения, хотя ничего такого ей не сделала.

Она уходит. Свет высвечивает Тумаса.

СЦЕНА 6

Побережье. Магда стоит со скрипкой и смотрит на воду. В руке у нее бутылка вина. Появляется Тумас. Стемнело.

Т у м а с (*мягко*). Магда. Магдалена.

М а г д а. Ты напугал меня. Зачем ты пришел? Сообщить, что ужин готов? Так вот, я тебе хочу сказать...

Т у м а с. ...что ты не хочешь есть.

М а г д а. Что же ты молчишь? Скажи мне, что...

Т у м а с. ...не нужно убегать со скрипкой в темноту совершенно одной...

М а г д а. Потому что мама беспокоится и Гертруд недовольна...

Т у м а с (*перебивая*). Вот именно.

М а г д а. Нельзя волновать маму, и Гертруд, и Фредрика, и Таню...

Брур приехал?

Т у м а с. Да.

М а г д а. Что он делает?

Т у м а с. Твой муж? Пьет виски.

М а г д а. Послушай. Скажи маме, что я прекрасно себя чувствую, что я не голодна и что просто хочу поупражняться на скрипке. Идет?

Т у м а с. Нет.

М а г д а. Нет?

Т у м а с (*садится*). Нет.

М а г д а. Ты что, не читал декларацию ООН о правах человека?

Т у м а с. Нет.

М а г д а (*со знанием дела настраивает скрипку*). Так вот, там говорится, что каждый индивидуум рожден свободным и

имеет право иногда побыть в покое и одиночестве, по крайней мере за городом в четверг вечером. Я скоро присоединюсь к вам. Но сейчас мне не хочется сидеть за обеденным столом рядом с Бруром. Очень мило с твоей стороны, что ты пришел за мной, но я хочу побыть одна.

Т у м а с. Можно я посижу здесь пару минут?

М а г д а. Ты что, поссорился с Ульрикой? Ах, извини, это я поссорилась с Бруром. Мягко говоря. Весь дом подняли на ноги...

Т у м а с. Да, и меня тоже.

М а г д а. А что ты сказал, когда мы увиделись сегодня утром? Доброе утро, Магда, хорошо ли ты спала? *(Делает несколько шагов.)* Все рассыпалось на части. Этот дом, в который мы снова приехали, рассыпался давным-давно. И мама, и папа. Теперь настала моя очередь. Я не хочу, чтобы и мои дети... Господи!

Т у м а с. При чем тут твои дети?

М а г д а. Мы с Бруром разводимся. Но я не хочу об этом говорить.

Т у м а с. Я пойду. Мне нравится, когда ты играешь.

М а г д а *(другим тоном)*. Играла, когда была маленькой. Зачем я бросила? Теперь уже поздно об этом говорить. Гналась за работой, как все, чтобы обеспечить себя, быть независимой. И вот сижу на телевидении и варганю музыкальные отрывки, заполняя паузы в программах. Потом прихожу домой, валясь с ног от усталости, и, естественно, ругаюсь с Бруром. Телевизор орет, дети кричат, и нет ни минуты покоя, какая уж тут скрипка!

Т у м а с. Искусство, что это такое? Недуг, невозможность выразить правду, свою правду? Но...

М а г д а. Но?

Т у м а с. Играй, Магда! Не сдавайся!..

М а г д а. ...но? Ты сказал «но»...

Т у м а с. Ты такая красивая.

М а г д а. Правда?

Т у м а с. Да.

Они стоят рядом. Целуются. За ними возникает Брур. Он наблюдает.

М а г д а. Иди. А то скоро Брур за мной явится.

Т у м а с. Он пьет виски.
М а г д а. Значит, скоро придет.

Тумас снова обнимает ее. Их губы сближаются.

Б р у р (*держит бутылку виски*). Не обращайтесь на меня внимания.
Целуйтесь! А я посмотрю.

М а г д а (*после короткой паузы*). Убирайся.

Б р у р (*нежно*). Сегодня утром ты говорила иначе, крошка
Магдалена.

М а г д а. Нет, так же.

Б р у р. Ты отвергла меня. Это так.

М а г д а. В самом деле? А тебе бы хотелось получить все, чтобы
от меня ничего не осталось!

Б р у р. А что в тебе есть такого особенного, что ты прибега-
ешь для себя?

М а г д а. Прекрати.

Б р у р. Я ищу. Я все время ищу. Но ты прячешь это особенное
для себя. Знаешь, Тумас, у нее есть что-то особенное. Вот
только что?

М а г д а. Ты пьян!

Б р у р. Я трезв, как стеклышко.

М а г д а. Уходи, Брур.

Б р у р. Кто ты такая? Кто ты, крошка Магдалена? Ответь мне!
Разумеется, я тебе не пара. Я всего лишь пожилой журна-
листика из вечерней газеты, который крутится до седьмо-
гота в погоне за карьерой, а все ради чего?

М а г д а (*встает*). Во всяком случае, не ради меня! И кончено.
(*Убегает.*)

Б р у р (*кричит ей вслед*). Кончено? Конца не будет никогда, моя
дорогая крошка Магдалена! У тебя не хватит духу остаться
одной! И никто, кроме меня, тебя не вынесет!

Тумас и Брур остаются одни. Брур отпивает из бутылки.

Т у м а с. Я поцеловал твою жену.

Б р у р. Ага. Я заметил.

Т у м а с. Это было прекрасно.

Б р у р. А это наверняка заметила Магда.

Свет над ними гаснет.

СЦЕНА 7

Таня надувает матрас. Может быть, у нее виден выпирающий живот, может, нет. Как бы то ни было, она надувает матрас.

Т а н я. Прошлым летом? Прошлым летом ничего особенного не произошло. Все сидели на берегу и болтали. Было довольно тоскливо. Я не могла найти работу... В то лето у меня был парень, Шамир, его отец родом из Туниса. Потом мы расстались. В июле или августе. Мне понравился новый парень Ульрики. Наверно, потому, что он чего-то хотел. Это было видно. Меня так и подмывало спросить его, чего именно. Потому что я не замечала раньше, чтобы кто-нибудь чего-нибудь хотел. Жизнь-то у человека одна! Они сидели на берегу и болтали, а я слушала, но, по-моему, умнее не стала. Во всяком случае, от их разговоров. Особенно мне запомнился один вечер. Тумас заплыл за красный буюк, а когда вышел из воды, Ульрика сказала ему: «Привет, мой Одиссей!» Мне пришлось рыться в библиотеке, потому что не могла же я спросить, кто такой Одиссей.

СЦЕНА 8

Берег. Солнце. Раскладные кресла, надувные матрасы. Тумас в плавках выходит из воды. Таня, лежа на надувном матрасе с газетами и плеером, поднимает голову.

У л ь р и к а. Привет, мой Одиссей.

Б р у р (помедлив, берет полотенце). Одиссей?

К а р н а (отрываясь от вязания). Ты что, не знаешь, кто такой Одиссей?

Ф р е д р и к. Конечно знает, он же работает в вечерней газете.

Известный греческий морской капитан, женатый на итальянской оперной певице.

М а г д а (*встревает*). Одиссей? Это был Орестей! Брур, конечно, знает.

К а р н а. Орестей! Не так ли звали мужа Марии Каллас – Орестес? Брур, скажи!

Б р у р. Нет.

К а р н а. А как его звали?

Б р у р. Какое это имеет значение?

К а р н а. Но мне интересно. Гертруд!

Г е р т р у д. Онассис, мама.

К а р н а. Онассис? Онассис был женат на Жаклин Кеннеди.

Т а н я. Боже, что вы несете!

М а г д а. А ты знаешь, кто такой Одиссей, Таня?

Т а н я. Я читаю!

Ф р е д р и к. А кто такой Онассис, знаешь?

Т а н я. Ты что, не слышал? Я читаю!

К а р н а (*после печального раздумья*). Никто из нас ничего не знает.

Б р у р. Какое это имеет значение?

Г е р т р у д (*после минутной паузы*). Как хорошо, что сегодня такая прекрасная погода! Противно, когда все время идет дождь, как на прошлой неделе. Как бы то ни было, по моему, здорово, что мы все сумели собраться, в кои-то веки. Странно только, что детей нет... дети выросли. Такое странное ощущение.

Т а н я. Я же здесь.

Г е р т р у д. Да, но ты тоже уже взрослая. Более или менее. Странное ощущение, правда, Фредрик?

Ф р е д р и к. По-моему, прекрасное.

Г е р т р у д. Ты так считаешь?

Ф р е д р и к (*к Тане*). С каким черномазым у тебя сегодня вечером в городе свиданка?

Таня поворачивается к нему спиной. Молчит.

Г е р т р у д. Наслаждайтесь! Подумайте, как нам повезло с погодой! Только представьте себе, каково здесь будет зимой!

Т у м а с. Трудно себе это представить, когда такая жара. Работать невозможно.

Фредрик. Чертовски здорово, что мне этого не надо делать!
Рыба, наверно, скоро будет готова.

Ульрика. Забавно слушать, что говорят люди, чтобы не сказать то, что думают. Например, говорят «прекрасная погода», а имеют в виду «убирайся к черту» или «обними меня». В театре это называется подтекстом.

Фредрик. В театре вообще странное представление о людях.
Гертруд. Я тоже так думаю. Я сказала лишь, что, по-моему, погода прекрасная.

Брур. Надеюсь, вы не говорите гадости об актерах? Я обожаю театр! Частенько хожу на спектакли, чтобы отвлечься от редакционного ада. Актеры выходят на сцену и говорят все, что мне необходимо знать. Как мне жить, как любить, за кого голосовать... Им все известно. Если же я не внимаю им должным образом, они переходят в открытое наступление, бросаются на меня и дергают за волосы... требуют необходимой реакции. Я пугаюсь до смерти. Чего им от меня в конце концов нужно, почему они думают, что знают обо всем лучше меня?!

Ульрика. Да ну тебя, Брур!

Брур. Ты обо всем знаешь лучше меня.

Карна. А тебя это задевает?

Магда. Брур просто завидует.

Брур. Да, я, черт возьми, завидую. Ведь никто не платит, чтобы посмотреть на меня. А мои чувства, между тем, все время на виду!

Фредрик. Порой заплатишь, чтобы только этого не видеть.

Магда (*весело*). Спасибо!

Карна. Не ссорьтесь, ведь нам так хорошо вместе!

Брур. А кто ссорится? Я просто завидую. И ты тоже, Фредде.

Фредрик (*ухмыляется*). Угу.

Ульрика. Чему же ты завидуешь?

Фредрик. Я совсем неинтересный человек. Все так считают.

Брур. Да, это точно.

Фредрик. Выпусти меня на сцену – публика тут же разбежится.

Брур. Верно.

Ульрика. Фантастика! Это надо уметь! Расскажи, как это у тебя получается?

Фредрик (*скромно*). Ну, это просто.

Тумас. Мне тоже интересно.

Фредрик. Неужели?

Тумас. С чего это ты расхвастался, будто ты скучнее всех? Это что, соревнование?

Фредрик (*ухмыляясь*). Добропорядочный служащий среднего ранга, славный малый. Что может быть скучнее? Так, чиновничья душа.

Тумас. Я и не знал, что у чиновников есть душа.

Фредрик. Да, своего рода.

Тумас. Какого именно?

Ульрика. Того, что неожиданно взрывается... как у Отелло! И уж тогда!..

Карна. Отелло? Это тот, который был страшным ревнивцем? Он ведь, кажется, был негр?

Брур (*фыркает*). Чиновник застрелил негра из бутафорского ружья на Эстермальме¹. У нас однажды был такой заголовок!

Карна. Разве он не был негром?

Ульрика. Был, мама, был! Черным, как уголь!

Карна. Мавр! Последний вздох мавра!

Фредрик. Но у меня нет ружья!

Ульрика. А ревность, хоть чуть-чуть?

Фредрик. Боюсь, слишком мало! Пойду взгляну на рыбу.

Магда (*поднимаясь*). Я сама взгляну на твою рыбу.

Ульрика. Вот как, значит, ты недостаточно ревнив. Господи, по-моему, вы ненормальные. А если твоя любимая и верная жена Гертруд изменит тебе, скажем, с Бруром... что ты тогда сделаешь?

Фредрик. С Бруром?

Карна. О чем вы говорите?

Брур. Интересная мысль. А, Гертруд?

Карна. Смотри мне, Брур!

Брур. Вот и Магда так говорит.

Карна. И она права!

Брур (*напрягает мускулы, замирает*). Продолжай, Ульрика.

Ульрика (*внезапно передумывает, что-то увидев*). Я только хотела сказать тебе, Фредрик... А, кончим это.

¹ Аристократический район Стокгольма.

Т у м а с (*не видит*). Нет, продолжай! Почему бы нет. Если Гер-
труд изменит с Бруром – Фредрик...

К а р н а. Она никогда этого не сделает. Правда, Гертруд?

Ф р е д р и к. Тогда я сильно, очень сильно удивлюсь. А ты считаешь, что я должен был бы его застрелить?

Т у м а с. Если задета твоя честь!

Ф р е д р и к (*смеется*). Моя честь?..

Т у м а с. А что, у тебя ее нет? Давай, говори! Мне это необходи-
мо для романа. Как раз наше время, ну, ты понимаешь...
Говори!

Ф р е д р и к. Что бы я сделал? Ну, я бы спросил Гертруд, в чем,
собственно, дело? Что ответила бы она? Что говорят в та-
ких случаях? ...Ах, ничего такого, просто выпили лишнего,
так это обычно бывает. Прости, Гертруд, я не имел в виду
ничего плохого...

У л ь р и к а (*наблюдая*). Фредрик.

Ф р е д р и к. Да, именно так. Извини, Фредрик, сказала бы она,
я не хотела ничего дурного. И тогда я бы ответил: о'кей,
Гертруд, не будем больше об этом говорить, забудем. При-
близительно так. Небогатый материал для твоего романа,
Тумас. Так ведь, Гертруд?

Г е р т р у д. Да, небогатый.

У л ь р и к а. «Так ведь, Гертруд». Разве ты можешь знать, что
скажет Гертруд!

Ф р е д р и к. Думаешь, не могу? Не исключено.

У л ь р и к а. Если она скажет: мы любили друг друга многие годы,
больше нет сил это скрывать. Что ты сделаешь тогда?

Ф р е д р и к. Сильно удивлюсь...

У л ь р и к а. Ясное дело. Как всегда. Ну, а потом?

Ф р е д р и к. А что потом? Ничего.

У л ь р и к а. Ты мог бы заплакать, или выругаться, или бороться
за свою любовь, застрелить его! Или ее!

Ф р е д р и к. У тебя чересчур большие запросы, Ульрика.

К а р н а. Что за странная тема для разговора. Ты не должен
изменять Магде, Брур, и хватит об этом!

Б р у р. С чего ты это взяла, Карна?

Ф р е д р и к. У вас, в мире театра, слишком многого хотят от
нас, обычных людей. Обратитесь лучше к Шекспиру, у его
героев действительно кипят страсти.

К а р н а. Магда очень несчастна, Брур. Ты должен что-то с этим сделать.

Т у м а с. Ты ошибаешься. Мы ничем не отличаемся от шекспировских персонажей. И если мы этого не видим, то только потому, что нет Шекспира, который бы нас изобразил. А тебя, Фредрик, стоило бы изобразить.

Ф р е д р и к. Спасибо.

Б р у р. Только не Фредрика! Напиши лучше обо мне!

Ф р е д р и к. Пойду посмотрю рыбу. Твоя жена вряд ли справится с запеченной рыбой.

Б р у р. Напиши обо мне. Я наделен пороками и страстями. Не хуже Макбета. Милая Гертруд. Не правда ли, жаль, что мы знаем друг друга так долго, что свежесть и новизна ощущений между нами уже утеряна... а то бы... что скажешь?

К а р н а. Бр-р... Стало холодно. *(Уходит.)*

Б р у р. Ну вот, мама ушла. Но что с тобой?

Г е р т р у д *(печально)*. Какого ответа ты ждешь от меня, Брур? Я вдруг почувствовала себя старой. Некрасивой. Толстой. Лето подходит к концу. А все чего-то ждешь.

Б р у р. Никогда не бывает поздно. Во всяком случае, для нас с тобой, Гертруд.

Г е р т р у д *(еще печальней)*. Нет, поздно, и именно для нас с тобой!

Б р у р *(гладит ее по щеке)*. Прелестная пампушечка Гертруд. Тебе не кажется, что нам стоит попробовать, хотя бы для того, чтобы помочь Тумасу с его романом?

Г е р т р у д. Скоро осень. А из меня даже хорошей учительницы не получилось. *(Она встает и уходит.)*

У л ь р и к а *(кричит ей вслед)*. Гертруд!

На мгновение устанавливается тишина. Брур надевает купальный халат.

Т а н я *(наблюдая все это со своего стула)*. Могу я задать один вопрос? Чем, собственно говоря, вы занимаетесь?

Б р у р *(устало)*. С чего ты взяла, что мы чем-то занимаемся, малышка Таня?

Брур уходит. Таня смотрит на Тумаса и Ульрику. Потом берет свой халат и уходит.

СЦЕНА 9

Свет падает на Ульрику и Тумаса. Тумас уходит.

У л ь р и к а. Потом отпуск закончился, все распрощались друг с другом, а Тумас и я остались одни в загородном доме. С моря подул холодом, последние парусники скрылись в фарватере, наступила осень. Деревья пожелтели, в лесу появилось гулкое эхо. Я задала Тумасу вопрос в начале лета. Он не ответил. Я не хотела жить в этом молчании. И уехала. Может быть, это было ошибкой. Но в тот момент мне казалось, что я поступаю правильно.

СЦЕНА 10

Свет падает на Тумаса. Он сидит за машинкой. Рядом с ним на столе лежит бинокль, стоит ваза с завядшей розой. На нем просторный свитер. Он пишет. Ульрика вступает в освещенное пространство. Она тоже одета по-осеннему.

Т у м а с. Вот как. И куда же?

У л ь р и к а. На север.

Т у м а с. На север?

У л ь р и к а. В фильме действие происходит зимой. Экстерьер снимается на севере.

Т у м а с. Далековато.

У л ь р и к а. Зато у тебя будет достаточно времени для работы.

Т у м а с. Ульрика.

У л ь р и к а. Если надумаешь, дай знать.

Т у м а с (*с горечью*). Вот в этом-то и заключается разница между нами. Тебе что-то нужно от меня. Ребенка. А мне нужна только **ты**. А тебе этого мало.

У л ь р и к а. Вовсе нет.

Т у м а с. Нет?

У л ь р и к а. Я расскажу, как обстоит дело, если хочешь. Я женщина, с которой можно работать, можно заниматься любовью. Со мной интересно поговорить и лестно пока-

заться в ресторане. Но я не та женщина, с которой заводят семью и детей. Молчи, не возражай, потому что это так. Увы, ты не первый мужчина в моей жизни. И всегда что-нибудь стояло на моем пути. Жены, дети или работа.

Т у м а с. Ты – лучшее, что было в моей жизни.

У л ь р и к а. Ребенок... Ты первый, с кем я отважилась заговорить об этом. Я словно шла по мостику через поток, шла и молила: Господи, пусть он встретит меня на том берегу. Но тебя там не оказалось.

Т у м а с. Ульрика!

У л ь р и к а. И я споткнулась, я упала. Теперь мне необходимо работать. Поэтому я уезжаю.

Т у м а с. Я стоял на другом берегу. Просто ты меня не заметила.

У л ь р и к а. Прошло целое лето и пол-осени. Я уезжаю.

Т у м а с. Подожди. Давай поговорим.

У л ь р и к а. Не хочу больше ничего слышать. Всегда находится что-то более важное. Твои дети, например! Нет, не хочу больше об этом слышать!

Т у м а с. Ульрика!

Но она уже ушла. Тумас остается один.

СЦЕНА 11

Тумас сидит за столом. На столе бинокль и увядшая роза.

Т у м а с. Уехала! (Возмущенно.) Даже адреса не оставила. Потом пришла открытка с изображением лопаря – извините, саама – с гостиничным адресом и номером телефона в какой-то глухомани. Я не стал звонить. Я смотрел на фарватер перед домом, вода медленно затягивалась корочкой льда, пейзаж постепенно белел, будто погружался в какое-то забвение. (Берет бинокль, смотрит.) В ответ я написал открытку с единственным словом: «Приезжай!» Но Ульрика не приехала. Я работал. Прошло несколько недель, ничего не произошло. Я работал, и никто обо мне не вспомнил.

Б р у р (*входит в зимней одежде*). А я? Ты забыл? Я приехал и помог затащить на берег лодку. И вымыл посуду, которую ты накопил за несколько недель. А ты даже не заметил моей любезности. (*Бросает перчатки на стол.*) Больше того, я собирался сменить воду этой дохлятине, но мне не позволили. (*Хочет взять розу из графина.*)

Т у м а с (*удерживает его*). Оставь ее.

Б р у р. Ее лучшие деньки миновали. О'кей, тогда я сматываюсь. Что ты пишешь? (*Берет лист бумаги со стола.*)

Т у м а с (*пытается забрать листок*). Не смей трогать, черт тебя побери.

Б р у р (*читает*). «Передо мной на столе стоит роза в графине».

Т у м а с. Дай сюда, я тебе говорю!

Б р у р. Заткнись. «Передо мной на столе стоит роза в графине. Вот уже три недели я наблюдаю, как она медленно умирает, совсем как человек. (*Брур замолкает. И вновь начинает читать.*) Но мне не удалось поймать момент смерти».

Т у м а с. Я не люблю, когда читают мои бумаги.

Б р у р. Гордец чертов.

Т у м а с. Это личное.

Б р у р. Личное? Послушай, давай поговорим. Я ведь тоже пишу. Для пятисот тысяч читателей! А что получается? Дерьмо!

Т у м а с. Это твоя работа.

Б р у р. Ты думаешь, мне не хотелось бы написать что-нибудь стоящее вместо этого дерьма?

Т у м а с. Что же именно?

Б р у р. Хотя бы одну правдивую фразу. (*Протягивает лист.*)

Т у м а с (*берет*). Спасибо.

Б р у р. Так нельзя больше жить. Это ясно каждому, у кого есть глаза и сердце. Мы не живем, а умираем. Мы умираем к середине жизни, сами не замечая, как это получается. (*Уходит. Оборачивается, улыбаясь.*) Эта роза — я. Всего хорошего.

Он уходит. Тумас возвращается к машинке.

Т у м а с. И я снова остался один в доме, близилась зима.

Тумас пишет. Звучит музыка.

СЦЕНА 12

Музыка замолкает. Позади Тумаса появляется Таня, веселая, с сумкой. Она широко улыбается.

Т а н я. Привет!

Т у м а с. Таня! Откуда ты взялась?

Т а н я. Из города, само собой, откуда же еще. Я поживу здесь несколько дней, если ты не против.

Т у м а с. Здесь?

Т а н я (*улыбаясь*). А что? Пойду затоплю сауну. (*Уходит.*)

Т у м а с (*кричит ей вслед*). Гертруд и Фредрик знают, что ты здесь?

Т а н я. А! Я устала от них! (*Слышен ее голос.*) Фредрик все время пристает: учишь, учишь! Я уже ходила на тысячу курсов, по моему, хватит. Работа мне все равно не светит. Ничего меня не интересует. Я, наверно, тупая! И они это знают, но делают вид, будто это не так. У них в голове только одно — мое будущее: «Что с тобой будет, что с тобой будет?» А я плевать хотела на будущее.

Т у м а с. Чего же ты хочешь?

Т а н я. Чего хочу? Разве необходимо все время чего-то хотеть? Это противоестественно.

Т у м а с. Фредрик и Гертруд хотят, наверно, чтобы ты могла зарабатывать себе на жизнь...

Т а н я. Перестань. Это тоже противоестественно. Меня распирает от желаний! Мне хочется жить! Я ведь живая! Я существую! И кстати, в этой стране денег, в общем-то, навалом. Всем могло бы хватить. Разве не так?

Т у м а с. Возможно.

Т а н я. Просто глупо надрываться на работе, которая тебе не нравится. Тем более когда в стране безработица! Я устала от всего этого. Устала жить дома, но Фредрик не хочет снять мне квартиру, хотя мог бы, если бы только захотел.

Т у м а с. За квартиру надо платить...

Т а н я. Знаю, знаю, знаю. Все это я уже слышала.

Т у м а с (*смеясь, обнимает ее*). Таня!

Т а н я (*смотрит на него*). Ты не такой, как они. Поэтому я приехала сюда.

Меняется освещение. Они сидят вместе на диване.

Т а н я. Здесь так тихо.

Т у м а с. Я пытаюсь написать об этом доме.

Т а н я. Ты пишешь о домах?

Т у м а с. О старых домах. Об инструментах и ремеслах. Об истории. (*Показывает на рубанок Севеда*). Этот рубанок я нашел в дровяном сарае. Он, наверно, принадлежал еще твоему прадедушке.

Т а н я. Деду Севеду.

Т у м а с. Да, Севеду. Они тяжело, слишком тяжело работали, но чувствовали себя нужными. Потому что знали границы своего существования. А где наши границы? Они есть, но мы их не видим.

Т а н я. Так ты пишешь о старых рубанках?

Т у м а с (*улыбаясь*). И о нас.

Их взгляды встречаются.

Т а н я (*со смешком*). О нас?

Т у м а с (*поглаживая рубанок*). Да. В каком-то смысле.

Т а н я. И обо мне?

Т у м а с. В каком-то смысле.

Таня подходит к нему и садится рядом. Он обнимает ее.

Т у м а с. Ты понимаешь, что... (*Их взгляды встречаются.*)

Т а н я. Где Ульрика?

Т у м а с. Ульрика? Ее здесь нет. Она уехала.

Т а н я. И когда вернется?

Т у м а с. Не знаю.

Т а н я. Ты расстроен?

Т у м а с. Не знаю. (*Пожимает плечами.*)

Кладет руки ей на плечи. Таня обнимает его. Они целуются. Звучит музыка, меняется освещение. Когда свет снова падает на них, они лежат рядом. Таня спит. Тумас открывает глаза и видит Таню. Он пытается осторожно высвободить из-под нее свою руку, но Таня просыпается. Некоторое время они смотрят друг на друга.

Т а н я (*тихо*). Я верю в любовь.

Т у м а с. Что ты сказала?

Т а н я. Ты спрашивал меня, чего я хочу. Я сказала, ничего. Но я верю в любовь. Дома меня бы неправильно поняли. А тебе я могу это сказать.

Т у м а с (*тихо*). Расскажи, как ты себе ее представляешь.

Т а н я (*улыбается*). А любовь не нужно представлять. Она просто существует, и все. По-твоему, я рассуждаю по-детски?

Т у м а с. Нет.

Т а н я. Это значит быть вместе. Я хочу быть вместе. С тем, кто мне по-настоящему нравится. Каждый день, каждую ночь. Работать тоже, наверно, нужно. Но с этим образуется. Главное – вместе, будто у нас одна кожа. Вот чего я хочу. Думаешь, так будет?

Т у м а с. Да. Для тебя. Но не для всех.

Т а н я. Я хочу, чтобы так было.

Таня сворачивается клубочком у Тумаса на груди. Он лежит с открытыми глазами. Картина исчезает.

СЦЕНА 13

Свет падает на письменный стол Тумаса. Он один. Ходит взад и вперед. Смотрит на лист бумаги в машинке. Вынимает его и врет на части. Не находит себе места. Ночь, горит настольная лампа. Тумас набирает номер телефона. Свет высвечивает Ульрику. Она просыпается в гостинице от телефонного звонка, на ощупь добирается до телефона, над ним висит афишей лыжных соревнований.

У л ь р и к а (*сонно*). Да?

Т у м а с. Приезжай! Я соскучился! Алло, ты там?

У л ь р и к а. Тумас!

Т у м а с. Я идиот! Слышишь меня?

У л ь р и к а (*на ее лице появляется улыбка*). Да.

Т у м а с (*кричит что есть мочи*). Я хочу быть с тобой! Постоянно, всегда! Слышишь меня?

У л ь р и к а. Слышу, только не кричи.

Т у м а с. Слушай внимательно. Я хочу жениться на тебе. Хочу, чтобы у нас были дети, куча детей! Хочу работать с тобой, жить с тобой, любить тебя, задавать взбучку, если будешь вести себя по-идиотски, утешать, если будешь чем-то расстроена, и готовить для тебя завтраки. Приезжай прямо сейчас! Ульрика, ты слышишь меня?

У л ь р и к а. Да!

Т у м а с. Скажи что-нибудь.

У л ь р и к а. Не могу. Я плачу!

Т у м а с. Не плачь. Жизнь коротка, у нас нет времени на слезы. Да или нет?

У л ь р и к а (*кричит изо всех сил*). Да!

Т у м а с. Ну, наконец-то! Так ты приедешь?

У л ь р и к а. Да. Да!

Говоря, она одевается, находит под кроватью сапоги, надевает большую меховую шапку и теплые варежки.

У л ь р и к а. Я не смогла приехать тотчас же, это было невозможно, понадобилось время, но потом я, конечно, приехала. В конце съемок ходила как в бреду, с дурацким видом, так что пришлось сделать несколько лишних дублей. Но в конце концов я собралась....

На этих словах она исчезает и появляется в ночной рубашке, шапке, варежках, с карманным фонариком в руке.

У л ь р и к а (*быстро*). ...и приехала в загородный дом, к нему!

Они обнимают друг друга. Он снимает с нее все, кроме ночной рубашки, они оказываются вместе на диване. Ульрика лежит в объятиях Тумаса.

У л ь р и к а. Подумать только, все-таки позвонил. Почему именно тогда?

Т у м а с. Не знаю. Когда-то это должно было случиться.

У л ь р и к а. Если бы ты не позвонил...

Т у м а с. Но я же позвонил. Раньше или позже, но я позвонил.

У л ь р и к а. ...мы могли потерять друг друга!

Т у м а с. Никогда. Ты сама в это не веришь!

У л ь р и к а. Могли. Прошли недели... и казалось, ты был так далеко, словно на другой планете, такое у меня было чувство.

Т у м а с. Не говори больше ничего.

У л ь р и к а. Ты был так далеко от меня, что однажды я тебе изменила.

Т у м а с (*после короткой паузы, улыбаясь*). Нет-нет. Если ты скажешь это завтра утром, я, может быть, поверю тебе и задам хорошую трепку. Но сейчас у нас нет времени, Ульрика, у нас совсем нет времени!

У л ь р и к а (*улыбается, как и он*). Ты прав, мой любимый. У нас нет времени.

Они начинают любить друг друга. Звонит телефон.

Т у м а с. Пусть звонит.

У л ь р и к а. Это мама. Хочет спросить, где мы будем праздновать рождество. Скажи, что я перезвоню.

Тумас берет трубку.

Т у м а с. Да?

Высвечивается Таня в верхней одежде с телефонной трубкой.

Т а н я. Слушай! Я чертовски рада! У нас с тобой будет ребенок! С ума сойти! Я не поверила своим ушам, когда доктор сказал, что результат положительный! И я уже знаю, что у нас будет сын, и знаю, как мы его назовем! Ты слышишь?

Т у м а с. Слышу.

Т а н я. Никогда в жизни я не была так счастлива! Приезжай, понимаешь, я хочу, чтобы ты был рядом, когда я объявлю это родителям! Когда ты приедешь? Приезжай прямо сейчас!

Т у м а с. Не могу.

Т а н я. А когда?

Т у м а с. Как только смогу.

Т а н я. Обещай мне!

Луч света гаснет над Таней. Тумас возвращается к Ульрике.

У л ь р и к а. Кто это был?

Т у м а с. Ничего важного.

У л ь р и к а (*смотрит на него*). Ты расстроился из-за того, что я тебе рассказала?

Т у м а с (*качает головой*). Я хочу, чтобы ты всегда помнила одну вещь, Ульрика. Я полюбил тебя с первой минуты, как увидел. Но понадобилось какое-то время, чтобы я понял, насколько сильно. (*Он падает на колени и прячет лицо у нее на животе.*)

Картина исчезает. Свет, конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В городе.

СЦЕНА 14

Редакция ночью. Тяжело стучат печатные станки. Свет луны. Брур сидит за своим письменным столом. Тумас в верхней одежде. У его ног стоит пишущая машинка.

Т у м а с. Вот такие дела.

Б р у р (*после паузы*). И что же теперь ты хочешь от меня?

Голос по внутренней связи: Брур. Мы читаем первую страницу. Ждем тебя.

Б р у р (*нажимает на кнопку*). Проклятье! Я же сказал, чтобы меня оставили в покое! Делайте с газетой что хотите, черт побери, только чтобы она вышла, и правительство не ушло в отставку. (*Снова нажимает на кнопку.*) Впрочем, пусть его! (*Бормочет.*) А то иногда кажется, что мир без тебя рухнет. (*Вынимает виски и пластмассовые стаканчики.*) Взятка от одного профсоюза. Выпей!

Т у м а с. Как это могло случиться, можешь мне объяснить?

Б р у р. Знаешь, что мне кажется странным в нашем времени? Не то, что трахаются направо и налево, — так было всегда. А то, что, когда потом появляются дети, все страшно изумляются. В былые времена все хорошо знали, что одно влечет за собою другое.

Т у м а с. Таня. Почему она?

Б р у р. Э, сейчас угадаю. Может быть, причиной маленькая складочка на руке? Небольшая округлость чуть повыше лона, проступившая сквозь купальник, которую ты заметил, когда

мы загорали на берегу прошлым летом? Сосок, который ты поймал краем глаза, когда мы раздевались в сауне? Зад... или бедро?

Т у м а с. Перестань.

Б р у р. Ты сам спросил. Почему мне знать. Может, все дело в тени на щеке?

Т у м а с. Неужели все так идиотски просто!

Б р у р. Может, не так романтично. Но чертовски просто. (*Тумас молчит.*) Откровенно говоря, меня куда больше интересует, что Таня нашла в тебе.

Т у м а с (*взрываясь*). Я не хочу этого ребенка!

Б р у р. Каждую минуту случаются самые поразительные вещи, а люди не удивляются. Нажмешь на кнопку или откроешь кран, и зажигается свет или льется вода, что пожелаешь — прямо из стены. Людей посылают в Америку или на Луну — по воздуху. На экране компьютера о твоём соседе можно получить самые интимные сведения — за долю секунды! И ни одно из этих чудес людей не удивляет. Но если кто-то, с кем ты собирался пойти пообедать, вдруг умрет, или если вдруг узнаешь, что должен родиться ребенок, которого ты не планировал, вот тогда мы удивлены! Хочешь знать, что я думаю? Раз в человеческой власти решать судьбу планеты, быть ей или не быть, мы вообразили, будто можем распоряжаться жизнью и смертью. Но знаешь, что мне подсказывает интуиция, и уже очень давно? Что на самом деле это не так. Преимущество по-прежнему на стороне природы. Может быть, настанет день — «**O fons Bandusiae, splendidior vitro**», Horatius¹, — когда человек победит природу, но пока у нее есть крошечное преимущество. По-моему, это неплохо. Потому что я не особо доверяю человеку. Вероятно, ты другого мнения, но подумай о моих словах. Есть вещи, которые нельзя менять. Вот тебе моя точка зрения.

Т у м а с (*после короткой паузы*). Спасибо. Спасибо за сочувствие. Гораций был очень кстати.

¹ «О источник Бандузия, прозрачней стекла», Гораций — лат. Бандузия — источник в поместье Горация.

Б р у р. Рад стараться.

Голос по внутренней связи: Привет, Брур, я только хотел сообщить тебе, что Советский Союз развязал мировую войну, так сказал Сандгрэн.

Б р у р (нажимает кнопку). Мы капитулируем! Передай это Сандгрэну.

Голос по внутренней связи: Сандгрэн говорит, что тебя расстреляют как дезертира.

Б р у р (собрался было ответить, но передумал). Ты говоришь, она хочет рожать?

Т у м а с. Так она сказала.

Б р у р. А ты намерен убедить ее сделать аборт? Ну нет, Тумас. (Он качает головой, переходит на другой тон.) К тому же, чем плохо иметь ребенка? Дети – это прекрасно. Во всяком случае, так мне кажется.

Т у м а с. А что будет с Ульрикой? И со мной?

Брур молча смотрит на него.

Т у м а с. Мне пора.

Б р у р. Иди. Если и впрямь начнется мировая война, я, пожалуй, понадобится в центральной редакции.

Т у м а с. Наверняка. Спасибо за ободряющие слова.

Б р у р. Пошел к дьяволу.

Т у м а с. Я уже в пути.

Б р у р. Привет Ульрике.

Т у м а с. Она ничего не знает.

Б р у р. Ты собираешься сам рассказать ей об этом? Дело-то ведь, как говорится, сугубо семейное.

Т у м а с. Я не хочу потерять Ульрику. Я люблю ее, но тебе этого не понять.

Б р у р. Тебя бы следовало хорошенько взгреть...

Т у м а с. Спасибо. (Уходит.)

Б р у р. Малютка Тумас! Я безутешен, я готов выплакать глаза из-за тебя и Ульрики.

Тумас оборачивается, кивает и уходит.

СЦЕНА 15

Свет сосредотачивается на Бруре, но высвечивает на минуту и Тумаса. Потом падает на Магду.

Б р у р. Я помню, когда я в ту ночь вернулся домой, Магда проснулась, посмотрела на меня и что-то в моем лице ее задело.

М а г д а. Выражение грусти.

Б р у р. Она спросила, что произошло, и я рассказал.

М а г д а. Ульрика! Тумас! Я еду к ним.

Б р у р. А я говорю, нет. Нет, Магда. Мы не можем помочь. Это их дело.

М а г д а. В ту ночь я долго сидела на кровати в ожидании рассвета. Рассвета не было. Дождь со снегом хлестал по стеклу. Через декабрьскую темноту пробивался слабый свет, и только. Настало утро, настал вечер...

СЦЕНА 16

Свеча. Стеариновая свеча. Когда сцена освещается, мы видим Таню, сидящую на полу. Нос у нее слегка покраснел, она неуклюже заворачивает рождественские подарки. Рядом стоит Тумас в пальто.

Т у м а с (*оглядываясь*). Какая хорошая квартира.

Т а н я (*шмыгая носом*). Это папа.

Т у м а с. Отлично.

Т а н я. Почему ты не звонил?

Т у м а с. Извини.

Т а н я (*шмыгая носом*). Я знала, что ты придешь. Мама с папой ужасно возмущены, но я тебя защищаю. Им пора понять, что я уже взрослая. С мебелью здесь будет еще лучше. Я сменю обои. Я точно знаю, какую мне хочется мебель и детскую кроватку!

Т у м а с. Таня. Нам нужно поговорить.

Т а н я. Сейчас придут родители. Они тоже хотят поговорить с тобой.

Т у м а с. Таня. Все это как-то глупо.

Т а н я. Что ты имеешь в виду?

Т у м а с. Ты не хочешь меня спросить, что я обо всем этом думаю?

Т а н я. Само собой.

Т у м а с. Или Ульрика?

Т а н я (*смотрит в сторону*). Это не мое дело.

Т у м а с. Не твое. А если я скажу, что ребенок – не мое дело?

Т а н я. О чем ты?

Т у м а с. Ты слышала, что я сказал! Прости, прости.

Т а н я. Ты собираешься отказаться?

Т у м а с. Разумеется, нет.

Т а н я. Ты не можешь так поступить. Не можешь, понимаешь?

Т у м а с. Таня. Малышка Таня. Послушай меня. Ведь это вовсе не то, о чем ты мечтала. Ты хотела жить с тем, кто любит тебя, быть с ним вместе, словно у вас кожа одна на двоих – так ведь ты говорила. Но этого не будет.

Т а н я. Ну, так будет по-другому.

Т у м а с. Через пару лет ты встретишь какого-нибудь парня, вы поженитесь, родите ребенка, и все будет так, как ты мечтала.

Т а н я. Ты хочешь, чтобы я сделала аборт! Ты хочешь превратить меня в убийцу! Никогда. Я хочу, чтобы у моего ребенка был отец, и я хочу, чтобы им был ты, ведь это так и есть!

Т у м а с. А если я не хочу?

Т а н я. Настанет день, и ты тоже будешь рад нашему ребенку, как я.

Т у м а с. А Ульрика?

Т а н я. У нас же есть загородный дом. Там мы все можем видеться... Ты, я, ребенок... и все другие.

Тумас не отвечает, он ошеломлен.

Т а н я (*ободряюще*). Тебе просто нужно время. Папа всегда говорит, что нужно время, чтобы привыкнуть.

Т у м а с. Привыкнуть? Знаешь, мне кажется, твой отец что-то недопонимает, если говорит, что цель жизни – привычка.

Т а н я (*после паузы, радостно*). Хочешь, скажу, какое я придумала, какое я придумала ему имя?

Тумас не успевает ответить, появляются Гертруд и Фредрик, у нее в руках пакет с продуктами, у него — елка.

Т у м а с. Здравствуй, Гертруд. Привет, Фредрик. (*Смеется.*) Ну и вид у вас! Неужели вы сами не замечаете, что это смешно?

Г е р т р у д. Смешно?

Т у м а с. Забудь об этом. Извини, черт побери.

Г е р т р у д. Что ты собираешься делать?

Т у м а с. Делать?

Г е р т р у д. Ну да. Что ты собираешься делать? (*Иронически, не услышав ответа от Тумаса.*) Может быть, вы собираетесь съехаться?

Т у м а с. Господи, Гертруд...

Г е р т р у д. Ну, мне-то откуда знать. Мне известно только, что ты не появлялся с тех пор, как Таня тебе позвонила. Это мне известно. Я, по глупости своей, думала, что ты живешь с Ульрикой.

Т у м а с. Живу.

Ф р е д р и к. А что говорит Ульрика? Она тоже считает, что это смешно?

Т у м а с. Не знаю.

Г е р т р у д. Ты хочешь сказать, что ей ничего не известно?

Т у м а с. Пока нет.

Г е р т р у д. Ульрика гордая. Я ее знаю. Так что тут проблемы не будет. Она тебя видеть больше не захочет. Но сейчас нам было бы интересно услышать, как ты собираешься уладить все это? Что-то же ты имел в виду?

Т у м а с. Имел в виду?

Г е р т р у д. Да!

Т у м а с. Я ничего не имел в виду.

Г е р т р у д. Зачем же тогда ты это сделал?

Т у м а с. Зачем? Я чувствовал теплоту, нежность. Так получилось, что в этом странного?

Г е р т р у д. А последствия? О них ты не подумал?

Т у м а с. Нет, черт меня побери!

Ф р е д р и к. Хватит. Криком не поможешь, Гертруд.

Г е р т р у д. Он обманул ее, внушил, что она ему безразлична!
Ф р е д р и к. Гертруд!

Т у м а с. Конечно, она мне безразлична! Гертруд, почему ты не спросишь у Тани, что она «имела в виду»? Мы ведь не в средние века живем!

Г е р т р у д. Таня еще ребенок!

Т у м а с. Ты ошибаешься, Таня не ребенок.

Ф р е д р и к. Черт возьми! Ну и дерьмо же ты. Тебе интересны наши чувства. Что будет, если Гертруд переспит с Бруром... Игры на побережье! А что будет, если Тумас переспит с Таней, — еще одна игра. Ты холоден как рыба. Это тебе не игра! Для нас не игра. Таня — моя дочь!

Т у м а с (*устало*). Что, по-твоему, я должен сделать?

Ф р е д р и к. Поскольку я темный, как в средние века, я считаю, что ты должен осознать свою ответственность!

Т у м а с. Каким образом? Жениться?..

Ф р е д р и к. Да! А почему бы и нет? Тебе это никогда не приходило в голову?

Т у м а с. Нет.

Т а н я (*кричит*). Мама и папа, уходите, пожалуйста!

Ф р е д р и к (*не обращая внимания*). И ты не считаешь, что обманул ее?

Т а н я (*кричит*). Уходите все!

Ф р е д р и к. Черт побери.

Т у м а с (*в отчаянии*). Я люблю тебя, Таня. Но на чем может держаться наш брак?

Ф р е д р и к. На чем держатся браки? На детях! (*Швыряет в Тумаса елку*.) На детях! Это дьявольски просто, но, похоже, об этом все позабыли, вот откуда все беды! Ты думаешь, нам с Гертруд всегда было легко? Не-ет. Кое-чем пришлось пожертвовать, чтобы остаться вместе. Но мы справились с этим, потому что у нас дети! Так ведь, Гертруд?

Г е р т р у д. Так, Фредрик, мы остались вместе, хватит уже!

Ф р е д р и к (*продолжает, обращаясь к Тумасу*). И, знаешь ли, я этим горжусь! Вокруг нас люди разводились, то ради одной, то ради другой прихоти. Но не мы с Гертруд. Нет, только не мы!

Все замолкают.

Т у м а с (*устало, печально*). Что мне сказать? Что вы хотите от меня услышать?

Ф р е д р и к (*устало, печально*). Видишь, Таня. Разве мы, мама и я, не говорили тебе этого вчера вечером? Все так и есть.

Т а н я. Мне все равно, что вы говорили вчера вечером.

Г е р т р у д. Папа и я сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь тебе, детка...

Т а н я. Замолчите! Не хочу ничего слышать! Вы говорите так, будто меня не существует, — и он тоже! Никто не спрашивает меня, чего хочу я, даже Тумас, и он мне не нужен! Я хочу, чтобы он заплатил!

Г е р т р у д. Таня, я...

Т а н я. Уходите! Уходите оба!

Г е р т р у д. Пойдем, Фредрик. (*Они уходят.*)

Т а н я (*Тумасу*). Ты заплатишь!

Т у м а с. Конечно. Разумеется. Сколько?

Т а н я. Много.

Т у м а с. Конечно.

Т а н я. Ты мне нравился. Поэтому все и случилось. Я думала, я тебе тоже нравилась.

Т у м а с. Ты мне нравилась. И нравишься.

СЦЕНА 17

Свет высвечивает Ульрику. Она лежит на диване в своей квартире и читает. Входит Тумас в пальто.

У л ь р и к а. Что с тобой? Потрясающая пьеса.

Т у м а с. Послушай. Я хочу кое-что тебе рассказать. Что это ты читаешь?

У л ь р и к а. Одну пьесу. Почему ты так смотришь на меня?

Т у м а с. Я думаю. Во всяком случае, так мне кажется.

У л ь р и к а. О чем, любимый?

Т у м а с. О чем? Например, как мы будем встречать новый двуктысячный год, ты и я.

У л ь р и к а. Двадцать первый век?

Т у м а с. Я сказал, двухтысячный год.
У л ь р и к а. Это и есть двадцать первый век.
Т у м а с. В любом случае, давай решим, поедем ли мы на Багамы или останемся дома. Навернякав такой вечер по телевизору будет интересная программа.
У л ь р и к а. Ты думаешь, мы будем вместе в двадцать первом веке?
Т у м а с. Конечно. А тебе не хочется этого?
У л ь р и к а (*смеется*). Мило с твоей стороны строить планы на двухтысячный год.
Т у м а с. На двадцать первый век.
У л ь р и к а. А что ты хотел рассказать?
Т у м а с. Я люблю тебя. Я не могу представить себе жизни без тебя.
У л ь р и к а. Я начинаю нервничать.
Т у м а с. Ты знаешь это. Правда?
У л ь р и к а. Знаю. Но что ты хочешь мне рассказать? Подожди. Я угадаю. Ты мне изменил? Угадала?
Т у м а с. Да.
У л ь р и к а. Давно или недавно?
Т у м а с. Давно.
У л ь р и к а. Я это знала! Когда я рассказывала тебе ту историю, случившуюся со мной там, в отъезде, у тебя было такое лицо... Ведь это случилось, когда я уехала, я права?
Т у м а с. Да.
У л ь р и к а. Почему ты не сказал тогда? Впрочем, ты прав, это было давно. И можно признать недействительным, не так ли?
Т у м а с. Можно.
У л ь р и к а. Тогда зачем ты рассказываешь мне это сейчас?

Наступает полная тишина.

У л ь р и к а. Наверно, потому что... это не закончилось!
Т у м а с. Ошибаешься.
У л ь р и к а. Точно?
Т у м а с. Да!
У л ь р и к а. Тогда зачем?
Т у м а с. Однажды неожиданно в загородный дом приехала Таня.
У л ь р и к а (*недоуменно*). Таня? Ты что, переспал с Таней?

Т у м а с. Да.

У л ь р и к а (*с нарастающей тревогой*). Ага. Понимаю. А теперь... она, бедняжка, влюбилась в тебя. Так? И ты не знаешь, что делать? Так?

Т у м а с. Не вполне.

У л ь р и к а. Что же тогда?

Т у м а с. Однажды она позвонила и сообщила, что ждет ребенка.

У л ь р и к а. Что ты сказал? У вас с Таней будет ребенок?

Т у м а с. Да.

Ульрика вскакивает. Он пытается схватить ее, она отталкивает или ударяет его. Тумас снова пытается задержать ее, она хватается пальто и намеревается уйти. Тумас хватается за руку...

Т у м а с. Куда ты?

М а г д а (*из-за двери*). Привет. Привет, это я! (*Входит.*) Куда ты?

У л ь р и к а. На улицу.

М а г д а. Остановись, Улли! Я все знаю!

У л ь р и к а. Ты все знаешь? Все знали, кроме меня? У нас что, семейное торжество? Может быть, сейчас и мама появится? Мне нарезать хлеб и поставить кофе? (*Тумасу.*) Ты уже всем растрепал. Так, что ли?!

Т у м а с. Я рассказал Бруру.

М а г д а. А он мне. Больше никто не знает. Кроме Гертруд. И Фредрика, конечно. Но мама ничего не знает. Уверена, что она ничего не знает.

У л ь р и к а. В чем можно быть уверенным, Магда?

Свет гаснет.

СЦЕНА 18

У л ь р и к а. Как больно. А будет еще больнее. Такое чувство, будто мои жилы вскрыты, а сердце качает и качает кровь, и она заливает внутренности.

М а г д а. Улли, дорогая.

У л ь р и к а. Это не может быть правдой. И тем не менее это так!

Ребенок! Его ребенок. Он будет носить имя, видеть, слышать. Как больно! Я не могу этого вынести!

М а г д а. Пусть поболит.

У л ь р и к а. Мне страшно. Куда податься?

М а г д а. Боль жестока, но не отказывайся от нее. Она как режущий нож. Болит, но это жизнь!

У л ь р и к а. Ты ненормальная. Боль — это нечисть, она смердит. Ребенок! Которого я так ждала! А у меня никогда не будет детей, я знаю. Зато родится тот ребенок. Не хочу, чтобы он появился на свет! Пусть он умрет!

М а г д а. Улли!

У л ь р и к а. Господи! Всю жизнь на коленях. Всю жизнь в грязи.

М а г д а. Да, Улли. В грязи. И ничего не видно и не слышно...
Наверху, вместо небес, только дым, телеантенны да наш страх! И в один прекрасный день кто-то наносит тебе удар такой силы, что боль пронзает тебя, и тогда небеса на мгновение вдруг разверзнутся!!!

У л ь р и к а. Я сейчас разорвусь! Я разорвусь на куски, они разлетятся по всей комнате. Я убью себя, помогите!

Тумас поднимается и подходит ближе.

Т у м а с. Улли. Улли.

У л ь р и к а. Не трогай меня!

Тумас уходит.

У л ь р и к а. Она там, в другой комнате, и внутри у нее растет новая жизнь, которая должна была быть моей.

М а г д а. Но она не твоя, Улли. Родится другой ребенок вместо твоего. И тебе не будет больно, потому что здесь, где мы живем, никому не позволено причинять боль. Потому что боли нет. А вместе с нею нет и самой жизни. А помнишь, Улли:

«Вот она, боль, коварно и жестоко бьет
тебя своим сильным
жестким кулаком! Но она и вознаградит
тебя, обогатит душу
и разовьет вкус, щедро наделит самыми

ценными дарами в жизни:
любовью, одиночеством и смертью».

У л ь р и к а. Что это?

М а г д а. Ты была совсем маленькая, когда ушел отец, мама все время плакала, потом заболела... Я вернулась домой, чтобы позаботиться о тебе, мы лежали вместе в постели, и я читала ее стихи, может быть, утешая саму себя. Стихи Эдит Сёдегран. Я читала их снова и снова:

«Вот она, боль...
щедро наделит самыми ценными дарами в жизни:
любовью, одиночеством и смертью».

Наверно, тебе, ребенку, стихи были непонятны, но слова убаюкивали.

У л ь р и к а. Я хотела любви. Я помню. Но не одиночества и смерти.

М а г д а. Этого никто не хочет.

У л ь р и к а. Магда. Я словно впервые вижу тебя. Где ты была?

М а г д а. А ты... где была ты?

У л ь р и к а. Что если я не уступлю дорогу боли? Значит, остаться с ним? Нет, это невозможно.

М а г д а. Его ведь тоже терзает боль.

У л ь р и к а. Надеюсь. Дай-то Бог!

М а г д а. Он не хотел того, что случилось.

У л ь р и к а. Но сделал!

М а г д а. Не подумав.

У л ь р и к а. Что ты хочешь этим сказать?

М а г д а. Любви в жизни так мало.

У л ь р и к а. Нет, Магда. Ты только представь: Таня. И Гертруд.
И Фредрик. И мама. Невыносимо.

М а г д а. Таня... с Таней все в порядке. Она молодая и сильная!
Гертруд и Фредрик? Станут бабушкой и дедушкой.

У л ь р и к а. Ты сумасшедшая.

М а г д а. Наверно.

У л ь р и к а. Просто сумасшедшая!

М а г д а. Вот и Брур говорит.

У л ь р и к а. Тебе надо было давно развестись с ним.

М а г д а. Возможно. (*Зажигает сигарету.*) Мне потребовались годы, чтобы объяснить ему, что он никогда не поймет меня. Теперь Брур это знает. Наконец-то понял. Это хорошо, даже очень. Я остаюсь с ним. Может быть, это любовь, или что-то вроде того.

У л ь р и к а (*после паузы*). Значит, нам надо рассказать все с самого начала?

Т у м а с (*поворачивается*). Да!

М а г д а (*смотрит на них, дает Ульрике сигарету*). Улли, мне пора.

Ульрика берет сигарету и закуривает. Тумас подходит к ней. Он стоит позади нее. Не глядя на него, Ульрика протягивает ему сигарету. Он берет. Слышны удары сердца. Они усиливаются. Переходят в звук прибоя. Картина медленно исчезает.

СЦЕНА 20

Шум волн, как в начальной сцене. Свет падает на Гертруд.

Г е р т р у д. Прошла зима. Как-то я лежала в постели рядом с Фредриком и не могла заснуть. Я сказала ему: мне хочется снова стать маленькой девочкой и жить с папой и мамой в загородном доме, пока они не развелись. Я бы ходила по берегу в ситцевом платьице в клеточку, с заколкой в волосах, собирала бы круглые камешки. Фредрик внимательно слушал. Но ничего не сказал. Он вообще говорит мало. Потом наступило лето. Когда начался отпуск, я, конечно, предложила маме поехать с нами. Я буду тебе обузой, ответила она. О чем ты говоришь, возразила я. И мы поехали в наш загородный дом. Мы с Фредриком. И мама. И Магда. И Брур. И Таня. Как обычно. Почти как обычно.

Снова слышен шум моря. Гертруд и Фредрик исчезают.

СЦЕНА 21

За городом.

Прожектор освещает побережье. Как в сцене 1: кресла, матрасы и т. д. Звуки волн стихают. Карна вяжет, сидя в кресле. Брур и Магда читают: он газету, она ноты. Карна увидела лебедей.

К а р н а (*встает, ищет в кармане корм*). Смотрите, лебеди! Гляди-ка, Магда, у них в этом году пять птенцов. Как это у них получается?

М а г д а (*с совершенно отсутствующим видом*). Да, мама...

К а р н а. Что ты сказала?

Б р у р. Магда сказала, что они совокупаются в воде.

М а г д а (*дружелюбно*). Идиот.

Б р у р (*переворачивает страницу газеты*). Природа добра и точительна, Карна. Таково ее свойство.

К а р н а (*возвращается к креслу*). Да. Природа дает. А потом забирает обратно. Сегодня утром я ужаснулась, увидев себя в зеркале. Почему у нас, людей, не появляется новая красивая листва каждый год, как у деревьев? Я бы хотела стать липой. Из всех деревьев я больше всего люблю липу. (*Сердито.*) А сосны ненавижу! (*Вздыхает.*) Да-а, атомная бомба может свалиться на голову в любой момент.

М а г д а (*с отсутствующим видом*). Ммммм...

К а р н а. Об этом не стоит забывать, когда становится грустно.

Б р у р. Да, я тоже так считаю.

К а р н а. Циник...

Б р у р. Я был тебе потрясающим зятем половину моей жизни, а ты так и не заметила, какой я мягкий и чувствительный человек.

К а р н а. Я заметила. (*Вяжет.*) Если нельзя липой, то я бы стала березой. Кстати, не могли бы вы устроить так, чтобы меня похоронили под липой? Или под березой?

М а г д а. Мама, милая, что с тобой сегодня?

К а р н а. Я говорю, можно и под березой, но ни в коем случае не под сосной! Это мое последнее слово! Ты слышала, Магда?

Входит Гертруд. Она делает вид, что что-то ищет.

Г е р т р у д (*мимоходом*). Ульрика звонила.

К а р н а (*подскочив*). Да?

Г е р т р у д. Передает привет.

К а р н а. Ну?..

Г е р т р у д. Что ну?

К а р н а. Они приедут?

Г е р т р у д. Не думаю.

К а р н а. Но ведь у меня день рождения!

Г е р т р у д. Вчера ты сказала, что не хочешь его отмечать.

К а р н а. Я каждый год это говорю.

Г е р т р у д. Ульрика сказала, они собираются пожениться.

К а р н а (*радостно*). Что ты говоришь!

Г е р т р у д. Да. Но будь добра, не говори этого Тане. (*Уходит.*)

К а р н а (*печально*). Не буду. Как мне грустно.

М а г д а. Не грусти. Ведь сегодня день твоего рождения. (*Уходит.*)

К а р н а (*качает головой*). Эх. Все мы умрем. Все умрем. Не стоит забывать об этом.

Б р у р. Я тоже так думаю. Почему ты сегодня такая грустная, Карна?

К а р н а. Ты сам знаешь! Мне очень хотелось бы побывать у них на свадьбе!

Б р у р (*целует ее в щеку*). Они наверняка тебя пригласят!

Он уходит. Карна сосредоточенно вяжет. Входит Таня с большим животом.

Т а н я. Папа печет для тебя торт.

К а р н а. Он же знает, что я не люблю тортов!

Т а н я. А ему нравится их печь.

Молчание. Таня садится. У нее болит спина.

Т а н я. Почему он не дает о себе знать?

К а р н а. Кто?

Т а н я. Тумас, само собой.

К а р н а. Но, детка, дорогая...

Т а н я. Я написала ему. Понимаешь, я ужасно хочу, чтобы он был рядом, когда родится наш сын.

К а р н а *(после паузы)*. А если это будет девочка?

Т а н я. Нет. Это будет сын. Похожий на него. Я знаю.

К а р н а. Таня, детка...

Т а н я. Я хочу рассказать тебе, бабушка, кое-что, можно?

К а р н а. Разумеется. Кроме тебя, никто мне ничего не рассказывает.

Т а н я. А мне, кроме тебя, не с кем поделиться.

К а р н а. Чем же ты хочешь поделиться?

Т а н я. Когда я приехала сюда осенью... я была в него влюблена и надеялась, что и он влюбится в меня. Но я ничего не знала. Все было как бы понарошку. Понимаешь? Он был так хорош, ты не можешь себе представить! Я была такая счастливая! Я ему нравилась. И он мне...

К а р н а. Но как же ты могла, когда знала, что... *(Останавливается.)*

Т а н я. Забудь, что я тебе сказала. Сиди и вяжи! *(Встает.)*

К а р н а. Таня! Подожди! Прости! Я так вас всех люблю. Прости. Никто не должен осуждать любовь, а уж я тем более! Продолжай, моя девочка.

Т а н я. Для настоящей любви нет преград! Правда?

К а р н а. Правда.

Т а н я *(после паузы)*. Эта зима была такой долгой.

К а р н а. Долгой, Таня.

Т а н я. За эту зиму я стала взрослой.

К а р н а. Да, Таня.

Т а н я. И теперь я знаю.

К а р н а. Что?

Т а н я. Что это он. Он и никто другой.

К а р н а. Что ты хочешь этим сказать?

Т а н я. Я люблю только его. И в конце концов он полюбит меня тоже.

К а р н а *(осторожно, помедлив минуту)*. Не всегда получаешь то, что хочешь, Таня.

Т а н я. Знаю.

К а р н а. Человек не должен надеяться на слишком многое. Иначе постигнет разочарование. Поверь мне.

Т а н я. Ты хочешь сказать, что человек вообще не должен ни на что надеяться?

К а р н а. Я так не говорила.

Т а н я. Но имела в виду. Не должен надеяться. Конечно, тебе не на что надеяться. Ни тебе, ни Фредрику, ни Гертруд, никому. Вы живете без всяких надежд. Просто живете. А я не хочу быть похожей на вас.

К а р н а. Ты права. Человек должен надеяться, иначе жить нельзя! Только нельзя питать слишком больших надежд.

Т а н я. Ты хочешь сказать, что надежда должна быть небольшой?

К а р н а. Да. То есть нет.

Т а н я. Я никогда не стану такой, как вы.

К а р н а. Но как ты можешь рассчитывать, что Тумас и ты... Вы что, встречаетесь?

Т а н я. Это невозможно. Что скажет Ульрика?

К а р н а. Правильно.

Т а н я. Ульрика завидует мне! Ведь она не может иметь детей. Так мама сказала. У нее что-то не в порядке. Может, она чересчур стара. А у меня будет его ребенок! И однажды Тумас переменится!

К а р н а. Господи помилуй.

Т а н я. Если ты еще скажешь хоть слово, я тебя задушу.

К а р н а. Таня!

Т а н я. Они думают, что я их собственность! А я ничья.

К а р н а *(после паузы)*. Пройдут годы, и ты его забудешь.

Т а н я *(встает)*. Никогда.

К а р н а. Но ты должна!

Т а н я. Почему это?

К а р н а. Они собираются пожениться, Таня!

Т а н я. Кто?

К а р н а. Тумас и Ульрика.

Т а н я *(сдерживаясь)*. Ты лжешь! *(Короткая пауза.)* Все равно, это неважно. Можно развестись. Сейчас все так делают! Разве нет? Ты сама развелась! Так что это неважно! *(Уходит.)*

К а р н а. Таня, остановись!.. Я хочу с тобой поговорить! Есть мечты, от которых нужно отказаться, поверь мне, хотя сама я сделала это слишком поздно! Прошли мои молодость и жизнь... Таня, детка, да хранит тебя Господь... О Улли, моя Улли... Так сильно любить – это наказание...

А ради чего еще стоит жить?.. Все так запутано. Нужно быть преданным. И уметь забывать. Крепко держаться. И отпускать. Каждую секунду жизнь ставит перед нами серьезный выбор! Но мы не хотим его замечать, иначе можно сойти с ума и вообще не рискнуть хоть что-то сделать! А по сути, вся эта круговерть упирается в одно: нужно отважиться любить и быть любимым! Господи, может быть, нам надо наконец научиться быть чуточку... практичней? Мне никогда это не удавалось. Слава богу!

Карна сидит в кресле. Освещение изменилось, солнце садится.

Г е р т р у д (*входит, за ней Фредрик*). Мама. Не было необходимости говорить это Тане сейчас.

К а р н а. Ты тоже так думаешь, Фредрик?

Ф р е д р и к. Ты могла бы немного подождать.

К а р н а. О, как мне грустно.

М а г д а (*входит, за ней Брур*). Но девочка должна знать, что происходит!

Г е р т р у д. Не обязательно узнавать все сразу!

Ф р е д р и к. Не знаю, я ничего не знаю. Если бы этот парень оказался сейчас здесь, я бы застрелил его, будь я проклят!

Б р у р (*медленно, с усмешкой*). Чиновник убивает писателя из бутафорского ружья...

Они смотрят друг на друга. Магда прячет улыбку. Гертруд пожимает плечами, начинает собирать вещи к вечеру. Фредрик помогает ей, потом к этому подключается Магда. Солнце садится. Вдруг появляются они, Тумас и Ульрика, с букетом цветов для Карны.

К а р н а (*радостно*). Улли! Ульрика! Тумас, мой мальчик!

Она обнимает их. Они здороваются. После некоторого колебания Фредрик протягивает руку Тумасу.

У л ь р и к а. Мы зашли на несколько минут... чтобы подарить маме цветы... Все-таки день рождения, обычно мы...

К а р н а. Если вы поженитесь, я обязательно приду на вашу свадьбу... извините, но таково мое желание!

У л ь р и к а. Мама, прости, но это уже произошло. Прости,

Гертруд, может быть не стоило приходить сюда, но мы были неподалеку...

Короткое молчание.

У л ь р и к а. Прости, что зашли, Гертруд. Мы уходим.

Г е р т р у д. Ульрика! Желаю счастья!

У л ь р и к а. Это правда?

Г е р т р у д. Да. Конечно. Нет. Я не знаю.

У л ь р и к а. О, Гертруд!

Она склоняет голову на плечо Гертруд. Они обнимают друг друга. Карна отходит, садится в свое кресло, смотрит на море. Солнце садится.

К а р н а (*восклицает*). Как мне грустно!

Б р у р (*подходит к ее стулу, смотрит на море*). Не грусти, Карна, не надо. Посмотри на море. Оно прекрасно каждый вечер. Там вдали вода впитывает последние капли солнечного света. Гаснут берега, острова, облака... Вот исчез красный буюк у причала, но ты все еще видишь его внутренним взором. Разве это не чудо, быть человеком в такой летний вечер?

Пока Брур говорит, все поднимают лица и вместе с ним смотрят на море. Входит Таня. Свет медленно гаснет, последней освещена Таня.

Тумас и Ульрика замечают ее. Таня глядит на них. Откусывает яблоко, выплевывает зернышки.

Барбру Смедс
ЛЮБОВНОЕ ДЕЙСТВО

Пьеса в одном действии.

Barbro Smeds
KÄRLEKSHANDLINGEN

© Перевод со шведского А. Афиногеновой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АГНЕС, 37 лет.

БЕАТА, 37 лет.

КЛАС, 37 лет.

Квартира. Большая комната, почти без мебели, почти необходимая. Воскресенье. Гулко звонят колокола, созывая на богослужение. На улице идет дождь.

Откуда-то из глубины квартиры доносятся возмущенные голоса. Хлопает входная дверь, появляется Беата, женщина лет тридцати, в наспех наброшенном пальто. Она останавливается, прислушивается. Возмущенные голоса приближаются, теперь отчетливо слышно, что они говорят.

А г н е с. Мог бы давно это сделать. Коли тебя это так раздражает. А теперь уходи! Убирайся!

Беата вздыхает, садится. Появляются Клас и Агнес. На нем пальто, она в комбинезоне.

К л а с. Я еще не закончил, может, позволишь мне хоть раз договорить до конца, мы что, в банке? Ты обращаешься со мной, как с грабителем.

А г н е с. Больше говорить не о чем.

К л а с. Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

А г н е с. Нет, или ты ожидал чего-нибудь другого? Я же переехала, разве не так?

К л а с. Но ведь то, что ты сделала, все меняет.

А г н е с. Конечно, и это еще сильнее убеждает меня в моей правоте! Я тебе не верю! С тобой невозможно иметь дело.

Спроси кого хочешь. Спроси Беату.

К л а с. Беата так считает? Что со мной невозможно иметь дело?!

А г н е с. Спроси кого хочешь.

К л а с (*подходит к ней ближе*). Но я же пытаюсь, я не хочу сдаваться, неужели ты не понимаешь?

А г н е с. Не прикасайся ко мне!

К л а с. Но Агнес...

А г н е с. Не прикасайся ко мне! Ты мне противен! Ты мне не нужен, не нужен, и я этому жутко рада.

Клас бьет ее кулаком в глаз. Агнес вскрикивает. Беата встает, но не двигается с места.

А г н е с. Убирайся!

Клас решительными шагами выходит, громко хлопнув дверью. Беата отступает назад, так что он ее не видит. Агнес садится, плачет. Через какое-то время Беата произносит...

Б е а т а. Агнес...

А г н е с (*поднимает голову*). Это ты?

Б е а т а. Я.

А г н е с (*с перевязочным материалом в руках*). Он ударил меня.

Б е а т а (*накладывает ей на глаз повязку*). Тебе бы надо в больницу.

А г н е с. И что я скажу? Что налетела на дверь?

Б е а т а. На дверь машины.

А г н е с. Я и в самом деле испугалась до смерти. И в то же время мне было жалко его. У тебя это укладывается в голове?

Б е а т а. Да, в общем-то да. Ты хочешь сказать, что он тебя и вправду ударил?

А г н е с. Какое счастье, что ты сумела прийти. Я едва стою на ногах. (*Беата подходит к Агнес, обнимает ее.*) Не понимаю, что у него на уме! Не знаю, чего он добивается! Видеть его больше не могу! Он же меня прикончит!

К л а с (*вновь входит в комнату*). Ну прямо детский сад. Точно дитя малое. Послушай. Эй! Мне надо с тобой поговорить! Прости меня! Прости, прости! Эй! Я хочу попрощаться. Ладно, так и скажи. Скажи: между нами все кончено. Ну, скажи.

Беата подходит к окну с цветными витражами в прихожей, забавляется с цветными лучиками из окна.

А г н е с. Клас! Клас! Клас! Проваливай!

К л а с. Мне надо поговорить с тобой, непременно, прямо сейчас.

А г н е с. Ты же знаешь, что ничего не выйдет, знаешь, что я этого не вынесу, знаешь, что... пожалуйста, ну скажи, чего ты хочешь?

К л а с. Агнес, прости меня. Не стану даже говорить, что вовсе не собирался, но... (*Замечает Беату. Застывает, они смотрят друг на друга.*) Ты здесь?

Б е а т а. Пока не знаю. По-моему, да.

А г н е с. Тебе, наверное, все-таки лучше уйти. Беата только что пришла, у меня нет сил.

К л а с (*подходит вплотную к Агнес и смотрит ей в глаза. После паузы*). Я уйду, когда ты, глядя мне в глаза, скажешь, что между нами все кончено. Но ты не можешь. Не можешь ведь! Посмотри мне в глаза!

А г н е с. У меня и глаз-то не осталось. Я почти ничего не вижу. Клас, это уже чересчур, неужели ты не понимаешь? (*Отходит от него.*)

К л а с. Но пойми и меня! Когда мне бросают прямо в лицо, что ты сделала аборт, не сказав ни слова, и именно сейчас – вот это и впрямь чересчур! (*Беате.*) Это твои штучки? А? А?!

Б е а т а. Я ничего не знала. Я вообще не знала о существовании ребенка.

А г н е с. А никакого ребенка и не было! Аборт на седьмой неделе – это не ребенок, ребенка не было и быть не могло!

Б е а т а. Не могло?

А г н е с. И я не желаю ничего об этом слышать, не желаю обсуждать этот вопрос, потому что это к делу не относится. Нашим отношениям пришел конец, и это чудовищно тяжело, для нас обоих. И вот с этим-то мы теперь и пытаемся справиться.

К л а с. А ты, черт подери, идешь и делаешь аборт! Совсем спятила! Да какое ты имеешь право! Кто ты есть? Ты – дом, комната, но ты ничем не желаешь иметь внутри себя хоть частичку моего, так ведь? Тебе непременно надо избавиться от этого, отомстить! Какая мерзость!

А г н е с. Только не начинай все сначала! Я больше не могу! Я – это я, и ты обязан это уважать.

К л а с. Я – это я! Ничего глупее не слышал! Я – это я!

А г н е с. Я не верю в наши отношения. Для меня ребенок – это акт любви, манифестация, да, высшее проявление любви между двумя людьми и того, что эта любовь будет жить, а у нас все не так, и ты сам прекрасно это знаешь. Ни одному из нас это бы не принесло счастья.

К л а с. Что ты можешь знать об этом? Ты ребенка спросила? Ребенку наплевать! Ребенок хочет появиться на свет! И это надо принять! Покориться! А я! Это ведь и меня касается!

И по-твоему, я должен это терпеть! Ты загубила мою жизнь! Господи, вся это болтовня о женщинах, женщинах – носительницах жизни, но как только дошло до дела, ты оказалась обыкновенным убийцей!

А г н е с. Загубила твою жизнь! Это ты загубил мою жизнь, уже давным-давно! Я пытаюсь спастись, пытаюсь спасти свою жизнь!

К л а с. Да ну!

А г н е с. Я не могу лгать самой себе. Я любила тебя, ты, возможно, тоже любил меня...

К л а с. Возможно!

А г н е с. Но все это теперь полетело к чертям! Загублено! И пытаться заставить меня вынашивать ребенка, зачатого из всего этого, жестоко! Вроде изнасилования.

К л а с (*бьетса головой об стену*). Но он стал бы нашим примирением! Прощением. Послушай! Это сила, которая могущественней нас! Умнее нас! Она говорит нам: остановитесь! одумайтесь!

А г н е с. В жизни не слышала ничего трусливее! Сила, которая могущественнее! Сперва ты запутываешь все до предела, а потом призываешь на помощь высшую силу, чтобы та все расставила по местам. У меня нет слов! (*Ловит ртом воздух.*) Ты настоящий младенец! Неужто, прожив на свете 37 лет, ты еще не понял, что человек должен отвечать за свои поступки! Жизнь – штука практичная! Осел!

К л а с. Ха-ха, ха-ха, практичная! Умереть можно! Интересно, кто тут у нас практичный? Я. Я пытаюсь определить свое отношение к возникшей на практике ситуации – твоей беременности, к появлению ребенка. Это практично. Конструктивно и практично. А ты, практик номер один, королева практичности, ты прячешь голову в кусты и начинаешь молоть что-то про идеальные отношения! Что, мол, наши отношения не идеальные! Где ты нашла идеальные отношения!

А г н е с. Я...

К л а с. Да, да! Ты так и сказала – наши отношения не идеальные, поэтому так, увы, не пойдет, поэтому этот ребенок должен, увы, умереть!

А г н е с. Я знаю только одно: я несу ответственность за свою жизнь, свое тело и за то, что мне представляется правильным. Ничего другого я сделать не в состоянии.

К л а с. А как же я? Я!

А г н е с. Нет, не подходи. Уйди! Пожалуйста, попытайся с уважением отнестись ко мне, к моей жизни, к тому, что у меня есть собственная жизнь.

Б е а т а (*взбирается на стул и начинает медленно снимать с себя одежду, вещь за вещью, пока не раздевается донага*). Посмотрите на меня. Посмотрите на мое женское тело. Перед вами женщина. И я вам рожу другого ребенка. Поглядите мне в глаза, поглядите в глаза женщине, которая принесет в мир новую жизнь.

К л а с. Что-что?

Б е а т а. Посмотрите на тело, по которому стремительно мчится кровь, в котором масса крови увеличивается со скоростью взрыва, дабы питать новую жизнь, в котором прокладываются новые новые пути... и все...

А г н е с. Все...

Б е а т а. Разбухает! И только потому, что я открыла дверь! И в меня хлынул поток, приведя в это ненормально бурлящее, пенящееся состояние.

А г н е с. У тебя будет ребенок? Ты беременна?

Б е а т а. Послушай, ты, самовлюбленная идиотка, это не твое собачье дело!

А г н е с. Как это произошло?

Б е а т а. Как произошло? Как произошло? А вот как — я повернулась задом к северному ветру, и северный ветер дунул мне в промежность, посеяв, стало быть, там семя! Господи!

Клас приближается к двери.

Он уходит, мужчина уходит, потому что он не в силах вынести свихнувшихся женщин. Клас! Сидеть! Место!

К л а с (*подходит к ней, снимает обнаженную женщину со стула и прижимается к ней. Агнес безмолвно наблюдает за ними, теребя повязку*). Я невидимка, меня нет для вас. Что бы вы ни делали, в какую бы сторону ни поворачивались, я для вас не существую.

Б е а т а. Еще как существуешь, ты здесь, внутри. *(Хихикает.)*
А г н е с *(ошеломленно смотрит на Класа)*. Это твой ребенок? Это ты?

К л а с *(возмущенно ходит взад и вперед по комнате, полы плаща бьют по ногам)*. Как узнать, чего хочет женщина? Каждый раз, стоит тебе выбежать, радостному и счастливому, на поляну, как она тут же поворачивается и бегом устремляется в другую сторону или же пускает слезы, притаившись за кустиком. Каждый раз, стоит тебе попытаться просунуть ногу в приоткрытую дверь, как она захлопывается. Да, это я. Я – это я! *(Безудержно хохочет. Снимает плащ, садится.)*

А г н е с. Вот так?

Б е а т а *(продолжает, очень серьезно, со своего рода мужеством)*. И знайте, я посмотрю в глаза каждому и объявлю: вот, я рожу вам новую жизнь! До лунных циклов мне больше дела нет!

А г н е с *(снимает с себя пальто. Исключительно сдержанно)*. Я понимаю только одно – вы за моей спиной...

Б е а т а *(весело)*. Трахались. Только твоей спины я не видела.

А г н е с. А к тем, кто обделяет делишки за моей спиной, я поворачиваюсь задницей! Как ты мог? Клас, как ты мог? И зачем вы сейчас втягиваете меня во все это? *(Бьет Класа своим намоченным пальто.)*

Б е а т а. Вы оба втянуты в мистирию, мистирию жизни. *(Направляется в сторону Агнес, с торжеством демонстрируя свою наготу.)*

А г н е с *(отступает)*. Боже, до чего ты мерзка.

Б е а т а *(сжимает ладонями свои груди)*. И из этих грудей забьет фонтан, заструятся, питая новую жизнь, молоко и мед! Понимаешь, жизнь!

К л а с. Хватит. Кончай. *(Садится и начинает читать «Экспрессен».)* Оденся.

Б е а т а. Как прикажете. Я приняла вас сюда, в мое сердце, и теперь вновь прикрываю мое женское тело этими одеждами. *(Тщательно одевается. Глаза ее наполняются слезами, бегут по щекам.)*

Агнес судорожно всхлипывает.

К л а с. Ну чего вы все время ревете? Или что вы там делаете.

Черт подери, это непостижимо. Вдруг, вдруг, всегда одинаково неожиданно, я совершаю нечто явно непростительное.

А г н е с. Я по-прежнему ни черта не понимаю. Это что, шутка? Б е а т а (*идет по пятам за Агнес с глазами, полными слез*). Да, ты не только не видишь, но и не слышишь. Сейчас я тебе что-то скажу. Я люблю тебя.

К л а с (*Агнес*). Но я же ничего не знал! Ты должна мне верить, я ничего об этом не знал.

А г н е с. Меня?

Б е а т а. Ты и не догадываешься, до чего ты счастливая. И поверь, ничего более трагичного сказать другому человеку нельзя, потому что ты и впрямь не догадываешься.

А г н е с. О чем?

К л а с (*Беате*). Успокойся! Черт подери! Беата, иди сюда, сядь!

А г н е с. Как ты можешь говорить с ней, как ты вообще можешь к ней прикасаться!

Б е а т а. Я люблю твое счастье. И твое счастливое неведение о собственном счастье. (*Садится и вытирает слезы.*)

А г н е с. Представления не имею, что ты тут городишь. Околешица какая-то. У меня такое чувство, будто я совсем прозрачная. Меня, наверное, нет. Со мной можно обращаться как угодно, это ясно. Вы видите меня?

Клас смотрит, прищурившись на нее, закрывает один глаз. Беата медленно кивает.

Зато я вижу! Двух подонков! Господи, да это же просто чудо, чудесная тайна, соединившая вас обоих! Выше всех ваших собственных рассуждений, умнее вас, ну и ну! Комната, дом! И ради этого на свет должен появиться новый человек со своими горестями и радостями! Фантастика, да и только! Фантастика!

Беата и Клас смотрят друг на друга, Клас пожимает плечами.

Б е а т а. Человек умирает понемножку, кусочек за кусочком. Тот краткий миг моей жизни, когда я лишь получала, миновал. Отныне я буду только давать. Странно, что он оказался

таким коротким, а? Как крошечный островок. *(Она сворачивается клубочком на диване.)*

А г н е с *(Класу)*. Что ты теперь собираешься делать? Твои желания всегда были для меня загадкой. Если ты и впрямь хотел, чтобы мы любили друг друга, чтобы у нас были дети, тогда я не понимаю, почему ты поступил так, как поступил.

К л а с. Вопрос о желаниях стал для меня весьма — как бы это сказать — абстрактным. Я живу так... как живу.

Б е а т а. Что управляет нашими жизнями? Можно было бы предположить, что чувства, но я не уверена, по-моему, это неверно. Я проголодалась.

А г н е с. Да ты просто ненормальная! Вы оба ненормальные! Надо же! Вы хотите сказать, что любите друг друга?! Не смешите! *(Беате.)* И ты!

К л а с *(садится на пол)*. Мне плохо. Господи, голова кружится.

А г н е с. Ну что там еще! Может, тоже забеременел! А!

К л а с. Погоди. Скоро, наверное, пройдет. *(Стискивает зубы, его рвет прямо на ковер.)*

А г н е с. Скотина! Тварь! Нет, это черт знает что! Ложится и блюет на мой пол! Идиот! Свинья! Осторожно с ковром! Дьявольщина! Сделай же что-нибудь! Сегодня же воскресенье! Не желаю я всего этого, не желаю больше так жить! Хочу в отпуск!

Беата приносит из ванной таз, который ставит на пол. Потом начинает вытирать тряпкой.

Сука! Монашка чертова! Спешит на помощь мужику! Господи, за что! Чем я заслужила все это!

К л а с *(лежит с позеленевшим лицом, стонет. Одной рукой слабо шарит в воздухе)*. Пожалуйста. Кто-нибудь. Я умираю.

Беата садится на пол чуть поодаль. Спустя мгновение берет его руку. Перебирает пальцы.

Прости меня. Я не хотел. Mamochka!

Б е а т а *(порывшись в карманах)*. Хочешь жвачки?

К л а с. Да, спасибо.

Беата сует жвачку ему в рот.

Мне страшно. Понимаешь? Точно бы вы обе уселись на меня и только и ждете, когда сможете отрезать мне член.

Беата выпускает его руку.

Нет, не отпускай. Держи меня за руку, прошу тебя, сожми крепче. А то я, чего доброго, утону. Агнес?

А г н е с. Что?

К л а с. Мне ужасно плохо. А ты в порядке? С тобой все в порядке, дружочек?

Агнес молчит.

Б е а т а (*сидит, отвернувшись, глядя в окно, судорожно сглатывает, бормочет*). Мне тоже нехорошо.

К л а с. Как же трудно жить. Странно. О Господи, мне надо выйти. (*Встает, выбегает в ванную, запирает дверь. Оттуда доносятся соответствующие звуки.*)

Б е а т а. Я умираю с голоду. Я должна поесть. Я так нервничала перед приходом сюда, что не смогла проглотить ни кусочка.

А г н е с (*бросает ей яблоко, Беата начинает жадно жевать*). Зачем ты пришла?

Б е а т а. Ты меня попросила. Позвонила и попросила прийти как можно скорее. И только тогда призналась, что сделала аборт. Я же этого не знала.

А г н е с. Ты знала достаточно и без этого. Знала все про нашу жизнь. Я же только с тобой делилась, и ты была такая понятливая! Такая чертовски понятливая! Все понимала! Господи, ну и тупица. Если бы ты мне сказала про Класа, я бы тебе кое-что открыла. Он сделал это, только чтобы отомстить мне, неужели не ясно. Посильнее уязвить меня, ведь ты моя ближайшая подруга. И после этого ты являешься сюда!

Б е а т а. Я уже не помню, зачем пришла. Чтобы любить или чтобы уничтожить? Дорога сожрала мои потребности. Сердце колотилось все сильнее, ты ведь ничего не знала. И вот я здесь, но сейчас ощущаю только усталость.

А г н е с. Эта твоя восторженность просто смешна. Ты уродина, вот и все.

Б е а т а. Зато у меня осталось что-то, чего нет у тебя, наконец-то у меня есть что-то, чего нет у тебя!

А г н е с. Ты врешь. Уверена, ты все придумала. Я нисколько в это не верю.

Б е а т а. Сколько лет я это уже слышу. У тебя есть муж, который тебя действительно любит, а ты только кокетливо хнычешь, что он, мол, тебя не понимает! Ты-то его понимаешь?

А г н е с. А ты?

Б е а т а. Я защищаюсь. Должен же хоть кто-то на этом свете меня любить. Бог меня любит.

А г н е с. А вдруг все это лишь сон? Ты сюда не приходила. Тебя здесь нет.

Б е а т а. Ты простишь меня тогда?

А г н е с. Как правильно поступить? Могу ли я вообще как-нибудь поступить?

Б е а т а. Дай выход своим чувствам.

А г н е с. Я могу снова и снова пожелать, чтобы мне никогда больше не пришлось видеть тебя. И его. Господи, если другой человек действительно мешает, всем своим существом, всем! Меня тошнит, тошнит от этого. А блюет, естественно, он. *(Разглядывает Беату с неподдельным изумленным любопытством.)* Он тебе нужен?

Беата долго молчит, под конец ее начинает бить отчаянная дрожь.

Ты тоже улитка, удивительная улитка. Я всегда восхищалась твоим самообладанием. Что... что... ты ощущаешь?

Б е а т а. Ты о чем?

А г н е с *(неуверенно)*. Ну, ты хочешь... хочешь ребенка?

Б е а т а. Не знаю.

А г н е с. Собственно говоря, мы все беременны так или иначе, постоянно. Я имею в виду то, что происходит в нашем теле, происходит все время, что бы мы ни делали. Значит, тогда единственная разница – это ребенок. Твой ребенок.

К л а с *(резко дергает ручку двери ванной, начинает колотить в дверь)*. Помогите! Я не могу выйти! Эй!

А г н е с. В чем дело? Поверни ручку. Открывай! *(Идет к двери ванной.)*

К л а с. Я поворачиваю, черт побери! Вы что, меня заперли?

Откройте! Выпустите меня! (*Колотит изо всех сил.*) Ведьмы! Прекратите!

А г н е с. Успокойся.

К л а с. Я спокоен! (*Бешено колотит.*) Дьявольщина!

А г н е с. Поверни вправо! Хотя нет, погоди, влево! Влево! Ты же знаешь, замок немного туговат. Дерни посильнее и поверни одновременно!

Из ванной доносится звук бешеного удара в дверь.

К л а с. Она отвалилась. Вся эта чертова штукавина отвалилась! О-о-о-о! Дьявольщина! В этом вся ты! Не могла привести в порядок такую ерундовину!

А г н е с. Но раньше такого не случалось! Надо просто немножко покрутить, вот и все.

К л а с (*рычит*). Покрутить! Покрутить! Не хочу! Я хочу ребенка! Черт побери, я хочу ребенка! Дьявольски несправедливо, что у вас на это монопольное право. Слышишь? Агнес!

К двери подходит Беата.

Агнес! Маленького человечка, за которого я буду в ответе. Кого-то, кто будет мне верить. Крошечная ручка. Подумать только, показать этот мир, пусть он дерьмовый и мерзкий, но на него будут глядеть совсем невинные глаза. Вот, сынок! Вот как это все выглядит. Вот это твоя жизнь.

А г н е с. Клас!

К л а с. Я хочу его! Хочу!

Агнес и Беата переглядываются.

Беата собирается что-то сказать в дверь, но раздумывает.

А г н е с (*удивленно*). Ребенка. Ребенка.

Беата возвращается в гостиную.

Клас!

К л а с (*всхлипывая*). Чего?

А г н е с. Клас, почему ты никогда этого не говорил?

К л а с. Ты не спрашивала.

А г н е с. Клас.

К л а с. Что вы там делаете? Чем вы там занимаетесь? Теперь вы сильные, да? Свободные женщины, а?

А г н е с. Но...

К л а с (*возится с дверью, которая внезапно открывается. Он останавливается на пороге*). Я люблю тебя.

А г н е с. Это умерло.

К л а с. Но мы с тобой живы.

А г н е с. Дело не в этом. Я убила свое чувство. Давным-давно. Слишком было больно. Я не выдержала. Слишком больно быть настолько зависимой. Может, ты и не виноват, но ты меня так глубоко обидел. Слишком глубоко. Ты изо всех сил все время старался держать меня на расстоянии. Так не пойдет, Клас. Что ты чувствуешь сейчас?

К л а с. Я жутко проголодался. У тебя найдется что-нибудь? (*Уходит на кухню.*)

Агнес идет в гостиную, садится на диван рядом с Беатой.

Б е а т а. Знаешь, в детстве я однажды увидела в церкви окно. Витраж. Всевозможных цветов, правда, именно всевозможных. В окно светило солнце, и все эти цвета лежали в ряд, бок о бок. Это и есть любовь. Не отбрасывать ни единого цвета, ни единой краски.

А г н е с. У меня перед глазами одна чернота.

Б е а т а. Человек умирает, понемножку, кусочек за кусочком. Краски гаснут, одна за другой. Может, и хорошо, что наступает чернота, потому что все краски я сохранила в себе. Уф, не знаю.

А г н е с. Чего ты не знаешь? (*Склоняется к Беате.*)

Клас приходит из кухни, жуя и причмокивая.

Б е а т а. Вкусно?

К л а с. Вполне.

А г н е с. Ух, до чего аппетитно.

К л а с (*перестает жевать, переводит взгляд с одной улыбающейся женщины на другую, возвращается на кухню*). Простите, простите, я понял.

Молчание. Клас возвращается с подносом, на котором лежит

батон с воткнутым в него стоймя огурцом и капустными листьями вокруг.

А г н е с. Красотиша.

К л а с. Не пойму я вас. Сегодня в газете под изображением бронтозавра или черт его там знает кого было написано, что мужественность есть нечто вымирающее, нечто, что уже вымирает. Вы тоже так вот смотрите на дело?

Б е а т а (*ест*). А что, похоже?

К л а с. Не знаю. Но, честно говоря, я не знаю, и какова моя функция. А! Вы хозяйничаете, распоряжаетесь, а мне приходится точно на цыпочках ходить, красться, словно тень, да держать ухо востро, как какому-нибудь чертову муравью!

Беата раздражается бурными слезами.

В чем теперь-то дело? А? О, это так на тебя похоже!

Б е а т а. Разве я тебя к чему-нибудь принуждала? А? Я тебя о чем-нибудь просила? Ты что, не слышал, что я сказала? Я жду ребенка! Твоего ребенка!

К л а с. Да, но ведь я этого не хотел! Просто так получилось! Мне было настолько скверно, что я едва мог вспомнить собственное имя. Да, да, да, я благодарен тебе за заботу. Да! Но сейчас я не желаю, чтобы меня из-за этого обливали дерьмом. Черт, ведь это же было здорово, я пришел к тебе, пришел, как маленький ребенок.

Б е а т а. А теперь он тут!

К л а с. И что я могу на это ответить, чего ты ждешь от меня? Вот как! Говорю я. (*Ест*.) Вот что я говорю.

Б е а т а. Вот как?

К л а с. Но ты же должна дать мне немного времени, а то являешься сюда и точно бомбу взрываешь, вдобавок ко всему остальному, тут уж не до ответа.

Б е а т а. А как же я?

К л а с. Но послушай, дружок. А? Я ведь считал само собой разумеющимся, что ты предохранялась каким-то образом, я хочу сказать, о Господи! Или ты этого хотела? Ты именно этого и хотела?

Б е а т а. Ну да, мне, разумеется, следовало, как ты сказал, предохраняться каким-то образом. Что ж, на будущее постараюсь придумать что-нибудь вроде панциря. *(Словно бы про себя.)* Но мне страшно, страшно хочется иметь ребенка, правда.

Долгое молчание.

К л а с. Вот как! Конечно, ты ведь своим телом сама распоряжаешься. Верно?

Б е а т а. Я ничегошеньки сейчас не знаю. Не знаю. От одной лишь мысли, что я буду каким-то образом связана с тобой всю оставшуюся жизнь — о-о-о-о-о! Я ненавижу вас, я не хочу больше никогда вас видеть! *(Идет к двери.)*

А г н е с. Нет, не уходи, пожалуйста, не уходи! Беата, я тебя так люблю, прошу, не уходи.

Б е а т а *(сползает на пол у двери, Агнес ведет ее и снова усаживает на диван)*. Я вдруг чудовищно устала.

К л а с. Беата, прости меня. Я не хотел, то есть я понимаю, это может показаться жестоким, не знаю, меня точно оглушили. Почему мы все время должны ранить друг друга? Мы же любим друг друга, на самом-то деле?

Б е а т а. Я бы с удовольствием приняла ванну. Чувствую себя какой-то липкой.

А г н е с. Так и прими. *(Идет в ванную, пускает воду.)*

К л а с. Кстати, это неправда, что «просто так получилось», ты-то знаешь. То время, которое мы бывали вместе, оно с нами, мы ведь желали друг друга.

Б е а т а. Да, но что это было за желание. Я действительно раскаиваюсь.

К л а с. Не раскаиваешься. Я тебе не верю.

Б е а т а. Но сейчас мы не в силах с этим справиться.

К л а с. Почему надо постоянно со всем справляться? Ну ладно, в эту минуту нам не справиться, но мы же все равно вместе? Иди, я тебя раздену. *(Дотрагивается до нее, его бьет током.)* Ай!

Б е а т а. Может, я превращаюсь в своего рода молнию, гром, соляной столб? Не знаю, как это называется? Когда ты словно бы испускаешь молнии.

К л а с. Ну же, прошу тебя, убей меня!

Б е а т а. Нет, я лучше изнасилую тебя этим вот огурцом!

К л а с. И я рожу маленькие огурчики.

А г н е с (*входит*). Знаете, я сейчас вся переполнена чувством вины, жуть какая-то. Я хочу сказать, кого мне винить, все это уже просто смешно. Вы ведь тоже обманщики, изменники и обманщики. Теперь ваша очередь страдать, поделом вам!

К л а с. Да! Да! Еще! Kill me! Армагеддон! Давай, что там еще может быть – саранча! Тьма! Потоп! Дикие звери! Плесень! Мешки с мусором! Все дерьмо, которым мы набиваем мусорные мешки, считая, что избавились от него! О, я не выношу этой всеобщей причесанности и продуманности! Сплошная фальшь! Я хочу быть женщиной!

А г н е с. У меня нет сил разбираться – все время, постоянно, всегда, и все равно чувствовать себя чертовски виноватой по самым разным поводам, не имеющим ко мне ни малейшего отношения! Разбирайтесь сами со своими проблемами! Это мой дом! Почему я должна чувствовать себя виноватой во всем!

Б е а т а. А я прекращаю попытки понять кого-нибудь. По-вашему, я ни в чем не нуждаюсь. По-вашему, я сильная и уравновешенная! Да подавитесь! По-вашему, я такая бесконечно зрелая и все понимающая! Вы ничего не знаете обо мне! Вас это даже не интересует!

А г н е с. Но ведь это ты никого к себе не впускаешь.

Б е а т а. Ладно! Давайте, входите! Я хочу ребенка! Вот чего я хочу!

К л а с. О'кей!

Б е а т а. Что?

К л а с. Ладно, сказал я. Ладно!

А г н е с. Да!

Они идут какой-то нестройной, беспорядочной процессией по квартире.

Беата лежит в ванне, Агнес сидит на унитазе, Клас притум-

¹ Убей меня! – англ.

лился на краю раковины, уставившись на свое отражение в зеркале.

К л а с. Видел ли я это лицо раньше? Похоже, никогда.

Б е а т а. Мне кажется, человек каждый день рождается заново. Так или иначе.

А г н е с. Только не я. К сожалению. Я все та же, та же, та же. Именно так. Все таскаю за собой, постоянно, не умею забывать. У меня внутри словно бы угнездились ощущение какой-то ошибки, оно оборудовало себе там комнатку, и стоит нажать на кнопку, как я оказываюсь там, в самом центре. Не думаю, что что-нибудь может измениться.

Б е а т а. Но ты должна была почувствовать какое-то изменение. В теле.

А г н е с. Да, но я только и чувствовала, каждой клеточкой своего тела чувствовала, что это ошибка, ошибка. Это была не я. И это чувство нужно уважать, разве нет?

Б е а т а. Я уже стала другой и, по-моему, не смогу вернуться к прежнему. Это плоть и кровь. Это действительность, понимаешь? Совсем новое ощущение для меня, потому что вообще-то мне казалось, будто я живу как бы в воде. Никаких следов. Ничто не оставляет никаких следов.

А г н е с. Я думаю, вода тоже хранит воспоминания. Они оставляют в ней свои, ну вроде как бы отпечатки.

Б е а т а. Вода существует, но какие есть доказательства того, что жизнь существует? Что чувства существуют?

К л а с. Вообще-то, возможно, все это – тюрма: представление, будто человек должен непрерывно создавать собственную жизнь, гнаться за результатом, пытаться оставить след. По-моему, ни одной женщине не понять, насколько сильно это искушение. И какая требуется сила, чтобы удержаться от него, не погрузиться в некую тьму.

Б е а т а. В воду.

К л а с. Да, в воду. В тьму. В женщину. *(Раздевается и залезает в ванну.)* Господи, какое блаженство! Какое блаженство!

А г н е с. Это как крещение. Похоже на крещение! Здорово!

Б е а т а. Я вдруг подумала, а что если у меня будет мальчик!

А г н е с. Как ты его назовешь?

К л а с. Иисусом.

Б е а т а. Иисусом? Нет! Хотя почему, может, и Иисусом. Нет, это уж слишком. Робинот или что-нибудь в этом роде. Алланом!

А г н е с. Знаете, чего мне хочется?

Б е а т а. Искупаться.

А г н е с. Как ты догадалась?

Б е а т а. Почувствовала.

А г н е с. Но мне нельзя, могу занести инфекцию. Надо бы вымыть голову. Только вот эта чертова повязка, фу, как все тяжело. Кровь никак не останавливается.

К л а с. Наклонись, я тебе вымою голову. Я осторожно, очень осторожно. *(Начинает мыть ей голову, потом внезапно поднимает на руки и сажает в ванну.)*

Все смеются.

Б е а т а. Нет, это уже чересчур, даже противно.

К л а с. Почему это? Вовсе нет!

Б е а т а. Что-то в этом есть противоестественное. Пожалуй, мы все своего рода жертвы. Кипим и варимся в одном котле.

А г н е с. А на улице идет дождь. Вода — она все-таки прощение. Я знаю, мне надо каким-то образом начать все заново. Клас, я смотрю тебе прямо в глаза этим своим единственным чертовым глазом, видишь?

К л а с. Вижу.

А г н е с. Все кончено.

К л а с *(смеется)*. Не для меня.

Стиг Ларссон

«И. О.»

Пьеса в одном действии

Stig Larsson

«V.D.»

© Перевод со шведского Е. Глухарева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СВЕН.

ХАНС.

АННА.

ТАГЕ.

ЛЕНА.

Ханс, молодой рабочий, и Анна, его девушка, сидят на диване в гостиной. У одной кулисы стерео и телевизор на книжной полке, оба выключены. У другой – камин с искусственным очагом. Ханс и Анна смущенно смотрят друг на друга.

А н н а. А это обязательно?

Х а н с. Да тут же ничего страшного. Сделай и все.

А н н а. Но это же не так делается. Ты не должен меня видеть, и я тебя не должна. Я не знаю точно, как все это происходит. Но вроде бы надо сидеть в исповедальне.

Х а н с. Не обязательно. Я же знаю, кто ты. А ты знаешь, кто я. Значит, можно и так.

Анна улыбается Хансу, словно стараясь не захихикать.

Х а н с. Не так уж мучительно, а?

А н н а. И я должна буду называть тебя “отче”? Так, кажется.

Х а н с. Можешь, но это не важно.

А н н а. Отче. Я хочу исповедаться.

Х а н с. Говори, дитя мое.

А н н а. Я плохо думала о некоторых больных из моего отделения. Надеялась, что они умрут, и все такое. Многие из них и умерли. Наверное, неизбежно, что они начинают тебя раздражать. Проблема в том, что на это уходит столько средств. Ландстинг все время разрастается. Но им-то все равно от этого никакой радости. Нет, некоторые радуются, когда им дают мороженое. Они как дети, правда. Просто удивляешься, почему они продолжают бороться. Отче, вы бы посмотрели на тех, кто действительно борется. Но, может, это как раз лучшие – те, кто борется.

Х а н с. Но ты, Анна, ничего такого, надеюсь, не сделала?

А н н а. Чего именно?

Х а н с. Потому что иначе я не понимаю, зачем ты все это говоришь.

А н н а. Ты имеешь в виду, не убила ли я кого-нибудь?

Х а н с. Не знаю. Да.

А н н а. Я действительно убила. Троих.

Х а н с. Что?!

А н н а. Разумеется, я этого не делала. Хуже всего, отче, – я думала, что им следовало бы умереть. Особенно тем.

Х а н с. Ты хочешь сказать, что думала так и о других?

А н н а. Да, я частенько так думаю.

Х а н с. Это все, дитя мое?

А н н а. Странный ты. Почему ты все время говоришь «дитя мое»?

Х а н с. Мы же договорились. А ты должна называть меня «отче».

А н н а. Так вы отпускаете мне грехи, отче?

Х а н с. Да. Больше у тебя на сердце ничего нет?

А н н а. Я должна говорить все?

Х а н с. Все, дитя мое.

Раздается звонок в дверь.

А н н а. Наверное, Таге.

Ханс поднимается с места.

Х а н с. Вряд ли.

Ханс покидает сцену. Мы слышим, как открывается входная дверь. Приглушенные голоса. Анна встает. Вместе с Хансом входит Свен, директор, мужчина средних лет.

А н н а. Привет.

Х а н с. Анна, это Свен.

С в е н. Здравствуй, Анна.

Свен и Анна пожимают друг другу руки.

Х а н с. Ты будешь в шоке, Анна. Свен – наш и.о.

А н н а. И.о. директора?

С в е н. Совершенно верно. *(Садится на диван.)* Я понимаю, вы считаете, что я... м-м-м, как бы это сказать, малость с приветом, коль так навязываюсь.

Х а н с. Да нет, вовсе нет. Хочешь кофе?

С в е н. Ни в коем случае. Я иногда прихожу вот так к нашим служащим. Никогда не предупреждаю их заранее. А то они такое навьдумывают. А это совсем ни к чему.

Ханс садится в кресло, Анна в другом углу дивана.

С в е н. Мы ведь с Хансом совсем не знакомы. Ты, наверное, меня видел?

Х а н с. Видел.

С в е н. Вы, конечно, думаете, что я ужасный наглец. Но я просто хочу посмотреть, как живут наши служащие. Больше ничего. Стать к ним поближе. Между нами слишком большая дистанция.

А н н а. Идея отличная.

С в е н. Так ты, значит, девушка Ханса?

А н н а. Ага.

С в е н. А что делаешь?

А н н а. Работаю в больнице, в отделении для хроников.

С в е н. Тяжело?

А н н а. В смысле? Да. Тяжело.

С в е н. Да, можно с ума сойти, когда видишь, как люди умирают.

Мои родители вот так угасли у меня на глазах.

Х а н с. Прискорбно.

С в е н. Это было давно.

Х а н с. Интересно, как мы там будем выглядеть.

С в е н. Ну, я-то туда первый попаду.

Х а н с. Да, возможно.

А н н а. Вовсе не обязательно. Бывает по-разному. У меня в отделении лежал один парень, которому было двадцать. Автокатастрофа, мозговая травма. Он уже умер.

Х а н с (*Свену*). На твоей работе тоже, наверное, часто умирают молодыми? Инфаркт и все такое.

С в е н (*Анне*). Давно ты там работаешь?

А н н а. Два года.

Х а н с (*Свену*). У тебя работа нервная?

С в е н. Пожалуй. (*Анне*.) А давно вы уже вместе?

А н н а. Два года.

С в е н. Значит, целая эпоха в твоей жизни. Ханс и отделение для хроников.

А н н а. Можно сказать. Хотя мне это никогда не приходило в голову.

Х а н с. Если не хочешь кофе, может, принести чего-нибудь другого? У меня виски осталось.

А н н а. У нас.

Х а н с. Да. У нас.

С в е н. Если только вы сами собирались выпить...

Х а н с. Конечно.

А н н а. Принеси.

Х а н с (*поднимается*). Принести?

С в е н. Принеси.

Ханс уходит.

А н н а. По-моему, это... Ну, я не знаю, как сказать, в общем, прекрасная мысль.

С в е н. Ты о чем?

А н н а. Я не помню точно, как ты сказал, ну, что не должно быть такой пропасти между начальниками и подчиненными.

С в е н. Для меня это правило.

А н н а. Заходить домой к своим подчиненным?

С в е н. Я стараюсь не ограничиваться какой-то определенной категорией. От этого идет привычка мыслить категориями. Поэтому мои друзья так не похожи друг на друга.

А н н а. Расскажи о том, что ты делаешь. О... О том, как ты... Я же ничего не знаю.

С в е н. А без этого нельзя?

А н н а (*улыбается*). Можно, конечно.

С в е н. У вас хорошая квартира. Я не сказал это сразу. Но я действительно так считаю. Хорошая, правда.

А н н а. Ты думаешь?

С в е н. Да, то, что надо. Иногда это заметно. Есть какая-то атмосфера. Хорошая атмосфера. В самих стенах.

А н н а. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Мне тоже так кажется.

С в е н. А камин не работает?

А н н а. Не-а. У нас искусственный.

С в е н. Вижу.

А н н а. И все-таки смотришь на него – и на душе так спокойно становится. Я обычно гляжу на него, когда Ханс смотрит спорт по телевизору. Меня-то спорт не очень интересует.

С в е н. Вы не собираетесь завести детей?

А н н а. Детей?

С в е н. Детей, детей.

А н н а. Собираемся. Но, может, попозже. Не сейчас.

С в е н. Почему?

А н н а. Ведь для этого нужно девять месяцев... Нет, шутка неудачная. Нет... Я должна этого захотеть. А пока я не хочу.

С в е н. У меня есть дети.

А н н а. Да?

С в е н. Да, один ребенок. Девчонка. Толстуха. Об этом как-то не думаешь. Что они могут стать такими. Жутко толстыми.

А н н а. Жестоко сказано.

С в е н. Тебе кажется?

А н н а. Да. Хотя, может, это правда. Если она и в самом деле толстая.

С в е н. Толстая, толстая.

А н н а. Но ты не толстый. Я хочу сказать, что это обычно передается по наследству.

С в е н. Она толстая сама по себе.

Входит Ханс с виски. И тремя стаканами.

Х а н с. Я был в уборной.

А н н а. Не обязательно об этом сообщать.

Ханс садится, наливает в стаканы виски.

С в е н. Что ж, ваше здоровье. Хорошо тут у вас.

Х а н с. Ваше здоровье.

А н н а. Ваше здоровье.

С в е н. Потом надо посмотреть друг другу в глаза.

По очереди смотрят друг другу в глаза.

Х а н с. Положить льда?

С в е н. Как тебе нравится работа, Ханс?

Х а н с. Там хорошо... Чисто.

С в е н. Чисто?

Х а н с. Ага, мне так кажется.

С в е н. Я слышал, тыходишь в группу контроля качества.

Х а н с. Да. Дело интересное. Только, наверное, трудно добиться каких-то изменений.

С в е н. Если есть что-то конкретное, скажи.

Х а н с. Я думаю, большой эффект получился бы от улучшения подачи кислорода при лакировке. Маленькие частички металла ведь засыхают в лаке. Это незаметно. Но впоследствии – вот в этом-то и состоит моя теория – могут образоваться трещины, а отсюда ржавчина... Впоследствии.

С в е н. Вы это обсуждали?

Х а н с. Мы сейчас изучаем возможности. Это же вопрос денег. Аппарат ведь совсем недавно установили. Восемь месяцев или что-то в этом роде. Сейчас уже девять. Да, дело в деньгах... Но это как бы моя идея. Этим я сейчас и занимаюсь.

С в е н. Почему у вас нет детей? Можно мне еще?

Ханс наливает Свену виски.

Х а н с. А у тебя самого есть дети?

С в е н. Да, один ребенок, дочь. Примерно вашего возраста.

А н н а. Толстая.

Ханс смотрит вопросительно.

А н н а. Он сам сказал.

С в е н. Да, у нее с этим проблемы.

Х а н с. Нет, у нас детей нет.

А н н а. Пока мы об этом не думаем. Мы даже не говорили об этом. Правда, Ханс?

Х а н с. Правда.

С в е н. И почему же?

А н н а. Надо убедиться, что у нас это всерьез.

С в е н. И сколько времени на это надо?

А н н а. Не знаю. Пожалуй, это всерьез. Как по-твоему, Ханс? Это зависит от тебя.

Х а н с. Что до меня, то все в порядке.

А н н а (*Свену*). Он такой ревнивый.

С в е н. Я чувствую себя Святым духом. Обычно я всюду доказываю, что надо заводить детей. Думаю, я сделал немало для того, чтобы многие из живущих сегодня появились на свет. Я убеждал их родителей. И спустя день-другой они шли в спальню.

А н н а. Потрясающее, должно быть, чувство.

С в е н. Верно.

Х а н с. Откуда тебе знать, что это твоя заслуга?

С в е н. Дети чувствуют, когда мы потом встречаемся. Дети вообще меня любят. Но особенно те дети. Помню, одного своего друга я убеждал целую ночь. Девушка-то хотела, а он был... ну, вы знаете. Тем не менее спустя несколько недель

он позвонил и сообщил. Она забеременела. Проходит одиннадцатая или двенадцать лет. Я встречаю их за городом, на празднике. Там и их дочка, получилась девочка. Она во дворе с другими детьми. У них тележка. Время — часов восемь вечера. Все ждут ужина, а он запаздывает. Конец лета, вечер, немного прохладно. Я сажусь с ней в коляску, или тележку. Двое других детей возят нас по двору. Я рассказываю о разных странах, которые мы проезжаем. Вот мы в Японии — а теперь в Конго — а теперь в Перу. При этом я держу правую руку на ее груди и чувствую, как они начинают расти. И знаю, в этот момент я знаю, что она моя. Без меня — ничего. Это Святой дух.

А н н а. А как же твоя собственная дочь?

С в е н. У нас с ней нет контакта. Я с ней встречаюсь. Вот и все.

Х а н с. Тебе еще, Анна?

А н н а. Да.

Ханс наливает себе, Анне. Свен допивает. Ханс наливает ему.

С в е н. Вы снимаете эту квартиру?

А н н а. Да.

Х а н с. Мы пока выплачиваем ссуду. Вообще-то это кооператив.

В этом году отпуска не получилось.

А н н а. Мы думали съездить в Грецию. Но не вышло.

С в е н. Греция красивая. Греческая культура.

А н н а. Да, античность.

С в е н. Тебе повезло, Ханс.

Х а н с. В чем это?

С в е н. У тебя есть Анна. (Анне.) Ты прехорошенькая.

А н н а. Ты так считаешь?

С в е н. Когда ты смотришь мне в глаза, оба зрачка должны глядеть в мои.

Анна, не отрываясь, смотрит на Свена.

А н н а (улыбается). Вот так?

С в е н. Ты не против, если я подержу твои ступни?

А н н а. Поддержишь?

С в е н. Да, мне нравятся ступни. (Хансу.) Ты не против?

Х а н с. Да нет.

С в е н. Она сказала, что ты ревнивый.
Х а н с. Да, но ступни, — что тут такого?

Анна кладет ноги на колени Свена. Свен берет их в руки, массирует.

А н н а. Так и будешь держать?

С в е н. Ага... Я вижу, у тебя ногти покрашены.

А н н а. В красный цвет.

С в е н. Где ты купила колготки?

А н н а. Есть один магазин на Эстермальме, не помню, как называется.

С в е н. Мне нравятся ступни. Они так много говорят о человеке.

А н н а. Что же говорят обо мне мои?

С в е н. Что ты нетерпеливая.

А н н а. Нетерпеливая?

С в е н. Да, тебе бы все поскорее. Ты не умеешь ждать.

А н н а (*Хансу*). Я такая?

Х а н с. Не знаю. Хотя, пожалуй, ты и впрямь немножко нетерпелива.

А н н а. Что же они еще говорят?

С в е н. Ты мучила их слишком тесными туфлями.

А н н а. Верно. Ты это чувствуешь? (*Хансу*.) Потрясающе, а? Что он все это чувствует.

С в е н. И еще я чувствую... Подожди!

А н н а. Да?

С в е н. У тебя слишком большие мечты. Нереалистичные. Ты часто бываешь... Да, да. Апатична. Ты апатична.

А н н а. Это чувствуется по моим ступням?!

С в е н. Ты ничего не ждешь, вот что делает тебя апатичной.

Х а н с. Где именно в ступнях это чувствуется?

А н н а. Что ты хочешь сказать?

Х а н с. Это же должно где-то чувствоваться. В пальцах? В пятках?

С в е н. Всюду. Но у тебя красивые ступни, Анна.

А н н а. Правда?

С в е н. Хочешь, я еще что-нибудь прочту по ним?

А н н а. Да.

С в е н. Тогда мне надо потанцевать с тобой. У вас есть музыка?

Х а н с. Что тебе поставить? (*Поднимается.*) Аппаратура у нас не очень хорошая. Но мы копим на новую.

С в е н. И еще на Грецию?

Х а н с. Грецию?

С в е н. Да, на поездку в Грецию.

Х а н с. Нет, на этом мы поставили крест.

С в е н. Поставь что-нибудь медленное. (*Анне.*) Если ты хочешь?

А н н а. Не знаю. Здесь?

С в е н. Да, а ты что думала? Что мы отправимся куда-нибудь?

Ханс, в нерешительности, у стереопроектора.

Х а н с. Так что будем делать?

С в е н. Поставь что-нибудь.

Ханс ищет.

С в е н. Что скажешь? Хочешь узнать побольше?

А н н а. О чем?

С в е н. О тебе самой. Ты же хотела.

А н н а (*встает*). Ну ладно. (*Хансу.*) Нашел что-нибудь?

Ханс достает пластинку.

Х а н с. Здесь есть несколько медленных мелодий.

Свен поднимается, берет Анну за руку. Ханс находит медленную мелодию.

А н н а. Да, это медленная.

Свен и Анна держат друг друга левыми руками, правыми обнимая друг друга за спину. Ханс садится.

Х а н с. Прибавить звук?

Они отпускают руки, обнимая теперь друг друга за спину обеими руками. Ханс наливает себе в стакан виски. Руки Свена на пояснице Анны. Они танцуют, плотно прижавшись друг к другу, немного отставая от музыки. Это продолжается минуты три. Никто не произносит ни слова. Анна чуть сильнее прижимается к Свену. Когда мелодия заканчивается, Анна отступает на шаг назад; они отпускают друг друга.

А н н а. И так?

С в е н. О чем ты?

А н н а. Что ты чувствуешь теперь?

С в е н (*Хансу*). Выключи стерео, пожалуйста.

Ханс встает, выключает стерео.

А н н а (*Свену*). По-моему, ты страшно одинок.

С в е н. Это я должен был сказать кое-что о тебе.

Ханс идет и садится опять.

А н н а. И так?

С в е н. Повернись.

Анна поворачивается к нему спиной.

А н н а. Зачем это?

В это время Свен кладет ей руку под левую грудь.

С в е н. Я должен почувствовать твое сердце. Иначе я ничего не смогу сказать.

А н н а. Быстро ли оно бьется? Или что?

С в е н. Ты будешь хорошей матерью. Вот чего ты боишься.

А н н а. Как это боюсь?

С в е н. Ты думаешь, что после этого все кончится. Что это все равно, что лежать там.

А н н а. Где это?

С в е н. В твоём отделении. Что все кончится, когда у тебя появится ребенок, все. Но ты не должна так думать, а то все кончится уже сейчас.

Свен отпускает ее. Она поворачивается.

А н н а. Ты это чувствуешь?

С в е н. Я чувствую, что у тебя доброе сердце.

А н н а. Я сяду.

С в е н. Садись.

Они садятся.

Х а н с (*Свену*). Ты хочешь сказать, что в жизни есть период,

когда заводят детей. И есть другой, когда лежат в отделении для хроников.

С в е н. Да, только это не одно и то же.

Х а н с. Но это и так ясно.

С в е н. Анна так не считает.

Х а н с. Откуда ты знаешь?

С в е н. Откуда ты знаешь, что это не так?

А н н а. Это не так.

Х а н с. Может, лед принести?

С в е н. Я не люблю лед. Он напоминает мне о холодных людях.

А н н а. Может, все люди в глубине души холодные.

Х а н с. Я, во всяком случае, не холодный.

С в е н. Это правда, Ханс. Ты не холодный. (Анне.) И ты тоже.

А н н а. Надеюсь.

С в е н. Да нет, вы же такие естественные. Вы сами этого разве не чувствуете?

Х а н с. Наверное, мы такие, как большинство.

А н н а. Какие ужасные слова. Мы же личности.

Х а н с. Конечно, все — личности.

С в е н. Неправда.

Х а н с. Неправда?

С в е н. Большинство людей неестественны. Особенно из высшего класса. И люди с высшим образованием. Все, кто слишком высокого мнения о себе. Им приходится строить из себя что-то. Вы этого не замечали?

Х а н с. У нас, пожалуй, таких знакомых мало.

А н н а. А наши учителя? Они ведь, что называется, люди с высшим образованием.

С в е н. И они не были неестественными?

А н н а. Я над этим не задумывалась.

С в е н. Они скованные и чертовски робкие.

Х а н с. Да, но ты же... Я не хочу сказать, что ты такой... Но ты же тоже, ты тоже относишься к лучшим слоям, как говорится.

С в е н. Я отношусь ко всем слоям.

Х а н с. Да?

С в е н (улыбается). А ты этого не ощущаешь?

Х а н с. Ощущаю, ты вообще в порядке.

С в е н. Выпьем?

Они поднимают стаканы и смотрят друг другу в глаза, как говорил Свен.

А н н а. Между людьми не должно быть различий.

С в е н. Ты, часом, не коммунистка?

А н н а. Да нет, правда нет. Но все должны бы получать одинаковую почасовую оплату. Если работаешь, разумеется. А если не работаешь, ничего и не получишь. Тогда все бы работали.

С в е н. Значит, нам с Хансом полагалась бы одинаковая почасовая оплата?

А н н а. А почему бы и нет?

Х а н с. На нем же гораздо больше ответственности. Тогда никто не захотел бы быть директором.

А н н а. Но на жизнь-то хватает. А роскоши никакой не нужно.

С в е н. А по-твоему, я произвожу впечатление человека, живущего в роскоши?

А н н а. Откуда мне знать? Но ты ведь понимаешь, что я имею в виду? Я говорю об этом как об идеале. А когда людям платят разную зарплату, между ними и возникают различия.

С в е н. Тебе, наверное, просто завидно.

А н н а. Возможно, я сморозила глупость. Но речь шла об идеале.

С в е н. Анна, ты меня прощаешь?

А н н а. За что это?

С в е н. Ты доверила мне свой идеал, а я говорю, что ты завидуешь. Страшно глупо с моей стороны.

Х а н с. Хорошо иметь идеал.

А н н а. Тебе вовсе незачем просить прощения. Я сморозила глупость. Я не хотела тебя задеть.

С в е н. Это я понимаю, Анна.

А н н а. Но все-таки ты хорошо сделал, что попросил прощения. Это доказывает, что в тебе есть смирение.

С в е н. Знаешь что, Анна?

А н н а. Нет.

С в е н. По-моему, у тебя очень красивый зад.

А н н а. Не знаю. (*Хансу.*) Он у меня правда красивый?

Х а н с. Да. Еще бы.

А н н а. Просто невероятно, что ты смог столько из меня выудить. Ты же меня совсем не знаешь.

С в е н. Думаешь?

А н н а. Да, особенно что касается всей этой психологии. *(Хансу.)*

А ты ведь мне никогда этого не говорил.

Х а н с. Чего именно?

А н н а. Да всего. Всего, что он сказал.

С в е н. Люди никогда не бывают по-настоящему прозрачными, но можно научиться видеть их почти насквозь.

А н н а. Интересно, к какому выводу ты бы пришел, если бы мы были вместе.

С в е н. Как это?

А н н а. Ну, если бы ты переспал со мной.

С в е н. Но мы же не можем это сделать.

А н н а. А я это и не имела в виду. Я просто привела пример.

Х а н с. Чаще всего, чтобы узнать друг друга, требуется много времени.

С в е н. И к чему же ты пришел?

Х а н с. Ты имеешь в виду, что за человек Анна?

С в е н. Да.

Х а н с. Не знаю. Так сразу не скажешь.

С в е н. Но хоть что-то же можешь сказать.

Х а н с. Смотря о чем.

С в е н. То есть?

Х а н с. Ну, ты имеешь в виду вот так, в общих чертах?

А н н а. Но что-нибудь ты, наверное, можешь сказать, Ханс.

С в е н. Я тоже так считаю.

Х а н с. Ничего я не хочу говорить. Это будет просто глупо.

С в е н. Возможно, вам это будет неприятно. Боюсь, это будет неприятно.

А н н а. Что именно?

С в е н. Я знаю, что должен дать что-нибудь взамен, а единственное, что я могу дать, это деньги.

Несколько секунд стоит тишина.

Х а н с. Что ты хочешь сказать?

С в е н. Я хочу, я знаю, что не имею на это права, но я хочу... Я хотел бы, чтобы ты подняла платье. На тебе же есть колготки и трусики. А мне бы очень хотелось, чтобы ты это сделала.

Несколько секунд стоит тишина.

С в е н. Это не обязательно.

Х а н с. Зачем ей это делать?

С в е н. Там кроется много от личности. Я хочу узнать ее поближе.

Хочу узнать поближе вас обоих. Вот зачем.

А н н а. Только поднять платье?

С в е н. Да. Даю вам за это тысячу. Я знаю, что это звучит ужасно.

Но... для меня это стоит того.

Х а н с. Целую тысячу?

С в е н. Да.

А н н а. Значит, только приподнять платье?

Свен достаёт бумажник, вынимает тысячекроновую купюру, кладет ее на стол.

Х а н с. Тысяча крон! Это невозможно.

А н н а (*Свену*). Для тебя это стоит того?

С в е н. Стоит.

А н н а. Большие деньги. Абсурд какой-то!

С в е н. Плюнь на условности. Для вас это не играет никакой роли. А для меня деньги не играют никакой роли.

А н н а. Но это же как-то странно – ты согласишься только, чтобы узнать меня. Значит, ты должен увидеть это... ну, в колготках и все такое?

С в е н (*Хансу*). Ты не против?

Х а н с. Нет, это действительно не играет никакой роли. Это... Я не понимаю зачем... Почему ты... Ну, да... это не играет никакой роли. Но целая тысяча! Это же безумие!

А н н а (*Хансу*). Так сделать мне это?

Х а н с. Давай, если хочешь.

Анна поднимается, поворачивается спиной к Свену, лицом к публике. Задирает сзади платье, наклоняется вперед.

А н н а. Так хорошо?

С в е н. Он красивый.

А н н а. Можешь спустить колготки и трусики. Думаю, за тысячу крон ты имеешь право увидеть это.

Свен так и делает.

С в е н. Он и впрямь красивый.

А н н а. Но что ты видишь?

С в е н. О чем ты?

А н н а. О моей индивидуальности.

С в е н. Я ошибся.

А н н а. В чем же?

С в е н. Думаю, из тебя не получится хорошей матери.

А н н а. Почему?

С в е н. Ты слишком эгоистична.

Анна подтягивает колготки и трусики. Поворачивается.

А н н а. Что ты хочешь этим сказать?

С в е н. Но он действительно красивый.

Х а н с. Что ты все-таки имеешь в виду, говоря, что она эгоистична?

Анна садится.

С в е н. А то, что либо ты эгоист, либо нет.

А н н а. Это верно. Довольно странно все-таки.

С в е н. Что странно?

А н н а. Что ты уже так много знаешь обо мне.

С в е н. Вам нужны деньги, верно?

Х а н с. А что?

С в е н. У меня есть деньги.

Х а н с. Ты же не... а? Ладно, с этим проехали. *(Берет тысячекронуемую купюру, прячет ее в карман.)*

С в е н. Что ты имеешь в виду?

Х а н с. Ну, что с Анной у тебя ничего не выйдет.

А н н а. Что ты такое говоришь?

Х а н с. Не знаю. Я хочу только, чтобы... ну...

С в е н. Станцуй для нас, Ханс, прошу тебя.

Х а н с. Станцевать?

С в е н. Да, но чтобы мелодия была побыстрее, если можно. Ты получишь ровно тысячу.

Х а н с. Тысячу?

С в е н. Да.

Х а н с. Это исключено.

А н н а. Да ну тебя! Что тебе стоит?

Ханс поднимается.

Ханс. Ладно. Ну и как же?

Свен. Поставь какую-нибудь музыку.

Ханс подходит к стерео. Та же пластинка. Мелодия поживее.

Свен. Годится.

Ханс. Танцевать под это?

Свен. Именно.

Ханс несколько неуверенно танцует шейк. Свен достает еще одну тысячекроновую бумажку, кладет ее на стол.

Свен (Анне, сидящей перед ним в кресле). Садись сюда, Анна, так тебе будет лучше видно.

Анна поднимается и садится возле Свена. Ханс танцует с большим жаром. Потом, через минуту-другую, Анна шепчет что-то Свену на ухо. Кажется, он не слышит. Ей приходится повторить. Свен смеется. Раздается звонок в дверь. Ханс останавливается. Подходит к стерео и убавляет звук.

Ханс. Наверное, соседи.

Анна. Это наверняка Таге.

Ханс. Да нет, не может быть.

Свен. Кто это?

Анна. Его братец.

Ханс уходит со сцены. Мы слышим, как кто-то входит. Это Таге и Лена, появляющиеся вместе с Хансом на сцене. Они того же возраста, что Ханс и Анна, но более неухоженные. Хипуют. Анна уже спрятала тысячекроновую купюру.

Таге. Наше вам!

Ханс. Это мой братишка.

Свен. Не знал, что у тебя есть братишка.

Ханс. Да, это Таге.

Лена. Меня зовут Лена.

Ханс. Это мой... Ну, в общем, Свен – наш и.о.

Таге. У вас спиртное. Что это? Виски. Не люблю виски. У тебя не с чем его смешать?

Ханс. Нет, собирался купить «Джинджер Эйл», да забыл.

Т а г е. Микко мне должен был поставить пузырь, но так и не явился, вот я и подумал, надо посмотреть, как тут. У вас вроде как вечеринка, или мы, может, мешаем? Что ты сказал? (*Свену.*) Так ты, значит, директор Хассе?

С в е н. Совершенно верно.

Т а г е. Ну и как он, силен?

С в е н. В смысле?

Т а г е. Я имею в виду, силен работать? Да ты, наверное, таких вещей и не знаешь.

С в е н. У него хорошие результаты.

Т а г е (*Хансу*). Может, нам отчалить?

А н н а. Да нет, садитесь вы, наконец.

Ханс садится возле Свена. Таге и Лена в креслах.

Т а г е. Господи, как хорошо сесть. Ноги чертовски болят. Мы ведь всю дорогу от Микко пешком тащились.

Х а н с. Его не было дома?

Т а г е (*смотрит на Свена*). Нет, но поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Л е н а. Можно и мне немножко?

Х а н с. Конечно. Я принесу стакан.

Ханс поднимается и уходит.

Т а г е (*Свену*). Что ты, собственно, за человек?

С в е н. Что ты хочешь сказать?

Т а г е. Ты знаешь Хассе или нет?

С в е н. А тебе что до этого?

Т а г е. Как это что? Это же немного... м-м-м, черт, что же я хотел сказать, ну, ты понимаешь.

С в е н. Нет, что?

Т а г е. Ты понимаешь...

Л е н а (*Таге*). Да в чем дело-то?

Т а г е. Да хрен с ним. (*Лене.*) А ты не понимаешь?

Л е н а. Да что, в конце концов?

Т а г е. Ну тогда, наверное, это я совсем... Где Хассе?

Ханс входит со стаканом.

Т а г е. А мне не принесешь?

Ханс. Я думал, ты не хочешь.
Таге. Да ладно, садись. Я виски не уважаю.

Ханс разливает виски в четыре стакана.

Анна. Ну что, выпьем? А потом мы должны будем посмотреть друг другу в глаза.

Лена. Я всегда так делаю. Меня родитель научил.

Они выпивают и смотрят друг другу в глаза.

Таге (Свену). Так как тебя зовут?

Свен. Свен.

Таге. В жизни не видел ни одного директора. И чем ты занимаешься?

Свен. А ты чем?

Таге. У меня есть немного травки, хочешь? Не сдрейфишь, а?

Свен. Все нормально.

Таге. Не возражаете, если мы выкурим одну?

Анна. Не знаю.

Ханс. Все в порядке. (Свену.) Если ты не против...

Анна. А где-нибудь в другом месте покурить вы можете? Или нет?

Таге. Можем, конечно. Я же только спросил.

Свен. Разрушаешь клетки мозга.

Таге. Да нет, это же только марихуана. Если они суют туда дерьмо, это чувствуется. С марихуаной хорошо, знаешь чего ждать. Не бывает такого, чтобы сразу вырубиться, понимаешь. Хотя я больше всего уважаю «Кашмир». Я его два раза курил, нет, три. Нет, подожди... Подожди... четыре раза. Теперь его не достать. Может, они там бомбили.

Свен. Где там?

Таге. В Кашмире. Где-то же это должно находиться.

Лена. Бомбили они во Вьетнаме.

Таге. Да это было давно.

Свен. Очень давно.

Таге. Но где же находится Кашмир?

Свен. В Индии.

Таге. Там они не бомбили?

Свен. Насколько мне известно, нет.

Т а г е. Ты правда директор? Ты меня не разыгрываешь?
А н н а. Видишь ли, он хочет знакомиться с самыми разными людьми.

Т а г е. И зачем это тебе?

С в е н. Разве это плохо?

Т а г е. Ну, не знаю. На твоём месте меня бы просто стало трясти. Но я – случай особый. Меня постоянно начинает трясти, когда я... ну, ты понимаешь. Так ты, значит, директор. Ну вы даете.

С в е н (*Лене*). А ты что делаешь?

Т а г е. Она занимается детьми.

Л е н а. Я занимаюсь детьми.

С в е н (*Таге*). Можно мне поговорить с ней?

Т а г е. А что такого?

С в е н. Я обратился к ней. А не к тебе.

Т а г е. Да ладно тебе. Я же только сказал, чем она занимается.

С в е н (*Лене*). И тебе это нравится?

Т а г е. Её там никогда не бывает.

Свен раздраженно смотрит на Таге.

Л е н а. Это точно. Правда.

С в е н. И почему?

Т а г е. Слушай, завязывай. Это ж не собеседование какое-нибудь несчастное при приеме на работу.

Х а н с. Давайте выпьем?

С в е н. Я просто стараюсь быть приятным. Ваше здоровье.

Анна, Ханс и Лена выпивают с ним.

Л е н а. Мне не нравится.

С в е н. Ты не любишь детей?

Л е н а. Детей люблю. Но... не знаю... Наверное, не столько сразу.

С в е н. У вас разве не будет детей?

Л е н а. У нас?

Х а н с (*Свену*). Давай кончай.

С в е н. Но почему? Что ты сказала?

Х а н с. Это уже не забавно.

С в е н. Что у них будут дети? По-твоему, я так подумал? Что это забавно?

Т а г е (*Свену*). Обкурил бы я тебя сейчас.

С в е н. Зачем это?

Т а г е. Да просто, чтобы посмотреть. Знаешь, как эксперимент.
Увидеть тебя с эдакими красными глазами, как у дялюшки
Скруджа.

Л е н а. У него глаза вовсе не красные.

Т а г е. Ну, может, и нет.

С в е н. Может, мне уйти?

Х а н с. Незачем.

Л е н а. А нам, пожалуй, пора.

А н н а. Вы собирались переночевать здесь?

Л е н а. У моего папаши мы остаться не можем. Не знаю, что и
делать.

Т а г е. Переночуем здесь. Тут, надо думать, спокойно.

С в е н (*поднимается*). Я, пожалуй, буду прощаться.

Л е н а. Тебе незачем уходить. (*Таге.*) Если он уйдет, это из-за
тебя.

С в е н (*садится*). Я чувствую себя немного лишним в каком-то
смысле.

А н н а. Может, поиграем в карты?

С в е н. Нет, я думаю, мы лучше поговорим о... (*Таге.*) Как, я
забыл, тебя зовут?

Т а г е. Кличут Таге.

С в е н. А зовут-то тебя как?

Т а г е. Ульф.

С в е н. Я думаю, мы поговорим о Таге.

Л е н а. С чего это?

С в е н. Таге интересен как феномен. К тому же, мне кажется, он
довольно характерен для определенного типа сегодняшней
молодежи.

Т а г е. И что же обо мне можно сказать?

С в е н. По-моему, у тебя большие проблемы. Чем ты занима-
ешься?

Т а г е. Живу на пособие.

С в е н. А через десять лет что, по-твоему, будешь делать?

Т а г е. Тоже, наверное, буду жить на пособие.

С в е н. А через двадцать?

Т а г е. А сам-то ты? Загнешься, небось, через двадцать лет?

С в е н. Единственное, что тебя ждет, это дерьмовая жизнь. И ты наверняка сам это знаешь.

Х а н с (*Свену*). Зачем ты так?

С в е н. Хорошо, но взять... (*Лене*.) Как, я забыл, тебя зовут?

Л е н а. Лена.

С в е н. Взять Лену. Вообще-то ей бы хотелось, скажем, путешествовать, красиво одеваться, покупать вещи. И еще иметь семью. Она наверняка хочет детей. Но нельзя же иметь семью с таким, как Таге.

Т а г е. Может, семья нам без надобности.

Х а н с. Не сыграть ли нам во что-нибудь?

С в е н. В ту игру, в которую играли перед их приходом?

Х а н с. Нет, во что-нибудь другое.

Т а г е. А что это была за игра?

А н н а. Ханс танцевал для нас.

Т а г е. Ты танцевал?

Х а н с (*Анне*). Зачем ты сказала?

Л е н а. Мне просто страшно становится от разговоров об этом.

Т а г е. Кончай.

Л е н а. Но то, что он сказал, ведь, по сути, правда.

А н н а. Он здорово разбирается в психологии. Обо мне он тоже наговорил массу такого, что есть на самом деле.

Т а г е. А по мне, он редкостный говнюк.

С в е н. Ты как, Лена?

Л е н а. Я боюсь.

С в е н. Атмосфера здесь изменилась, давит как-то. Чувствуете?

А н н а. Да.

С в е н. Это из-за меня? Отвечайте честно.

Х а н с. Думаю, да.

С в е н. Тебя не спрашивают.

Х а н с. Меня не спрашивают?

С в е н. Да, ты не объективен. Ты ненавидишь меня, потому что я заставил тебя согласиться, чтобы Анна показала мне задницу. (*Таге и Лене*.) Потом он танцевал для нас.

Т а г е. Уже слышал. (*Хансу*.) И какого хрена ты дрыгался?

С в е н. Из-за тысчонки.

Х а н с (*Свену*). Не понимаю, зачем ты сюда пришел. Чтобы унижать нас?

С в е н. Я пришел сюда, чтобы познакомиться с вами. Я это уже говорил.

Л е н а. Черт, мне страшно. Он сказал правду. (*Свену.*) И что же мне делать?

С в е н. Ничего. Естественно, тебе страшно. Для тебя это должно было бы быть нормальным состоянием.

Х а н с (*Свену*). Прекрати сейчас же. Или уходи.

С в е н (*похлопывает Ханса по коленям*). Я уйду, когда захочу.

Таге достает из внутреннего кармана кожаной куртки нож.

Т а г е. Придется достать перо.

С в е н. Спрячь.

Х а н с. Перестань, Таге.

Т а г е (*пробует лезвие ножа*). Свежезаточен.

С в е н. Если не спрячешь, я вызову полицию. И ты сядешь. Я об этом позабочусь.

Т а г е. Что ж, вызывай.

С в е н. Спрячь его.

Т а г е. Хассе велел тебе исчезнуть.

С в е н (*поднимается*). Теперь я, пожалуй, так и сделаю.

Т а г е. Сядь на место!

Свен пытается пройти мимо Ханса, сидящего на краю дивана.

Таге быстро поднимается, рывком отодвигает стол, хватая Свена и приставляет нож к его горлу.

Х а н с (*поднимается*). Прекрати, наконец, черт побери!

Т а г е (*улыбается*). Если ты меня тронешь, Хассе, я пришью этого. Вспорю ему горло, ясно? (*Свену.*) Теперь сядь.

Свен садится. Таге тоже, по-прежнему держа нож у горла Свена. Ханс все еще стоит.

Т а г е. Сядь, Хассе.

Ханс садится в кресло.

С в е н. Теперь успокойся и убери нож.

Т а г е. Ты умрешь.

С в е н. Если ты что-нибудь сделаешь, то сядешь как миленький.
Это же глупо.

Т а г е. А это неважно. Ты же сказал, что меня все равно ждет дерьмовая жизнь. Сказал ведь?

С в е н. Я не имел в виду ничего плохого.

Т а г е. Зачем же сказал?

С в е н. Не знаю.

Т а г е. Чтобы произвести впечатление?

С в е н. Я вел себя недопустимо, это ясно. Убери теперь нож.

Т а г е. Ты умрешь.

С в е н. Что же не режешь тогда?

Т а г е. А ты этого хочешь?

С в е н. Я хочу, чтобы ты сел и убрал нож.

А н н а. Делай, как он говорит, Таге.

С в е н. Я совершил глупость. Я знаю это. Я большая свинья.

А н н а. Вовсе нет.

С в е н. Да, я говнюк. Вы все можете в меня плюнуть. Пожалуйста-ста, давайте.

Таге плюет ему в лицо.

Т а г е. Вы все тоже плюйте. Иначе я распотрошу его, как поро-сенка.

Х а н с. Ты же потом сам будешь жалеть, Таге, спрячь нож.

Т а г е. Плюйте! *(Прижимает нож плотнее к горлу.)*

С в е н *(быстро, нервно)*. Ну кончай, Таге!

Т а г е *(Свене)*. Скажи им, чтобы они плевали!

С в е н. Давайте же! Плюйте!

А н н а *(кричит)*. Да прекратите, наконец!

Х а н с *(поднимается)*. Пойду позвоню фараонам.

Т а г е. Если ты это сделаешь, я его прирежу!

С в е н. Плюйте же, черт побери!

Лена подходит и плюет Свене в лицо.

Т а г е. И остальные тоже.

Ханс стоит около Свена, растерянно смотрит на него.

Х а н с *(Свене)*. И я должен?

Свен не отвечает, лишь раздраженно смотрит на Ханса.

Ханс. Да, наверное, должен. *(Тоже плюет Свену в лицо.)*

Анна *(Таге)*. Ты обещаешь убрать нож, если я плюну?

Таге. Я же сказал.

Свен. Ай! Не так сильно!

Анна плюет Свену в лицо. Таге убирает нож от горла, усаживается в кресло. Другие тоже молча садятся.

Свен. Теперь мне можно идти?

Анна. Давай принесу полотенце, вытру тебя.

Свен вытирается рукавом.

Свен. Не нужно.

Таге. Ты никуда не пойдешь. Перо все еще при мне.

Свен *(Таге)*. С чего, собственно, ты так разъярился?

Лена начинает плакать, всхлипывает, согнувшись пополам.

Таге. Что на нее нашло? Опять страх одолел?

Анна. Я ненавижу насилие.

Таге *(Лене)*. Прекрати реветь!

Ханс поднимается, подходит к Лене.

Ханс. Как ты, Лена?

Свен поднимается.

Таге. А ну, сядь!

Таге снова вынимает нож. Свен садится.

Ханс. Чего ты плачешь?

Анна. Сам ведь знаешь.

Ханс *(Таге)*. Спрячь нож. Уходите.

Лена поднимается, все еще плача.

Лена. Пойдем, Таге.

Свен. Мне тоже уйти с ними? Если они уйдут, я останусь. Хочу все исправить. *(Указывает на Таге.)* Пусть только этот уйдет, и достаточно.

Ханс. Ты тоже уйдешь.
Лена (*кричит*). Ну идем же, Т-а-а-а-а-ге!

Таге сначала, помахивая ножом, проходит мимо Свена. Потом идет к Лене.

Лена. Спрячь нож... идиот несчастный.

Таге прячет нож.

Таге. И куда, по-твоему, мы потащимся?

Лена. Придется обратно к Микко. Может, он уже дома.

Свен. Заказать вам такси? Я заплачу.

Ханс. Себе закажи. Ты тоже уйдешь.

Анна. Он-то как раз может остаться. Уйдет Таге.

Таге. Все, мы уходим. Счастливо.

Таге и Лена уходят.

Ханс (*вслед Таге*). Позвони завтра, Таге.

Свен. Ну и братец у тебя, Ханс.

Ханс садится в кресло, наливает себе виски.

Анна. А нам?

Ханс наливает Свену и Анне.

Свен. Будем здоровы!

Анна. Будем здоровы!

Ханс. Ну что ж, будем здоровы.

Они по очереди смотрят друг другу в глаза.

Свен (*сделав основательный глоток*). Уф! Неплохо.

Ставят стаканы на стол, несколько секунд длится молчание.

Свен. Я понимаю, вы считаете, что я вел себя некрасиво. Но я все время стараюсь доискаться правды.

Ханс. Незачем обижать людей.

Свен. Приходится, если они сами напрашиваются.

Анна. А кого, собственно, тут обидели?

Ханс. Меня.

А н н а. Чем это?

Х а н с (Анне). Зачем ты рассказала, что я танцевал?

А н н а. Но ты же действительно танцевал.

Х а н с. По-моему, здесь не о чем рассказывать.

С в е н. Я тоже обидел тебя, Ханс?

Х а н с. Да, ты рассказал, что она задрала юбку. И потом ты страшно глупо вел себя с Таге.

С в е н. Тогда мне, наверное, придется попросить прощения.

Х а н с. Не нужно.

С в е н. Ты меня прощаешь, Ханс?

Х а н с. Прощения просить не нужно.

С в е н. Ты меня прощаешь?

Х а н с. Ладно уж.

А н н а. В таком случае я, наверное, тоже должна попросить у тебя прощения? Ты это хочешь сказать?

Несколько секунд длится пауза.

Х а н с. Мы не можем поговорить о чем-нибудь другом?

А н н а. Ты это хочешь сказать, Ханс? Может, нам еще на колени встать?

С в е н. Похоже, ты напряжен, как струна, Ханс. В чем дело?

Х а н с. Я не напряжен.

С в е н. Можно я проверю, пощупаю твой затылок?

Щупает затылок Ханса.

С в е н. Ты страшно напряжен, Ханс. Тебе надо научиться расслабляться.

Х а н с. Я вовсе не напряжен.

Свен убирает руку.

С в е н. Ты слышишь, что я говорю? Ты невероятно напряжен. Ты не заметила, Анна? Как он напряжен?

А н н а (кладет руку на затылок Хансу). Можно пощупать? Да, да, действительно.

С в е н. А твой затылок, Анна, можно пощупать?

Анна обходит Ханса, сидящего в кресле, наклоняется перед Свеном. Свен щупает ей затылок.

С в е н. Ты тоже напряжена, Анна. Может, мне помассировать тебя?

А н н а. А ты умеешь?

С в е н. Довольно хорошо. *(Встает с дивана.)* Ложись сюда.

Анна ложится на диван, животом вниз.

С в е н. Спину надо обнажить.

Анна задирает платье до плеч. Свен садится на нее верхом, массирует спину.

Х а н с. Приятно?

А н н а. Сказочно.

Дойдя до поясицы, Свен немного спускает колготки и трусики Анны на ягодицы, продолжая массаж до самого копчика.

Х а н с. Ему непременно надо их стягивать?

А н н а. Он же уже это видел.

Свен стягивает с Анны колготки и трусики, обнажая последний, скрытый до этого от глаз участок тела.

С в е н. Он красивый.

Х а н с. Подтяни их.

Свен снова массирует позвоночник снизу вверх.

Х а н с. Подтяни сейчас же. Это же больше не нужно. Ты ведь не там массируешь.

А н н а. Да брось, Ханс.

Ханс поднимается.

Х а н с. Свен, если я говорю, что ты должен сделать это, то ты, наверное, в состоянии это сделать.

С в е н *(продолжает массаж, не глядя на Ханса)*. Да что с тобой, Ханс?

Ханс отодвигает в сторону стол. Свен спускается по позвоночнику вниз. Руки Ханса со сжатыми кулаками опущены. Внезапно он ударяет Свена кулаком по спине. Свен падает вперед, кашляет и хрипит. Анна вскрикивает.

А н н а. Что вы делаете?

Руки Свена застывают, он хватается ртом воздух. Пытается подняться, но валится на пол. Руки раскинуты в стороны, все тело застыло. Ханс все это время держит его за плечи, толчком не зная, что делать. Теперь он пытается потрясти Свена.

А н н а. Что происходит?!

Х а н с. Свен! Прекрати сейчас же!

А н н а. Что ты сделал?

Х а н с. Не знаю. Свен!

А н н а. Ну перестань же, Свен!

Х а н с. Не знаю, в чем дело. Ты болен, Свен?

А н н а. Убрать. Убери его, Ханс.

Х а н с (*нерешительно*). Ага. (*Берет Свена, оттаскивает его.*) Что...
Что... это?!

А н н а. Что?

Х а н с. Он мертв! (*Отходит на шаг назад и, совершенно ошеломленный, осматривается.*)

Анна кричит.

Х а н с. В чем дело? (*Хватает Анну.*) Прекрати. Я уберу его.

Анна немного успокаивается, когда Ханс начинает тащить Свена. Она высвобождается из его хватки, подтягивает колготки. Звонит телефон. От неожиданности Ханс отпускает Свена, и тот валится на Анну. Отступая назад, Ханс натывается на стол. Снова звонит телефон. Свена трясет. Анна старается высвободиться.

Х а н с. Надо ответить. Иначе это вызовет подозрения.

А н н а. Да помоги же мне, Ханс!

Х а н с. Подожди, Анна. (*Бежит к телефону. Задыхаясь, берет трубку.*) Да, Ханс... Да нет... Он только что ушел... Совершенно верно. Да, тогда до свидания. (*Кладет трубку.*) Это его жена.

Тем временем Анна, освободившись от тяжести Свена, встает на подгибающихся ногах.

А н н а. Что ты наделал, Ханс?

Х а н с. Ничего.

Анна успела сделать несколько шагов от дивана. Она наблюдает за коченеющим Свеном.

А н н а (*шепотом*). Он умер?

Х а н с (*шепотом*). По-моему, да.

А н н а. Надо вызвать «скорую».

Х а н с. Зачем, если он мертв?

А н н а. Проверь, а вдруг нет?

Х а н с. Он мертв.

А н н а. Да проверь же!

Х а н с. Где?

А н н а. На руке. Проверь пульс.

Ханс подходит к Свену, берет его за руку, пытается найти пульс.

Х а н с. Не нахожу.

А н н а. Попытайся.

Х а н с. У него нет пульса. Он мертв.

А н н а. Может, позвонить в полицию?

Х а н с. Это же не преступление.

А н н а. И все же. Ведь мы должны куда-то позвонить.

Х а н с. И они сразу решат, что это преступление. (*Делает гримасу, как перед приступом плача.*) Черт побери, Анна, нам нельзя звонить!

А н н а. Ты его ударил?

Х а н с. Да нет... Только легонечко... (*Начинает плакать, сквозь слезы.*) У меня было так муторно на душе из-за того, что он делал.

Анна берет Ханса за руку.

А н н а. Ну хватит, Ханс. Надо что-то делать.

Х а н с (*сквозь слезы*). Да, но он же мертв.

А н н а. Я посмотрю. (*Пытается найти его пульс.*) Нету.

Х а н с. Не можешь найти?

А н н а. Просто жуть. Он не чувствует, когда я его трогаю.

Х а н с. Ага. Даже не подозревает.

Анна поднимается.

А н н а. Может, это был инфаркт или что-нибудь в этом роде, тогда ты ни при чем.

Х а н с. А если нет?

А н н а. Надо что-то делать.

Х а н с. Надо.

А н н а. Может, сделать массаж сердца?

Х а н с. А вдруг сломаем ребро – еще одно насилие. (*Шукает запястье Свена.*) Он еще теплый.

А н н а. Дай-ка я тоже. (*Прикладывает руку к щеке Свена.*) Правда, теплый.

Ханс поднимается.

Х а н с. Бред какой-то.

Анна щиплет Свена за щеку.

А н н а. Надо же. Вот я его щиплю за щеку, а он ничего не чувствует.

Х а н с. Не делай этого.

А н н а. Почему?

Х а н с. Могут остаться отметины, и они подумают, что было насилие.

А н н а. Но что нам делать?

Х а н с. Может, вынести его на лестницу?

А н н а. Тоже нельзя.

Х а н с. Кто-нибудь его обязательно обнаружит. Наверняка газетчики.

А н н а. А что, если он не умер и потом возьмет и позвонит в дверь?

Х а н с. Но он же умер! Сама ведь видишь.

А н н а. Если мы его вынесем, они точно подумают, что он умер по дороге отсюда.

Х а н с. Этого тоже нельзя сделать. Тогда это будет преступление.

А н н а. Кому же нам позвонить? Нельзя же держать его здесь всю ночь. Тогда я уж точно свихнусь.

Х а н с. Давай вызовем катафалк. Ведь это не преступление, а значит, в полицию звонить нельзя.

А н н а. Думаешь, у них есть дежурные?

Х а н с. А что?

А н н а. Сейчас же поздно.

Х а н с. Но люди часто умирают ночью.

А н н а. Ты разве не сказал его жене, что он ушел?

Х а н с. Сказал.

А н н а. Значит, она обязательно позвонит снова. Когда он не явится домой.

Х а н с. В случае чего можно сказать, что он вернулся и тогда умер.

А н н а. Господи, как ужасно!

Х а н с. Да уж.

Анна садится в кресло, тянется за бутылкой с виски.

А н н а. Я должна выпить виски.

Х а н с (*садится в другое кресло*). Я тоже.

Анна наполняет стаканы. Они пьют.

Х а н с. Странно это.

А н н а. Может, это был инфаркт.

Х а н с. Не думал, что он окажется таким, мой и.о.

А н н а. Он, часом, не обосрался?

Х а н с. Чего-чего?

А н н а. Обычное дело, когда человек умирает. Словно все тор-
моза отключаются. Кольцевая мышца и все такое.

Х а н с. Мы бы это почувствовали.

А н н а. Может, проверить?

Х а н с. Тоже нельзя. Да мы бы почувствовали.

А н н а. Не знаю, почему мне это пришло в голову.

Х а н с. Это ведь твоя работа.

Раздается звонок в дверь. Ханс и Анна смотрят друг на друга.

А н н а. Думаешь, это она?

Х а н с. Кто?

А н н а. Его жена.

Х а н с. Она бы не успела.

А н н а. Кто же это тогда?

Х а н с. Что нам с ним делать?

А н н а (*встает*). Будет выглядеть подозрительно, если мы не откроем. Мы же не совершили никакого преступления. (*Уходит со сцены. Слышно, как открывается дверь.*)

А н н а (*за сценой*). Что случилось?

Мы видим у задника Анну и Лену, которые входят в прихожую. Глаза у Лены заплаканы.

Л е н а. Он ненормальный!

А н н а. Что случилось?

Л е н а. Он словно взбесился и начал вдруг колотить меня. А я ничего такого не сделала. А потом он взял и убежал.

А н н а. Таге?

Л е н а. Да. Можно мне войти?

А н н а. Лена. Произошло нечто ужасное.

Л е н а. Что именно?

Анна и Лена входят в гостиную. Лена замечает на диване Свена.

Л е н а. Что он делает?

Х а н с. Он мертв.

Л е н а. Да брось ты! (*Подходит к Свену.*) Что ты тут вытворяешь?

А н н а. Он мертв.

Лена истошно кричит. Ханс встает. Ханс и Анна держат ее.

Х а н с. Не кричи, а то соседи придут.

Лена перестает кричать, в ужасе смотрит на лежащего Свена.

Х а н с. С ним случился удар или что-то в этом роде.

Л е н а (*дрожа*). Удар?

Х а н с. Да, разрыв сердца или что-то в мозгу.

Л е н а (*дрожа*). Я хочу уйти.

А н н а. Но куда?

Лена вырывается.

Л е н а. Мне надо идти. (*Остывает, идет к Свену.*)

Х а н с. Лена.

Л е н а. Это я виновата.

А н н а. Вовсе не ты.

Ханс. Это сердце.

Лена. Нет, я подумала, что так будет. Что он умрет. Стоит мне подумать о чем-то, это обычно исполняется. Так и с Таге тоже. Как подумаю, что он не придет домой, он не приходит. Стоит мне подумать, как это исполняется. А он еще хотел, чтобы у меня была красивая одежда и я могла путешествовать. Не видать мне теперь этого.

Свен откашливается. Лена издает крик. Опрометью бросается вон из квартиры! Ханс и Анна тоже вздрагивают. Смотрят на Свена, не сводя с него глаз.

Ханс (шепотом). Свен.

Свен открывает глаза, сонно усаживается, облачиваясь на локти.

Свен. Что я здесь делаю?

Анна. Он говорит.

Ханс подходит к Свену, наклоняется к нему.

Ханс (шепотом). Понимаешь, мы думали, ты умер.

Свен. Помоги мне подняться.

Ханс помогает ему подняться. Они снова садятся на диван. Свен в середине.

Анна. Виски почти не осталось.

Ханс наливает остатки Свену.

Ханс (шепотом). Мы думали, ты умер.

Свен. Почему ты шепчешь?

Ханс. Не знаю. Я просто в шоке.

Анна. Я тоже в шоке.

Свен пьет виски.

Свен. Я слышал, как вы собирались положить меня на лестницу. Хотели, чтобы меня газетчики нашли.

Ханс. Это была шутка.

Свен. Так моя смерть показалась вам забавной?

Анна вдруг начинает смеяться. Свен и Ханс смотрят на нее. Она не может остановиться.

А н н а (*сквозь смех*). У меня истерика.
С в е н. Вижу.

Анна, наконец, кончает смеяться.

А н н а (*с трудом переводя дыхание*). Я жутко напугана. Всем.
С в е н. Это пугающее зрелище — видеть, как кто-нибудь умирает.
А потом вы все равно когда-нибудь увидите, как умираете сами. Наверняка еще более пугающее зрелище. Здесь-то было всего лишь вступление.

Х а н с. К чему же?

С в е н. Страх и отчаяние — лишь жалкие отголоски из царства мертвых, вы что, не знаете?.. Испугались теперь, да?

А н н а. Я не поняла.

С в е н. Повторять не буду. Подумайте сами.

Х а н с. Да, это жуткая мысль. Но зачем тебе пугать нас?

С в е н. Я сделал это не для того, чтобы попугать. У меня в груди словно что-то оборвалось. Но это прошло. Я правда сделал это не для того, чтобы напугать вас. Вы не должны так думать... Я не из тех, кто делает такие вещи.

Х а н с. О тебе можно подумать едва ли не все что угодно.

С в е н. Плохо, если у тебя сложилось такое впечатление обо мне.

А н н а. Ты немного странный.

С в е н. Ты так считаешь? Странный? Да, возможно, я странный. Наверное, из-за больного сердца. Знаете, одной ногой в могиле. Вот и думаешь, что надо получить от жизни как можно больше. Вообще-то это невероятно, правда.

Х а н с. Что «это»?

С в е н. Вот мы в квартире. Я щупаю рукой диван. Он заключает в себе нечто... ну...

Х а н с. Это, наверное, пенорезина.

С в е н. И это существует там, хоть я его и не чувствую. Я чувствую только...

Х а н с. Пластмассу.

С в е н. Вот именно, пластмассу. И потом. Мы — здесь. (*Указыва-*

- ет рукой позади себя.) Там другие комнаты. Их мы сейчас не видим. Но они есть. Над нами квартира. С другими людьми. А снаружи нас окружают улицы, а за улицами – другие улицы. И это никогда не кончается.*
- Х а н с.** Ну да, земля же круглая.
- С в е н.** Об этом думаешь, когда одной ногой стоишь в могиле. Я же, по сути, совершенно бессилён, вы разве не видите?
- Х а н с.** Ты имеешь власть в фирме.
- С в е н.** Но когда я умру? Тогда вы спустите с меня штаны и понюхаете промежность.
- А н н а.** Это я только так сказала. Профессия у меня такая.
- С в е н.** Но вы здесь. Это потрясающе. Я жалкий трус и все-таки могу находиться здесь, среди вас, молодых людей.
- А н н а.** У тебя раньше были инфаркты?
- С в е н.** Так, теперь заговорила медсестра.
- А н н а.** Нянечка. Я нянечка.
- С в е н.** Каждый день для меня последний. Я как актёр, выходящий на сцену. Когда пьеса окончена, меня нет.
- Х а н с.** А потом новая пьеса, на следующий день.
- С в е н.** Этого-то никогда и не знаешь.
- А н н а.** Значит, это действительно может быть твой последний вечер?
- С в е н.** Я на самом деле хочу, чтобы вы завели ребенка. Если вы сделаете это, я буду продолжать жить в этом ребенке.
- А н н а.** Но это трудно.
- С в е н.** Почему?
- А н н а.** Такие чувства для меня проблема. Хотя об этом трудно говорить. Может, глупо так говорить.
- С в е н.** И что ж, вы никогда не спите друг с другом?
- Х а н с.** Почему? Спим.
- А н н а.** Да нет, никогда.
- С в е н.** Никогда?
- А н н а.** Я переспала как-то с одним парнем, когда мне было шестнадцать, и это было так противно, что у меня никогда больше не было желания это повторить.
- Х а н с.** Она, наверное, фригидна.
- С в е н.** Тебе надо усвоить, что это не опасно.
- А н н а.** И что тогда делать?

С в е н. Дышать на меня.
А н н а. Как это?
С в е н. Дыши мне в лицо.

Анна дышит на Свена.

С в е н. А теперь я подышу на тебя. (*Дышит в лицо Анне.*) А теперь ты на меня.

Анна дышит ему в рот, Свен в рот Анне, Анна Свену, Свен Анне, и, когда Анна снова начинает дышать Свену в рот, он чмокает ее.

С в е н (*шепотом*). Ну как?

А н н а. Что?

С в е н. Как ты себя чувствуешь?

А н н а. У меня столько разных чувств. Меня прямо распирает.

Х а н с. И что это за чувства?

А н н а. Свен, может, сумел бы убедить меня, что это не опасно.

Х а н с. Каким образом?

А н н а. Если бы я переспала с ним.

Х а н с. Анна!

А н н а. Я помню первый раз, когда ощутила голод. В детстве мне всегда давали есть в определенное время. И я не знала, что значит быть голодной. Я спрашивала приятелей, и они говорили, что это когда в животе словно сосет. И я думала, что это как когда болит живот при желудочном гриппе. А потом, когда мне было одиннадцать или двенадцать, я однажды весь день пробыла на улице и пропустила обед. Было воскресенье. Вернувшись домой, я отправилась в кладовку. И тогда-то почувствовала: сейчас я голодна. То же самое сейчас.

С в е н. Я не знаю, что в таких случаях говорят. Наверное, мне хочется. Я мог бы сделать это так, чтобы тебе было хорошо.

Х а н с. Ну-ка, кончайте это.

С в е н. Что?

Х а н с. Я разве не имею права голоса?

А н н а. Слушай, Ханс, не воспринимай это так.

Х а н с. То есть?

С в е н. Знаешь, может, потом у вас все наладится.

Х а н с. Да хватит уже. Ведь это шутка, да?

А н н а. Не знаю. Просто у меня возникло такое чувство. Я только говорю, как оно есть на самом деле. Я всегда была искренней. По-моему, такой и надо быть.

С в е н. А что если бы я умер, Ханс?

Х а н с. И что же?

С в е н. Вообще-то я не хотел ворошить это. Но вдруг бы я умер? Разве ты не рад, что я здесь?

Х а н с. Рад, конечно.

С в е н. Так не перевешивает ли одно другое?

Х а н с. Что ты имеешь в виду?

С в е н. Единственное, чего мне хотелось бы, и, наверное, это не так уж страшно, если вспомнить, что ты со мной сделал, — чтобы Анна сняла колготки и я смог бы увидеть ее ноги.

Х а н с. И тогда ты прекратишь?

А н н а. Что ты хочешь сказать?

Х а н с. Не знаю. Что ж, давай.

А н н а (Хансу). А меня ты не спросишь?

Х а н с. О чем? Само собой, если ты не хочешь, тогда...

А н н а. Спроси, хочу ли я.

Х а н с. Хорошо, ты хочешь этого?

А н н а. Мне все равно. *(Спускает колготки, поворачивается, наклонившись к ногам Ханса, так что верхняя часть ее ног оказывается над коленями Свена. Потом отклоняется назад, спиной к коленям Ханса.)*

Свен разводит ей немного ноги, гладит по коленям.

С в е н. У тебя удивительно красивые ноги, Анна.

Х а н с. Да, по-моему, тоже.

А н н а. Я хочу просто отдаться своим чувствам.

С в е н. И что это за чувства?

А н н а. Этого... этого я не могу сказать. *(Снова садится. Выпивает остатки виски из стакана Свена.)* Слишком много всего. Я просто хочу.

С в е н. Но это же хорошо, а?

Х а н с. Вы не имеете права!

Анна поднимается, проходит мимо Ханса. Ханс пытается схва-

тить ее за руку. Она вырывается. У двери поворачивается к ним. Одновременно встает Свен.

А н н а. Произошло столько ужасного. Я должна дать выход чувствам.

Ханс подходит к Анне.

Х а н с. Ты не сделаешь это!

А н н а. Ты не можешь помешать мне, Ханс. Если я не сделаю этого сейчас, то сделаю потом. Я могу и уйти с ним. В таком случае, наверное, лучше, если мы сделаем это здесь?

Свен уже подошел к ним.

С в е н. Думаю, после этого у вас дела пойдут на лад.

А н н а. Я тоже так думаю, Ханс. Это шанс для нас. Ты бы порадовался, что у меня возникли такие чувства.

Ханс отходит от них.

Х а н с. Теперь я точно свихнусь.

С в е н. Не наложи на себя руки, Ханс. Быть покойником еще хуже. Могу тебя в этом уверить. Страх – это просто как простуда, это проходит.

Х а н с. Что же это такое?

Анна берет Свена за руку. Они исчезают в направлении прихожей, потом покидают сцену. Мы слышим, как открывается, а потом закрывается и запирается дверь. Ханс остается стоять, смотрит в пол (как будто пол все время разверзается и снова смыкается, а под ним оказываются медузы).

Раздается звонок в дверь. Ханс приходит в себя, исчезает со сцены и открывает дверь. В комнату вместе с ним входит Таге. У него остекленевший взгляд, выглядит он совершенно невменяемым.

Х а н с. В чем дело, Таге? Скажи же что-нибудь!

Т а г е. Когда в глотке столько жратвы, невозможно дышать...

Х а н с. Сядь.

Т а г е. Чего?

Х а н с. Сядь, Таге.

Таге тупо смотрит на него, не понимая.

Х а н с. На диван. Сядь.

Т а г е *(указывает на диван)*. Туда?

Х а н с. Туда, туда.

Таге садится на диван, Ханс в кресло.

Х а н с. Что ты натворил?

Т а г е. Я?

Х а н с. Да, ты, ты.

Т а г е. Все в порядке.

Х а н с. Ты явно что-то принял.

Таге слегка отодвигает стол, смотрит в пол.

Х а н с. В чем дело?

Таге снова поднимает глаза, смотрит на Ханса.

Т а г е. Ты ее видел?

Х а н с. Там ее, во всяком случае, нет.

Таге несколько деланно и с преувеличенной бодростью посмеивается, блестящий взгляд обращен к публике.

Х а н с. Ты имеешь в виду Лену, да?

Т а г е. Занятный ты.

Х а н с. Она сказала, что ты избил ее.

Т а г е. Это было во время второй мировой войны, понимаешь, было несколько фрицев, и еще евреев, евреи тоже были, ну и они стояли там и кричали друг на друга.

Х а н с. Таге!

Т а г е. Куда подевалась эта пакость?

Х а н с. Ты имеешь в виду моего и.о.? Он ушел.

Т а г е. А где Анна?

Х а н с. Она легла. Я посмотрю. Подожди. *(Идет в сторону прихожей, исчезает из виду. Мы слышим, как нажимается ручка двери, дверь немного трясется. Потом он возвращается.)*

Т а г е. Вот и началась эта дерьмовая жизнь.

Ханс. Не говори так. Он не то хотел сказать. Я думаю, не то. Но он, да, он, пожалуй, просто дьявол, как ты говоришь.

Таге. Да. Конечно! Дьявол, понимаешь. Дьявол. Здорово, что удалось такое увидеть.

Ханс. Это все капитализм. Он человека таким делает.

Таге. Да, фашизм. Больше фашизм.

Ханс снова садится на диван.

Таге. Знаешь, мне пришла одна штука в голову.

Некоторое время тихо. Ханс поворачивается в сторону прихожей. Потом обратно к Таге.

Ханс. Что ты сказал?

Таге. Одна штука.

Ханс. Да?

Таге. Дело в том, что я хотел бы посмотреть, как там, в аду. Понимаешь, иногда мне кажется, что это какая-то комната и нужно только войти в нее и посмотреть, а потом можно опять выйти. И я все думаю, а что если бы я, да какого хрена, просто взял и нашел ее. И дело с концом. Найти, в общем. Войти туда и посмотреть. А иногда мне кажется, что он подо мной, что он как бы подо мной. Как эта хреновина называется?

Ханс. Что ты имеешь в виду?

Таге. Вот это подо мной.

Ханс. Это паркет.

Таге. А еще?

Ханс. Кажется, палас.

Таге. Точно. Я так и думал. Просто передача на расстоянии, а? Тебе это тоже знакомо. Ну, мысли там, передача мыслей.

Ханс. Ты имеешь в виду, под паласом?

Таге. Да, и оттуда жаром пышет.

Ханс. Ну, я не знаю.

Таге. Но есть одна вещь... ну...

Ханс. Да, какая же?

Таге. Есть одна вещь, которая лезет мне в башку, когда я думаю о преисподней. Не значит ли... понятно, что это звучит дико заумно. Но... не ад ли это, когда тебе хорошо?

Х а н с. Звучит странно.

Т а г е. Жутко странно. Это я и хочу сказать. Что это так звучит.

Но если тебе хорошо, то ты как бы слаб.

Х а н с. Слаб?

Т а г е. Ты не думал об этом? Именно тогда ты слаб. Когда тебе хорошо. Потому что потом может стать плохо. А если тебе плохо? Как может стать потом? Ну-ка!

Х а н с. А, ты хочешь сказать, что потом может стать хорошо?

Т а г е. Вот именно.

Х а н с. Но если дело не в том, что станет, а в том, что есть?

Т а г е. Давай-ка еще раз.

Х а н с. Может быть, дело не в том, что с тобой произойдет, ну, к примеру, что ты потеряешь то, что имел? Может быть, дело в том, что ты имеешь, именно сейчас?

Т а г е. И именно здесь, да?

Х а н с. К примеру.

Т а г е. Но здесь же ничего такого особенного нет.

Х а н с. Можно считать и так.

Таге поворачивается к Хансу, наклоняется вперед, открывает рот.

Т а г е. Посмотри-ка сюда. Видишь что-нибудь?

Х а н с. Нет, а что? Зубы.

Т а г е. У меня ведь в глотке была еда.

Х а н с. Ты, должно быть, принял что-нибудь.

Т а г е. Да, там что-то исчезло. Как мысль, понимаешь? Раз — и нету.

Ханс хлопает себя ладонью по коленям, встает.

Х а н с. Я не понимаю, что ты имеешь в виду. *(Выходит в прихожую, исчезает со сцены. Мы слышим стук в дверь. Спустя несколько секунд он возвращается.)* Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

Т а г е. Как, по-твоему, Хассе, у нас дерьмовая жизнь?

Ханс снова садится на диван.

Х а н с. Нет, она вполне приличная. Как мне кажется. Знаешь, что я думаю? Я думаю, что, если человек хороший, ну, с

совестью, то ему лучше. Что это там проявляется. Что это нельзя измерить как-то по-другому.

Т а г е. Но и совесть ведь нельзя измерить. Ее же не видно.

Х а н с. Но она все-таки, наверное, есть там.

Таге глядит на свой живот.

Т а г е. Здесь где-то. *(Поет.)* Бе-бе, белый ягненок, у тебя есть шерсть? *(Широко улыбается Хансу.)*

Х а н с. Что еще?

Т а г е. Надо быть как ягненок. Ведь правда? Я буду считать ягнят.

Х а н с. Что, что?

Т а г е. Я буду считать ягнят. Нет, овец. Буду считать овец, а потом спать.

Х а н с. Зачем это?

Т а г е. А потом знаешь, как... как ее звали? Это сказка. Я вспомню. Подожди. Спящая красавица. Я буду спать, и придет... Это будет не принц там какой-нибудь. То есть не какой-то там «голубой». Это будет принцесса. И она меня поцелует, и я проснусь в каком-то другом мире.

Звонит телефон. Ханс быстро встает. Берет трубку.

Х а н с. Да, алло, Ханс... Да... Да, именно... Нет, он что-то забыл. Да, он опять здесь. Я позову его. Да, он, наверное, в туалете... Подождите, он подойдет. *(Кладет трубку. Быстро уходит через прихожую со сцены.)*

Мы слышим отчаянный стук в дверь.

Х а н с *(громко кричит за сценой)*. Твоя жена звонит! Твоя жена! Ты должен подойти!

Мы слышим, как открывается дверь.

С в е н *(за сценой)*. В чем дело?

Х а н с *(за сценой)*. Она на проводе.

Входит Свен, по пятам за ним Ханс. Свен закутан в простыню.

С в е н. Где телефон?

Ханс (указывает). Там.

Свен берет трубку.

Свен. Привет, дорогая... Нет, да ничего страшного. Да, я знаю, что должен был позвонить... Нет, но понимаешь, мы просто сидели и болтали, и время так быстро прошло... Да, мы просто болтали. Можешь спросить Ханса. Он действительно великолепный парень. Это было очень интересно... Да, можешь поговорить с ним. *(Закрывает трубку рукой.)* Ты должен поговорить с ней, Ханс. *(Передает трубку Хансу.)*

Ханс. Да, это Ханс... Да нет, мы разговаривали... Да, я думал, он ушел. А он не ушел. Вот и все.

Теперь встает Таге и идет к Свену, который с ужасом смотрит на него.

Таге. Это мне чудится?

Ханс. Да, пожалуйста. *(Передает трубку Свену.)*

Свен. Да, дорогая. Слышала теперь, да?.. Ага. *(Хансу, одновременно закрывая трубку рукой.)* Она опять хочет поговорить с тобой. Она такого обо мне напридумывала...

Ханс берет трубку.

Ханс. Да, алло, это опять я...

Таге *(трогая простыню, в которую закутан Свен)*. Ты теперь еще и привидение?

Свен. Ш-ш-ш-ш-ш!

Ханс. Да, честно говоря, вы, вообще-то, правы... Да, это верно. Он действительно был с моей девушкой. Он не совсем нормален. Да, пожалуйста. *(Дает трубку Свену.)*

Свен *(Хансу, возмущенно)*. Что ты наговорил? *(Берет трубку.)* Дорогая... Да, да... Нет, это неправда... Да, но это так... Он просто странный... Да, да. *(Вдруг начинает плакать.)* Нет, это не так. Ну вот, даже расплакался. Плачу. И только потому, что ты думаешь, будто... Да-а...

В это время Таге снова вынимает свой нож, гладит лезвие. Свен смотрит на Таге.

Свен. Мне надо идти, дорогая. Я кладу трубку. *(Кладет трубку,*

разражается бурным плачем. Сквозь плач.) Что она подумает, моя дорогая малышка?

Т а г е. Меня тянет кого-нибудь укокошить.

Входит Анна в блузке и колготках.

А н н а. Что происходит?

Свен отходит к ней.

С в е н. Он сумасшедший.

А н н а. Убери нож!

Т а г е. Он умрет!

Х а н с. Спрячь нож, Таге.

Т а г е. Умрет, понимаешь.

С в е н. Я уйду. Убери нож. *(Свен уже в прихожей.)* Я должен сначала одеться.

Т а г е *(кричит)*. Ну тогда ты уже покойник!

Свен опрометью выбегает в простыне, исчезает со сцены. Наружная дверь открывается и закрывается. Остальные находятся в прихожей.

А н н а. Он же должен одеться.

Т а г е. **Одеться! У него есть одежда?!**

Х а н с. Ты не в себе, Таге. Тебе надо успокоиться.

Страшно разгорячившийся, ошалевший Таге поворачивается, вбегают в гостиную.

Т а г е. **У него есть одежда?! Он умрет! Что ты сказала?! У него есть одежда?!** *(Снова выбегает, исчезает со сцены, наружная дверь открывается.)*

Ханс бежит за ним, исчезает со сцены. Проходит несколько секунд: Анна стоит в прихожей. Потом слышно, как дверь снова закрывается. Входит Ханс.

Х а н с. Он исчез.

А н н а. Может, теперь он все-таки умрет.

Х а н с. Кто он?

А н н а. Твой и.о.

Х а н с. Может быть.

Ханс и Анна входят в гостиную.

А н н а. Странный вечер.

Ханс садится на диван.

Х а н с. И как это было?

А н н а. Что ты имеешь в виду?

Ханс берет бутылку из-под виски и бьет ею по столу так, что стекла летят во все стороны.

Х а н с. Как это было?

А н н а. Ты имеешь в виду со Свенном?

Х а н с. Да.

А н н а. Как теплый, безветренный летний вечер. (*Садится на диван рядом с Хансом.*) Знаешь что, Ханс?

Х а н с. Нет.

А н н а. Теперь мы можем продолжить исповедь.

Х а н с. У тебя появилось, в чем исповедаться?

А н н а. Да.

Ханс кладет на стол горлышко от бутылки, смотрит на Анну.

Х а н с. Это тяжкий грех?

А н н а. Да, я тебе его покажу. (*Встает.*) Пойдем, я покажу тебе его физически.

Х а н с. Что ты хочешь сказать, дитя мое?

А н н а. Пойдем. (*Гасит лампы и выключает стерео. Ханс встает.*) Пойдем, отче. Сейчас увидишь.

Они покидают гостиную и сцену.

ДРАМАТУРГИЯ ШВЕДСКОЙ СЕМЬИ

У современной шведской драматургии, посвятившей себя разработке семейной темы, есть два великих предшественника – Август Стриндберг и Ингмар Бергман. У Стриндберга семья – эта та сценическая площадка, где все начинается и куда все возвращается, неважно, идет ли речь об истории или современности, о социальном конфликте или конфликте внутрличностном. У Бергмана семейный миф выходит на первый план лишь в его более поздних произведениях – «Сценах из семейной жизни» и автобиографической прозе, но и в фильмах, ставших теперь классическими, этот миф работает как скрытый генератор.

Настоящая подборка современных шведских пьес открывается пьесой Пера Улова Энквиста (род. в 1934 г.) о Стриндберге «Ночь трибад». В центре ее конфликт между мужем и женой. Мужчина, преследуемый желанием власти и подозрениями в собственной ущербности, вступает в схватку с женщиной, в свою очередь преследуемой ожиданиями окружения и собственным стремлением к свободе – и в этой схватке оба проигрывают. И здесь, и в своих более поздних пьесах – например, «Из жизни дождевых червей» (1981) и «Магических круг» (1994), Энквист использует принцип вольной интерпретации исторических материалов, балансируя на грани между вымыслом и документом.

Ларс Нурен (род. в 1944 г.) был рано признан одним из самых выдающихся поэтов своего поколения – он поразил читателя точностью поэтического языка, насыщенного жестокими образами–галлоцинами. Как драматург Нурен сегодня достиг мировой известности. Он написал более сорока пьес, которые играют во многих странах мира. В переводе характерные для Нурена эллиптическое построение диалога и филигранные недоразумения, возникающие по ходу обмена репликами – в чем угадываются и Стриндберг, и Чехов, – порой стираются, поэтому драматург незаслуженно предстает в роли хроникера семейных трагедий в духе О'Нила. Однако в пьесе «Осень и зима» (1989), по моему мнению, русский читатель сумеет открыть для себя ту абсурдную, жестокую поэзию, которая выводит тексты Нурена за рамки любых натуралистических иллюзий о возможности понимать и контролировать действительность.

Идея о том, что действительность постижима и поддается, «управлению», является центральной в мировоззрении, присущем шведской модели общества. Стоит лишь развязать экзистенциальные проблемы на

достаточно мелкие части, и с ними вполне можно справиться – с помощью надзора, информации, образования. Но подобная просвещенная утопия приводит к тому, что метафизические вопросы, – вопросы смерти, зла, несчастья – тем самым словно бы лишаются своего значения и права на существование, уходят в глубины социального подсознательного. Некоторое представление об этом подсознательном дал миру в своих фильмах Ингмар Бергман.

После выхода (1973) «Сцен из семейной жизни» семейная тематика надолго стала доминирующей в шведской драматургии. И не потому, что Бергман создал некую моду, а потому, что «семья» в Швеции в 1980–х годах начала обозначать нечто более широкое, чем родственные связи. Когда и у писателей, и у публики угас жгучий интерес к политике, а политический анализ был в многих случаях заменен психоанализом, семья и дом превратились в сцену неразрешимых социальных и межличностных конфликтов.

В творческом пути Агнеты Плейель – от политически ангажированного литературного критика до популярного драматурга и романиста, поднимающего моральные проблемы, сфокусированы изменения, произошедшие в последние годы со шведской интеллигенцией. Ее пьеса «Летними вечерами» (1984) является своеобразной энциклопедией тем, которые разрабатывает новая шведская семейная драматургия – конфликты поколений, верность и обман, гибель утопий.

Маргарета Гарпе (род. 1944 г.) приобрела известность как писательница феминистского направления и как кино- и телережиссер. Первый успех Гарпе-драматургу принесла ее пьеса «К Юлии», рассказывающая о конфликте актрисы со своей взрослой дочерью, пьеса, поставленная самим автором на сцене «Драматена» с Биби Андерссон в главной роли. Основная тема пьесы «Все дни, все ночи» (1992) – конфликт поколений, или, скорее, типичный для сегодняшней Швеции разрыв связей между поколениями. Психология, обрисовка характеров, окружающая обстановка – все ведет к травматическому осознанию банальнейшего явления, которое никакой общественный порядок изменить не в силах: время остановить нельзя.

Несмотря на постоянное присутствие Стриндберга в шведском театре, современная драматургия все же больше тяготеет к англо-американской традиции, чем к французской или немецкой. Конечно, произведения абсурдистов Ионеско и Беккета переведены и представлены на шведской сцене, как и тексты Кольтэ и Перэка, Хайнера Мюллера и Бото

Штраусса, но эти тексты оставили на удивление слабый след в шведской драматургии. Однако в творчестве писателей более молодого поколения – например, Барбру Смедс (род. в 1950 г.) и Стига Ларссона (род. в 1955 г.) – что-то уже начинает меняться. Здесь мы слышим иную интонацию, в которой жестокость и ирония, присущая Нурену, усиливаются, но в то же время перемещаются из диалогов персонажей в авторскую позицию. В пьесе Барбру Смедс «Любовное действо», ситуации резко сокращены и урезаны. В ее более поздних пьесах диалог представляет собой чуть ли не гротескную мозаику из фрагментов языковых и социальных клише современной урбанистической Швеции.

Плодовитый Стиг Ларссон среди писателей своего поколения – дарование будоражащее: он пишет стихи, романы, пьесы, киносценарии, ставит фильмы, телевизионные и театральные спектакли по собственным произведениям. Ларссон – хладнокровный и расчетливый провокатор: он никогда не дает ответа на вопрос – сам ли автор циничен и аморален, или же цинизм и аморальность выведены только затем, чтобы заставить зрителя определить свое к ним отношение. «И.О.» (1987) за короткое время стала классической пьесой о том, что способно сотворить зло – пусть и одетое в костюм банальности, когда оно заявляется в шведский дом.

Общество, проглядывающее в произведениях данного сборника, пожалуй, можно определить следующей формулой: «семья – это общественное бытие минус метафизика и политика». Социологи утверждают, что старая, фальшивая, сплоченная семья – в отличие от других ее форм, снабженных дополнительным определением «семья–ячейка» – в настоящее время вымирает. Судя по эмоциональной заряженности текстов, пишущихся в час прощания, шведская семья вобрала себя большой заряд социальной энергии, который в других обществах гасится церковью или политической системой. Собранные в этой книге пьесы представительны в той мере, в какой они являются слепком с мифов шведов о самих себе.

Ларс Клеберг

Перевод со шведского А. Афиногеновой

**ВСЕ ДНИ,
ВСЕ НОЧИ
СОВРЕМЕННАЯ
ШВЕДСКАЯ
ПЬЕСА**

Редактор *А. Афиногенова*
Художник *А. Верцайзер*
Технический редактор *Н. Карпушкина*
Корректор *Н. Лаховская*
Компьютерный набор и верстка *Л. Ланцовой*

ТОО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626 а/я 55
Тел. (095) 194-99-70

Формат 70x108/32. Гарнитура Таймс.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Московской типографии «Наука».
Зак. 1309

В издательстве «Новое литературное обозрение» в 1997 году
выходит из печати:

В. Мери

МАННЕРГЕЙМ – МАРШАЛ ФИНЛЯНДИИ.

Пер. со шведского.

Первая биография на русском языке Карла Густава Маннергейма (1867-1951) – выдающегося финского военного и государственного деятеля, президента республики Финляндия, главнокомандующего в трех войнах, исследователя и путешественника, законодателя этикета и моды, писателя. Автор стремится за фасадом статуи этой замечательной личности увидеть прежде всего живого человека, проследить перипетии его судьбы в самые бурные для истории 20-го столетия годы.

